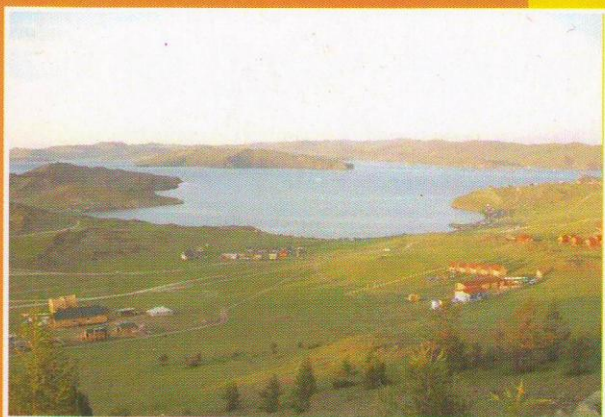
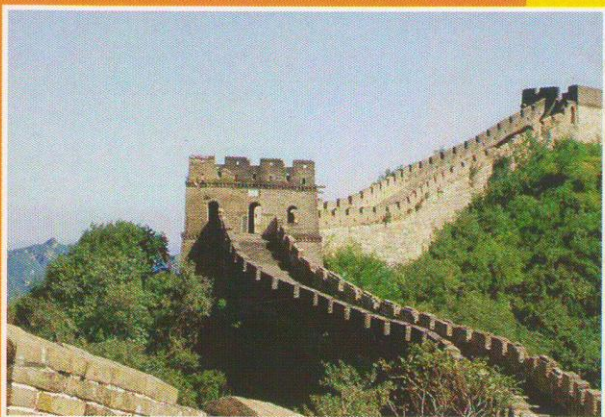

***СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
В РОССИИ, МОНГОЛИИ,
КИТАЕ И ЯПОНИИ - II***

*Материалы международной научной
конференции студентов и аспирантов*

г. Улан-Удэ 16 апреля 2010 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БАЙКАЛЬСКИЙ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Центр стратегических востоковедных исследований
Юридический факультет

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В РОССИИ,
МОНГОЛИИ, КИТАЕ И ЯПОНИИ-II**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ
16 апреля 2010 г.

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2010

УДК 340.1 (470+517.3+510+520)

C75

Научный редактор

Ю.П. Гармаев, доктор юридических наук

Ответственный редактор

А.Ф. Онуфриенко, кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия

Д.К. Чимитова, д-р ист. наук, проф., **Лян Миньянь (КНР)**, д-р юр. наук,
Э.Л. Раднаева, канд. юр. наук, доц., **Ю.Г. Хамнуев**, канд. юр. наук, доц.,
Т.И. Эрхитуева, канд. юр. наук, **О.Б. Бальчиндоржиева**, канд. филос. наук,
Д.Л. Баяртуева, канд. филос. наук, **А.Э. Гармаева**, канд. филол. наук, **А.В. Белоусов**,
Л.П. Гомбоева, **А.Г. Тышкенова**, **С.В. Цыреторов**

C75

Сравнительное правоведение в России, Монголии, Китае и Японии-II: материалы международной научной конференции студентов и аспирантов (16 апреля 2010 г.) – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2010. – 220 с.
ISBN 978-5-9793-0287-4

В настоящий сборник вошли статьи студентов и аспирантов вузов России, КНР, Индии, Монголии, Украины, Японии, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам сравнительного правоведения стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Сборник предназначен для ученых, преподавателей вузов, аспирантов и студентов, а также для широкого круга читателей, интересующихся сравнительным правоведением и международным сотрудничеством в сфере юриспруденции.

Comparative law in Russia, Mongolia, China and Japan-II: the materials of international scientific conference of students and aspirants (The 16th of April, 2010). - Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2010. - 220 p.
ISBN 978-5-9793-0287-4

This collection of works includes the articles of students and post-graduate students from Russia, China, India, Mongolia, Ukraine, Japan, presents theoretical and practical problems of comparative jurisprudence in the Asia-Pacific region.

It is addressed to scientists, teachers, graduates and students, as well as for the broad audience of readers interested in the comparative jurisprudence and international cooperation in legal area.

ISBN 978-5-9793-0287-4

© Коллектив авторов, 2010.

© Центр стратегических востоковедных исследований
Бурятского государственного университета, 2010.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вряд ли для кого-то в мире остается секретом то обстоятельство, что именно к Азиатско-Тихоокеанскому региону переходит эстафета лидерства в мировой экономике, а во многом и в политике. 60% мирового промышленного производства, около половины мировой торговли, стабильные, значительно превышающие среднемировые темпы роста ВВП – все это давно привлекает внимание к АТР как на уровне межгосударственных отношений, так и на уровне общественных связей, межкультурных коммуникаций.

Широкий спектр областей сотрудничества России со странами АТР требует целенаправленного научного исследования процессов, происходящих в сопредельных государствах, в том числе, на региональном уровне. Очень важным является укрепление правовой базы отношений. Успех политического, торгово-экономического, культурного взаимодействия между странами и народами во многом предопределяется тем, насколько хорошо разработана правовая база сотрудничества. Чрезвычайно важно то, как глубоко мы понимаем особенности права соседних государств АТР, как оцениваем все различия, а особенно точки соприкосновения между нашими правовыми системами.

Вот почему сегодня сравнительное правоведение вступает в новый этап своего развития. Однако как-то так сложилось, что традиционными в России давно уже стали сравнительно-правовые исследования систем романо-германской и англосаксонской правовой семьи. Несколько меньше внимания уделено исламскому праву. Активно развиваются исследования в области обычного права народов России. К сожалению, сравнительно-правовые исследования азиатского права в России ведутся, но в незначительном объеме.

Восполнению этого пробела призвана служить ставшая уже ежегодной Международная научная конференция студентов и аспирантов. Это уникальное научное мероприятие является одним из проектов, инициированных лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР Центра стратегических востоковедных исследований БГУ (www.labatr.bsu.ru). Лаборатория самым тесным образом связана с юридическим факультетом БГУ, в стенах которого и силами которого она создана. Ее деятельность направлена, прежде всего, на расширение и укрепление международного правового сотрудничества между странами АТР как на уровне научных, образовательных учреждений, так и правоприменительных структур, органов власти и управления. Мы тесно сотрудничаем с целым рядом вузов России и зарубежья, в том числе с Байкальским экономико-правовым институтом, совместно с которым организована настоящая международная конференция.

Организаторы и участники конференции исходят из того, что все большее количество студентов и аспирантов в России и в странах-соседах осознает высокий уровень востребованности выпускников-юристов со знанием не только английского, но и китайского, монгольского, японского, корейского языков, знакомых с законодательством России и других стран АТР в сравнительно-правовом аспекте. Молодежь может и должна ориентироваться в своей профессиональной подготовке на Азию. И это может дать будущим юристам высокие гарантии успешного трудоустройства и блестящей карьеры. Именно поэтому интерес к Международной конференции резко вырос, а количество заявок на участие в ней превысило самые смелые прогнозы. В адрес оргкомитета поступили заявки на участие из Индии, КНР, Монголии, Украины, Японии. Были приняты доклады из 16 городов России: Барнаула, Благовещенска, Владивостока, Владимира, Вологды, Иркутска, Москвы, Новосибирска, Саратова, Твери, Томска, Санкт-Петербурга, Саранска, Улан-Удэ, Хабаровска, Читы. Всего было заявлено 78 докладов.

На торжественном открытии конференции с приветственным словом выступили: проректор БГУ, к.хим.н., доц. И. С. Батуева, вице-консул Генерального консульства Монголии в г. Улан-Удэ Алиасурэн Энхбаяр, д.юрид.н., проф. Чаньчуньского государственного политехнического университета КНР Лян Минь Янь, декан юридического факультета (ЮФ) БГУ д.ист.н., Д. К. Чимитова, директор Центра стратегических востоковедных исследований БГУ, д.ф.н., проф., Л.В. Шулунова.

На пленарном заседании с докладами выступили участники конференции из Китая (Сиань, Чаньчунь), Монголии (Улан-Батор), России (Иркутск, Москва, Улан-Удэ, Чита).

Затем конференция продолжила свою работу в двух секциях:

Секция №1. «Конституционно-правовые проблемы сравнительного правоправедения».

Ведущим секции выступил председатель Конституционного суда Республики Бурятия (РБ), к.юрид.н., доц., К.А. Будаев. В рабочий президиум секции, которому было поручено заслушать и оценить доклады молодых ученых, вошли: Вице-консул Генерального консульства Монголии в г. Улан-Удэ Алиасурэн Энхбаяр; д.юрид.н., проф. Чаньчуньского государственного политехнического университета КНР Лян Минь Янь; д.ф.н., проф., директор Центра стратегических востоковедных исследований БГУ Л.В. Шулунова; преп. кафедры конституционного и международного права ЮФ БГУ А.Г. Тышкенова; к.юрид.н., доц., зав. кафедрой теории и истории государства и права ЮФ БГУ Н.В. Шатуев; преп. кафедры конституционного и международного права ЮФ БГУ С.В. Дагангаров.

Секция № 2: «Уголовно-правовые и гражданско-правовые проблемы сравнительного правоправедения». Ведущим секции выступила к.юрид.н., доц., зав. кафедрой уголовного права и процесса ЮФ БГУ Э.Л. Раднаева. В рабочий президиум секции вошли: зам. декана ЮФ БЭПИ В.А. Юсупова; к.юрид.н., доц., Вице-президент адвокатской палаты РБ С.К. Бураева; к.юрид.н., зам. декана ЮФ БГУ Т.И. Эрхитуева; зам. директора по учебной работе юридического колледжа БГУ Л.П. Гомбоева; к.филос.н., ст.преподаватель кафедры философии БГУ О.Б. Бальчиндоржиева; и.о. зав. кафедрой гражданского права и процесса ЮФ БГУ Л.Ю. Балбанова; д.юрид.н., зав. лабораторией сравнительного правоправедения в странах АТР ЦСВИ БГУ Ю.П. Гармаев.

На заключительном пленарном заседании конференции были подведены итоги научного форума. Авторы лучших докладов по целому ряду номинаций были отмечены дипломами, благодарственными письмами и призами – комплектами редких изданий юридической литературы.

Мы гордимся молодыми учеными, показавшими глубокие знания в области сравнительного правоправедения в странах АТР, блестящие навыки публичных выступлений! Вот они – надежда и гордость юридической науки:

Лучшие доклады в пленарном заседании:

Диплом I степени – «Проблемы административного права современного Китая». Автор: Дамчиева Дулма Зориктуевна, студентка 2 курса Российского университета дружбы народов, г. Москва;

Диплом II степени – «Приобретение гражданства по рождению в Монголии и Российской Федерации». Автор: Мандухай Цэндсурэн, студентка 2 курса (г. Улан-Батор, Монголия);

Диплом III степени – «Политическое и экономическое развитие между Россией и Китаем». Автор: Юань Сюнь, студент 3 курса факультета русского языка Сианьского государственного университета иностранных языков, г. Сиань, КНР.

Лучшие доклады в секции «Конституционно-правовые проблемы сравнительного правоправедения»:

Диплом I степени – «Конституционно-правовой статус личности в Монголии и Российской Федерации». Автор: Бугаева Ринчина Игоревна, студентка 2 курса ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ;

Диплом II степени – «Сравнительное исследование органов исполнительной власти в Монголии и России». Автор: Тэгшжаргал Мөнхзул, студентка 2 курса (г. Улан-Батор, Монголия);

Диплом III степени – «Проблема имплементации решений комитета по правам человека ООН в Российской Федерации и Китайской Народной Республике». Автор: Ипатова Ксения Владимировна, студентка 3 курса ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ.

Лучшие доклады в секции «Уголовно-правовые и гражданско-правовые проблемы сравнительного правоправедения»:

Диплом I степени – «Способы противодействия коррупции в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (на примере опыта Японии, Южной Кореи и Сингапура)». Автор: Шагдырова Александра Батоевна, аспирант кафедры уголовного права и процесса ЮФ БГУ;

Диплом II степени – «Ответственность за экологические преступления по УК Монголии и России». Автор: Дамбаева Аюна Владимировна, студентка 5 курса юридического факультета Студентка 3 курса восточного факультета БГУ, г. Улан-Удэ;

Диплом III степени – «Сравнительно-правовой анализ организованной преступности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике». Автор: Шакирова Резеда Дамировна, студентка 5 курса Байкальского экономико-правового института, г. Улан-Удэ.

Но на этом перечень лучших из лучших не был исчерпан. По специальным критериям были отмечены следующие молодые ученые:

- Мартынов Александр Сергеевич, соискатель Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск. Благодарственное письмо Генерального консульства Монголии в г. Улан-Удэ вручено за глубокие знания и лучший доклад о законодательстве и правоприменительной практике Монголии. Тема доклада: «Система правового регулирования по перевозке грузов железнодорожным транспортом в России и Монголии».

- Савицкая Екатерина Игоревна, студентка 5 курса ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ. Благодарственное письмо Верховного суда Республики Бурятия вручено за глубокие знания и лучший доклад по вопросам организации и деятельности судов в странах АТР. Тема доклада: «Особенности судебных систем в странах Северо-Восточной Азии».

- Гармаев Доржи Юрьевич, студент 3 курса ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ. Благодарственное письмо Верховного суда Республики Бурятия вручено за глубокие знания и лучший доклад по вопросам цивилистики в странах АТР. Тема доклада: «Сравнительный анализ статуса индивидуального предпринимателя по законодательству КНР и РФ».

- Гулина Алена Витальевна, студентка 5 курса ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ. Благодарственное письмо Верховного суда Республики Бурятия вручено за глубокие знания и лучший доклад по вопросам борьбы с преступностью в странах АТР. Тема доклада: «Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков по законодательству России и Монголии».

Цыденжапова Ирина Игоревна, студентка 1 курса ЮФ БГУ, г. Улан-Удэ. Благодарственное письмо Конституционного суда Республики Бурятия вручено за глубокие знания и лучший доклад по вопросам конституционно-правового развития в странах АТР. Тема доклада: «Судебная система России и Монголии: сравнительно-правовой анализ».

Номинь, студентка 1 курса (г. Хайлар, КНР). Благодарственное письмо Адвокатской палаты Республики Бурятия вручено за глубокие знания и лучший доклад по вопросам защиты прав человека в странах АТР. Тема доклада: «Общество по охране окружающей среды в КНР».

- Бянкина Анна Михайловна, аспирантка Хабаровской академии экономики и права, г. Хабаровск. Тема доклада: «Сравнительно-правовой анализ использования международного права как источника права в России и Монголии», а так же - Шкедова Лидия Юрьевна, студентка 3 курса восточного факультета БГУ, г. Улан-Удэ. Тема доклада: «Восточная Сибирь и Дальний Восток в контексте проблемы незаконных лесозаготовок и незаконной торговли древесиной с Китаем». Благодарственные письма Центра стратегических востоковедных исследований БГУ вручены им за глубокие знания и лучшие доклады по вопросам международного сотрудничества между странами АТР.

Помимо этого каждому участнику конференции был вручен сертификат, подтверждающий участие в научном форуме, а так же уникальное учебно-практическое пособие: Руководство для следователя и его помощника, практиканта / коллектив авторов под общ. ред. Ю. П. Гармаева. – 2010.

Богатой и разнообразной была и культурная программа конференции. Для участников и гостей был организован экскурсия по г. Улан-Удэ, посещение Иволгинского дацана (буддистский храм – центр традиционной буддистской сангхи (общины) России) и этнографического музея.

Организаторы и члены президиумов конференции, все участники научного форума отметили высокий научно-теоретический уровень и прикладную значимость большинства докладов, заслушанных на пленарном и секционных заседаниях, хорошие навыки публичных выступлений, проявленные выступавшими. Отмечена обширная «география» и качественный состав участников конференции, представленный молодыми специалистами в области сравнительного правоведения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Доклады свидетельствует об исследовательских навыках будущих специалистов, об их достаточно высоких профессиональных качествах, широте научного кругозора и творческом потенциале. Следует отметить свежесть наблюдений, определенную смелость суждений и обоснованность выводов авторов большинства представленных работ. Глубокое удовлетворение организацией конференции выразили как докладчики, так и аудитория слушателей: состоялось

полезное общение, определяющее перспективы научной работы студентов и аспирантов в области сравнительного правоведения. Гости конференции выразили благодарность за теплый прием и благоприятные условия для плодотворной работы. Все участники научного форума сошлись во мнении о том, что сравнительно-правовые исследования в странах АТР необходимо продолжать, активизировать и популяризировать. По единодушному мнению конференция реализовала поставленные задачи.

Организаторы конференции выражают надежду, что предложенная молодым ученым возможность обмена мнениями, опытом исследований и установления творческих контактов с представителями других вузов России и стран АТР сформирует мощный стимул для дальнейшей плодотворной работы, будет содействовать укреплению дружбы и сотрудничества между странами региона.

* * * * *

Организаторы конференции выражают признательность Генконсульству Монголии в г. Улан-Удэ, Верховному суду РБ, Конституционному суду РБ, Адвокатской палате РБ и всем, кто помог в организации и проведении конференции!

*Заведующий лабораторией
сравнительного правоведения в странах АТР
Центра стратегических востоковедных исследований,
профессор кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета БГУ, доктор юридических наук
Ю.П. Гармаев*

I. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНЫХ СИСТЕМ В СТРАНАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ*

Савицкая Е.И.
Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ

Судебные системы государств Северо-Восточной Азии – КНР, Китайской Республики (Тайвань), Республики Корея, КНДР – имеют индивидуальные особенности, которые обусловлены природой государственной власти в каждой стране, спецификой функционирования государственных механизмов и особенностями национальных идеологий, характеризующих политическую роль правосудия. В каждой из стран Северо-Восточной Азии судебная система представляет собой совокупность судов, функционирующих в системе определенной иерархичности, целенаправленно осуществляющих правосудие и дифференцированных по предметам ведения и другим основаниям.

Китайская Народная Республика. В Китае существуют общие и специальные суды. К общим относятся Верховный народный суд, а также местные народные суды 3 ступеней – высшей, средней и первичной [1]. КНР – республика советского типа. Отступление от принципа разделения властей привело к усилению функций исполнительных и распорядительных органов, принижению роли судебной власти, ее зависимому положению, влекущему за собой развитие авторитарности в управлении государством, принижению роли личности и незащищенности прав и свобод граждан [3, С. 34].

Верховный народный суд формируется высшими органами государственной власти: Председателя суда избирает Всекитайское собрание народных представителей (далее – ВСНП), а членов суда – Постоянный комитет ВСНП. Верховный народный суд осуществляет судебный контроль над деятельностью общих и специальных судов. Он учреждает Палату по уголовным делам, Палату по гражданским делам, Палату по экономическим делам, Палату по административным делам и др. Верховный суд не пользуется независимостью в качестве особой ветви государственной власти: он несет ответственность перед ВСНП, которое вправе в любое время изменить его состав. Первичное звено местных народных судов формируется гражданами путем выборов, другие местные суды избираются местными органами. Судьи местных судов не пользуются несменяемостью и независимостью: они несут ответственность перед местными представительными органами и их постоянными комитетами [4, С. 12].

Кроме общих, в КНР учреждаются следующие виды судов: военный, морской, суд железнодорожного транспорта, суд лесного хозяйства, суд сельского хозяйства и целинных земель, суд нефтяной отрасли и другие специализированные народные суды. Специализированные народные суды являются частью института народных судов. Они создаются для рассмотрения дел определенных ведомств и в определенной сфере, а местные народные суды учреждаются в соответствии с административно-территориальным делением. От местных народных судов они отличаются по подведомственности, порядку образования, а также назначению и смещению кадров. Основной массив дел специальных судов связан с административной и арбитражной юрисдикцией. Они принимают жалобы на нарушение администрацией прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Китайская Республика (Тайвань). Судебный юань - высший орган судебной власти Китайской Республики. В его структуру входит Совет великих судей. Судьи Судебного юаня назначаются Президентом Китайской Республики. Судебный юань управляет государственной судебной системой, в его прерогативы входят все гражданские, уголовные и административные дела, в том числе связанные с дисциплинарными нарушениями должностных лиц. Юань возглавляет председатель и его заместитель; в его состав входят от 15 до 17 высших судей, назначенных Президентом КР с согласия Национального собрания и образующих «Совет великих

* Доклад отмечен благодарственным письмом Верховного суда Республики Бурятия за глубокие знания и лучший доклад по вопросам организации и деятельности судов в странах АТР.

судей». Последний имеет право толковать Конституцию, законы и подзаконные акты, осуществляет функции конституционного контроля. Структура судебной системы Китайской Республики на Тайване состоит из трех основных уровней: центральный уровень представлен Судебным юанем; провинциальный уровень, состоящий из судов провинций Тайвань и Фуцзянь, а также судов городов Тайбэя и Гаосюна; уездный городской уровень, состоящий из 2 прибрежных уездных, 16 уездных и 5 городских провинциального подчинения судов.

В Китайской Республике существует высший орган государственной экспертизы – Экзаменационный юань. Он наблюдает за всеми связанными с экзаменационной экспертизой вопросами. Экзаменационный юань имеет следующие направления деятельности: проводит экзамены правительственных служащих; выдает свидетельства о квалификациях государственных служащих и др. Существование самостоятельного экзаменационного ответвления государственной власти обуславливается двумя причинами. Во-первых, потребностью эффективного обеспечения субъективного конституционного права на осуществление государственной службы любыми гражданами Китайской Республики. Во-вторых, необходимостью практической поддержки предоставленного народу конституционного права на экзаменационную экспертизу лиц, осуществляющих государственное управление.

В качестве высшего наблюдательного органа государства выступает Контрольный юань, который обладает правами импичмента, цензуры, ревизии и проведения слушаний. Это квазисудебный орган, обладающий полномочиями конституционного контроля и надзора. Он работает с жалобами граждан на предмет нарушения их конституционных прав, выполняя тем самым роль своеобразного коллегиального омбудсмена (уполномоченного по правам человека). Кроме того, основная функция Контрольного юаня заключается в принятии решений об отстранении от должностей высших должностных лиц, включая Президента Китайской Республики, и передачу их под действие судов общей юрисдикции, возглавляемых Судебным юанем [5, С. 26].

Республика Корея. Судебная ветвь государственной власти представлена Верховным судом и системой судов общей юрисдикции, а также системой специализированных судов. Члены Верховного суда Республики Корея назначаются Президентом. Вместе с тем западная модель системы сдержек и противовесов нашла отражение и в вопросах формирования судебной системы Республики Корея. Так, например, Председатель Верховного суда Республики Корея назначается на должность только после утверждается Национальной ассамблеей.

Верховный суд рассматривает апелляции против решений судов более низкого уровня. Всего в Корее имеется 103 местных суда (примерный аналог российских районных судов), провинциальные и иные суды промежуточного уровня, а также специализированные суды (семейный суд, административный суд, военные трибуналы и т.п.) [2]. Многие считают, что Республика Корея слепо копирует систему отправления правосудия у Соединенных Штатов Америки. Однако это не так. В Корее подразумевается, что правосудие должно быть материальным. Это означает признание приоритета материального права над процессуальным. То есть результат правосудия должен быть важнее процесса, при известном ответственном отношении к процессу. Корею можно характеризовать как «родовое общество», которое цементируется фактом национального и исторического единства, подсознательным внутренним чувством, общим для всех корейцев. Система национального правосудия стремится, прежде всего, обеспечить защиту национального достоинства и национальной безопасности [5, С. 27].

Корейская Народно-Демократическая Республика. Правосудие в Северной Корее осуществляется Центральным судом, провинциальными (специальными) городскими судами, народными (специальными) судами. Рассмотрим каждый из них подробнее. Центральный суд – высшая судебная инстанция обжалования, занимает место на вершине системы судопроизводства. В специальных поселениях, находящимся непосредственно под подчинением центральной власти, предусмотрены специальные суды. Провинциальные суды служат как суды первой инстанции для гражданских и уголовных дел на промежуточном уровне. На самом низком уровне расположены народные суды, создаваемые в обычных городах, округах и городских районах. Специальные суды существуют для вооруженных сил и для служащих железной дороги и других транспортных сообщений. Военные суды имеют юрисдикцию по всем преступлениям, совершенным военнослужащими вооруженных сил или органов безопасности Министерства общественной безопасности. Транспортные суды имеют юрисдикцию по уголовным делам транспортных рабочих. Корейский морской арбитражный комитет рассматривает морские юридически значимые дела.

Судьи и народные налоговые чиновники, или судебные ассессоры, избираются органами государственной власти на их соответствующих уровнях. Ни юридическое образование, ни практический юридический опыт не требуются для занятия судебной должности [5, С. 28]. Таким образом, говоря о судебных системах стран Северо-Восточной Азии, можно сделать следующие выводы. Во всех рассмотренных странах функции по осуществлению правосудия в большей или меньшей степени сконцентрированы в особых звеньях государственных аппаратов (в судах). Судебная власть представлена обособленной группой взаимосвязанных государственных учреждений (в основном судов), организующих реализацию судьями юрисдикционных полномочий.

На специфику формирования и функционирования национальных судебных систем в странах Северо-Восточной Азии влияют наличие либо отсутствие конституционного регламентирования принципа разделения власти и выделения в ее структуре судебной власти. В конституциях государств КНР и КНДР принцип разделения властей не закреплен. Само понятие «судебная власть» фактически отсутствует в политическом и юридическом обиходе Китая. Оно не употребляется и в правовых актах КНР. Поэтому формально говорить о судебной власти как об особом ее элементе для данных стран не представляется возможным. КНР и КНДР являются республиками советского типа, и суды там функционируют как структурные звенья «работающих корпораций». В северокорейском судебном процессе органы судебного преследования функционируют как мощное оружие диктатуры пролетария, а в КНР – как средство обеспечения государственной политики. Самой необычной из рассматриваемых является судебная система Тайваня в сочетании с нетипичными видами элементов государственной власти, такими как Экзаменационный и Контрольный юани. Что касается судебной системы Республики Корея, то она имеет специфические признаки систем правосудия англо-американского образца.

Список источников:

1. Китайский информационный интернет-центр. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.china.com.cn/russian/65618.htm>
2. Ланьков А. Разделение властей в Республике Корея. [Электронный ресурс] // URL: <http://vestnik.tripod.com>
3. Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М.: Юрист, 1998.
4. Юровский А.В. Особенности судебной системы Китайской Народной Республики // Сибирский юридический вестник. - 2004. - № 4.
5. Юровский А.В. Особенности судебных систем в странах Северо-Восточной Азии // Российский судья. – 2009. - № 8.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА (на примере Южной Кореи и Сингапура)

Васюренко А.О., Гречковский И.П.
Институт международных отношений
Национального университета им. Тараса Шевченко
Украина, г. Киев*

Информационные технологии на сегодняшний день являются весьма действенным инструментом повышения эффективности работы государственного аппарата, снижения его непроизводительных расходов и укрепления авторитета в обществе за счет того, что происходящие в нем процессы становятся более прозрачными. Поэтому многие страны мира выстраивают сегодня новую модель государственного управления на принципах результативности и подотчётности обществу. В международной практике уже накоплен достаточный опыт (как положительный, так и отрицательный) по разработке и реализации этапов и проектов создания архитектуры «e-government». Сегодня не существует никакого единого шаблона, который мог бы отвечать всем условиям и решениям задачи формирования электронного правительства. Каждая

* **Научный руководитель:** Гармаев Юрий Петрович, д.юрисд.н., проф., зав. лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета.

страна располагает своим уникальным сочетанием обстоятельств, приоритетов и наличных ресурсов, которые могут использоваться при реализации данной задачи.

Если говорить об азиатской модели, то она опирается на специфический стиль управления - азиатский тип корпоративной культуры и многослойную систему государственного управления, организованного по принципу иерархической пирамиды. Азиатская модель с наибольшим успехом реализуется в Сингапуре и Южной Корее [3, С. 90-91]. Исследования и документально оформленные передовые практики различных стран позволяют предположить, что существуют три основных этапа в развитии электронного правительства. Первый – это построение коммуникаций или инфраструктуры, вторым является разработка контента или приложений, а третий – системы или интеграция [2].

В случае Республики Корея, этапы с 1 по 3 были завершены в 2007 г. Новые технологии, такие как широкополосная преобразующая сеть (Broadband Conversion Network) и повсеместные (вездесущие) технологии ведут к дальнейшему развитию (Этап 4). Эти новые разработки в области ИКТ рассматриваются в тенденции развития ИКТ для лидеров государственного управления. В большинстве случаев, каждому правительству следует дойти до 3 этапа в целях обеспечения единой службы для граждан. Затем может быть принята новая технология для улучшения качества услуг для граждан, если возникнет в этом необходимость.

Правительство Южной Кореи поставило цель сформировать модель «электронной демократии», делая основной акцент на удовлетворение информационных потребностей населения и внедрение информационно-коммуникационных технологий в систему культуры и образования. Для эффективного внедрения электронного правительства большое значение имеет продуманная стратегия. Стратегический план предусматривает «дорожную карту» для организации для того, чтобы перейти от нынешнего состояния к желаемому средне- и долгосрочному состоянию в перспективе. Процесс стратегического планирования состоит из пяти этапов. «Дорожная карта» электронного правительства Республики Корея выглядит так:

Шаг 1: анализ текущих условий. SWOT-анализ может применяться для определения внутренних и внешних факторов, которые являются благоприятными или неблагоприятными для достижения определенных целей электронного правительства. Аббревиатура SWOT образована из названий начальных букв: сильные стороны (**S**trengths), слабые стороны (**W**eaknesses), возможности (**O**pportunities) и угрозы (**T**hreats).

Шаг 2: четкое определение видения. Изложением видения является утверждение, которое формулирует то, какой хочет быть организация. Например, видение электронного правительства Республики Корея – стать «лучшим в мире открытым электронным правительством» посредством: увеличения онлайн-услуг государственных услуг до 85 процентов; быть в десятке лучших в мире по поддержке конкурентоспособности бизнеса; уменьшить количество посетителей заявителей в государственные учреждения до трех раз в год; поднять коэффициент использования программ электронного правительства до 60 процентов. [5, С. 5].

Шаг 3: детализировать видение до целей. Цели являются долгосрочными направлениями (от трех до пяти лет) или предназначениями на основе видения. Например, цели Республики Корея на национальном уровне следующие: построить демократию вместе с народом; построить общество сбалансированного социального роста; внести вклад в дело мира и процветания в Северо-Восточной Азии; достичь ВВП 20000 долларов на душу населения (эта цель была достигнута в 2007 г.). Целями электронного правительства Республики Корея являются: инновации в работе правительства; инновации в управлении информационными ресурсами; реформирование правовой системы.

Шаг 4: определить стратегии в соответствии с результатами SWOT-анализа и достичь указанных целей. Стратегии могут включать в себя конкретные управленческие задачи и меры для достижения определенных целей, установленных в «дорожной карте» электронного правительства.

Шаг 5: сформулировать конкретные и измеримые цели из стратегий. Цели (objectives) являются конечными результатами запланированной деятельности. Они должны быть конкретными и измеримыми утверждениями того, что должно быть достигнуто в определенные моменты.

В Сингапуре План создания электронного правительства осуществляется с 1980 года. В настоящее время ведется осуществление четвертого этапа, в ходе которого планируется расширение охвата и функциональности электронных сервисов, популяризация их возможностей среди населения, дальнейшее повышение координации деятельности структур государственного

управления. На ранних этапах была создана инфраструктура информационных технологий, расширен доступ к сети Интернет и электронных банков данных, проведена консолидация вычислительных ресурсов на базе общего центра обработки данных и сети государственных сервисов.

В табели о рангах глобальной ИТ-индустрии Сингапур заметно отстает не только от таких признанных лидеров, как Япония, но и от ряда других своих соседей по азиатско-тихоокеанскому региону – к примеру, Южной Кореи и Тайваня. Тем не менее, SingaporeONE не просто являет собой один из первых практически реализованных проектов, относящихся к разряду e-government, но и по совокупности всех возможных функционально-технологических параметров уступает на сегодняшний день одному лишь электронному правительству Канады [6, С. 110-111].

Только лишь вниманием к подъему общенациональной экономики деятельность сингапурских властей в направлении развития e-government, конечно же, не ограничивается. Государственные лидеры прекрасно отдают себе отчет в том, что для создания благоприятных условий осуществления авторитарного руководства населением им по нынешним меркам необходимо этому населению многое дать. Чтобы граждане соответствовали требованиям законопослушания, они должны испытывать заботу о себе со стороны правительства. И нельзя не отметить, что они эту заботу испытывают в полной мере. По результатам независимого международного исследования интернет-ресурсов и сервисов государственного уровня, проведенного в прошлом году американской организацией General Services Administration (GSA), сингапурский портал eCitizen Centre был признан «лучшим в мире образцом комплекса интегрированных правительственных услуг, предоставляемых широчайшим кругам населения целой страны».

Само название правительственного центра eCitizen (www.ecitizen.gov.sg), которое можно с равным основанием перевести и как «электронный гражданин», и как «каждый гражданин» (every citizen), наиболее полно отражает его целевое назначение. С помощью этого портала действительно каждый гражданин Сингапура может не только получить информацию о том или ином государственном ведомстве, но и совершить цикл жизненно необходимых операций, традиционно требующих больших временных затрат и многократного хождения по различным официальным инстанциям. Безусловным достоинством электронизации взаимоотношений гражданина с государственными органами является то, что клиенту высокоразвитого правительственного сайта совершенно не нужно знать ни о местонахождении того или иного учреждения, ни о режиме его работы, ни о «физической сущности» той операции, которую ему надлежит выполнить. Да и никаких специальных компьютерных знаний от него, в принципе, не требуется [9, С. 43-44].

Регистрация рождения, вопросы здравоохранения, образования, социального обеспечения, государственных обязанностей, правозащиты, организации бизнеса, налогообложения и т.п. являются узловыми точками портала eCitizen Centre, предлагающего посетителям информацию и услуги в интуитивно понятных терминах навигационной модели. Введена единая процедура прохождения информационных потоков по государственным учреждениям, поскольку многие вопросы являются межведомственными по порядку регулирования (например, регистрация предприятия требует заполнения множества дублирующих друг друга форм и осуществления согласовательных действий с различными государственными органами).

Однако навигация в целом построена по принципу «путешествия по жизни»: весь сервер разделен на девять «домов» (buildings) – бизнеса, обороны, образования, занятости, семьи, здравоохранения, жилья, правопорядка и транспорта, – расположенных вдоль символической сингапурской улицы. В «Доме Семьи» (Family building) можно, например, оформить брак или заполнить все необходимые документы для получения причитающихся социальных субсидий, а в «Доме Правопорядка» (Law and Order building) – подать полиции жалобу на нарушение соседями тишины в ночное время или получить юридическую справку. Каждый раздел сервера поддерживается тем или иным государственным ведомством.

Качество и доступность медицинского обслуживания граждан Сингапура тоже гарантируются государством. И несколько лет назад на острове была создана служба NetCare Internet Services, генеральной целью которой является «увеличение продолжительности полноценной жизни всех сингапурцев», а стратегической задачей – организация электронной системы интернет-доступа пациентов к любым медицинским услугам через единый шлюз. «В недалекой перспективе у нас будет создано общегосударственное подразделение электронного медицинского обслуживания, которое обеспечит гражданам максимально упрощенный доступ ко

всем без исключения услугам здравоохранения», – комментирует свою задачу директор NetCare Internet Services Джейсон Яп. При этом уже сейчас большинство больниц, лабораторий и радиологических центров Сингапура используют те или иные формы электронной системы ведения медицинских записей (Electronic Medical Record, EMR); однако все они предназначены для использования внутри одного учреждения.

Общей EMR-системы, обслуживающей сразу несколько медицинских центров, пока не существует. Еще одна сложность заключается в том, что надо довести электронную систему до дома каждого пациента, выполняя при этом все требования соблюдения врачебной тайны, предъявляемые как со стороны самих пациентов, так и со стороны медицинских учреждений. NetCare представляет собой небольшое бизнес-подразделение, основная задача которого – выяснить, какую роль сегодня должны играть электронные услуги в сфере здравоохранения. Поставленные перед этим подразделением цели предусматривают вовлечение пациентов в процесс оказания им медицинских услуг; создание более тесных отношений между провайдером услуг здравоохранения и пациентами; улучшение финансовых показателей; повышение экономической эффективности; повышение качества медицинских услуг [9, С. 50-51].

Анализируя выше изложенные факты, можно прийти к выводу, что использование ИКТ в сфере управления может привести к одному или более из следующих 4 ключевых изменений: улучшение качества и стандартов существующих продуктов управления и предоставляемых услуг; обеспечение новыми государственными услугами и продуктами граждан/пользователей; усиление участия граждан/пользователей в решении, какие продукты и государственные услуги должны быть обеспечены и каким образом; внести новые слои общества в сферу государственного управления, включая те, которые более склонны оставаться вне внимания, а именно бедные, неграмотные, с ограниченными физическими возможностями, мигранты и внутренне перемещенные лица.

Таким образом, электронное правительство не означает просто цифровизацию или автоматизацию существующих государственных услуг. Электронное правительство является инструментом необходимым для преобразования государственных услуг с целью предоставления более эффективного и однообразного качества всем слоям общества. Важно, что электронное правительство должно рассматриваться как политический процесс, который включает политических лидеров, граждан и их представителей для обеспечения добросовестного управления, осуществляя непрерывные реформы в процессах государственного управления. Но реформа управления – сравнительно более медленный процесс, и изменения могут произойти только через несколько дней, недель, или даже месяцев, поскольку это требует участия различных учреждений и проведения конституционных изменений. Следовательно, политическая воля – ключевой компонент электронного правительства, при существовании которого электронное правительство может значительно катализировать процессы реформ для достижения добросовестного управления.

Список источников:

1. Гутари И.С. Основные стратегии формирования электронного правительства // Технологии информационного общества. – СПб., 2003.
2. Слупицкая Н. Глазами потенциального электронного гражданина. Н. Слупицкая. – е. – №2 (26), февраль 2002.
3. Данг Хай Данг. Развитие информационных технологий в АСЕАН. Автореф. дис... к-та юрид. наук. - М., 2008.
4. Данг Хай Данг. Стратегия формирования электронного правительства на примере мировых лидеров. – Вестник научной информации ОМЭПИ ИЭ РАН, 2006. - № 3.
5. Дружинников В.И. Электронные правительства: причины возникновения и состояние развитости в странах мира. – М., 2005.
6. Дубов Д.В., Дубова С.В. Основы электронного урядования. - К., 2006.
7. Дятлов С.А. Электронное правительство: понятие, структура, функции. – М., 2006.
8. Малитиков Е.М. Электронное правительство — цивилизационная неизбежность /Е.М. Малитиков // Федеральная газета. — 2009. — № 1. — С. 4-5.
9. Станкевич Л.Т., Новоженина Н.О. Электронное правительство: теоретические модели и реальная практика. – СПб., 2003.

**ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АТР
И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Практически все российские и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что роль Азиатско-Тихоокеанского региона в мировой экономике и международных отношениях с каждым годом неизменно возрастает. Данные, полученные на основе экономического прогнозирования, позволяют сделать вывод о том, что происходит быстрое развитие большинства государств рассматриваемого региона. Вместе с тем, политическое будущее Азиатско-Тихоокеанской зоны не так оптимистично. Нельзя исключать неожиданных поворотов событий, способных вызвать долгосрочные изменения в системе и структуре международных отношений как в масштабах региона, так и, возможно, выходящих за его пределы. Подобно этому, еще пятнадцать лет назад вряд ли кто-нибудь мог предсказать распад Советского союза и последовавшего за этим кризиса во вновь образованных на территории бывшего СССР государствах.

Между тем указанные события привели к серьезным изменениям в расстановке сил и, как следствие, в самой политической ситуации в данном регионе, и, прежде всего, в его северо-восточной зоне. Важно отметить, что контуры тех перемен, которые повлек за собой крах СССР, определились еще далеко не полностью. До сих пор не получила своего окончательного оформления долгосрочная стратегическая линия взаимоотношений между Россией и странами АТР. Точно так же, как нет полной ясности относительно перспектив развития внутренней ситуации в самой РФ в ближайшие годы, так нет возможности со всей определенностью предсказать победу того или иного направления внешнеполитической активности в рассматриваемом регионе. Ясно одно: масштабы реального влияния России на процессы в АТР по сравнению с советским периодом не только существенно сократились, но и продолжают сокращаться.

У правительства Российской Федерации, в политических, деловых и научных кругах существуют различные, порой кардинальным образом противоречащие друг другу подходы к формированию российской политики на “восточном” направлении. В значительной мере это касается и курса в отношении государств Корейского полуострова. Одна группа политической и интеллектуальной элиты полагает необходимым и соответствующим интересам страны продолжение традиционного советского курса на поддержку, КНДР, хотя теперь, скорее, в неявной форме. Другая - выступает за ориентацию на преимущественное развитие отношений с Республикой Корея. Третья - полагает, что умелое лавирование между двумя корейскими государствами в наибольшей мере соответствует интересам России, укрепляет ее возможности оказывать оперативное воздействие на развитие ситуации на полуострове, а также способствует возрождению значимости российского присутствия в Северо-Восточной Азии.

Похоже, однако, что в обозримом будущем развитие как политических отношений в АТР, так и военно-стратегической обстановки в целом будет определяться, прежде всего, взаимодействием трех государств – Японии, США и Китая. Несовпадение национальных интересов и стратегическое соперничество между ними неоднократно проявлявшееся в прошлом и в настоящее время, находящееся в латентном состоянии может вновь привести к противостоянию. Такое противостояние, вызванное стремлением к получению регионального лидерства, проявляется в двусторонних отношениях между Китаем и США, Китаем и Японией, США и Японией, Японией и Россией.

Причем, если США пытаются взять на себя роль рулевого любого международно значимого процесса в самом регионе, будь то посредничество в переговорах или военные учения, то Япония скорее стремится действовать в качестве регионального представителя на международном уровне, используя АТР как ступеньку на пути к статусу не только мировой экономической, но и политической державы. При этом нельзя в перспективе исключать и превращения Японии в центр военной силы, особенно если напряженность на Корейском полуострове или в других районах Северо-Восточной Азии (включая российский Дальний Восток) выйдет за пределы нынешней сбалансированности.

* **Научный руководитель:** Гармаева Арюна Эрдынеевна, к.ф.н., научный сотрудник Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета.

Очевидно, что чем большее значение АТР будет приобретать в мировом балансе экономических и политических потенциалов, тем в большей степени взаимоотношения бывших, настоящих и будущих центров военной мощи, экономической силы, политического влияния в регионе не только будут сообщать дополнительный импульс ему самому, но и окажутся способными оказывать масштабное воздействие на международные процессы. Вместе с тем, принимая во внимание явные и скрытые противоречия между основными центрами силы в АТР, не следует все же переоценивать их способности радикальным образом изменить ситуацию в регионе.

Так, например, в среднесрочной перспективе, полагаем, нет оснований для серьезных перемен в нынешней модели отношений между Японией и США. Помимо оформленного Договором безопасности военно-политического партнерства, эти страны сцементированы и постоянно растущей экономической взаимозависимостью, что в целом пока не вступает в неразрешимые противоречия с интересами обеих сторон. В этом контексте резкое наращивание Японией своей военной мощи представляется возможным только в тех случаях, если США по той или иной причине сочтут необходимым и выгодным свернуть свое военное присутствие в регионе, или произойдет заметное усиление экспансионистского начала во внешнеполитическом курсе КНР. Однако и тот, и другой сценарий в настоящее время маловероятны.

Тем не менее, роль Китая в регионе будет неуклонно возрастать. В основе этого лежит, прежде всего, безусловно, успешное развитие китайской экономики в последние годы и ее огромный потенциал. По расчетам экспертов ООН, уже сейчас КНР занимает по объему ВВП третье место в мире (по китайским расчетам, ориентированным на получение внешней помощи в качестве развивающегося государства, - восьмое), но к 2010 г. опередит Японию, а к 2020 г. - догонит США. В случае реализации подобных прогнозов следует ожидать не просто постепенного усиления влияния Китая в Азиатско-тихоокеанском регионе, но превращения его в перспективе в политический фактор подлинно глобального масштаба.

В международных делах китайское руководство неизменно ориентируется только на собственные интересы, проводит весьма искусную политику, целенаправленно укрепляет свои позиции и влияние на международной арене. Поэтому уже сейчас многие государства АТР смотрят на КНР как на наиболее вероятного лидера. Предпосылки для выполнения этим государством такой роли вполне реальны. В частности, начинают вырисовываться контуры “единого Китая” - мощного государства, каким он способен стать после недавнего перехода под его юрисдикцию Гонконга и, хотя и крайне гипотетического, но также довольно часто упоминаемого возможного объединения КНР и Тайваня. Не следует упускать из виду и консолидирующую роль китайской диаспоры в странах Тихоокеанского региона, ряды которой постоянно пополняются за счет нелегальной эмиграции. Если же этот процесс будет легализован, то Китай способен “выбросить” в мир сразу до 60 млн. человек.

В обозримом будущем можно ожидать некоторых колебаний политической и военной роли Японии в регионе, которые, однако, вряд ли окажутся столь существенными, что повлекут за собой заметные сдвиги во взаимоотношениях Токио с государствами региона, включая и российско-японские отношения. Действительно, как показали события 1993-1994 гг., перемены в японской внутривнутриполитической жизни, в том числе утрата Либерально-демократической партией своего многолетнего лидерства, отнюдь не способствовали радикальным изменениям во внешней политике страны. Придя к власти, социал-демократы, вопреки своим же программным установкам, продолжили курс прежнего японского руководства. Неизменной осталась и его главная цель - добиться для Японии в мировой политической иерархии статуса, адекватного ее экономической роли. Последним веянием на этом направлении стала концепция “Евразийской дипломатии под углом зрения с Тихого океана”, с которой в июле 1997 г. выступил японский премьер-министр. В ней прямо отражены стремления Токио расширить горизонты своей внешнеполитической активности и распространить ее через азиатские страны и Россию на Европу, вплоть до Атлантики.

По сути дела, уже сделана заявка на начало соперничества с США на всем пространстве Евразии. Для создания его базы японское руководство фактически готово к пересмотру статей конституции, ограничивающих милитаризацию страны: уже принято решение об использовании воинских подразделений Японии за пределами ее территории, хотя речь идет пока только о миротворческих операциях; военный бюджет страны, оставаясь по-прежнему в пределах 1% ВВП, в абсолютных цифрах уступает только американскому; при супервысоком уровне технологий разработка и начало производства в самые короткие сроки современных видов вооружений для

японской экономики не являются проблемой. Кроме того, в целях приобретения веса на международной арене была начата и продолжается кампания за предоставление Японии места в Совете Безопасности ООН.

В перспективе продолжение этих и подобных усилий японской стороны способны привести к серьезным и, нельзя исключать, принципиальным изменениям в АТР. В случае успешной реализации всех планов Токио, уже в конце текущего - начале будущего века в Тихоокеанском регионе окончательно оформится амбициозная военная держава мирового уровня, что безусловно разрушит сложившийся здесь баланс сил. Во-первых, может коренным образом измениться характер японо-американского сотрудничества, когда Япония уже не удовлетворится подчиненной ролью в этом альянсе и будет решительно претендовать на равноправие с США. В этом случае неизбежны не только экономические, но и политические противоречия между двумя странами, что усилит их соперничество в мире в целом, а в АТР – особенно. Во-вторых, усиление Японии может стимулировать в странах региона, где еще сохранилась память о ее агрессии в ходе первой, второй мировой и корейской войн, стремление к объединению на антияпонских позициях. Вполне вероятно, что при дальнейшем ослаблении российского влияния в АТР, во главе этого движения может оказаться Китай.

Наконец, в-третьих, с учетом уже имеющихся российского, китайского, американского и растущего корейского военных потенциалов на Дальнем Востоке и на Тихом океане, наращивание Японией своей политической и военной мощи способно повысить милитаризованность региона до опасного уровня. И это при том, что существует достаточно поводов, в том числе территориальных претензий между государствами АТР, для начала вооруженных столкновений между ними. Таким образом, есть опасения в том, что в обозримом будущем этот район может стать очередным конфликтным очагом мирового масштаба. Эти условия приходится учитывать при анализе перспектив российско-корейских отношений.

На рубеже веков отношения между Российской Федерацией и обоими корейскими государствами будут определяться целым рядом новых моментов. С одной стороны, с окончанием холодной войны и началом демократических преобразований в России практически сошел на нет идеологический фактор российской внешней политики. Как следствие, исчезла необходимость своеобразного “вкусного” выбора между Сеулом и Пхеньяном, для российского руководства более реальной стала свобода внешнеполитического маневрирования на полуострове в соответствии со своими национальными интересами. Однако оборотной стороной этого процесса стала необходимость поиска сбалансированного подхода к развитию ситуации во взаимоотношениях двух корейских государств, что оказывается особенно сложным в условиях, когда в самой России пока нет четкого и разделяемого представителями различных политических сил представлений о том, в чем собственно эти интересы заключаются.

Также с окончанием “холодной войны” и ослаблением российских позиций на Дальнем Востоке обстановка на Корейском полуострове стала менее стабильной и контролируемой. Пока еще рано делать выводы о том, удастся ли США или другим странам региона заменить Советский Союз в плане влияния на руководство Северной Кореи как в контексте отношений Пхеньяна и Сеула, так и с точки зрения взаимодействий обоих государств с другими странами азиатско-тихоокеанского региона. В то же время, нельзя полностью исключать, что в своем стремлении укрепиться на стратегически важном направлении, те или иные участники политического процесса в регионе, в том числе и Россия, все чаще будут разыгрывать “корейскую карту”. В этом плане прежде всего обращает на себя внимание роль корейского фактора в современных и будущих отношениях в четырехугольнике США - Россия - Япония - Китай.

Важную роль в региональном развитии бесспорно будет играть ситуация в Северной Корее. После смерти Ким Ир Сена экспертами обсуждались две наиболее вероятные тенденции будущего развития КНДР, способные изменить соотношение сил в регионе. Первая - определенное ослабление тоталитарного режима и начало некоего “перестроечного” процесса. Вторая - продолжение или даже ужесточение прежнего курса внутри страны и на международной арене. Выбор направления во многом зависит и будет зависеть в ближайшее время как от пока еще не вполне оформившейся позиции (и влияния!) Ким Чен Ира, так и от соотношения сил различных группировок северокорейской военной и политической элиты.

Не следует полностью исключать и ту роль, которую Запад и соседи по Тихоокеанскому региону способны сыграть в окончательном оформлении внешнеполитического курса нынешнего руководства Северной Кореей. Если правящая верхушка Пхеньяна получит от Вашингтона и Сеула гарантии сохранения своих интересов и позиций в условиях смягчения внутреннего и его

внешнеполитической линии, а в перспективе - объединения двух корейских государств, то это может способствовать реализации первой из указанных выше тенденций. И наоборот, отсутствие какой-либо договоренности с упомянутыми выше внешними силами способно ужесточить режим в Пхеньяне.

Характер обстановки на Корейском полуострове во многом будет определяться также действенностью консолидирующих факторов, призванных стимулировать процесс объединения корейских государств в обозримом будущем. Пример Германии показывает, что стремление к национальному единению может оказаться преобладающим даже над социально-политическими различиями. Не случайно на Юге достаточно часто раздаются голоса против жесткой политики в отношении Северной Кореи как унижающей “единую корейскую нацию”, а также призывающие, вопреки давлению США, к непрерывному и терпеливому диалогу с Пхеньяном.

Таким образом, если руководству двух государств удастся найти такие пути объединения, которые на начальном этапе не затронут существо их режимов, то возможность движения к созданию в обозримом будущем единого корейского государства может стать вполне реальной. Сохранение на Севере жесткого режима, враждебного внешнему миру, но внутренне слабого, как бы “замкнутого на самого себя”, безусловно, является важнейшим тормозом на пути объединения двух корейских государств на национальной основе. Анализируя позицию на Корейском полуострове в целом, приходится признать, что почти полувековая вражда и выбор различных путей социально-политического развития не могли не оставить глубоких корней. Поэтому вряд ли можно ожидать скорого и единодушного преодоления напряженности и недоверия. Естественно предположить, что на фоне общего улучшения политического климата на полуострове, будут как откаты назад, так и прорывы в преодолении враждебности и определенного отчуждения. Однако столь же ожидаемым может быть и отсутствие резких поворотов в ситуации на Корейском полуострове.

При любом развитии событий на полуострове Россия, самоустранившись или будучи отстраненной от активного участия в процессе, уже очень скоро может столкнуться с появлением на ее восточных, слабо защищенных и удаленных от центра границах нового регионального центра силы. Тем самым будет предопределена окончательная утрата Россией реальных рычагов влияния на политику северокорейского руководства, толчок которой был дан как нарастанием кризисных явлений на российской дальневосточной периферии, так и в целом изменением стратегического курса на мировой арене после распада СССР.

Наконец, вполне объяснимо, что ослабление влияния Москвы на международном уровне подтолкнуло северокорейское руководство к прямому диалогу с Вашингтоном и к сложной, многоходовой игре вокруг ядерной программы, в том числе и к требованию определенных уступок за обещание не выходить из Договора о нераспространении ядерного оружия. Кроме того, не следует исключать, что утратой Россией своих позиций в Северной Корее может в любой момент воспользоваться Пекин, тем более, что на международном уровне его политика в отношении Пхеньяна оставалась неизменно лояльной. В этой связи вполне возможен новый альянс Китая и КНДР, которые имеют не только параллельные экономические, территориальные интересы и цели на российском Дальнем Востоке, но и реальные возможности для их достижения.

Вместе с тем, положительная тенденция к активизации отношений Российской Федерации с Южной Кореей еще не достигла оптимального уровня. Равноправному и взаимовыгодному партнерству в значительной мере препятствует российская задолженность Республике Корея. Тем более не приходится рассчитывать на продекларированные в Договоре 1991 г., но далекие от практического осуществления союзнические отношения Москвы и Сеула. Исходя из этого, и в интересах собственной безопасности в этом регионе, России ни в коем случае нельзя содействовать Пхеньяну в реализации его ядерной программы или в возможных попытках сорвать достигнутые соглашения.

В этом отношении российские интересы, по сути дела, совпадают с заявленными позициями других государств, в том числе находящихся или тяготеющих к АТР. Однако идея международной конференции по Корейскому полуострову в ближайшем будущем с позиций Москвы бесперспективна, поскольку России для отстаивания своих интересов еще предстоит не только попытаться восстановить утраченное влияние, но и просто сформулировать эти самые интересы. Конечно, в условиях нестабильности внутренней ситуации в самой России, а также существования экономических и, в меньшей степени, политических и социальных предпосылок для сепаратистских настроений на российском Дальнем Востоке, Москва может выбрать путь

дипломатического лавирования между Сеулом и Пхеньяном. Однако такая политика может обернуться сокращением позиций России, как на Севере, так и на Юге.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КНР И США¹

THE COMPARISON OF THE SUPERVISION OF LEGISLATION BETWEEN AMERICA AND CHINA

*Ву Вэй, Син Дунмин**

*Чаньчуньский государственный политехнический университет
Китай, г. Чаньчунь*

В данной статье проводится подробный сравнительно-правовой анализ органов законодательной власти двух таких крупных государств как КНР и США. Выявляются сходства и различия в вопросах правового регулирования законодательной власти в данных странах.

The administrative power endowed by the Constitution and the law is one of the most important powers. As the administrative power has a wide range of management areas, a broad discretion and a powerful safeguard from the country; therefore, it is not only related to the citizen and the corporation, but also easily abused. It is similar to the monster “Leviathan” written by the Hobbes, has deep-rooted bad habits. Thus, if we don't have a powerful supervision to the administrative power, it must cause bad influence on the protection of the right of the citizens. Because of this, how to supervise the administrative power and protect the citizen right has been concerned by more and more scholars.

Whether the Western countries studied the administrative jurisprudence earlier, or China researched later, are all considered the supervision of the administrative power. While the supervision of legislation is concerned badly. Our article is intended to study the comparison of the supervision of legislation between America and China in order to research how to control the administrative power.

Before studying the issue of the comparison of the supervision of legislation between America and China, we should clear one point, what is the supervision of legislation? In the administrative jurisprudence, the contents of the control of the administrative power include, the first one is the supervision of legislation, the second one is the supervision of the justice, the third one is the supervision of the procedure, the fourth one is the supervision of itself, while the so-called understanding of the supervision of the legislature. Next, we'll make a better comprehension for the supervision of legislation for the administrative power.

First of all, we come to introduce the system of the supervision of legislation of America with higher democratization and legalization. Congress is the America's legislature, so the Congress supervision is called the supervision of legislation. In this paper, we also comprehend the system of the supervision of legislation of America broadly. The supervision of legislation may be misunderstood as being controlled by law, but in fact the America's Congress supervision for the administrative power is not limited to the legal control. In addition to this, there are more instruments. Therefore, many researchers in the U. S. called the supervision of legislation to Congress supervision. Generally speaking, the Congress supervision for the administrative agencies include pre-control, supervision and inspection afterward. The control of the administrative agencies outside the administrative system and be equal to the court. But the scope of the congressional control is more than the court. The court can't control the administrative activities in advance, but a passive principle. While the Congress could have the pre-control and positive supervision. The Congress entrusted by the people granting the executive power and a huge of funding. This power and funding is not a piece of blank check exercised freely by the administrative agencies. The Congress has provided the purpose of the power and the plan should be exercised in advance. That is “what the administrative agencies should be done.” Providing the administrative activities' plan and purpose are not abstract ideals. It also includes whether the

¹ Перевод настоящей статьи на русский язык опубликован на сайте лаборатории сравнительного правоведения в странах АТР (www.labatr.bsui.ru).

* **Научный руководитель:** Лян Минь Янь, д.юр.н., проф. Чаньчуньского государственного политехнического университета.

administrative agencies take appropriate steps to complete these plans and objectives and abuse powers. The Congress can't be limited to make the law's execution. Last, the Congress must also check the result of the implementation of these policies and plans in order to formulate new laws. The congressional supervision of the Congressional oversight of the administration. Specifically, the characteristics of the Congress supervision as following:

Firstly, more pre-supervision. The America is Presidential. The Congress isn't responsible for the administrative department. While other Western countries are Cabinet systems, and the administrative department is responsible for the Parliament. The absence of Minister of the United States Congress to Congress and the Congress asked ministers accountability system, it has to impose the pre-supervision. The law enacted by the congress tends to make more detailed and specific provisions to control the administrative power. The Congress can modify and change the president's budget arbitrarily. The congress audit administrative agencies. In some point, before the executive authorities in the payment, the expenditure may not be recognized by the audit administration without the Audit administration's attitude. Besides these formal supervision advanced, there are some informal pre-control.

Secondly, supervised strictly. The extent of the supervision from the Congress is more than other Western countries. The reasons for this related separation of powers and check each other and the United States government and the organization of political parties. In the separation of powers under the principle of mutual constraints, the administrative department and the legislative branch competed in order to maintain its power. In the sixties and seventies of the last century. Because of its misunderstanding, the administrative department lost its prestige, the Congress dominated in the government. But with the perspective of modern social trends, the administrative functions become more and more complex and technology-based, the legislature lost its dominant position inevitably. The legislature had to grant the administrative powers broadly forced in the contemporary situation. The legislature's remedies are to strengthen the supervision of the administrative department to control the powers. In the Legislative Reorganization Act of Congress in 1946 and 1970, emphasized strengthening the supervision of administrative department. The main organs of the Congressional supervision of the administrative activities is the various committees of Congress. The committees make a regular investigations and hearings to the administrative departments.

Thirdly, there are many agencies and staff members for the supervision. In addition to some standing committees and temporary expert board organization, there are a few assistant agencies to help the congress exercise the control of the power.

After the supervision of the Congress of America, we come to introduce the supervision of legislation of China.

In China, the supervision of legislation means the people's Congresses at all levels of the supervision of the legality of the government activities. The People's Congress system is the China's fundamental political system and the core of the democracy. The NPC's function of the supervision reflected the degree of democracy in China directly. In the power system, the People's Congress supervision, fundamentally speaking, is the performance that the people are the masters. The People's Congress at all levels is elected by the people directly or indirectly. It exercises the state power entrusted by the people. Specifically, the National People's Congress of China of the supervision includes three respects: the right to understanding, disposition and sanction.

Firstly, the right to understanding. Supervision is checked by the supervisors on the sidelines. The supervision always didn't participate in the activities of the supervision. We should know the supervision fully. The understanding of the supervisor is the foundation and conditions for the supervisor to make treatment and sanctions. Therefore, the excise of the understanding has been stipulated in the law. As the understanding right requests the supervisors to provide information or circumstances of the mandatory obligations. Thus the right to understand them has a certain degree of supervision. The right to understanding usually includes these respects:

Firstly, listen to the work reports. The NPC and its standing Committee listen to the state organs' reports and thematic reports. This is a routine power of the NPC. Secondly, interpellation and inquiry. Interpellation means that the supervisions should answer the question from the representatives or members through due process. The representatives or members, according to the answers, achieve the purpose of the supervision. Thirdly, inspections an investigations. The inspection is the way that the representatives contact with the people and understand the society .The inspection is a kind of investigation, and is a kind of pursuing surveillance understanding power .The representative inspection

content ,mainly revolves the NPC conference , including the implementation situation of carrying out the NPC' s decision , and the people' s opinion and request .

Secondly, the right of disposal. Disposition is a logical process of supervision, is supervision of a substantive stage, a certain supervision by the NPC in the processing means to monitoring the effectiveness of performance to occur. Supervision by disposal of the following aspects: (1) to make all kinds of legally binding resolution, the resolution is an important power of the NPC; the NPC can make a variety of resolutions to realize their right of supervision. (2) Organize an investigation committee. Organizing an investigation committee for a specific case, is an important means which the NPC takes to supervise. It has the nature of understanding situation and the nature of dealing the case. After the investigation was finished, the investigation committee should report the survey results to the NPC. According to the report of investigation committee, the NPC can make the corresponding resolutions. The investigation has certain law enforceability, which creates formidable pressure on the surveillance. It enables the investigation committee to make its supervision become true. (3) Propose the criticism and accept the accusation. On behalf of the people' s benefit , the NPC' s representative and its standing committee members proposed criticism , opinion and suggestion to the work of “the government and two chambers ”,as well as NPC and its standing committee accept the citizens' appeal ,accusation and report of the state agency operators' behavior of illegal . The right of the NPC' s representative propose criticism, is a representative regular surveillance right. In NPC conference period, special time is left for the representative to raise their written criticism, the opinion and the suggestion. The law gives special protections to this kind of right .There are specific stipulations regarding this on constitution 75th and local constitutive law 29th.

Third, the power of sanction. The power of sanction is the final discretion of the NPC on the monitoring object of illegal acts or missions. It is the most stringent measure of the NPC, the performance of the supervision power of the NPC, the safeguards of the implementation of other supervision power of the NPC. The sanctions of the NPC are mainly as following: (1) Removal, dismissed. Removal is the way of the NPC to remove the leaders who have dereliction of duty or illegal acts. The scope of its removal is the scope of leaders of the national election. The removal does not need a reason to be against the law, whether the reason is very extensive, for example, illegal, dereliction of duty, even the dissatisfaction of the representative. It is what Marx called “master” may “at any time to replace” his “servant”. Dismissed, the way of the NPC to remove the members of its appointed scope. The reasons for dismissal case and removal case are the same, but the organs and objects of dismissal are different from removal. Removal is to the deputy leader of the government and the court, the Procurator ate. (2) Withdrawn. Withdrawn is the right of the NPC and its standing Committee to deal unconstitutional, illegal laws, regulations and other normative documents. According to the principle of democratic centralism and the principle of legal unity, the standing Committee' s decision, the laws and regulations of the local people' s congress and all levels of government must be consistent to the constitution, otherwise, the NPC and its standing Committee withdraw them.

In this aspect, the characteristics of NPC's supervisory authority as following:

First, legality. According to the supervisory content of the People's Congress, legality, considered as a comprehensive legal supervision, is the main characteristic. The key of supervision is guarantee national law' implementation and the supervisory action must be in accordance with statutory authority and procedures.

Secondly, ex-post. The NPC is characterized by ex-post and passive. The manifestation of ex-post means that the implementation of NPC's supervision is always afterwards processing. When supervision concerning the governmental administrative action afterwards the illegal activities appeared, NPC would take to appropriate supervision means in attempt to avoid excessive interference for governmental administrative action.

Thirdly, indirectness. The NPC's legal supervision and management is characterized by indirectness from the perspective of manners. Namely, when exercising the supervision rights, the NPC mainly or most possibly indirectly achieves the objective of supervision instead of direct correction and disposal of illegal activities.

Fourthly, authority. the NPC's legal supervision and management is more authoritative than administrative supervision, prosecutorial supervision as well as party discipline detection in the respect of effectiveness. We have mentioned that the NPC's legal supervision and management is characterized by indirectness, yet which does not mean it is hard for the NPC's supervision to have a role to play. As the highest organ of state power, the NPC exercises its supervision rights with the constitution and laws as its

shields on behalf of the will of Chinese people, which contributes to its wide supports from people and social media. The NPC's legal supervision and management is authoritative in that it is empowered to revoke illegal laws and regulations and dismiss government staff, while other supervision institutions take legal and disciplinary measures against state personnel.

Hereto, through the introduction for the legislative supervision system of USA and China with dissimilarity from state system and national conditions. It is existing for diverse supervision means for administrative actions in USA and China. Insisting on president is unreliable, American set up rigorous legislative supervision system to guarantee the administrative authority not to be misused, and the effects of supervision for government organization is emphasizing with advancing in reformation in China, striving to guarantee the right of people as the masters. Anyway, the fact of government's administration should be supervised is recognized in both of. As Montesquieu who was bourgeois ideologists and jurist point out: It's an everlasting experience that any people with powers are likely to abuse them. The people with powers won't use them until they encounter the limits. How to improve the supervision for administrative authority is the cosmopolitan and perpetual topic.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В КНР И РФ²

COMPARISON OF CHINESE AND RUSSIAN CONSTITUTIONAL SUPERVISION MECHANISM

Сун Хань*

*Чаньчуньский государственный политехнический университет
Китай, г. Чаньчунь*

Статья посвящена общей характеристике законодательной власти КНР и РФ. Проводится сравнительно-правовой анализ данной ветви органов государственной власти вышеупомянутых государств.

China and Russia are both world powers. Especially in recent years, two countries play a more important part in economic, political, and cultural aspects. Nowadays, under the global economy, the contact between the two countries is getting closer and closer. Today in China, in addition to other aspects of development, the influence of law is growing deeper and deeper. However, in order to improve all aspects of our law better, the law must be compared with ones of other countries in addition to the state's own development system and other factors.

Among the many types of law, the Constitution is the basic law in both countries. The constitution is the fundamental law of our country and it plays basic and guiding role in our country, any legislation should follow the Constitution. Therefore, monitoring cannot be ignored. Meanwhile, the Russian Constitutional Court is the most important institution in the country's constitutional supervision mechanism, and it has not only played an important role in the process of the establishment of the constitutional system in Russia, but also the embodiment of Russia's constitutional system. However, Chinese Constitution represents the interests of the working class, while Russian Constitution represents the interests of capitalism. So they are quite different essentially. They are comparable in specific details, that's what will be discussed specifically next. **II Russia's Constitutional Supervision.** Development of the Russian Constitutional Supervision is mainly in the following periods:

(A) The review system period of the highest authority of the Soviet Union

Almost in the entire period of the Soviet state, Soviet Union implements the review system of the highest authority. The highest organ of state power to help fulfill the functions of specific organs of constitutional review for the Standard, the review system period of the highest authority of the Soviet Union could be divided into four historical phases.

1, the Legislative Planning Department to help fulfill the functions of constitutional review stage. In 1918, the world's first socialist type of constitution, "the Constitution of the Russian Socialist Federal

² Перевод настоящей статьи на русский язык опубликован на сайте лаборатории сравнительного правоведения в странах АТР (www.labatr.bsu.ru).

* **Научный руководитель:** Лян Минь Янь, д.юр.н., проф. Чаньчуньского государственного политехнического университета.

Soviet Republic (basic law)," the highest organ of state power first review of the system. The Constitution provides that the highest organ of state power by a permanent body to oversee the implementation of the Constitution. In order to facilitate the implementation of the highest organ of state power functions of the permanent organs of constitutional review, the All-Russian Central Executive Committee of the Legislative Planning Department review of regulatory documents for specific constitutionality, and preliminary conclusions.

2, the Supreme Court or the Supreme Procuratorate to assist in fulfilling the functions of constitutional review stage

The "Constitution of the Union of Soviet Socialist Republics (basic law)" in 1924 further provides that the highest organ of state power by the permanent organ of the constitution to oversee the implementation. At that time, the highest organ of state power as a permanent organ of the Soviet Union, the Bureau of the Central Executive Committee has done a lot of work in the field of constitutional review.

3, both houses of the Supreme Soviet of the Standing Committee on Constitutional Review to help fulfill the functions of stage. 1936 Soviet Constitution and the Constitution of the Soviet Union entered into force during 1977, both houses of the Supreme Soviet of the USSR by the Standing Committee on Constitutional Review to help carry out the functions. 1977 Soviet Constitution, the Constitution in its first three on the basis of lessons learned to further improve the highest authority, the review system, it also provides more specific constitutional review process.

4, the Constitutional Oversight Committee stage to help perform the functions of Judicial Review. In 1988, the Supreme Soviet of the Soviet Union concluded its unconstitutional censorship of lessons learned, and learn from other socialist countries, the experience of Constitutional Review System, based on the Soviet Union in 1977 adopted a revised Constitution, the first supplementary law. The amendment to the constitution to add law to uphold the highest organ of state power in the review system, while the addition of a separate, specialized constitutional review body - the USSR Constitutional Supervision Committee. USSR Constitutional Supervision Committee either the highest organ of state power by the Soviet Union and its permanent organs of the commission, but also the motion of the Constitution according to their supervision.

(B) The review system period of the Russian Federation Constitutional Court. From the Soviet Union on the eve of now, the Russian Federation Constitutional Court to review the implementation of the system are. In 1993 the promulgation of the Constitution of the Russian Federation as a cutoff point, but also the Russian Federation Constitutional Court to review the historical development of the system is divided into two distinct phases: the Constitutional Court to review the initial establishment phase of the system and to further improve the phase of the review system.

1, the initial establishment phase of the Russian Federation Constitutional Court to review the system. The late Soviet Union, in order to further improve the state's unconstitutional censorship, Soviet jurists carried out two widely discussed. The first major discussion of the Soviet Union in 1977 during the constitutional drafting and national discussions carried out. The second debate was in the "Gorbachev reform" periods of time. Ten years ago, the reforms put forward ideas, but also because they are given to Mikhail Gorbachev, the Soviet Communist Party Central Committee headed by the support and implementation, including many who made the proposal on the establishment of the Constitutional Court.

To March 1990, the Soviet People's Congress adopted the Soviet Union in 1977 amended the Constitution to add a third method, namely, "the Soviet Union presidency on the establishment and modification of the Constitution Act to add the Soviet Union." The method for the first time confirmed the principle of separation of powers, and for the first time confirmed the principle of political pluralism and ideological diversity. The concept of the supremacy Soviet in people's minds gradually disappeared. In this situation, the constitutional supervision committee was formed of the Constitutional Court time is ripe. In 1990, the Constitutional Oversight Committee of the Soviet Union started the work. The countries of the Union republics followed suit, establishing their own special constitutional supervision organs. But they are a step forward to their special constitutional supervision organs known as the Constitutional Court. At that time the nature of the Constitutional Court is the highest judicial constitutional supervision.

2, the Russian Federation Constitutional Court to review the system to further improve the phase. In order to consolidate the victory of the bourgeois democratic revolution, the results confirm that the new national system, the Russian Federation in 1993 to the current constitution adopted by referendum on the form. Constitution of the Russian Federation completed the constitutional system from the socialist to the capitalist type of constitutional change.

In short, from the Soviet Union, the highest organ of state power during the review system, to the Constitutional Court to review the contemporary system, the Russian Federation to achieve a complete transformation of unconstitutional censorship. This process shows that the Russian Federation Constitutional Review System completed a thorough restructuring is not done overnight, but in all conditions have been the case, "and ran" to build up. The most important prerequisite and basis for the dramatic changes that the Soviet Union during the political, economic and social life changes and the accompanying constitutional amendment. In other words, what a country of unconstitutional censorship, after all, should depend on a country's national conditions, that a country's historical traditions, political system and legal structure. The world has never been universal Constitutional Review.

III The system of constitution supervisory in China. Our current 1982 Constitution is a constitution of socialism with Chinese characteristics, and also the best constitution since the founding of China. **(A) The Establishment of the System of Constitution Supervisory.** Looking at the development of history of constitution in China, China's system of the development of constitution supervisory and the interpretation have gone through several stages. The representative one is the 1954 Constitution in the first stage. According to the 1954 Constitution, NPC have the right to "supervise the implementation of the Constitution"; NPSC have the right to "interpret the law" and "repeal the resolutions and order contrary to the constitution, laws and decrees enacted by the State Department". Therefore, according to the spirit and content of the constitution, NPC and its Standing Committee have the right to supervise implementation of the constitution. It can be said that the Constitution established in 1954 established the system of constitution supervisory which represented the manifestation of legislative interpretation. But this constitution did not clearly defined the system of constitutional interpretation, and not formed a complete system of constitution supervisory.

It is represented by the Constitution of 1978 at the second stage. The Constitution of 1978, the National People's Congress owns the right to "supervise the implementation of the Constitution and laws"; the NPC Standing Committee have the right to "interpret the Constitution and laws, pass laws," and "change or revocation of provinces, autonomous regions, municipalities directly under the appropriate organs of state power resolution ". It can be clearly seen that there is an improvement by comparing the Constitution of 1978 established a constitutional interpretation of the system with the 1954 Constitution on the issue of constitutional interpretation. Therefore, we can say that the Constitution of 1978 established a form of constitutional interpretation as constitutional supervision system, but it did not separate the functions between the interpretation of the Constitution and the constitutional supervision, and indeed can not exercise that power.

It is represented by the Constitution of 1982 at the third stage. The Constitution of 1982 clearly stipulates that the NPC the right to "supervise enforcement of the Constitution", "alter or annul inappropriate decisions of the NPC Standing Committee." The NPC Standing Committee have the right to "interpret the Constitution to oversee enforcement of the Constitution"; the right to "interpret the law"; "remove the State Council formulated the Constitution and contrary to law and administrative regulations, decisions and orders"; "revocation of provinces, autonomous regions and municipalities with organs of state power of the Constitution, laws and administrative regulations, local regulations and conflict resolution." As can be seen from the above provisions, the Constitution of 1982 unconstitutional by the Constitutional right to interpret laws and regulations such systems and the revocation system combination has become more complete sense of unconstitutional censorship. However, the Constitution of 1982 still does not specify the NPC and its Standing Committee in violation of the Constitution and the laws of the revocation of the review. Therefore, Chinese current constitutional supervision system is still not perfect. First of all, the system of the Constitution supervisory should include review of constitutional rights and the avoidance legislation. It is difficult to resolve that the NPC and its Standing Committee on the unconstitutionality of legislation. the Constitution of the implementation of the two bodies included the Supervision of the NPC and its Standing Committee, but it cannot be the two institutions to monitor its own. Under the Constitution of the NPC and Standing Committee formulated the basic laws and laws enacted by the two levels are not being supervised. So, strictly speaking, constitutional supervision system in China actually has not really established.

(B) The status of the Constitutional Supervision. In conclusion, our present experience of China Constitution Supervisory and lessons learned based on the development of the new period of socialist construction of China needs, drawing on other countries the practice of the useful constitutional supervision. The constitutional supervision system in China made a new rule. So our system of Constitution supervision has been further developed and improved the constitution supervision system in

the following areas. It is clear that the constitution owns the status of the fundamental law and the supreme legal.

(C) Problems of Constitutional Supervision. Our system of Constitution supervision has been further improved. The constitutional construction of socialism with Chinese characteristics has made certain achievements. Chinese current Constitution stipulates that the NPC and its Standing Committee is responsible for overseeing the implementation of the Constitution of the specialized agencies, but the NPC and its Standing Committee are not full-time implementation of the constitutional supervision organs. Under the Constitution, the duties of NPC own as much as 15 terms and the NPC Standing Committee's duties own as much as 21 terms. Constitutional supervision is an authority in these terms. in the country's constitutional supervision system which is compared to other state organs, social organizations and individuals, the NPC and its Standing Committee is a constitutional supervision of specialized agencies. However, their legal status and authority for implementation of the constitution is not a full-time supervision and authority. In their supporting institutions, including the Legal Committee, the Constitution is not full-time supervision. Commission of Inquiry on specific issues not only in dealing with the unconstitutionality of the circumstances established. Therefore, the NPC and its Standing Committee are the specialized agencies of the Constitutional Supervision, but not full-time body. Specialized agencies are to be asked them to hand in dealing with constitutional supervision over constitutionality issues, rather than full-time authorities made them unable to concentrate time and energy to focus on the constitutional supervision.

IV The differences between the Russian federation and China's constitutional court supervision mechanism. **(A) The difference in the establishment of the constitution court.** Through the front Russian federal constitutional court operation practice of analysis, we find Russian federal constitutional court since its establishment, although since in the maintenance of Russian federal constitutional system, ensure the unity and territorial integrity and protect citizens' rights and freedom and play an important role, its also has more than ten years in the face of authority. Russian President Vladimir Putin, until "encirclement and suppression" campaigns to build the atmosphere, unconstitutional files to be change.. It can be said that the Russian federal constitutional court authoritative restore and revitalize, headed by the President with the powerful government Russian federal constitutional court operation practice shows that only with specific countries of the specific conditions of social transition and development stages of adapting to get the system of review of violating the progress and development. The example of Russian federal constitutional court is not a single experience; also give us the enlightenment and reference.

Compared with Russia, China's constitutional court without in Russia's constitutional court, but also have the constitution supervision mechanism, according to China's national condition, unsuited also establish as in Russia's constitutional court, the intent is: the first, "representative" supreme authority. China is a socialist country, is the system of people's congresses. The principle of democratic centralism is the state organ organization and activities of the basic principles. The National People's Congress and its standing committee in the current state of the highest organ organization system and the supreme status. Second, China's National People's Congress by the voters democratically elected representatives of the people, will and interests. By the National People's Congress and its standing committee for the constitutionality of the law, the lack of public opinion. But, our country has no strong judicial tradition, then the judge's quality and competence of judicial review to work. Third, China's constitution, although fundamental has announced the highest legal effect ", "but not announced that it has the legal effect of" direct ", so not as general court of the case according to the constitution. Fourth, taking economic construction as the center, and strive to improve our country's economic and military strength, is the main task in China at present. Only in this way can we guarantee in global economic crisis and the peripheral security situation grim situation, sound and fast development. Immediately, and establish constitutional court corresponding change our nation state organs of state organs, change our system of organization and activities of the basic principle, will lead to big political system reform. To do so, the country will disturb the party work centers. Therefore, at present our country does not have Russian federal constitutional court before the establishment of the many fist conditions has been. With the reform of political system and the judicial system reform in China, even the gradually established in the constitution court system has the condition, also need prudent and comprehensive research and implementation.

(B) The difference in the system of constitution violating. At present, China has basically unconstitutional censorship. Especially the legislative law, 2000, "in the system of judicial review to the legal practice has played a very important role in promoting the". Subsequently, founded in May 2004 "regulations of the examination room also record has positive significance. Therefore, at present the most

urgent task, should be perfected existing unconstitutional censorship, let this one system through the startup conditions, review procedures, the responsibility of setting, etc to improve and perfect and practical operation, rather than what advocate "constitutional judicialization." In order to finish the task, we can study includes the Russian federal constitutional court law and the Russian federal constitutional court rules of the world's major powers, specific constitution and judicial system.

V The revelation of the Russian constitution supervision system to China's constitution construction. Russian federal constitutional construction attitude towards this deserves our attention. China is a socialist country, is the system of people's congresses. It is rooted in China "special national socialist country, correspondence, accord with the common interests of the masses, the embodiment of all power belongs to the people", and has great advantages. However, with the development of market economy and democratic politics with the popularity of "culture", "the rational, this is a basic political system also needs to keep pace with The Times, timely adjustment and improvement. Especially in the 17th CPC national conference, to further accelerate the reform of the political system, promote social democratic construction, so as to realize socialist political civilization as soon as possible, you should constantly perfecting the system of people's congresses. But it should be pointed out that, "deepening the reform of political system and is constantly promoting people's congress system, including the socialist political system of the self-improvement and development of human society. To create civilized achievements include political civilization achievements, but not copy the western it, never make the multi-party turns," separation, a bicameral legislature. In improving and perfecting the system of people's congresses of the process, we should adhere to our country with the same properties, specific conditions and adapt to the development stage reform position. A sound and perfect constitution supervision system in China also experienced a process of constant development, social and national leaders on various aspects of the joint effort. But, as our country socialist market economy development and extensive contact with the international community, in the human rights advocate the political background, the constitution supervision mechanism of our political system reform will follow the process was gradually people know and finally establish and perfect.

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ*

*Дамчиева Д.З.**

*Российский университет дружбы народов
Россия, г. Москва*

Актуальность данной работы определяется многочисленными факторами от экономического до гуманитарного. Ценность сравнительного правоведения отнюдь не определяется только прикладными задачами приграничного и межгосударственного сотрудничества России и Китая, осознанием исторического этапа развития страны и ее государственного административного аппарата, но и возможностью взаимовлияния различных правовых систем, формирующихся под влиянием закономерностей развития общества, государства и права [5, С. 198]. Принадлежавшие в недалеком прошлом к одной правовой системе, базисом которой являлся социализм, КНР и Российская Федерация в дальнейшем развитии меняются в области права. Опыт двух стран вызывает научный интерес как с точки зрения определения перспективности, правильности выбора пути, так и прикладной оценки эффективности правовой системы [3].

В Российской Федерации с интересом наблюдают бурное развитие законодательства КНР в связи с проводимыми экономическими реформами. Китай является, по мнению различных источников в Российской Федерации, стратегическим партнером России, и один этот факт вызывает чрезвычайный интерес к развитию системы государственного управления в стране. Если до 1979 года в КНР не было даже ни УК, ни УПК, то в результате законодательного бума 80-х гг. формируется и административное право [9, С. 11]. Одним из важнейших источников административного права КНР является Закон об административных наказаниях от 17 марта 1996 г. [11, С. 236-240; 12, С. 152-168]. К сожалению, об административном праве КНР мы знаем мало,

* По итогам конференции доклад признан лучшим на пленарном заседании.

* **Научный руководитель:** Иванский Валерий Прокопьевич, к.ю.н., доц. Российского университета дружбы народов.

главным источником сведений в этой области являются работы Л.М. Гудошников и Н.Г. Пашенко [6, С. 451]. Профессор Ло Хаоцай, активно сотрудничающий с российскими университетами, в частности с Московским государственным университетом им. Ломоносова, проливает свет на доктринальные разработки в области административного права КНР, что вызывает неослабевающий интерес, поскольку с точки зрения сравнительного правоведения наибольший интерес из всех правовых систем, сохранивших на себе как национальные особенности, так и характерные черты социалистического права, вызывает правовая система Китая [4].

Профессор Ло Хаоцай в своих трудах призывает к смягчению административной власти в отношениях с гражданином в период экономических успехов. П.В. Трощинский отмечает, что в КНР действуют нормы, предполагающие замены уголовного наказания административным, аналогичные нормам, которые существовали в советском праве 60-80 гг. прошлого века [12]. Опыт России наглядно демонстрирует, что неправильно организованный и подверженный коррупции административный аппарат не дает стране развиваться, то есть важность административного права для страны очевидна. Профессор Ло Хаоцай сформулировал теорию равновесия в административном праве. «Учитывая практику, большое внимание должно быть уделено правам человека в противовес сильной исполнительной власти с целью сокращения дисбаланса» [2, С. 76].

В рамках реформы правительственных функций предполагается создать систему, при которой правительство передает часть полномочий растущему рынку путем сокращения сфер регулирования, что является основным элементом преобразования правительственных функций и всей реформы в целом. Нельзя не видеть созвучные направления мышления профессора Ло и административных реформ в Российской Федерации, где первым же постулатом административной реформы Путина-Фрадкова 2003-2004 годов стало ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, а третьим - развитие системы саморегулируемых организаций в области экономики, то есть здесь тоже идет речь о передаче государственных полномочий общественным организациям [8, С. 12]. Но как отмечает к.ю.н., доцент Московского государственного университета А.А. Демин, правильное направление демократизации находится на пути профессионализации аппарата государственного управления, поэтому оценивающие реформы Путина-Фрадкова лица признают их как провалившиеся [10, С. 10].

Вместе с глобализацией место Китая в мировом разделении труда и его влияние на мировые процессы увеличиваются, поэтому эти причины базисного порядка требуют определенного пересмотра концепций административного управления в надстройке. Существует дилемма: во-первых, «теория управления», в соответствии с которой административное право должно защищать исполнительную власть и способствовать эффективному управлению; и, во-вторых, «теорию сдерживания», согласно которой административное право должно сдерживать исполнительную власть и обеспечивать защиту управляемых, другими словами, это право, которое контролирует административную власть и защищает права человека от нарушений со стороны правительства. При этом должно быть как стимулирование административной инициативы, так и одновременно активное участие управляемых субъектов права. Ло Хаоцай предлагает перейти от противостояния власти и человека к сотрудничеству: «По сути, в уравновешенной структуре субъекты административного права – власть и противная сторона юридически равноправны. По теории баланса субъект административного права и противная сторона также равноправны». Здесь встает проблема соотношения властеотношения и правоотношения [4].

Одновременно в теории равновесия заметны трудности. Так, рассматривая равновесие, профессор Ло не употребляет нигде понимание управляемого лица, гражданина или частного предприятия в качестве субъекта права. Качество субъекта права профессор признает только в отношении властной стороны административного правоотношения. Закон КНР об административных наказаниях, принятый на 4-й сессии ВСНП восьмого созыва 17 марта 1996 г., в тех случаях, когда речь идет о гражданине, не называет его субъектом административного разбирательства, а называет «соответствующей стороной». Так звучат ст. 31, 39 п. 1, 40, 42, 44, 46 и других Кодекса. И дело тут не в том, что под «соответствующей стороной» могут пониматься граждане, юридические лица и иные организации (статья 5). Права этих категорий субъектов административной ответственности, граждан, юридических лиц и иных организаций, - уравниваются.

Также с целью разрешения конфликтов и достижения баланса в административном процессе Ло Хаоцай предлагает предоставить процедурные права гражданам не только в административной процедуре, но и в процедуре судебного надзора, где они также могут быть участниками. При этом профессор Ло трактует положение Конституции КНР «Все граждане равны перед законом», - в том смысле, что под понятие «все» в этом случае должны подпадать не только граждане, но и все субъекты хозяйственной деятельности, включая административные органы. Теория равновесия также предусматривает введение административной юстиции при котором каждый гражданин может предъявлять административные иски любому должностному лицу государственного аппарата, не смущаясь своим статусом «противной стороны».

Проблема дисбаланса власти Ло Хаоцай рассматривает исходя из утверждения, что положение властной стороны административно-правового отношения искажено: «Исполнительная власть чрезмерно сильна, а права противной стороны слишком слабы». Но это традиционное положение в административном праве Китая, особенностью которой является неравноправность (непаритетность) субъекта права и противной стороны. «Наука об административном праве сможет преодолеть традиционную формулу только на основе диалектического мышления, поставив во главу угла субъект вместо отношений, необходимо создать новую теоретическую базу современного административного права, преодолевшую теорию управления и теорию сдерживания, соответствующую демократической политике и рыночной экономике. Эти теоретические основы, прежде всего, должны касаться самых основных отношений в административном праве — отношений субъекта права и противной стороны и давать системный ответ на все связанные с этим вопросы» [7, С. 123].

Российская Федерация также стоит перед проблемой введения судов административной юстиции, не решаясь ее ввести, хотя административное судопроизводство прямо предусмотрено Конституцией РФ (ст. 118, п.2). Но даже если она будет введена, сущность власти не изменится, исторической сущностью власти является то, что она монопольна. Надо стремиться к наведению в ней порядка. Демин А.А. считает, что гражданин на самом деле заинтересован в наличии власти. Удовлетворение частных интересов возможно только при порядке в обществе, при публичном режиме законности. Так что укрепление государственной власти – это естественный интерес и потребность гражданина. Единственная проблема — сделать эту власть соответствующей интересам населения [2].

Также теория равновесия в административном праве Китая исходит из того, что власть больше ориентирована на политику, а на законы. Теория равновесия отражает плюрализм ценностей в обществе рыночного типа, где применим лозунг «пусть расцветают сто цветов». Проявляется и отчужденность гражданина от власти: «У среднего россиянина все еще сохраняется чувство отчужденности от власти, то же самое наблюдается и в отношении среднего китайца, но в гораздо большей степени, ибо авторитарная форма правления насчитывает здесь уже не сотни, а более двух тысяч лет» [1], пишет Л.С. Переломов. Если исполнительную власть и права человека примирить друг с другом, как утверждают многие теоретики политики и права, то основной функцией административного права станет их согласование и получение взаимной выгоды с целью содействия развитию экономики и общества, но это не лишает власть выполнять свою координирующую функцию. Для становления «мягкого законодательства» нужно ввести набор правовых средств, позволяющих дать больше диспозитивности административным правоотношениям путем различных форм, иногда стоящих на стыке с другими отраслями правовой системы: с гражданским правом в случае введения административного договора, или с международным, когда речь идет о применении альтернативных правил сотрудничества через рекомендации международных организаций и обычаи делового мира. Исследователи также отмечают коллизии при реальном толковании права в Китае [5, С. 176].

С точки зрения Ло Хаоцай на современном этапе равенство субъектов административного права является основой законности. В настоящее время в связи с социальными реформами в КНР задача заключается в следующем. Во-первых, правовой статус управляемой стороны должен быть поднят до такого уровня, чтобы она смогла стать независимым субъектом. Во-вторых, соответствующим образом должны быть урегулированы функции органов исполнительной власти и реформированы методы осуществления исполнительной власти. В-третьих, должна быть усилена роль общественных организаций и движений, отличных от государственных органов, так и от организаций частного сектора. И наконец, следует усовершенствовать контрольные функции других государственных органов, необходимые для поддержания должного баланса взаимных прав и обязанностей органов исполнительной власти и управляемой стороны.

В результате перехода от плановой к рыночной экономике и мировой экономической глобализации система административного права в КНР определяется тремя особенностями: во-первых, теория и практика социального перехода отличается от социального перехода в других странах: в КНР неуклонно усиливается и совершенствуется руководство КПК, отсюда гарантировано движение вперед развитие социалистической модернизации; в Китае возник новый социализм с китайской спецификой. Во-вторых, создание системы административного права в КНР имеет переходные особенности. Влияние традиционной системы административного права все больше уменьшается, а влияние и роль современной административной системы права – возрастает. В-третьих, в Китае на протяжении 20 с лишним лет формирование системы административного права происходило постепенно, носило характер самосовершенствования и саморегулирования. Успехи, достигнутые в процессе формирования системы административного права, красноречиво доказывают верность избранного пути постепенного реформирования. Развитие реформы системы административного права может состояться в том случае, когда концепция «управления законами» полностью возьмет верх над концепцией «управления людьми».

В настоящее время в Китае модель государственного управления теряет свою гибкость и усиливающаяся тенденция к упадку постепенно замещается в результате усиления открытости общественного процесса и расширения сферы участия масс моделью общественного управления. Реформа правительства, уменьшение правительственных функций должны открыть новые ориентиры рынка, увеличить число игроков на нем: 1) надо вернуть права рынку, задача распределения общественных ресурсов должна быть передана рыночному механизму; 2) надо уступить права обществу, соблюдать общественное самоуправление, часть работы по управлению обществом передать различным профессиональным ассоциациям и организациям самоуправления; 3) надо передать права на места, полностью пробудить активность в административном управлении у местных властей [2, С. 233-235]. Теория конструкции новых административных правоотношений в китайском обществе, как представляется, носит творческий, поисковый характер, не является окончательно сформулированной, и развитие событий предполагает, что данная тема в трудах профессора Ло Хаоцай и других ученых еще получит дальнейшее развитие.

Список источников:

1. Вэнь Хэнгуо. О юридической силе судебного толкования при административном иске КНР // Судебное правоприменение: проблемы теории и практики / Ред. В.М. Сырых. М.: Изд-во РАП, 2007. С. 364-365
2. Ло Хаоцай. Очерки современного административного права. М.: Книгодел, 2010. 348 с.
3. Кубышина Г.А. Роль политических институтов России и Китая в организации и проведении современных реформ (сравнительный анализ): дисс. ... докт. полит. наук / Г.А. Кубышина. М.: Изд-во РАГС, 2008. 351с.; Ефимов Г.В. Идея модернизации в истории политических и правовых учений Китая: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.В. Ефимов. М.: Изд-во РАГС, 2005. 179с.
4. Ло Хаоцай. Сущность и теоретические модели административного права // Вестник Московского университета. 2003. № 4. С. 93-101; Ло Хаоцай. Теория равновесия: теоретические основы современного административного права. // Вестник Московского университета. 2008. № 6. С. 64-78.
5. Марченко М.Н. Курс сравнительного правоведения. М.: Городец, 2002. 1068 с.
6. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть / М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 2001. 560 с.
7. Переломов Л.С. Конфуций и доктрина разделения властей: Размышления по прочтении книги Петра Баренбойма «300 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера» // Государство и право. 1997. №3. С. 122-126.
8. Реформы России: правовое обеспечение: материалы научно-практической конференции. – М.: Изд-во РАГС, 2005. 324 с.
9. Трошинский П.В. Юридическая ответственность по законодательству Китайской Народной Республики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 245 с.
10. Чечот Д.М. Административная юстиция. Теоретические проблемы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. 133 с.
11. Чжунго фалой няньцзянь (Китайский юридический ежегодник). 1997. Пекин, 1997. 240 с.
12. Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов / Сост., ред. и предисл.: Гудошников Л.М. М.: Зерцало-М, 2004, 432 с.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И КИТАЯ* 中俄战略合作关系展望³

Юань Сюнь*

Сианьский государственный университет иностранных языков
Китай, г. Сиань

Данная статья посвящена сравнительному анализу экономики и политики России и Китая в прошлом, настоящем и будущем. Рассматривается влияние сотрудничества вышеуказанных стран на политическое и экономическое соотношение сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

当今世界正在发生深刻变化，正处在大变革大调整之中。中俄作为两个大国和安理会常任理事国，双方建立和发展长期稳定的战略协作伙伴关系，为促进世界和平、稳定与发展，维护全球战略平衡，推进多极化进程，促进建立更加公正、合理的国际政治经济新秩序作出了不可替代的贡献。尤其是对于亚太地区的经济发展，军事平衡以及和平稳定有着重大的意义。中俄之间的交流与合作，中俄的和平与发展，是世界和平的要求，是亚太地区发展与稳定的要求，是时代赋予两国的责任与使命。

1949年10月2日，在中华人民共和国成立的第二天，苏联率先宣布承认新中国并于翌日与中国建立了大使级外交关系。60年，悠悠岁月，中俄关系走过了不平凡的发展历程。这是中俄两国政治关系走向成熟的60年。尤其是近十几年来，中俄关系的发展特别值得关注。从1992年两国“相互视为友好国家”，到1994年宣布建立“建设性伙伴关系”，再到1996年确立“战略协作伙伴关系”，直至2001年签署《中华人民共和国和俄罗斯联邦睦邻友好合作条约》，中俄关系连上四个台阶。2008年，中俄两国彻底解决了历史遗留的边界问题，为两国战略协作伙伴关系的深入发展奠定了基础。

三 中俄合作存在的问题及制约因素以及完善中俄经贸关系的思考

(一)贸易摩擦 在中俄双边贸易的发展中，由于两国的产业比较优势发生逆向变化，两国的贸易结构逐步在接近，因此双方之间也经常产生贸易摩擦。

(二)资源纠纷

(三)技术引进层面上存在的矛盾。

(四)服务贸易 中俄两国的服务及第三产业的发展上存在着巨大的差异且发展水平不高，中俄两国的服务贸易发展尤其缓慢。

(五)民族历史 中俄两国是山水相连的邻国，两国有着长期的文化经济交往。既有友好交往史，但也有历史遗留问题。近几年，随着俄罗斯锅里的复兴和中俄经贸往来的兴盛，在俄罗斯“中国威胁论”“黄祸论”盛行，极端民族主义盛行，给中俄关系造成了及其恶劣的影响。

四 完善中俄关系的战略思考

国家主席胡锦涛今年6月18日在莫斯科出席中俄建交60周年庆祝大会上发表讲话时指出：“中俄关系60年的发展历程给我们留下了许多重要而深刻的启示：只有相互信任、坦诚相待，才能不断深化两国政治关系；只有相互尊重、平等互利，才能在合作中获得最大收益，实现共同发展繁荣；只有相互理解、相互支持，在涉及对方核心利益的问题上互为支撑，才能有效维护各自根本利益；只有求同存异、友好协商，才能保证两国关系长期健康稳定发展。”展望未来，有理由相信，只要秉承真诚互信，互利共赢的原则，中俄两国政治和经贸等领域的合作就会继续得到深入发展。只要坚持睦邻友好，永做好邻居、好朋友、好伙伴的和平思想，继续努力夯实两国关系发展的社会基础，中俄世代友好之树就会深深扎根在两国人民的心中。

* По итогам конференции доклад признан лучшим на пленарном заседании.

³ Перевод настоящей статьи на русский язык опубликован на сайте лаборатории сравнительного правоведения в странах АТР (www.labatr.bsru.ru).

* **Научный руководитель:** Тарчимаева Любовь Цыреновна, к.ф.н., доц. кафедры русского языка как иностранного Бурятского государственного университета

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕЖИМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РФ И КНР⁴

中俄地方自治制度之比较

Юй Хан*

Чаньчуньский государственный политехнический университет

Китай, г. Чаньчунь

В настоящей работе проводится сравнительно-правовой анализ статуса районных национальных автономий в КНР и органов местного самоуправления в РФ. Отмечаются сходства и особенности правового режима местного самоуправления двух стран.

一、地方自治的概念

(一) 自治的词义

“自治”是政治学、法学、社会学等诸门科学都采用的术语，在政治学和宪法学上，有民族自治、地方自治、公民自治，民法学上有当事人意思自治，社会学领域则有社会自治，社区自治，含义不尽相同。并且，由于各国政治制度和社会背景的差异，即使同一领域的同一概念在不同国家也有不同的表述。

然而，对世界其他语种进行构词分析，我们发现“自治”一词的核心意义是明确的。俄语的 *самоуправление*，英语的 *selfgovernment*。其前缀 *сам-*，*self-*在各自语言中的表示“自己”的意思，与中文“自”同义。

可见，对于“自治”一词存在共同的理解，就其精髓可以简单表述为自己管理自己。小到个人、团体，大到民族、国家，都可以成为“自己”指代的对象，为根据主题范围不同，“治”则可以分别理解为管理、治理、统治、掌控等。

(二) 地方自治的定义

地方自治是地方对本地区自治范围内的事务实行自我管理的一种治理模式，它体现制度性分权。在某些国家，中央政府依法将一部分涉及地方利益的权力及行使这些权力所必需的物质手段转交给地方政府，称为“地方政府自治”。还有的国家，地方管理机关由当地居民选举产生，并且与中央政府没有隶属关系，完全自主决定本地问题，称为“地方自治”。这些都可以包含在广义的“地方自治”范围内。

按照《俄罗斯联邦宪法》和《俄罗斯联邦地方自治组织一般原则法》的相关规定，通常意义上的俄罗斯地方自治是指在俄罗斯联邦宪法和法律允许的情况下，在联邦主体法律规定的区域内，当地居民从本地居民的利益出发，考虑历史传统和其他地方传统，以直接的方式或者通过建立地方自治机关行使广泛的自治权，主要利用当地的经济来源，在国家权力机关的法律调整和有限监督下，独立自主地决定本地问题。当代俄罗斯地方自治的最大特点在于，地方自治机关完全被排除在国家权力体系之外，从而建立了保证地方实行彻底自治的形式。

地方自治有些是纯粹基于地方行政管理的，有些是针对特定的人类群体的，如果是针对民族群体的，就是我们所说的民族区域自治。民族区域自治，就是在中央政府的统一领导下，以少数民族聚居的地方为基础，建立相应的自治机关，行使自治权，由少数民族自己当家作主，管理本民族内部地方事务。特别行政区是指在我国版图内，根据我国宪法和法律规定设立的，具有特殊的法律地位，实行特别的政治、经济制度的行政区域。因特别行政区在我国享有高度的自治权，这里我们仅以民族区域自治为例，不再另述。

二、中俄地方自治制度的历史发展和演变

(一) 俄罗斯地方自治的演化与建构

俄罗斯地方自治并非一种完全移植制度，在俄罗斯传统之中早已有了这种制度的雏形，特别在近现代这种制度获得了进一步的发展，当打则成为俄罗斯一项解决中央与地方现实问题的重要宪法制度。

⁴ Перевод настоящей статьи на русский язык опубликован на сайте лаборатории сравнительного правоведения в странах АТР (www.labatr.bsu.ru).

* **Научный руководитель:** Лян Минь Янь, д.юрид.н., проф. Чаньчуньского государственного политехнического университета.

（1）近代俄罗斯地方自治的演化

自俄罗斯的政体形式初步形成起，自治的公社便成为国家社会体制必不可少并且是不可分割的组成部分。在16世纪前，公社为非官方的农民和市民的自治民主机构，16世纪后，国家虽然承担起一部分基层行政管理职能，但个人特别是农民对公社的自发依赖关系并未改变。

19世纪末20世纪初，地方自治在现实生活层面得以深入展开，同时理论研究也达到了前所未有的程度。

苏联时期，地方自治在理论与实践曾一度受到排斥，直到20世纪50年代自治概念才在苏联法学中重新出现。这一时期的自治表现为公民对国家政治生活的参与和监督，强调地方自治与中央利益的一致性和上级机关对下级机关的领导权，组织上实行的是地方苏维埃和上级机关对行政机构的双重领导。

（2）当代俄罗斯地方自治制度的确立与发展

苏联解体后，俄罗斯继续进行地方自治的改革，1993年宪法对地方自治制度加以确认，并通过一系列的总统法令和法案进行地方自治的大变革。1995年通过的《俄罗斯地方自治组织一般原则法》标志着地方自治制度的全面确立。1997年对该法进行了修改。1999年，俄罗斯联邦总统批准了《俄罗斯联邦地方自治领域的国家政策基本条款》，确定了国家地方自治政策的目的、优先发展方向、任务和原则。2000年针对实践运行中的问题，对《俄罗斯联邦自治组织一般原则法》进行了必要的修订。2003年俄联邦国家杜马再次以同名称重新通过了《俄罗斯自治组织一般原则法》，同时宣布废止1995年的《俄罗斯联邦自治组织一般原则法》，该法于2004-2006年经过了15次修改。

（二）中国地方自治的发展和演变

地方自治思潮从西方传入中国至今已历经百年，其发展过程可分为清末时期、民初及北京政府时期、国民党统治时期、中华人民共和国时期四个阶段。中国地方自治的介入者包括了历届政府、各政治派别、众多学者，他们有不同的利益追求，因此，地方自治呈现出复杂多样的特点。

在西方文明的启示和中西国力对比的强烈刺激之下，清政府于1909年和1910年分别颁布了《城镇乡地方自治章程》、《府厅州乡地方自治章程》和《京师地方自治章程》等地方自治章程，开始实行地方自治，实行自治的地方机构设置议事会、董事会。地方自治机关具有相对独立的权限，可以行使一定程度上的立法权和行政权。议事会有权制定本区域的自治规约、议决事件。清末地方自治的筹办和实行无疑是利国利民之举，既是中国近代化进程中改革地方制度的尝试，是清末政制改革潮流中的一支。同时，地方自治的开办对改变基层农村的落后状态、促进文明、开启民智有积极的意义。但是，由于当时实行地方自治的社会基础尚属薄弱，各省筹办的地方自治很多有名无实，反而形成了一些流弊。

北洋政府时期的地方自治主要体现在各级自治机构的设立及组织上。一是省制。1913年4月，颁布《省议会暂行法》，各省先后成立省议会作为省的自治机关。二是县制。民国初县的自治机构沿用清末立宪时期的制度，称为县议事会。1914年袁世凯下令停办自治以后，各县议事会也被解散。1919年9月，北京政府公布了《县自治法》，规定以县为团体，具有法人地位。三是市制。1921年，北京政府颁布了《市自治制》和《市自治制实施细则》。县以下各级机构，一般均称为“地方自治团体”，不属中央政府系列，各地方可以实行自治。

国民政府时期的地方制度分为行政制度和地方自治制度两方面。国民政府实行地方自治与孙中山的倡导是分不开的。完全的地方自治是孙中山实施宪政的有机组成部分。这个时期的地方自治思想借鉴了日本地方自治的经验。由于中国当时社会发展客观条件的局限，现实的地方自治未能实现法律上的规定。

中华人民共和国成立后，《中华人民共和国民族区域自治法》、《中华人民共和国香港特别行政区基本法》和《中华人民共和国澳门特别行政区基本法》的颁布，预示中国地方自治发展步入正轨。

三、中俄地方自治的共性

（一）管理地方财政权

《中华人民共和国民族区域自治法》规定，民族区域自治地方有权自主地管理地方财政。依照国家财政体制属民族自治地方的财政收入，都应当由自治机关自主地安排使用。自主地管理地方性经济建设。自主地管理教育、科学、文化、卫生、体育事业。《俄罗斯联邦宪法》规定，地方自治机关有权自主地管理集体财产，组织，建立以及执行地方财政预算。制定地方的税费。

（二）地方自治的范围和职权均有法律保障

我国的宪法和《中华人民共和国民族区域自治法》明确规定了各民族区域自治地区的范围及自治权，而把地方自治建立在国家法律的基础上。现行的俄罗斯地方自治法律制度的建立是以1993年宪法为基础。1995年通过的《俄罗斯地方自治组织一般原则法》又对宪法的规定进行了进一步细化和具体化。

（三）地方政府均有适度的立法权

《中华人民共和国民族区域自治法》规定：民族自治地方的人民代表大会有权依照当地民族的政治、经济和文化的特点，制定自治条例和单行条例。《俄罗斯联邦宪法》第76条第4款规定，地方自治作为联邦体制的一部分，有一定的立法权限。

四、中俄地方自治的差异

（一）中央对地方的控制

虽然改革开放以来，我国在扩大地方自主权方面开展了一系列的立法工作，取得了突出成绩，在民族区域和特别行政区及经济特区和沿海开放城市建立了多样化的地方自治权和自主权，但是由于我国长期实行中央集权，加之计划经济的影响，地方分权还不发达，中央对地方在立法、行政和财政方面存在实际意义上的干涉。民族自治地方受中央领导。俄罗斯地方自治机关独立于国家权力机关系统。俄罗斯联邦国家权力机关和联邦主体国家权力机关对地方自治的监督权也很有限，一般仅限于法律监督，即立法调控和司法监督，或者在地方自治机关履行转交给它的国家职权时才能对其进行监督，否则对地方自治行为无权干涉。

（二）实行地方自治的区域范围

中国是以少数民族聚居的地方为基础，建立相应的自治机关。俄罗斯的《俄罗斯自治地方组织一般原则法》明确了实行地方自治的区域范围是在州以下的市和乡村。

（三）地方自治权

《中华人民共和国宪法》第三章第六节规定：自治区、自治州、自治县的自治机关行使宪法第三章第五节规定的地方国家机关的职权，同时依照宪法、民族区域自治法和其他法律规定的权限行使自治权，根据本地方实际情况贯彻执行国家的法律、政策。民族自治地方的人民代表大会有权依照当地民族的政治、经济和文化的特点，制定自治条例和单行条例。民族自治地方的自治机关有管理地方财政的自治权。民族自治地方的自治机关在国家计划的指导下，自主地安排和管理地方性经济建设事业。民族自治地方的自治机关自主地管理本地方的教育、科学、文化、卫生、体育事业，保护和整理民族的文化遗产，发展和繁荣民族文化。使用和发展本民族语言文字，尊重和保障少数民族信仰自由等。

在俄罗斯，地方自治权的范围非常广泛。除联邦和联邦主体管辖事务外，其余都属于地方自治机关管辖，而且这些被排除的事项是比较有限的。

（四）地方自治的机关

中国的民族自治地方的自治机关是自治区、自治州、自治县对的人民代表大会和人民政府。俄罗斯的自治机关是独立于国家权力机关的系统。

五、俄罗斯地方自治对我国的启示

俄罗斯的地方自治经过多年的发展与完善，在法律上已经相对完备，只是实践中先进的法律制度很难与现实生活有机地结合。一方面是来自自治地方的抵抗，联邦主体的领导人不愿意执行俄联邦的法律；另一方面是国家难以提供真正的保障，国家职权虽然下方到了自治地方，但却没有物质、财政的保证。这些都对我国的地方自治制度完善提供了经验和教训。

（一）扩大地方政府的分权及完善民族区域自治和特别行政区制度，必须要有法律、法制的保障。

我国当前的主要任务是加快制定《中央与地方关系法》，用法律来规范、界定和保障权力的调整界限及其运作过程，明确规定中央与地方政府的法人地位。制定《中央与地方关系法》，其一，是落实宪法所规定的民主集中制原则的需要。只有在法律分权制下才能实现真正意义上的民主集中制。中央与地方各自拥有法定权力且相互监督，中央与地方都无权根据自身利益做出有利于自己的选择；其二，是克服现有体制缺陷的需要。建国后我国对中央与地方关系也作过多次调整，但总体上评价，则是不成功的。究其原因，重要的一点就是调整手段带有浓厚的人治色彩，调整主要依据政策而非法律来进行，而政策又是时时可以改变的；其三，是吸取国际经验教训的需要。从历史经验看，前苏联解体的原因之一，就是联邦职权过于分散，联邦职能下放的过程就成为加强分散化的国家主义的过程。这表明，中央与地方关系能否正确划定，对任何体制国

家来说都是一个生死攸关的问题。因此，以法律的形式正确处理中央与地方关系，是加强我国国家政权的需要。

(二) 提高行政质量及效率，崇尚民主与自由

在中央集权的行政体制下，由于一切重要决定都必须由中央作出，地方行政没有必要的决策权，因此造成大量的公文往来，层层审批的繁琐手续，行政机构的臃肿，官僚主义习气的蔓延，行政人员责任心的失以及整个行政机器效率的低下，另一方面由于中央进行决策的官员不可能对地方事务的详细情况及当地人民的利益有真正的了银和切身的体会，他们作出的决定也不一定符合实际，切实可行，而要改变这些情况，提高行政效率并使决定符合实际情况就必须进行地方分权改革，提高地方政府的积极和创造性，提高地方政府在整个政府行政体系中的地位和作用，将地方事务的决定权下放到当地人民及其代表手里。此外，还有政治因素即民主与自由。地方自治的主要理由不仅在于增进民主，而且在于保障人民的自由，在于不断扩大民众对政治生活的参与和对社会管理的参与，从而有效地推进民主政治的发展。

参考文献:

1. 米罗诺夫：《俄国社会史》（上），张广翔等译，山东大学出版社，2006
2. 俄罗斯社会转型与宪政之路——文化哲学的视角，杨昌宇、陈胜福著，社会科学文献出版社，2009
3. 刘向文、宋雅：《俄罗斯宪政：地方自治制度的历史发展》，2005
4. 杨心宇、刘铁威：《俄罗斯联邦地方自治组织一般原则法探析》，《第四届俄罗斯法制与法学学术研讨会论文集》
5. «Конституция Российской Федерации», Издательство Сибирского университета, 2008

СИСТЕМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ

Юй Хан*

Чаньчуньский государственный политехнический университет
Китай, г. Чаньчунь

«Самоуправление» – это термин, используемый в политологии, юриспруденции, социологии и других научных дисциплинах. В политологии и учении о конституции существуют национальная автономия, местное самоуправление, народное самоуправление. В общественном знании существует термин общественное самоуправление, и они имеют различное значение. Кроме того, из-за различий политических систем и общественного строя, в разных странах, хотя и используются сходные термины, но в них вкладывается не совсем одинаковый смысл. По результатам лингвистического анализа данных слов в разных языках можно отметить, что в слове «самоуправление» есть вполне ясное ключевое значение. В русском языке «самоуправление», в английском языке «selfgovernment». Приставки «сам-» и «self-» в вышеуказанных языках обозначают «сам». Очевидно, что во всех языках слово «самоуправление» имеет сходное значение. Иными словами «самоуправление» – это когда управляешь или руководишь сам собой.

Местное самоуправление – это форма управления, при которой местные правительственные органы самостоятельно решают вопросы внутреннего управления, что воплощает собой разделение власти в системе. В некоторых странах центральное правительство, согласно закону, передаёт местному правительству полномочия и материальные средства, необходимые для разрешения вопросов местного значения, что и называется «местным правительственным управлением». В других странах члены органов местного самоуправления избираются местными жителями; такие органы местного самоуправления не подведомственны центральному правительству, и они абсолютно самостоятельно решают вопросы местного значения. Оба этих вида содержатся в термине «местное самоуправление» в его широком смысле.

Согласно положениям Конституции Российской Федерации и Федеральному закону «О местном самоуправлении в РФ», российское местное самоуправление – это право на самоуправление, осуществляемое на соответствующей территории, исходя из интересов населения соответствующей территории, с учётом исторических и иных местных традиций, непосредственно

* **Научный руководитель:** Лян Минь Янь, д.юрисд.н., проф. Чаньчуньского государственного политехнического университета.

самим населением или же путем образования органом местного самоуправления, если это не противоречит Конституции РФ и российскому законодательству. Органы местного самоуправления самостоятельно решают вопросы местного значения, главным образом используя местные экономические ресурсы, под юридическим регулированием и ограниченным контролем исполнительных органов власти. Главной отличительной чертой местного самоуправления в современной России является то, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, благодаря чему гарантируется полное местное самоуправление.

Местное самоуправление в некоторых местах полностью осуществляется местной администрацией, а в других местах осуществляется определённой группой людей, если же эта группа образована людьми определённой национальности, то тогда это называется «национальной районной автономией». Национальная районная автономия, под управлением центрального правительства, на территории проживания представителей малой национальности устанавливает соответствующие органы местного самоуправления, осуществляет право на автономию, таким образом, представители малой национальности могут самостоятельно регулировать вопросы местного значения. Особые административные районы – это административные районы, образованные на территории КНР, в соответствии с положениями конституции КНР и законодательства КНР, обладающие особым юридическим статусом, осуществляющие особый политический и экономический строй. Поскольку особые административные районы обладают высокой степенью автономии, то в качестве примеров используем лишь национальные районные автономии.

Эволюция и конструкция местного самоуправления России. Неполной системой является местное самоуправление в России. В культуре России уже давно появился примитив этой системы, которая особенно за последние годы получила дальнейшее развитие, и в настоящее время ещё стала одной из важных конституционных законов для решения практических проблем между центральными и местными органами. С начала оформления политического строя РФ, и коммуна самоуправления превратилась в необходимый и неделимый состав системы государственного общества. До XVII в. коммуна являлась неофициальным демократическим институтом самоуправления крестьян и горожан. После XVII в., хотя государство взяло на себя частную низовую административную функцию, но спонтанная зависимость человека, в особенности крестьян, от коммуны не изменилась. С XIX в. до начала XX в. местное самоуправление глубоко раскрылось в плоскости реальной жизни, в то же время исследование теории также достигло беспрецедентного уровня. В период СССР местное самоуправление оттолкнулось в теории и практике. До 20-го века 50-ых гг. концепция «автономии» вновь появилась в юриспруденции СССР. В этот период автономия приняла участие в контроле граждан к политической жизни страны, подчеркнув согласованность между местной автономией и интересом руководства высших властей к нижнему корпусу. В организации было проведено двойственное руководство местного Совета и высших властей к управлению.

После распада СССР, в России продолжалась реформа местного самоуправления. В 1993 г. она была утверждена в конституции, а также были приняты ряды президентских постановлений и законопроектов для осуществления всеобщей реформы местного самоуправления. Принятый в 1995 г. Федеральный закон «О местном самоуправлении в РФ» показал полное утверждение системы местного самоуправления. В 1999 г. президент РФ утвердил «основные положения о местном самоуправлении», в которых заключил цель, направление приоритетного развития, задачу и принципы. В 2000 г. для разрешения проблем в Федеральном Законе «О местном самоуправлении в Российской Федерации» внесли нужные изменения. В 2003 г. Госдума вновь приняла Федеральный закон «О местном самоуправлении в РФ», в то же время признала утратившим силу Федеральный закон «О местном самоуправлении в Российской Федерации», изданного в 1999 г. С 2004 г. до 2006 г. данный закон изменялся всего 15 раз.

В настоящее время, влияние местного самоуправления пережило уже сто лет после проникновения с Запада в Китай. Процесс развития разделен на четыре этапа: период конца династии Цин, период начала Республики и Пекинского правительства (под господством северными милитаристами), период гоминьдана и период Китайской Народной Республики. Представители предыдущих сессий и политических школ, а также многочисленные учёные принимали участие в местном самоуправлении. Они стремились к разным интересам, таким образом, местное самоуправление характеризуется сложностью и различностью в то время.

Под влиянием Западной цивилизации и разницей в мощи между Китаем и Западом, в 1909 и 1910 гг. правительством Цин был обнародован устав «О местном самоуправлении», начали

проводить местное самоуправление, где открыли совет директоров. Органы местного самоуправления обладали относительно самостоятельными полномочиями, например, право законодательства и исполнительная власть. Совет имел право на разработку автономных норм и урегулирование событий данной области. Несомненно, введение местного самоуправления в местности принесло пользу государству и народу. Оно являлось попыткой реформы местной системы, и принадлежала одной части системных реформ в конце династии Цин. В период северного правительства, местная автономия была в основном воплощена в создании и организации органов самоуправления на всех уровнях. Первое самоуправление появилось провинции. В апреле 1913 г. был опубликован Временный закон «О собрании провинции», в результате чего органы самоуправления провинции один за другим создавали провинциальные собрания. Второе самоуправление открылось в уезде. В период ранней республики Китая уездные учреждения самоуправления были использованы в конце Цинской конституционной системы, которые были названы собранием уезда.

В 1914 г. Юань Шикай приказал прекратить местное самоуправление и собрания были распущены. В сентябре 1919 г. правительство Пекина обнародовал Федеральный закон «Об автономии уезда», согласно Федеральному закону «Об автономии уезда», уезд как коллектив приобретал положение юридического лица. Третье, самоуправление – в городе, где в 1921 г. в правительстве Пекина были опубликованы Федеральный закон «Об автономии города» и «Подробные положения об автономии города». Следующие учреждения под уездом, как правило, называются «местными органами власти», которые не принадлежат к центральным рядам правительства, где может быть реализовано местное самоуправление. В период правительства национальной партии, местная система делилась на два раздела: административная система и система самоуправления. Местное самоуправление правительства национальной партии было неразделимо с мнением Сунь Чжуншана. Органически составной частью в его приведении конституционном правлении является полное местное самоуправление. В то время идея местного самоуправления была заимствована из опыта Японии. Из-за недостатка объективных условий в развитии общества Китая, в то время местное самоуправление не действовало. После образования Китайской Народной Республики были обнародованы 3 закона: Закон КНР «О национальной районной автономии», Основной закон КНР «Об особом административном районе Сянган» и Основной закон КНР «Об особом административном районе Аомынь».

Согласно Закону КНР «О национальной районной автономии», национальные автономные районы имеют право самостоятельно управлять местными финансами. В соответствии с государственным финансовым строем доходы из национальных автономных районов должны полностью управлять автономными органами для местного экономического развития, а также для финансового обеспечения образования, науки, культуры, здравоохранения и спорта. Согласно «Конституции РФ», органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы. Полномочия территории, где осуществляется национальное самоуправление, гарантированы законом. Конституция КНР и Закон КНР «О национальной районной автономии» ясно определяют территории, на которых осуществляется национальная районная автономия, определяют автономные права, а также устанавливают национальные автономии на основе государственного законодательства. Ныне действующий правовой строй местного самоуправления в РФ создан на основе Конституции 1993 г. Принятый в 1995 г. Закон «О местном самоуправлении в РФ» более точно и детально дополнил положения Конституции по этому вопросу.

По Закону КНР «О национальной районной автономии» органы Всекитайского собрания народных представителей на уровне национальных автономий, в соответствии с политическими, экономическими и культурными особенностями данных автономий, утверждают положения автономии, присущие только данной автономии. Согласно п.4 ст.76 «Конституции РФ» в стране и субъектах РФ: республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа осуществляется собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов.

Несмотря на то, что с начала реформ в Китае государство приняло ряд законодательных мер по расширению полномочий местных властей, добившись при этом высоких успехов, а также установило разнообразные права на автономию и независимость в национальных автономных районах, специальных экономических зонах, приморских открытых городах, однако из-за того, что в Китае на протяжении длительного времени наблюдалась централизация власти. Известно,

что полномочия местных властей ещё не достаточно развиты из-за влияния плановой экономики и на практике центральные власти до сих пор вмешиваются в дела местных властей в плане законодательной, административной и финансовой вопросах. В РФ органы местного самоуправления не относятся к государственной системе исполнительной власти. Органы исполнительной власти РФ и органы исполнительной власти субъектов РФ также имеют ограниченный контроль над органами местного самоуправления, ограничиваясь законодательным контролем, т.е. регулированием законов и судебным контролем. Также осуществлялся контроль при передаче государством полномочий органам местного самоуправления, не имея права вмешиваться в дела местной власти.

В КНР, где проживают представители малых национальностей, основаны соответствующие органы местного самоуправления. Согласно Федеральному закону «О местном самоуправлении в РФ» местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях. Согласно п.6 ст.3 Конституции КНР, органы местного самоуправления в автономных районах, автономных округах, автономных уездах осуществляют полномочия, предусмотренные п.5 ст.3 Конституции; в то же время, согласно Конституции, законам о национальной автономии, а также другим законам органы Всекитайского собрания народных представителей (далее ВСНП) на уровне национальных автономий, в соответствии с политическими, экономическими и культурными особенностями данных автономий, утверждают положения автономии, присущие только данной автономии.

Органы местного самоуправления национальных автономных районов управляют собственными финансовыми ресурсами, распределяя их для собственного финансового развития, а также на нужды образования, науки, культуры, здравоохранения и спорта, сохраняют национальное культурное наследие, развивают и обогащают народную культуру. Национальные автономии используют и развивают национальные языки и письменности, уважают и гарантируют свободу вероисповедания. В Китае органами местного самоуправления в автономных районах, округах, уездах являются ВСНП, а также Народное правительство. В РФ органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

В России полномочия органов местного самоуправления очень обширные. Кроме дел, находящихся в ведении федерации и субъектов федерации, остальные полномочия находятся в ведении органов местного самоуправления. После долговременного развития и усовершенствования местное самоуправление России уже стало относительно полным в законах, лишь на практике органическое сочетание передовой законной системы с реальной жизнью редко существует. С одной стороны, это явление возникло от сопротивлений автономных районов, с другой стороны, государство с трудом представляет настоящее обеспечение, где права государства были поданы автономным районам, но без материальных и финансовых обеспечений. Все это служит опытом и уроком для усовершенствования местной автономной системы КНР.

В осуществлении расширения разделения прав местных правительств и усовершенствования национальной районной автономии и системы особых административных районов необходимо обеспечение законов и законодательства. Ныне главной задачей КНР является ускоренное утверждение Закона связей между местностями и центром. Нормализовать, определить и обеспечить урегулированные пределы прав и их реализованные процессы законами, четко определить положение юридического лица в центре и местных правительствах. Целями утверждения Закона связей между местностями и центром являются следующие данные: во-первых, это необходимость реализации принципа системы демократического концентрирования, утвержденного Конституцией. Только в осуществлении законной системы разделения прав можно реализовать систему демократического концентрирования. И в центре, и в местности есть свои законные права, обе стороны контролируют друг друга, и обе не имеют права делать выборы в свою пользу; во-вторых, это необходимость преодоления нынешних недостатков системы.

После образования государства в КНР многократно были урегулированы связи между центром и местностями, что в результате оказалось неудачным, самой главной причиной которого является то, что средства урегулирования несли сильную краску человеческого управления, что в осуществлении урегулирования постоянно изменялись не законы, а политики; в-третьих, это необходимость извлечения международных опытов. При рассмотрении примеров из исторических опытов, главной из причин распада СССР является то, что федеральные компетенции были излишне разделены, а процесс упадка федеральных компетенций повлиял на усиление рассредоточения государства. Это показало, что правильное определение связей между центром и местностями представляет собой критический вопрос. Поэтому, правильное решение вопросов о

связях между центром и местностями законным средством является необходимостью усиления государственной власти КНР.

Под административной системой централизации власти все важные задачи решает лишь центр. Местные административные учреждения не имеют необходимого права для решения того или иного вопроса, в результате чего возникло большое количество сношения официальных бумаг и многословной формальности, раздутый административный аппарат, распространение бюрократизма, отсутствие ответственности у административных лиц и низкая эффективность всего административного аппарата. С другой стороны, чиновники, кто работает в центре и принимает решения, не могут подробно знать местные дела и интересы местного народа, и решения, которые были приняты ими, могут не отвечать реальности и вполне быть недействительными. Для того чтобы изменить данную ситуацию, следует повысить эффективность администрации, сделать решения соответственными реальности, следует провести реформу о полномочиях местностей, повысить активность и творческую инициативу местных правительств, повысить положение и роль которых в общей системе правительственной администрации, дать право решения о местных делах местным жителям и их представителям. Кроме того, действуют и политические факторы, т.е. демократия и свобода. Главная цель местного самоуправления заключается не только в углублении демократии, но и в обеспечении свободы народа, в постоянном расширении участия народа в политической жизни и социальном управлении для эффективного толчка к развитию демократической политики.

参考文献:

1. 米罗诺夫:《俄国社会史》(上),张广翔等译,山东大学出版社,2006
2. 俄罗斯社会转型与宪政之路——文化哲学的视角,杨昌宇、陈胜福著,社会科学文献出版社,2009
3. 刘向文、宋雅:《俄罗斯宪政:地方自治制度的历史发展》,2005
4. 杨心宇、刘铁威:《俄罗斯联邦地方自治组织一般原则法探析》,《第四届俄罗斯法制与法学学术研讨会论文集》
5. «Конституция Российской Федерации», Издательство Сибирского университета, 2008

СОТРУДНИЧЕСТВО ПРОКУРАТУР В РФ И КНР

*Коробенков Н.В.**

*Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

В настоящее время, в условиях появления транснациональных проблем и, как следствие, их международного решения, всё более и более актуальным становится вопрос сотрудничества государств на всех уровнях, во всех сферах. Безусловно, одна из важнейших сфер международного сотрудничества – международное сотрудничество органов прокуратуры. Это связано, прежде всего, с постоянно растущими трансграничными контактами между государствами практически по всем направлениям. Обеспечение законности и правопорядка вокруг этих контактов – задача органов прокуратуры, в особенности учитывая тот факт, что прокуратура выступает главным органом нейтрализации транснациональных преступлений.

В соответствии со статьёй 2 Федерального закона РФ «О прокуратуре» [1], Генеральная прокуратура Российской Федерации в пределах своей компетенции осуществляет прямые связи с соответствующими органами других государств и международными организациями, сотрудничает с ними, заключает соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью. Международное сотрудничество реализуется по следующим направлениям:

- 1) оказание правовой помощи по уголовным делам, включая выдачу (экстрадицию);
- 2) заключение и реализация договоров о борьбе с преступлениями, представляющими международную опасность;
- 3) разработка международных норм и стандартов, обеспечивающих защиту прав человека в сфере охраны правопорядка;

* **Научный руководитель:** Цыреторов Станислав Валерьевич, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

- 4) признание и исполнение решений иностранных органов по административным и уголовным делам;
- 5) регламентация вопросов национальной и международной юрисдикции;
- 6) совместное изучение проблем охраны правопорядка, обмен опытом их решения;
- 7) оказание материально-технической и консультативной помощи;
- 8) обмен информацией о нормативно-правовом регулировании.

Международные отношения Китая и России имеют длинную историю, от Нерчинского договора и до современных партнёрских отношений во многих сферах, число которых на современном этапе все увеличивается. Расширение и увеличение сфер межгосударственного партнерства влечёт углубление взаимодействия правоохранительных органов, в частности прокуратуры. Характерным примером современных взаимоотношений органов прокуратуры различных стран является взаимодействие прокуратур РФ и КНР. Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Верховной Народной прокуратурой Китайской Народной Республики было подписано 29 марта 1997 г. [2].

В соответствии с ним, сотрудничество прокуратур РФ и КНР основывается на принципах правового взаимного уважения сторон, строгого соблюдения законов друг друга и международного законодательства, стремления повышения эффективности взаимодействия, последовательного продвижения в развитии сотрудничества как РФ и КНР в целом, так и прокуратур в частности. Проанализировав данное соглашение, можно сделать вывод, что сотрудничество реализуется по следующим основным направлениям: направление представителей друг к другу для непосредственного предоставления информации и других сведений, касающихся расследуемых дел; обмен информации о действующем законодательстве и правоприменительной практике; проведение совместных научных исследований; совместные меры по розыску и задержанию преступников и прочие.

Дополнительным договором предусмотрено, что со стороны РФ и КНР прокуратуры приграничных регионов будут взаимодействовать, не обращаясь, соответственно, в Генеральную прокуратуру и Верховную народную прокуратуру. Генеральный прокурор назначает помощника прокурора в одном из приграничных субъектов (в Хабаровске), к которому будет стекаться вся необходимая для сотрудничества информация с российской стороны. Китай также назначает работников, через которых осуществляется взаимодействие. Во исполнение соглашения 15 октября 1997 г. в Хабаровске был подписан Протокол встречи руководителей прокуратур приграничных регионов РФ и КНР [3]. Данный документ предписывает прокурорам приграничных регионов России и Китая в пределах своей компетенции развивать непосредственное сотрудничество в вопросах борьбы с преступностью, раскрытия, расследования и пресечения преступлений и других правонарушений, розыска и задержания преступников, скрывающихся на их территориях, а так же по другим направлениям прокурорской деятельности⁴.

Очередная встреча руководителей прокуратур приграничных регионов РФ и КНР прошла в Харбине в мае 1998 г. А 11-14 мая 2001 г. во Владивостоке состоялась третья встреча руководителей прокуратур приграничных регионов РФ и КНР. В ней принимали участие: с китайской стороны – прокуроры провинций Хэйлуцзян, Цзилинь, автономного района Внутренняя Монголия, Синцзянь-Уйгурского автономного района, прокуратуры некоторых городов, округов, входящих в эти провинции и автономные округа, начальник управления по надзору за исполнением законов военной прокуратуры Национально-освободительной армии Китая, военный прокурор Шэньянского военного округа, заместитель генерального консула КНР в Хабаровске; с российской стороны – начальник управления Генеральной Прокуратуры в Дальневосточном федеральном округе, заместитель начальника международно-правового управления Генеральной прокуратуры РФ, прокуроры Приморского и Хабаровского краев, Читинской, Амурской областей, Еврейской автономной области, военные прокуроры Тихоокеанского флота, Дальневосточного военного округа.

На данной встрече стороны дали высокую оценку развитию традиционной дружбы и плодотворного сотрудничества между двумя странами, подтвердили важную роль соглашения от 29 марта 1997 г. между органами прокуратур приграничных регионов обоих государств и выразили стремление укреплять и углублять сотрудничество между прокуратурами приграничных регионов РФ и КНР [5]. Встречи руководителей прокуратур приграничных регионов РФ и КНР носят систематический характер и продолжают укреплять принципы юридической помощи между прокуратурами стран. Такие встречи играют важную роль в борьбе с контрабандой, нелегальной миграцией и транснациональными экономическими преступлениями. 22 апреля 2009 г. состоялась

очередная встреча Генеральных прокуроров России Юрия Чайки и Китая Цао Цзяньмина, на которой было отмечено, что между прокуратурами двух стран сложились хорошие отношения, которые способствуют тесному сотрудничеству, в том числе по объединению усилий в борьбе с трансграничной преступностью.

Юрий Чайка внес предложение обновить совместную нормативно-правовую базу, в частности, заключить новое межведомственное соглашение о сотрудничестве вместо подписанного в 1997 г., отразив в нем необходимость активизации взаимодействия прокуратур России и Китая, особенно в приграничных районах. При этом Генпрокурор России предложил своему коллеге из Китая нанести новый визит в Российскую Федерацию, в ходе которого и подписать этот документ [6]. Дополним, что взаимодействие, сотрудничество прокуратур России и Китая, безусловно, даёт исключительно положительный опыт как борьбы с преступностью, так и оказания юридической помощи вне рамок такой борьбы.

Список источников:

1. «Федеральный Закон О прокуратуре РФ» от 17.01.1992 № 2202-1 // СПС «Гарант»
2. Сайт Генеральной прокуратуры РФ // URL: www.genprok.gov.ru
3. Сайт Генеральной прокуратуры РФ // URL: www.genprok.gov.ru
4. Международное право : учебник / отв.ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – 4-е изд. – М. : Норма, 2008. – С. 262.
5. Сайт прокуратуры Приморского края // URL: www.prosecutor.ru
6. Сайт русско-китайского фонда развития культуры и образования // URL: www.chinastudy.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ С КНР

*Фефелов Д.С.**

*Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

Сотрудничество Китая и России имеет давнюю историю. Ещё СССР поддерживал Китай не только в военном плане, но и в экономическом. Однако из-за территориальных переделов в 60-е гг. XX в. сотрудничество сменилось враждой и военным конфликтом, но в 90-е гг. сотрудничество вновь было восстановлено. Сегодня Россия и Китай сотрудничают в различных сферах экономики, науки и военной техники. 22 марта 2010 г. глава Правительства РФ Владимир Путин с вице-премьером КНР Си Цзиньпином провёл встречу, в ходе которой обсуждались вопросы развития торгово-экономических отношений между двумя странами. Кроме того, как сообщила пресс-служба Правительства РФ, главы правительств двух государств примут участие в церемонии открытия Года китайского языка в России. Провозглашение в России 2010 г. Годом китайского языка считается одним из главных событий в российско-китайских отношениях.

«Это мероприятие имеет большое значение с точки зрения укрепления дружбы и взаимопонимания народов двух стран, особенно молодежи, отметили в пресс-службе. В рамках Года запланировано проведение более 80 мероприятий – научно-практических конференций, выставок и фестивалей, конкурсов и олимпиад на знание китайского языка и литературы, гастролей китайских театральных и музыкальных коллективов. Планируется открытие новых отделений китайского языка, преподавательские и студенческие обмены, организация летних детских лагерей для российских школьников в Китае».

Владимир Путин и Си Цзиньпин также провели переговоры по всему спектру российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. «Мировой финансовый кризис привел к серьезным изменениям в мировой экономике и международной торговле, задев и российско-китайские экономические связи. Вместе с тем, странам удалось не только сохранить ранее достигнутый качественный уровень взаимодействия, но и существенно продвинуться по ряду важных направлений сотрудничества», - считают в российском правительстве [1]. Активно развивается сотрудничество в ядерной энергетике: полным ходом идет сооружение второй очереди Тяньваньской АЭС, строится завод по обогащению урана, разрабатывается экспериментальный реактор на быстрых нейтронах, передает ИТАР-ТАСС. Как сообщили в пресс-

* **Научный руководитель:** Цыреторов Станислав Валерьевич, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

службе Правительства РФ, планируется также, что Владимир Путин как председатель партии «Единая Россия» обсудит с Си Цзиньпином, который является членом Постоянного комитета Политбюро Коммунистической партии Китая (далее КПК), вопросы взаимодействия двух партий. Между «Единой Россией» и КПК действует рамочное Соглашение и Протокол о межпартийном сотрудничестве.

Спикер Госдумы Борис Грызлов и член постоянного комитета политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин обсудили вопросы российско-китайского экономического сотрудничества, в частности вопросы по строительству нефтепровода «Сковородино-Китай», обменялись мнениями о деятельности правящих партий обеих стран. Борис Грызлов отметил, что в ходе встречи обсуждались вопросы как межгосударственного, так и межпартийного сотрудничества: «Мы обсудили вопросы, касающиеся разных направлений сотрудничества. В первую очередь это экономическое сотрудничество, гуманитарное сотрудничество, приграничное сотрудничество». Также он отметил, что на встрече обсуждались конкретные проекты в рамках экономического сотрудничества [2]. «Это и строительство нефтепровода Сковородино-Китай, который является ответвлением нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», возможно строительство газопровода второй очереди Тяньваньской атомной станции. Мы говорили также о строительстве демонстрационного реактора на быстрых нейтронах», – отметил Грызлов. По его словам, интересен был и обмен мнениями о деятельности правящих партий России и Китая. Касаясь вопросов гуманитарного сотрудничества, Грызлов отметил, что открывается Год китайского языка в России, кроме того, ожидается совместное празднование Дня Победы. «Мы вместе будем праздновать победу – и Победу, день которой 9 мая, и победу, день которой 2 сентября. Это наши общие победы», – сказал Грызлов. Он также отметил, что в конце мая в Пекине пройдет четвертое заседание большой межпарламентской комиссии, утвержденной руководителями парламентов Китая и России, для участия в заседании комиссии в Пекин поедет российская делегация, возглавит ее Грызлов.

Си Цзиньпин назвал встречу с Грызловым «весьма продуктивной». «Состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам двусторонних отношений, а также другим вопросам, представляющим взаимный интерес. Встреча достигла больших положительных результатов», – заверил он. По его мнению, российско-китайские отношения сейчас находятся «на беспрецедентно высоком уровне», и их можно назвать образцовыми. Си Цзиньпин также высоко отозвался о межпарламентском сотрудничестве России и Китая, которое, по его словам, может стать хорошим стимулом для дальнейшего развития межгосударственных отношений. «Между всекитайским собранием народных представителей, а также Госдумой России создан хороший механизм сотрудничества... В ходе этой встречи мы с господином Грызловым дали высокую оценку нынешнему состоянию сотрудничества в этой сфере», – сказал он. В заключение он высказал мнение, что дальнейшее развитие сотрудничества и обмена между Компартией Китая и «Единой Россией» может создать новую площадку для развития российско-китайских отношений и сыграть в этом уникальную роль.

Кроме того, Китай и Россия сотрудничают и в области производства техники. Так, 27 октября 2008 г. в г. Ульяновске первый самолет Ту-204-120СЕ был передан авиакомпании «Эйр Чайна Карго» – грузовому подразделению китайского национального авиаперевозчика «Эйр Чайна». Данное событие явилось результатом многолетней напряженной работы, проводимой с 2001г. по созданию и поставке на мировой авиационный рынок улучшенной модификации грузового самолета Ту-204-120СЕ, удовлетворяющей современным международным требованиям безопасности полетов. Признанием того, что самолет является по-настоящему продуктом мирового класса, способным заинтересовать самых требовательных заказчиков из-за рубежа, свидетельствует полученный 8 апреля 2008 г. на самолет Ту-204-120СЕ от Европейского агентства по авиационной безопасности (EASA) сертификат и полученный годом ранее Валидационный Сертификат авиационных властей КНР. Поставка первого самолета Ту-204-120СЕ ознаменовала собой возобновление экспорта российской гражданской авиационной техники в КНР после длительного перерыва с середины 90-х гг., тогда по контрактам были поставлены самолеты типа Ту-154М, Ил-76ТД и Як-42.

В соответствии с условиями контракта, поставка следующих двух самолетов запланирована на 2009 г. Всего по контрактам в КНР предполагается поставка 5 самолетов, а также предусмотрен опцион на поставку еще десяти самолетов данного типа. Грузовая модификация самолета Ту-204-120СЕ оснащена надежными малошумными двигателями английского производства, комбинацией приборного и аэронавигационного оборудования

производства России и США. Самолет предназначен для перевозки генеральных грузов общей массой до 28 тонн на стандартизованных паллетах или в контейнере на расстояние до 3600 км.

Также, Китай сотрудничает с Россией и в научном аспекте. 21 февраля 2006 г. в Харбине проведена первая российско-китайская научно-практическая конференция по актуальным вопросам офтальмологии. Мероприятие организовано лидером российской офтальмологии – Межотраслевым научно-техническим комплексом «Микрохирургии глаза» (МНТК) имени академика С.Н. Федорова и Харбинским медицинским университетом, и проведена в рамках программы Года России в Китае. Для участия в конференции прибыла большая российская делегация во главе с генеральным директором МНТК Х.П. Тахчиди, в составе делегации также были представители многих региональных отделений от Петербурга до Хабаровска. Участникам конференции приветствие направил Министр здравоохранения и социального развития России М.Ю. Зурабов, который отметил важное социальное и медицинское значение форума в деле объединения усилий в деле борьбы со слепотой и слабовидением, оказания высококвалифицированной офтальмологической помощи пациентам, укрепления здоровья подрастающего поколения.

Необходимость тесного международного сотрудничества, подчеркнул глава российского Минздрава, – обусловлена тем, что для глазных заболеваний не существует национальных и геополитических границ, и решение вопроса эффективной борьбы с этим недугом видится в объединении усилий специалистов России и Китая. Выступая на открытии конференции, ректор Харбинского медицинского университета Ян Баофэн отметил ее своевременность для китайской офтальмологии, укрепления контактов с российскими коллегами и налаживания сотрудничества. Он призвал китайских участников активно изучать опыт российских специалистов и выразил уверенность в хороших перспективах двустороннего взаимодействия в сфере офтальмологии.

В течение трех дней специалисты двух стран обменивались клиническим опытом и научными достижениями. В спектре обсуждения оказались вопросы использования современных энергетических технологий удаления катаракты, современных методик интраокулярной коррекции, лечения инвалидизирующей патологии стекловидного тела и сетчатки, глазных проявлений сахарного диабета, диагностики и лечения глаукомы, коррекции аномалий рефракции.

Участники конференции посетили расположенный в Дацине (150 км от Харбина) совместный российско-китайский офтальмологический центр, созданный МНТК «Микрохирургия глаза» и Дацинской народной больницей, которая с недавних пор стала клинической базой Харбинского медуниверситета. С момента открытия центра 18 февраля 2003 г. обследовано, проконсультировано и вылечено более 70 тысяч пациентов, из них 18 тысяч детей в возрасте до 14 лет. Выполнено более 8 тысяч высокотехнологичных операций больным с тяжелой патологией органа зрения. В Дацинской больнице на сменной основе работают российские врачи как из московского центра, так и из региональных отделений МНТК. Необходимо отметить, что офтальмологическая конференция в Харбине стала первым крупным российско-китайским форумом в области медицины и здравоохранения за последние годы.

Список источников:

1. Премьер-министр РФ и зампред КНР откроют Год китайского языка в России [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. 2010. URL: <http://www.rian.ru/society/20100322/215823734.html>
2. Грызлов и Си Цзиньпин обсудили экономическое сотрудничество РФ и Китая [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. 2010. URL: <http://www.rian.ru/politics/20100323/215900077.html>
3. О первой российско-китайской конференции по вопросам офтальмологии [Электронный ресурс] // Сайт Посольства Российской Федерации в Китайской Народной Республике. 2010. URL: <http://www.russia.org.cn/rus/?ID=1113&print=true>

ПРОБЛЕМА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ РЕШЕНИЙ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ООН В РФ И КНР*

*Ипатова К.В.**

Бурятский государственный университет

Россия, г. Улан-Удэ

23 марта 1976 г. ознаменовало начало нового этапа в развитии отечественной правовой системы, равно как и 1998 г. – китайской, поскольку именно тогда для этих стран вступил в силу Пакт о гражданских и политических правах 1966 г., в соответствии с которым и был создан комитет по правам человека ООН. В результате ратификации Пакта, Российская Федерация, а также Китайская Народная Республика, взяли на себя ряд обязательств, гарантирующих права и свободы их гражданам и иностранцам, находящиеся на их территории. В связи с этим законодательство этих стран должно соответствовать положениям Пакта, а органы, принимающие индивидуальные решения, обязаны соблюдать его положения.

Вместе с тем, в государствах-участниках Пакта нет единого подхода к определению соотношения юридической силы решений комитета и национального законодательства. Как отмечает В.И. Анишина, «важной и сложной проблемой применения норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского суда по правам человека судами, являются процедуры и основания этого действия» [1, С. 14]. То же можно сказать о решениях комитета по правам человека. К сожалению, как в России, так и в Китае нет единообразного применения этих решений, что свидетельствует о нестабильности правового регулирования.

Китайское правительство серьезно относится к выполнению обязательств, предусмотренных конвенциями, которые оно ратифицировало. Путем применения законодательных, юридических и административных мер КНР обеспечивает строгое соблюдение положений конвенций и своевременно представляет доклады об их исполнении [3, С. 56]. Решения комитета по правам человека не являются обязательными, однако многие государства учитывают их в своей практике, полагая их полезными для обеспечения прав своих граждан и стремясь наиболее полно выполнить свои международные обязательства. Особенно это заметно в тех случаях, когда решение комитета выносится относительно какого-либо государства. «Комитет обращает внимание на слабые стороны в политике соответствующего государства посредством вопросов и замечаний. Такой подход означает, что комитет не занимает позицию, позволяющую ему оказывать сильное давление на государства, которые открыто нарушают положения Конвенции, в целях изменения их политики и законодательства» [6, С. 86].

В целях углубления взаимопонимания и усиления сотрудничества между всеми странами в области прав человека, Китай выступает за двусторонний диалог и обмен мнениями по вопросам прав человека, активно расширяет свою деятельность в этой сфере [4, С. 113]. Аналогичные попытки предпринимает и Россия. Применение в РФ и КНР решений комитета по правам человека – насущная потребность времени и развития правовых систем в целом. Не смотря на это, процедуры применения этих решений нормативно не определены ни в России, ни в Китае. Это не только препятствует развитию внутреннего законодательства государств, но и создает проблему прямого применения судами норм международного права, препятствует формированию единообразной судебной практики.

При рассмотрении конкретного дела суды могут напрямую ссылаться на решения комитета по правам человека, поскольку Россия и Китай взяли на себя соответствующие обязательства, ратифицируя Пакт. Однако, применяя решения комитета, суды должны ссылаться на официальный источник их опубликования. Комитет по правам человека публикует свои решения на английском и французском языках, в большинстве случаев переводы решений носят хаотичный характер и содержат некоторые отличия. Для решения данной проблемы крайне необходимо предусмотреть официальный источник переводов на русский, китайский и другие языки, которые осуществляли бы квалифицированные специалисты, что позволило бы судам формировать общую

* По итогам конференции доклад признан лучшим в секции «Конституционно-правовые проблемы сравнительного правоведения».

* **Научный руководитель:** Цыреторов Станислав Валерьевич, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

практику применения данных решений при рассмотрении аналогичных дел. Кроме того, по нашему мнению, судьям необходимо предоставить возможность при возникновении вопросов, касающихся конкретного решения комитета, выяснять неточности или получать разъяснения по проблемным вопросам непосредственно в комитете по правам человека путем направления соответствующих запросов. Для того, чтобы данная процедура не была излишне длительной и не влекла затягивание рассмотрения дел, необходимо законодательное урегулирование данного вопроса.

Таким образом, считаем целесообразным внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [2] (далее – Постановление), касающиеся применения решений Комитета по правам человека ООН. В п. 16 постановления говорится: «В случае возникновения затруднений при толковании общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации рекомендовать судам использовать акты и решения международных организаций, в том числе органов ООН и ее специализированных учреждений». Однако, остается неурегулированной процедура применения решений комитета. Целесообразным считаем внесение в указанное постановление Пленума ВС РФ изменений, отсылающих к нормативно-правовому акту, регламентирующему систему применения решений комитета по правам человека. Данный нормативно-правовой акт должен содержать основные понятия, территорию и случаи применения, указание на официальный источник переводов решений комитета, а также источник практики применения решений.

В рамках реформирования судебной системы РФ для повсеместного внедрения практики применения норм международного права необходимо предусмотреть должность специалиста, обладающего специальными познаниями в области международного права, знающего практику применения решений комитета по правам человека, разбирающегося в законодательстве иностранных государств. В настоящее время, по прошествии уже свыше тридцати лет после вступления в силу Пакта, актуальной проблемой для правовых систем России и Китая остается процесс имплементации решений Комитета по правам человека ООН во внутреннее законодательство. Считает верной позицию Анишиной В.И., полагающей, что данный процесс «должен быть ориентирован на то, что решение задач достижения единообразия судебной практики, ее соответствие международным стандартам, обеспечение достаточности и эффективности средств судебной защиты прав и свобод в РФ и КНР конституционно возложено на высшие суды» [1, С. 14].

Следовательно, предполагается, что Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ обязаны давать соответствующие разъяснения нижестоящим судам, обобщать судебную практику применения решений Комитета по правам человека ООН, которые являются одним из важнейших и наиболее динамично развивающихся элементов международной нормативной системы, воздействующих на совершенствование национальных правовых систем посредством отражения содержащихся в них положений [5, С. 28]. Законодательство России и Китая основано на важнейших принципах и нормах международного права. Однако, обеспечение прав человека в этих странах еще далеко от уровня мировых стандартов, для достижения которых необходимо не только комплексное совершенствование всей правовой системы государств, деятельности правоприменительных органов, но и активная деятельность граждан в обеспечении и реализации своих прав.

Список источников:

1. Анишина В.И. Проблемы применения российскими судами решений Европейского суда по правам человека // Международное публичное и частное право. 2008. № 2.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ, N 12, 2003
3. Внутренняя политика Китая. М.: 1998.
4. Лимэй Ю. Пакты о правах человека и их имплементация в КНР: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, М.: 2004.
5. Малиновский О.Н. Нормы актов межгосударственных организаций о правах человека в международной нормативной системе // Международное публичное и частное право. 2009. № 5.
6. Рубина И.Е. Деятельность государств в области ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Московский журнал международного права. 2000. № 4.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ И КНР

*Будаев С.В.**

*Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

В действующем законодательстве Китая отсутствует общеправовое понятие посредничества или посреднической деятельности. В настоящее время, после введения в действие закона КНР «О договоре» (далее – Закон о договоре) с 1 октября 1999 г., этот нормативно-правовой акт стал главной правовой базой, регулирующей обязательственные отношения, и в частности отношения в посредничестве. Однако в настоящее время сложилась двойственная ситуация, характерная для переходного периода, так как не отменен и продолжает действовать иной нормативно-правовой акт «Способы управления брокерами», принятый 26 октября 1995 г. Данное название было применено не случайно. С начала реализации в КНР экономических «реформ открытости» по указанный период времени (1995 г.) деятельность посредников в Китае не регулировалась гражданским законодательством вообще. Поэтому из системы англо-американского права было заимствованно данное правовое явление [1].

Этот институт был закреплен в китайском законодательстве, чтобы хоть как-то регулировать посреднические отношения в целом. Учитывая не совсем правильное определение брокерской деятельности, предложенное вышеуказанным правовым актом, понятие «брокер» вскоре стало в Китае синонимом слова «посредник». Понятие «брокер» стало применяться ко всем видам посреднической деятельности во всех отраслях экономики, а не только в общепринятых и узкоспециализированных областях, таких как биржевая деятельность, страхование, услуги на рынке ценных бумаг и недвижимости. С введением в действие Закона о договоре с 1 октября 1999 г. в Китае стала действовать следующая схема: все правоотношения посредничества оформляются в рамках одного из трех видов посреднических договоров, установленных данным законом (договор поручения, договор комиссии и договор простого посредничества), поскольку юридическая сила Закона о договоре выше, нежели у подзаконного акта, где данный Закон принят гораздо позже. Для оформления всех иных возможных посреднических отношений право КНР рекомендует отдавать приоритет договору поручения. Кроме того, в Законе о договоре имеется ст.124, позволяющая заключать иные, новые для законодательства виды договоров или смешанные виды договоров, в которых содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами.

Применявшееся ранее понятие «брокер», «брокерская деятельность», «брокерский договор» рекомендуется применять лишь по отношению к таким видам узкоспециализированной деятельности, как деятельность на биржах и рынке ценных бумаг, причем их использование не должно противоречить Закону о договоре и другим законам. Что касается особенностей создания посреднических организаций, условий их функционирования, контроля их деятельности со стороны государственных органов, то может применяться данный подзаконный правовой акт в той мере, в которой он не противоречит положениям отраслевого законодательства, регулирующего каждый самостоятельный вид специализированной посреднической деятельности.

Таким образом, подзаконный акт «Способы управления брокерами» от 26 октября 1995 г. представляет определенный интерес для российских предпринимателей и юристов-профессионалов. Несмотря на то, что каждый отдельный вид посреднической деятельности в КНР регулируется отдельным специальным нормативно-правовым актом, все виды посреднической деятельности в КНР имеют ряд общих характеристик, установленных вышеуказанным актом, и которые отличаются от правил функционирования этого вида предпринимательской деятельности в России.

Первая отличительная особенность посреднической деятельности в Китае связана с оригинальным и древнейшим институтом китайского общества – экзаменационными испытаниями. В настоящее время они именуется как «квалифицированными экзаменами на профессиональную пригодность». После успешной сдачи экзамена по той или иной специальности физическому лицу выдается профессиональный аттестат. Квалифицированный экзамен по каждой

* **Научный руководитель:** Цыреторов Станислав Валерьевич, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

профессии проводится один раз в год по всей стране в установленные сроки. Участие в таком экзамене добровольное дело каждого, но без профессионального аттестата невозможно найти достойную работу.

Второе отличие связано с государственной регистрацией представителей отдельных профессий. Это означает, что только при наличии профессионального аттестата и после внесения личных данных в специализированный государственный реестр, данное физическое лицо вправе работать по данной профессии на основании трудового либо гражданско-правового договора или быть учредителем юридического лица, оказывающего соответствующие виды услуг. Государственная регистрация обязательна, в частности, для счетоводов, бухгалтеров и аудиторов.

Третье связано с использованием особенностей лицензирования определенных видов деятельности. Прежде всего, лицензирование юридических лиц в Китае не является основным средством государственного контроля предпринимательской деятельности, тем более в сфере посреднических услуг. Государственный контроль законности и профессионализма ее участников и защита прав потребителей осуществляется вышеупомянутыми всекитайскими государственными, профессиональными экзаменами среди физических лиц; обязательным включением в состав компаний установленного количества учредителей и сотрудников, прошедших профессиональную аттестацию, а также некоторыми особенностями организационно-правовых форм создаваемых предпринимательских структур.

Регулирование посредничества в Российской Федерации. В российской правовой науке понятие «посредничество» принято рассматривать в двух аспектах. **Во-первых**, под посредничеством понимается совершение фактических действий, направленных на выявление потенциального контрагента, согласование с ним всех необходимых условий сделки и сведение сторон для непосредственного заключения сделки. Эти действия совершаются посредником на основании агентского договора, договора, поручения, или договора об оказании услуг. **Во-вторых**, под посреднической деятельностью понимается деятельность поверенного, комиссионера, агента, а также доверительного управляющего, фактора, концессионера. То есть «...деятельность, непосредственно, как правило, без какого-либо вмешательства со стороны получателя услуг приводящая к правовому результату для последнего (установление обязательственного отношения, переносу права собственности на имущество и т.п.)» [2].

Необходимость разграничения торгового посредничества от общегражданского посредничества вызвана тем, чтобы с процессуальной точки зрения определить круг дел, подведомственных арбитражным и общегражданским судам, а также, чтобы с фискальной точки зрения подвергнуть налогообложению доход от операций с товаром в его обращении от производителя к потребителю. Однако, в российском законодательстве (как в гражданском, так и налоговом праве) отсутствуют определения понятий «посредничество», «торговое посредничество». В действующем законодательстве РФ можно встретить лишь определения специализированных видов посредничества, например: «финансовое посредничество», «вексельное посредничество», «договор морского посредничества». Также встречаются название отдельных лиц, прямо не именуемых посредниками, но, по сути, являющихся таковыми (например, брокер, дилер, дистрибьютор). Однако, общеправовые определения этих видов посредничества отсутствуют, что уже порождает определенные противоречия между отдельно действующими нормативно-правовыми актами. Так, в ст. 240 Кодекса торгового мореплавания РФ, договор морского посредничества ограничивает посредника, обязывая его совершать посреднические услуги только от имени доверителя [3].

По своей природе, это является договорным представительством, принятым в континентальном праве, однако понятие посредничества, в том числе и договорного, сложившиеся в гражданско-правовой доктрине, гораздо шире, так как предоставляет возможность посреднику действовать не только от имени доверителя, но и от своего собственного имени за счет и по поручению доверителя. Таким образом, «чистые» договоры поручения и комиссии можно встретить лишь при оказании услуг, непосредственно не связанных с приобретением – отчуждением товара, но которые могут содействовать этому. Причем в таких договорах определяющее значение играет не разделение действий на юридические действия, сделки и фактические действия, а от чьего имени посредник осуществляет все эти действия: от имени заказчика или от своего собственного. Следовательно, можно выделить три особенности, общие для законодательства Китая и России в отношении посредничества и посреднических договоров:

1) Как в КНР, так и в РФ понятие посредничества еще не получило своего законодательного определения и является предметом дискуссий.

2) В праве КНР и РФ сохраняется принцип континентальной системы, согласно которому различие между договорами проводится в зависимости от характера совершаемых посредником действий (юридические действия, сделки, фактические действия). В странах с англо-американской системой права такого разделения, как правило, нет.

3) В законодательстве обеих стран допускается заключение договоров с использованием одного из основных принципов гражданского законодательства – принципа свободы договора.

4) В праве России и Китая говорится, что при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве, согласно ст. 1211 ГК РФ [4] и ст. 126 Закона о договоре [5] в качестве общего критерия применяется право страны, с которой договор наиболее тесно связан. Таким правом считается, если иное не вытекает из закона, условий или существа договора, либо совокупности обстоятельств дела, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора, т.е. сторона, являющаяся «исполнителем» по конкретному договору.

Список источников:

1. Нырова Н.Н. Сравнительно-правовой анализ договоров посредничества в праве России и Китая и их применения для организации экспорта российских товаров на рынок КНР.
2. Егоров А.В. К вопросу о понятии посредника при сделках с заинтересованностью // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2002. №5. С.120-132; Ли А.С. Разграничение сделок представительства и посредничества // Законодательства и экономика 1995. № 11,12.
3. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации /// 1999. (ред.от 30.12.2008.) (с изм. доп., вступившими в силу с 01.01.2009).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 №146 // СПС Консультант Плюс.
5. Закон КНР «О договоре» от 15.03.1999. // Руководство по экономическим делам: Сборник справочник по уголовным, гражданским, экономическим делам.

РАЗВИТИЕ ПРАВА В ЭПОХУ ЧЖОУ

*Варфоломеева В.И.**

*Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

Древний Китай в эпоху династий Чжоу, Цинь и Хань по форме правления является типичной дальневосточной монархией. Общественная система в Китае времён Чжоу состояла в том, что император Ван утверждал и назначал удельных правителей (чжухоу), которые получали титул «гунна» и «хоу», удельными правителями становились также правители отдельных царств, признававших гегемонию Вана. Чжухоу обязаны были регулярно являться ко двору и приносить дары, за что получали от Вана также богатые подарки. При переходе от родового строя к классовому обществу (Шань-Инь) правители мелких княжеств являлись одновременно военачальниками и верховными жрецами. Их власть опиралась на сородичей, священнослужителей, войско. Как и во всех дальневосточных деспотиях, Ван (царь) считался верховным собственником земли. По религиозным канонам он объявлялся «сыном неба».

Трон передавался по наследству. Во время династии Чжоу власть царей стала обожествляться. Власть правителя считалась абсолютной, особенно во время военных действий. Традиция утверждала, что верхи всегда управляли низами. Таков всеобщий закон Поднебесной. «Одни напрягают свой ум, другие – свою силу. Тот, кто управляет людьми, кормится за их счет». Ван, его аппарат чиновничества выполняли три важные функции: заботу об орошении и ирригации, сбор налогов и ведение войн (оборонительных и захватнических). Земля считалась государственной собственностью, но владела ею община. Знать получала землю вместе с покоренным населением. Общинное владение землей являлось основой хозяйственной жизни. В начале династии Чжоу проводилась важная земельная реформа. Царь в своих интересах ввел так называемую систему колодезных полей: каждая община имела девять полей, участков, квадратов.

* **Научный руководитель:** Бальчиндоржиева Оюна Баировна, к.филос.н., ст.преп. кафедры философии Бурятского государственного университета.

Восемь полей находились в частном пользовании крестьян. Девятое, в центре, обрабатывалось совместно всеми общинниками. Урожай с него шел Вану. Реформа обеспечила своевременное и регулярное поступление в казну основной части натуральной подати с общины. Появление денег, ростовщичество, продажи земли означало вступление китайского общества в новый этап его развития.

Самым древним китайским законодательным актом был уголовный кодекс, разработанный, по преданию в X в. до н.э. и состоявший из 3 тысяч статей. Такое обилие объяснялось в достаточной степени казуистическим способом изложения, тщательностью классификации и дифференциации различных видов преступлений, которые в то время различались 500 разновидностями. Ссылки на исключительную давность китайских кодексов – дань традиции, что правитель "не создает право, а передает его, доверяя древним и любя их". Появление писаных законов в Китае фактически относится к VI-V вв. до н.э. Одним из первых был закон о поземельном налоге, принятый в VI в. в царстве Лу, закрепивший ликвидацию общинного и установление частного землевладения. Усиление законодательной деятельности в период "борющихся царств" было связано с необходимостью использования закона в целях стабилизации политической обстановки в условиях непрекращающейся борьбы отдельных княжеств между собой.

За преступления осужденных приговаривали к различным видам наказания, включая смертную казнь. Существовал выкуп за наказание. Смертная казнь была простая (обезглавливание) и квалифицированная. Ко второй относились сожжение, повешение, четвертование, закапывание живьем в землю. Виды наказаний: отрезание носа, отсечение ног, рук, ушей, выкалывание глаз. Такие наказания множили число инвалидов, но, судя по всему, преступность не исчезала. Система наказания знала укрывательство и недоносительство. Община отвечала за правонарушения своих членов, действовало правило круговой поруки.

Новые взгляды на роль права распространяли Конфуций (V в. до н.э.) и его единомышленники. По их мнению, деление людей на правителей и управляемых заложено в самой природе человека, оно извечно и неизменно. Лучше всего управлять народом не через посредство закона, а через систему исторически сложившихся норм поведения людей. Конфуцианство проповедовало сохранение древних традиций: подчинение подданных властям, младших - старшим, осуждало чрезмерное обогащение, требовало от властей заботиться о бедных. Учение Конфуция имеет своим основным постулатом идею гармонии как главного условия всеобщего космогонического порядка, равновесия в мире, а, следовательно, и счастья людей. Предложенный выход должен быть свободно принят участниками, считающими его справедливым. На переднем плане должны находиться воспитание и убеждение, а не власть и принуждение.

Китай в течение веков жил, не зная организованных юридических профессий. Людей, сведущих в законе, презирали, и если советовались с ними, то тайно. Не было юридической доктрины, и в долгой истории Китая не обнаруживается ни одного крупного юриста, оставившего в ней след. Однако с течением времени этот традиционный подход был оспорен. На IV-III вв. до н.э. (так называемый период "борющихся царств" – окончании правления Чжоуской династии) приходится оформление школы китайского легизма. Согласно позиции легистов (т.е. законников, от лат. "lex" – закон), власть должна основываться не столько на добродетели правящих, сколько на подчинении дисциплине закона и использовании его командной силы. Шан Ян создал законченное легистское учение об управлении народом и государством в период стремления китайского общества к преодолению раздробленности и к укреплению центральной власти правителя путем подавления сепаратизма родовой аристократии (IV в. – первая половина III в. до н.э.). Он отстаивал абсолютную власть правителя, который с помощью строго установленного, не подлежащего обсуждению закона определяет всю жизнь подданных.

ВИДЫ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ КНР

*Литвинова С.Ф.
Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

В законодательстве КНР нет определения «иностраный гражданин», «иностранец». Однако, в Конституции КНР 1982 г. дается определение понятию «гражданин Китайской Народной Республики». В соответствии со ст.33 все лица, имеющие гражданство Китайской Народной Республики, являются гражданами Китайской Народной Республики. Критерием отнесения физического лица к гражданам КНР является наличие гражданства. Именно эта принадлежность является определяющей.

В теории права в самом общем виде гражданство определено как устойчивая правовая связь физического лица с государством, в силу которой гражданин имеет права и обязанности, а государство обеспечивает осуществление прав и контролирует исполнение обязанностей на своей территории. Эта правовая связь не прерывается, когда гражданин находится на территории иностранного государства. И, в силу этого, государство обязано обеспечить защиту своему гражданину, находящемуся на территории иностранного государства, а гражданин обязан соблюдать законы своего государства, будучи за его пределами.

Таким образом, лица, которые не имеют гражданства КНР, не могут рассматриваться в качестве ее граждан. Такие лица, имеющие доказательство принадлежности к гражданству другого государства, рассматриваются на территории КНР в качестве иностранных граждан. В соответствии с Законом КНР «О порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев» в зависимости от степени правовой связи с КНР всех иностранных граждан, находящихся на территории КНР, можно разделить на следующие группы:

- 1) временно находящиеся;
- 2) временно проживающие;
- 3) длительно проживающие;
- 4) постоянно проживающие.

Временно находящимися на территории КНР являются граждане, которые въехали на территорию КНР на короткий срок с целью туризма, посещения родственников или по другим личным вопросам, а так же с целью транзитного пересечения территории КНР. Временно проживающими признаются иностранцы, которые въехали на территорию КНР по визам типа D, Z, X и пребывающие на территории Китая более 10 дней. Такие иностранцы должны получить вид на жительство (прибывшие на срок более одного года) или временный вид на жительство (прибывшие на срок менее года).

Иностранцы, которые в соответствии с китайским законодательством имеют в Китае инвестиции или осуществляют экономическое, научно-техническое, культурное сотрудничество с китайскими промышленными предприятиями и хозяйственными организациями, а также другие иностранцы, которым требуется длительное пребывание в Китае, на основании разрешения компетентных органов правительства Китая могут получить право на длительное проживание в стране либо на постоянное жительство (ст.14 Закона КНР «О порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев»).

В соответствии с Законом КНР «О постоянном проживании» право постоянного жительства может быть предоставлено «высококвалифицированным специалистам, занимающие посты, которые служат на благо экономики Китая, его научно-техническому или социальному прогрессу, а также иностранным гражданам, вложившим относительно крупные суммы в экономику КНР, и иностранцам, имеющим особое значение для Китая».

Несмотря на то, что иностранцы получают, так называемое, право на постоянное жительство в КНР, срок действия вида на жительство – ограничен, как и в большинстве государств. Этот срок составляет: пять лет для детей и десять – для взрослых. Иностранцы имеют особое правовое положение на территории государства. Эта особенность определяется действием в отношении их юрисдикции государства, на территории которого пребывают иностранцы, и юрисдикция государства, гражданином которого является иностранец. Правовой режим иностранцев зависит, главным образом, от того, какой режим для них установлен на территории государства. К таким правовым режимам, являющимися правомерными с точки

зрения основных принципов международного права, относятся: национальный, наибольшего благоприятствования и преференциальный.

В соответствии с национальным режимом иностранным гражданам государством предоставляются такие же права и возлагаются те же обязанности, что и на граждан КНР за исключениями, предусмотренными законодательством государства, необходимыми для обеспечения безопасности государства. В отличие от национального режим наибольшего благоприятствования предусматривает предоставление одним государством гражданам всех других государств одинакового объема прав и обязанностей, отличного от объема прав и обязанностей, установленного для собственных граждан. В том случае, если гражданам одного государства предоставляются льготы и привилегии на основании международных договоров, то в отношении таких граждан устанавливается преференциальный режим в конкретной области. В отличие от преференциального режима дискриминационный режим предполагает ограничение прав граждан одного государства по сравнению с гражданами другого государства и в соответствии с современным международным правом является неправомерным.

В Китае правовое положение иностранных граждан определяется, прежде всего, в ст.32 Конституции КНР, в соответствии с которой КНР охраняет законные права и интересы иностранцев, а находящиеся в Китае иностранцы должны соблюдать законы КНР. Из анализа содержания этой статьи, очевидно, что в ней не содержится обещание предоставить иностранцам такой же объем прав и обязанностей как и собственным гражданам (национальный режим). Национальный режим установлен в отношении осуществления процессуальной правоспособности иностранцами на территории КНР. В соответствии с со ст. 5 ГПК КНР: «иностранцы в народных судах имеют те же процессуальные права и обязанности, что и китайские граждане и юридические лица».

Кроме того, национальный режим процессуальной правоспособности закрепляется и в международных договорах КНР с другими государствами. Так, например, в соответствии с Договором РФ и КНР о правовой помощи по гражданским и уголовным делам граждане РФ пользуются на территории КНР в отношении своих личных и имущественных прав такой же правовой защитой, как и граждане КНР. Они имеют право обращаться в суды и другие учреждения, к компетенции которых относятся гражданские (в том числе торговые, брачно-семейные и трудовые дела) и уголовные дела и могут возбуждать ходатайства и осуществлять другие процессуальные действия на тех же условиях, как и граждане Китая (ст.1). Это правило распространяется и на юридические лица РФ.

Общие положения гражданского права КНР закрепляют, что при осуществлении гражданской деятельности в пределах территории Китайской Народной Республики применяются законы и положения Китайской Народной Республики, если законодательством не предусмотрено иное. Относящиеся к гражданам КНР положения настоящего Закона применяются к находящимся в пределах территории Китайской Народной Республики иностранным гражданам и лицам без гражданства, если законодательством не предусмотрено иное. В ряде нормативно-правовых актов КНР закреплены нормы частного права, которые ограничивают права иностранцев по сравнению с правами граждан КНР. В качестве такого примера можно привести право иностранцев приобретать в собственность недвижимое имущество (здания и сооружения).

Список источников:

1. Общие положения гражданского права КНР от 12 апреля 1986 г. [Электронный ресурс] / Законодательства Китая // URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/general_principles_civil_law.
2. Гражданский процессуальный кодекс КНР от 9 апреля 1991г. [Электронный ресурс] / Законодательства Китая // URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure.
3. О гражданстве: Закон от 10 сентября 1980 г. [Электронный ресурс] / Законодательства Китая // URL: http://chinalawinfo.ru/other/law_citizenship.
4. О порядке въезда в страну и выезда из страны иностранцев: Закон от 23 ноября 1985 г. [Электронный ресурс] / Законодательства Китая // URL: http://www.sinolink.ru/law_china25.htm.
5. Комментарий Министерства строительства КНР, Министерства коммерции КНР, Государственного комитета КНР по развитию и реформе, Народного Банка Китая, Главного управления Промышленно-торговой администрации КНР и Государственного управления валютного контроля по вопросам регулирования и порядка доступа иностранного капитала на рынок недвижимости № [2006] 171 от 11 июля 2006.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ КИТАЯ

*Литвинова Н.А.**

*Университет коммуникации Китая
Китай, г. Пекин*

Понятие «правовая система» теоретиками права связывается с понятием «государство» в целом. Алексеев С.С. писал о «правовых системах разных государств» [1, С. 276]. А.С. Пиголкин в соавторстве с А.Х. Саидовым отмечал, что «национальных правовых систем, как и государств, в современном мире много» [6, С. 341]. Н.И. Матузов уточнял: «В современном мире существует поразительное многообразие правовых систем. Каждая страна имеет свою систему» [4, С. 170]. При этом каждый из этих авторов включал либо не исключал из содержания понятия «правовая система» три основных компонента: «писаное право как систему норм, юридическую (судебную) практику, правовую идеологию» [1, С. 276].

Можно ли говорить о том, что правовая система государства состоит из нескольких правовых систем? В работе Р. Давида и К. Жоффре-Спинози «Основные правовые системы современности» дается положительный ответ на этот вопрос: «В современном мире каждое государство имеет свое право, а бывает и так, что в одном и том же государстве действуют несколько конкурирующих правовых систем» [2, С. 17-18]. Однако, в работе не раскрывается понятие «правовой системы», существующий внутри государства. Обладает она теми же элементами, что и правовая система государства или нет? Совпадает ли содержание понятия «правовая система государства» с понятием «правовая система, существующая внутри государства»? Можно ли говорить, что на территории одного государства действуют несколько правовых систем, характеризующихся разными системами права, юридической практикой и правовой идеологией?

Как показывает практика, несколько правовых систем может быть не только в федеративном, но и в унитарном государстве. Например, как вытекает из Конституции КНР [3], Китайская Народная Республика является унитарным государством, а его территория состоит из административно – территориальных единиц (ст. 30), в том числе особых административных районов (ст. 31). После возвращения Гонконга в 1997 г. в состав Китая, можно говорить о том, что Китай стал государством с множественностью правовых систем. Основанием для такого утверждения является то, что Гонконгу, Макао в качестве административных районов предоставлено право принимать законы, независимого судопроизводства с вынесением окончательных решений [5, С. 433-434]. На этих территориях по-прежнему действуют нормативно-правовые акты, принятые до их возвращения КНР [7, С. 29-30].

Между законодательством КНР и особых административных территорий: Гонконга и Макао, при применении норм права могут возникнуть коллизии межрегионального законодательства. Очевидно, что основной причиной возникновения таких коллизий является последовательное проведение КНР политического курса «одно государство - две системы». Этот политический курс подразумевает наличие в одном государстве образований двух социальных систем: социалистической (КНР) и капиталистической (Гонконг и Макао), а также наличие составных территорий КНР, которые пользуются широкими правами самоуправления. В процессе реализации курса «одно государство – две системы» разрушается единство системы КНР, возникают конфликты межрегионального законодательства.

При возвращении государственных территории КНР последовательно восстановила суверенитет над Гонконгом и Макао. Поскольку законодательство этих двух регионов испытало сильное влияние, соответственно, английского и португальского права, с целью сохранения их экономического процветания и стабильности правительства Великобритании, Португалии сделали совместные с КНР заявления, а на территории Гонконга и Макао были приняты специальные законы КНР, которые, по сути, стали их конституциями: Основной закон особого административного района Гонконга Китайской Народной Республики и Основной закон особого административного района Макао Китайской Народной Республики. Указанные нормативные

* **Научный сотрудник:** Литвинова Светлана Федоровна, к.ф.н., доц., ст.преп. Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

документы позволяют в основном сохранить прежнее законодательство Гонконга и Макао, предоставляют этим административным районам право принимать законы и осуществлять независимое судопроизводство с вынесением окончательных судебных решений.

Конституция КНР действует на всей ее территории, однако, ее юридическая сила не одинакова в отношении особых административных районов. Поскольку законодательство Гонконга и Макао после возвращения КНР в связи с этим не изменялось, то нельзя говорить о том, что оно было принято в соответствии с действующей Конституцией КНР. В отношении особых административных районов имеют обязательную юридическую силу нормы Конституции КНР, которые защищают суверенитет и единство государства, а также целостность его территории. Нормы других основных законов КНР действуют на территории особых административных районов только в том случае, если ими регулируются отношения, касающиеся обороноспособности и дипломатических отношений. Кроме того, Конституция КНР не определяет законодательную компетенцию центральных органов власти КНР и органов власти особых административных районов. Законодательные полномочия Гонконга и Макао определены соответствующими международными договорами и основными законами особых административных районов, которые, по сути, являются законами КНР.

Каждый из регионов КНР, имеющих самостоятельную правовую систему, пользуется полной самостоятельностью в сфере принятия и применения норм гражданского и коммерческого права. Это приводит к тому, что гражданское и коммерческое законодательство континентального Китая не имеет приоритета над соответствующим законодательством особых административных районов. Поэтому, гражданское и коммерческое законодательство континентального Китая и особых административных районов одинаково по юридической силе.

Каждому рассматриваемому региону Китая принадлежит право независимого судопроизводства и право высшей судебной инстанции. Такая ситуация в мире встречается крайне редко. В государствах с множественностью правовых систем центральный верховный судебный орган, как правило, пользуется правом окончательной инстанции по отношению ко всем судебным органам регионов, имеющих самостоятельное законодательство. На основании этого и других фактов, не рассмотренных в данной работе, можно говорить, что Гонконг и Макао являются территориями с самостоятельными правовыми системами, а КНР можно отнести к категории государств с множественностью правовых систем. Причем, три правовые системы можно отнести к правовым системам разных видов: социалистической (правовая система континентального Китая), романо-германской (правовая система Макао) и англо-саксонской (правовая система Гонконга).

Список источников:

1. Алексеев С.С. Теория права. Изд. 2-е перераб. и доп. – М.: изд. БЕК, 1995.
2. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М.: Международные отношения, 1996.
3. Конституция КНР. В кн.: Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов / Составитель, редактор и автор предисловия Л.М. Гудошников. – М., 2004. – Серия («Современное законодательство зарубежных стран»).
4. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. – М.: Юрист, 2002.
5. Международное частное право Китая (на кит. языке). – Пекин, 2004.
6. Общая теория права: Учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др./ Под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1996.
7. Шепенко Р.А. Налоговое право Китая: источники и субъекты. – М.: «Статут», 2004.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

*Пашкова Т.В.**

*Владимирский юридический институт ФСИН России
Россия, г. Владимир*

В соответствии с декларируемым принципом разделения властей в Конституции Китайской народной республики 1982 г., законодательную, исполнительную и судебную власть в Китае представляют соответственно Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) и его Постоянный комитет (ПК ВСНП), Государственный совет и общие и специальные суды страны. Но при этом хочется отметить, что теория разделения властей, разработанная Ш. Монтескье, когда законодательная, исполнительная и судебная власти являются равнозначными и взаимодополняющими, для системы государственной власти КНР не характерны. КНР игнорирует принцип разделения властей, что является традиционным для социалистического государства [4, С. 224]. Действительно, можно согласиться с утверждением автора, что КНР игнорирует принцип разделения властей. Это, конечно, не означает, что в Китае нет разделения властей, дело в том, что в любом демократическом государстве власть делится между элитными группами, а в КНР идет разделение внутри элитной группы, возглавляемой Коммунистической партией Китая. Отметим, что разделение властей – это одновременно политико–правовая доктрина и конституционный принцип, лежащий в основе организации власти любого демократического государства [6, С. 6].

Ш. Монтескье, в своей концепции разделения властей, которой придерживаются многие страны, утверждает, «...чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [6, С. 17]. В каждом государстве, писал он, есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная и власть судебная. Однако, автор говорит о недопустимости смешения властей или сосредоточения власти в одних руках [6, С. 17]. Позднее данная теория была модернизирована в США, где в Конституции 1689 г. основные положения теории были представлены системой сдержек и противовесов, когда ветви власти независимы друг от друга и взаимодополняющие.

Известно, что для всех современных государств характерно деление государственного аппарата на органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Однако, степень их разделения и взаимодействия далеко не одинакова. Иначе говоря, принцип один, а способы его реализации различны. Хотим сказать, что государственный аппарат в КНР также делится на три группы органов, но они отнюдь не соответствуют общепризнанной концепции разделения властей, в основе которой лежит принцип системы сдержек и противовесов. В соответствии с особенностями социалистической правовой системы, органы власти в Китае выстроены на основе вертикальной подчиненности, где вершиной является Коммунистическая партия Китая (далее по тексту – КПК), которая организует и руководит Всекитайским собранием народных представителей, а оно в свою очередь определяет принцип деятельности и организации Государственного совета и судебной власти. Эта концепция разделения властей схожа с той организацией власти, которую предложил Дж. Локк, который выделял законодательную власть как «первую ветвь власти», и которая была взята за основу в построении социалистических государств [6, С. 13].

Теория Дж. Локка явно просматривается в конституционном закреплении и распределении полномочий между органами государственной власти КНР. Согласно главе III Конституции КНР Всекитайское собрание народных представителей является высшим органом государственной власти. Его постоянно действующим органом является Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей. Всекитайское собрание народных представителей (далее по тексту – ВСНП) и Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей осуществляют законодательную власть в стране.

ВСНП образуется из представителей, избранных от провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и вооруженных сил. Все национальные меньшинства должны иметь соответствующее число представителей. Выборы депутатов во ВСНП проводятся под руководством постоянного комитета ВСНП. Срок полномочий членов ВСНП – 5 лет. Кроме того,

* Научный сотрудник: Богатырев Валерий Викторович, к.юрид.н., доц.

хотим отметить, что членов ВСНП предоставляет народу КПК, который в свою очередь уже их избирает, при этом все кандидаты на должности депутатов обязательно должны быть членами КПК. В ВСНП коммунисты имеют монопольную власть, выборы в него не являются демократическими. Другие партии в нем представлены по квотам, которые распределяются самой КПК [4, С. 223]. Все депутаты ВСНП как члены КПК должны подчиняться решениям партии и фиксировать ее решения в принимаемых нормативно – правовых актах. ВСНП принадлежит право изменения основного закона государства, что подчеркивает статус данного законодательного высшего органа государства, при этом одной из особенностей Конституции КНР является жесткий механизм ее изменения. Она изменяется по предложению ПК ВСНП или 1/5 от общего числа депутатов ВСНП. Решение о внесении поправок принимается большинством в 2/3 депутатов ВСНП [2, С. 623].

По своему конституционно – правовому статусу ПК ВСНП осуществляет руководство и контролирует деятельность всей системы местных органов власти. Даваемые им толкования и разъяснения общегосударственных законов обязательны для исполнения всеми местными органами. ПК ВСНП правомочен отменять нормативные акты местного характера в случаях их несоответствия Конституции и законам государства, также он осуществляет прямую связь ПК с постоянными комитетами провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Члены ПК ВСНП правомочны проводить обследования на местах. В свою очередь, представители постоянных комитетов СНП провинциального звена могут присутствовать на пленарных заседаниях ПК ВСНП, где им представляется возможность высказывать свои мнения или сообщать о положении дел на местах [5, С. 174].

Наряду с ПК ВСНП, часть полномочий коллективного главы государства выполняет Председатель КНР. По мнению китайских ученых, Председатель КНР необходим для координации высших органов государственной власти с целью «укрепления всей государственной системы», а также представительства государства с миллиардным населением в международных отношениях [5, С. 174]. Пост Председателя КНР имеет четко выраженную «китайскую специфику». С одной стороны, он, отчасти, является представителем государства, а с другой – исполнителем решений высших органов государственной власти, коими являются ВСНП и его ПК. Таким образом, Председатель КНР является высшим единоличным представительным и исполнительным органом высшего органа государственной власти – ВСНП и его ПК, осуществляющим совместно с ПК ВСНП часть полномочий главы государства [5, С. 177].

Также ВСНП подчиняет и следующий орган государственной власти – Государственный Совет, являющегося исполнительной ветвью власти. Государственный Совет КНР – Центральное народное правительство, высший орган исполнительной власти государства. Госсовет претворяет в жизнь законы и решения, разработанные и принятые ВСНП и его ПК, и подотчетен им. Другими словами – исполнительная власть в КНР подотчетна законодательной, о чем уже говорилось выше.

Говоря о судебной власти, необходимо отметить, что правовые основы судебной системы КНР определены ст.123-128 Конституции КНР и Законом КНР 1979 г. «Об организации народных судов». Правосудие в КНР осуществляется общими и специальными судебными органами. К общим относятся: Верховный народный суд и местные народные суды (народные суды высшей ступени, средней ступени и низовые). Специальными считаются военные суды (в соответствии с законом могут быть учреждены и другие специальные суды) [1].

Верховный народный суд формируется высшими органами государственной власти, он не пользуется независимостью в качестве особой ветви государственной власти: он несет ответственность перед ВСНП и его ПК, которые вправе в любое время изменить его состав. Председателя суда избирает ВСНП, а членов – ПК ВСНП. Опять же отмечаем, что судебная власть подотчетна лишь законодательной, а судьи тоже должны являться членами КПК. Кроме того, хотелось бы отметить, что надзор за соблюдением законов в КНР возложен на органы прокуратуры, в число которых входит Верховная народная прокуратура, местные народные прокуратуры, военные и другие специализированные прокуратуры. Прокуратура организационно отделена от судов. И что важно заметить – ее органы опять же формируются ВСНП, т.е. Генеральный прокурор – ВСНП, члены Верховной народной прокуратуры – ПК ВСНП, что подчеркивает ее подотчетность лишь законодательной власти и еще раз отражает отсутствие системы разделения властей в КНР [2, С. 635].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день в условиях политической стабильности идет напряженная работа всех звеньев государственного механизма по совершенствованию форм и методов деятельности. Напряженная работа в этом направлении

ведется и в кадрах Коммунистической партии Китая как важного субъекта политической системы - главного инициатора всех перемен в экономике и политике страны [3, С. 393]. Главным направлением реформы на сегодняшний день в КНР является перестройка деятельности государственного аппарата, центральным звеном которого является Коммунистическая партия. Руководящая роль КПК закрепляется как в основном законе страны – Конституции, так и в Уставе КПК 2002 г. В Конституции 1982 г. руководящая роль КПК закрепляется уже в преамбуле, где говорится, что «под предводительством Коммунистической партии Китая и руководством марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна, китайский народ всех национальностей будет продолжать придерживаться диктатуры народной демократии и социалистического пути...» [7].

КПК не только осуществляет самое общее руководство китайским народом, но и выполняет руководящие государственные функции, о которых в Конституции не упоминается. В действительности компартия разрабатывает политический курс государства и политические установки, которые утверждаются Всекитайским собранием народных представителей в качестве государственных законов и постановлений ВСНП. Все решения, имеющие жизненно важное значение для общества и государства, получают вначале одобрение в высших органах Компартии, а уже потом передаются в соответствующие государственные органы, которые на основе таких решений принимают акты и осуществляют необходимые действия для претворения их в жизнь [1, С. 483]. Как показывает современное развитие, усиление централизации КПК и обеспечение партийного влияния на государственные органы достигаются прежде всего путем совмещения высших должностей внутри партии и совмещения партийных и правительственных постов [3, С. 403-407]. Ключевые должности в государственных органах и большинстве общественных организаций занимают члены КПК, хотя никакого формального законодательно закрепленного критерия партийности для занятия таких должностей не существует [1, С. 483].

КПК и руководство партии, безусловно, оказывают политическое, идеологическое и организационное руководство страны. Сохранять институт собраний народных представителей, усиливать государственное законодательство и законоисполнение, постепенно переводить всю работу страны в русло юридизации – вот задачи, которые ставит КПК [8]. В проведенном исследовании мы не раз приводили факты, свидетельствующие о том, что законодательная власть в стране – основная. Она руководит исполнительной, судебной и даже избирает Председателя страны. Но и она ограничена «сверху» - КПК, поэтому система построения органов власти в Китае – вертикальная, где верхушка есть КПК.

В связи с этим можно смело утверждать, что Китай, на примере рассмотрения государственных органов и их взаимодействия, – есть государство социалистическое, это партия-государство, поскольку Коммунистическая партия Китая и центральная власть, в сущности, неразделимы. Полномочия главы государства по – прежнему поделены между ПК ВСНП и председателем КНР, реальное же руководство Китаем принадлежит Постоянному комитету политбюро ЦК КПК. Это положение в текст Конституции не внесено, но для КНР – это неписанный закон [4, С. 223].

Список источников:

1. Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран./ А.С. Автономов. – М., 2007. С. 483.
2. Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных стран. М, 2001.
3. Мамаева Н.Л. Коммунистическая партия Китая – ядро политической системы./КНР в 2002 г.: Политика, экономика, культура. ИДВ РАН. М., 2003. Стр. 393.
4. Попов А.П. Политические системы и политические режимы в Китае XX в. М., 2007.С.
5. Чупанов, А.С. Государственный строй КНР: конституционно-правовой аспект. Дис...: канд. юрид. наук./ А.С. Чупанов-М., 2006.
6. Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. М., 1995.
7. Конституция КНР, принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва от 4 декабря 1982 г. // URL: <http://www.uglk.net/constitution.php>
8. Общая программа Устава КПК, принятому с частичными поправками XVI Всекитайским съездом Коммунистической партии Китая 14 ноября 2002 г. // URL: <http://chupanov.narod.ru/links.htm>.
9. Судебная система. Органы контроля Китая. // URL: <http://chinese-republic.com/pravovaya-sistema-kitaya/sydebnaya-sistema.-organy-kontrolya-kitaya.html>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ, МОНГОЛИИ И КНР

*Павлова А.А.**
Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ

Прокуратура Российской Федерации - важнейший институт государственного устройства, доказавший свою состоятельность, необходимость и востребованность. Главная задача настоящего времени - его дальнейшее развитие и модернизация применительно к реалиям общественной жизни, российского законодательства и приближение к международным стандартам [8]. Близлежащие государства Центральной Азии - Монголия и Китай, - длительное время также как и Россия находились под влиянием идеологии коммунизма, и органы прокуратуры в государственном аппарате были смоделированы по советскому типу. Однако на современном этапе развитие органов прокуратуры в данных странах происходит своеобразно, и поэтому сравнительный анализ органов прокуратуры этих стран интересен с точки зрения государственного строительства.

Как верно отмечает А.В. Юрковский, несмотря на то, что сравнительно-правовые исследования правовых и политических систем стран Западной Европы и Северной Америки, безусловно, имеют повышенную значимость в силу необходимости заимствования базисного опыта указанных стран, вместе с тем, тенденции современного государственно-правового строительства отдельных государств Центральной Азии не могут быть второстепенными [9]. Тем более что с Россией Монголию и Китай связывают не только общие государственные границы, имеющие значительную протяженность, но и исторически сложившиеся схожие традиции государственно-правовой практики.

Ст. 129 Конституции РФ установила: «Прокуратура Российской Федерации составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации». Ст. 129 помещена в главу 7 Конституции РФ, которая именуется «Судебная власть» [5]. Ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» развивает понятие прокуратуры: «Прокуратура Российской Федерации - единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации» [7].

Для сравнения рассмотрим определения прокуратуры в Монголии и Китайской Народной Республике. В Конституции Монголии положение о прокуратуре закреплено в ст. 56 в разделе IV «Судебная власть». Также как в России положения о прокуратуре помещены с нормами, регламентирующими осуществление судебной власти [6]. Ст. 1 Закона «О прокуратуре Монголии» гласит: «Прокуратура Монголии является независимой и самостоятельной структурой осуществляющей надзор за исполнением законодательства в судопроизводстве от имени государства» [2]. Ст. 129 раздела VII. «Народные суды и народная прокуратура» Конституции Китайской Народной Республики определяет понятие прокуратуры следующим образом: «Народная прокуратура Китайской Народной Республики является государственным органом надзора за соблюдением законности» [4]. В соответствии с принципами Конституции и Закона КНР народные прокуратуры – это органы государственного правового надзора за законностью, осуществляющие функции государственного обвинения.

Общим в назначении прокуратуры РФ и КНР является сохранение «общего надзора», в отличие от этого прокуратура Монголии надзирает только в судопроизводстве. Отличием прокуратуры КНР является сохранение идеологической формулировки в наименовании «народная», современные Россия и Монголия, хотя провозгласили себя демократическими государствами, но отказались от прежнего наименования «народная», например, в России по отношению к суду данное прилагательное использовалось раньше.

Интересно выделение принципов прокуратуры в Китае. Ст. 2 Закона о прокурорах КНР определяет, что в КНР созданы Верховная народная прокуратура, местные народные прокуратуры

* **Научный руководитель:** Гомбоева Людмила Петровна, ст. преп., зам. дир. юридического колледжа Бурятского государственного университета.

различных ступеней, военные прокуратуры, а также другие специальные прокуратуры. Такой порядок сверху донизу отражает отношение руководителя и подчиненного между органами народной прокуратуры от высшей до низшей ступени, а также специфику централизованной и единой системы. Это значительно отличается от отношений контролера и подконтрольного между народными судами от высшей до низшей ступени. Чтобы защищать целостность государственной правовой системы, органы прокуратуры должны быть интегрированы, должны иметь очень сильную централизацию и единство [3].

Таким образом, принципы организации и деятельности органов прокуратуры России, Монголии и Китая схожи. В зависимости от закрепления способа территориальной организации публичной власти (формы государственного устройства) – основной закон Монголии может быть назван конституцией унитарного государства. В статье второй Конституции говорится о том, что Монголия является унитарным государством, а ее территория делится только на административно-территориальные единицы: столица, аймаки, сомоны, баги, районы и хороны [6]. Управление прокуратурой Монголии по административно-территориальным единицам строится следующим образом:

1. Генеральная прокуратура Монголии;
2. Прокуратуры аймаков;
3. Прокуратуры районов.

В сравнении с прокуратурой России прокуратура Монголии имеет более простую систему устройства, здесь нет специализированных военных и иных прокуратур. Отличительной особенностью прокуратуры КНР является порядок назначения местными органами управления. Генеральный прокурор Верховной народной прокуратуры избирается или смещается Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП). Главные прокуроры местных народных прокуратур разных уровней избираются или смещаются местными собраниями народных представителей соответствующего уровня. О назначении или смещении главного прокурора местной народной прокуратуры необходимо доложить главному прокурору, занимающему более высокую ступень в иерархии, который, в свою очередь, передает это на утверждение постоянному комитету собрания народных представителей соответствующего уровня [3].

Верховная народная прокуратура ответственна перед ВСНП и Постоянным комитетом ВСНП. Местные народные прокуратуры — перед местными органами государственной власти и вышестоящими народными прокуратурами. Органы прокуратуры Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Монголии организуются в соответствии с административно-территориальным устройством, учитываются также специальные сферы. Конституция Монголии отдельным подразделом определяет правовой статус прокуратуры Монголии. Прокурор осуществляет надзор за регистрацией и расследованием дела от имени государства принимает участие в судебном заседании, а также осуществляет надзор за отбыванием наказания. Генеральный прокурор и его заместители назначаются Президентом по согласованию с Великим Государственным Хуралом сроком на шесть лет [6].

Прокуратура Монголии является независимой и самостоятельной структурой, осуществляющей надзор за исполнением законодательства в судопроизводстве от имени государства [1]. Здесь можно проследить отличие прокуратуры Монголии и России в системе власти. Прокуратура России осуществляет надзор и за соблюдением Конституции РФ, и исполнением законов вообще, в то время как прокуратура Монголии выполняет надзор за исполнением законодательства конкретно в судопроизводстве. В законе о прокуратуре Монголии более четко прописаны полномочия и функции, например, Генерального прокурора, в том плане, что «Прокурор должен соблюдать нормы морали и государственной службы, уважать и ценить права и свободы, правовые интересы, честь и достоинство, сохранять государственные и личные тайны организации [1].

Российская прокуратура осуществляет свою деятельность в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. При этом основным направлением деятельности прокуратуры в России сохранился прокурорский надзор за исполнением законов, хотя полномочия прокуроров по надзору за органами расследования существенно ограничены реформой 2007 г.

Прокуратура Китайской Народной Республики не претерпела значительных изменений, по-прежнему, является значимым государственным органом с широкими надзорными

полномочиями, частично заменяет функции судебной власти. Республика Монголия в наибольшей степени, чем соседние государства восприняла западный опыт деятельности прокуратуры как органа надзора за расследованием и поддержания государственного обвинения в суде без функции общего надзора. Таким образом, каждая из постсоциалистических стран пытается определить свой путь реформирования прокуратуры в рамках общей реформы государственного аппарата.

Список источников:

1. Баясгалан Гунгаагийн, Туяа Нурэнзэдийн, Цэрэнбалтав Бат-Очирын Прокурорын байгууллагын тухая хуулийн тайлбар/ Баясгалан Гунгаагийн, Туяа Нурэнзэдийн, Цэрэнбалтав Бат-Очирын. – Улаанбаатар: Зохиогчид, 2003. С.3
2. Закон Республики Монголия «О прокуратуре Монголии».
3. Закон Китайской Народной Республики «О государственных прокурорах»// <http://www.chinapro.ru/law/16/>
4. Конституция Китайской Народной Республики // URL: <http://www.chinapro.ru/law/16/>
5. Конституция Российской Федерации. М., 1993.
6. Конституция Республики Монголия от 13 января 1992.
7. О прокуратуре Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 17 января 1992 г. (в ред. Федеральных законов от 17 ноября 1995 г.) // СЗ РФ. 1995. N 47. Ст. 4472.
8. Чайка Ю.Я. О развитии органов прокуратуры/ Чайка Ю.Я. // Адвокат. – 2006. - №7.
9. Юрковский А.В. Общая характеристика Конституции Монголии / А.В. Юрковский// Интернет-журнал «Закон».

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК ИСТОЧНИКА ПРАВА В РОССИИ И МОНГОЛИИ*

*Бянкина А.М.
Хабаровская академия экономики и права
Россия, г. Хабаровск*

Правовую систему Российской Федерации традиционно включают, по общему правилу, в романо-германскую правовую семью. В отношении Монголии, многие авторы также отмечают, что «современная правовая система Монголии входит в романо-германскую правовую семью, сохраняя определенные черты социалистического права» [4, С. 445]. Кроме того, «...большое значение имеет соединение элементов права традиционного (досоциалистического), социалистического и современного общества, что придает весьма существенное своеобразие праву Монголии» [1, С. 23]. Основным законом Монголии, как и Российской Федерации, является Конституция. Конституция государства определяет его государственное и социальное развитие. Согласно ст. 70 Конституции Монголии от 13 января 1992 г., она «начинает соблюдаться по всей стране с 12 часов 12 февраля 1992 г. или с часа лошади благословенного дня золотистой лошади, отмеченного узами молодости девятого дня первого весеннего месяца черного барса года водяной обезьяны семнадцатого шестидесятилетия» [3, С. 88]. До принятия Конституции Монголии 1992 г. ей предшествовали конституции 1924, 1940, 1960 гг., созданные в существенной степени под влиянием советской модели социализма.

При этом если взглянуть на страницы истории, «первым законодательным памятником собственно монгольского права была «Яса» (по-тюркски, по-монгольски – дзасак – закон) Чингисхана (1206 г.), которая кодифицировала обычаи, существовавшие в монгольском обществе. «Великая Яса» Чингисхана служила основой для управления завоеванными странами. Были и другие кодификации монгольского права: «Их цааз» (Великое уложение), или монголо-ойратские законы (1640 г.), и – Халха Джирум (1709 г.). В последующие годы Монголия использовала законы, изданные маньчжурскими властями – Уложение китайской палаты внешних сношений (1815 г.)» [1, С. 23]. После того, как в 1921 г. в стране произошла победа Народной революции, правовая система была построена по советскому образцу, а монгольские специалисты готовились в советских центрах. Также как и в настоящее время, многие граждане Монголии получают образование именно в образовательных учреждениях Российской Федерации.

В России в начале 1990-х гг. также возникла необходимость создания новой Конституции, которая и была принята 12 декабря 1993 г. путем проведения всенародного голосования в стране,

* Доклад отмечен благодарственным письмом Центра стратегических востоковедных исследований БГУ за глубокие знания и лучшие доклады по вопросам международного сотрудничества между странами АТР.

до нее действовали Конституции РСФСР 1918, 1925, 1937, и 1978 гг., и вступила в силу с момента опубликования результатов голосования – 25 декабря 1993 г. Конституция Монголии в п. 1 ст. 10 определяет, что «Монголия соблюдает общепризнанные нормы и принципы международного права, проводит миролюбивую внешнюю политику» [3, С. 60]. В сфере взаимоотношений КНР и Монголии следует отметить, например, что «с началом демократических преобразований значительно расширились и усложнились межгосударственные контакты Монголии. Благодаря подписанному в 1994 г. монгольско-китайскому договору о дружбе и сотрудничестве и совместным декларациям от 1998 и 2003 г., межгосударственные отношения между Монголией и Китаем непрерывно расширяются» [1, С. 22]. Конституция Монголии, согласно п. 2 ст. 10, определяет, что «Монголия честно выполняет свои обязательства согласно международным договорам»; а п. 3 ст. 10 Конституции Монголии устанавливает, что «международные договоры Монголии с момента вступления в силу закона о ратификации или присоединении имеют ту же силу, что и внутреннее законодательство» [3, С. 60].

Конституция Российской Федерации в п. 4 ст. 15 закрепляет, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [2]. Международные договоры Российской Федерации регулируют отношения России с иностранными государствами и международными организациями. Они заключаются в соответствии с Конституцией и федеральными законами от имени Российской Федерации и приобретают обязательную силу на территории России.

Данная норма российской Конституции устанавливает, что государство не только соблюдает общепризнанные нормы и принципы международного права, но и прямо прописывает, что они являются частью правовой системы страны. Кроме того, Конституция России устанавливает приоритет международного права, так как в случае расхождения закона или иного нормативного акта с международным договором, в котором участвует Российская Федерация, применяются правила, установленные этим договором. Однако это положение не применяется к Конституции России. Согласно ст. 22 ФЗ РФ «О международных договорах Российской Федерации» от 15. 07. 1995 г. № 101 – ФЗ предусмотрено, что «если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке» [6]. Конституция Монголии прямой нормы о приоритете международного права не содержит.

Кроме того, ФЗ РФ «О международных договорах Российской Федерации» в п. 1 ст. 34 определяет, что «Конституционный Суд Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным конституционным законом, разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу для Российской Федерации международных договоров либо отдельных их положений, разрешает споры о компетенции между федеральными органами государственной власти, а также между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в связи с заключением международных договоров Российской Федерации» [6]. В силу этого, п. 2 ст. 34 данного ФЗ РФ прописывает, что «не вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры, признанные Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, не подлежат введению в действие и применению» [6]. Конституция Монголии в п. 4 ст. 10 также определяет, что «Монголия не соблюдает международные договоры, другие документы, противоречащие ее Конституции» [3, С. 60]. В отношении решений Конституционного суда Монголии в п. 4 ст. 66 Конституции Монголии определено, что «если Конституционный суд принял решение о несоответствии Конституции закона, указа, других решений Великого Государственного Хурала, Президента, а также решения Правительства и международного договора Монголии, то соответствующий закон, указ, декрет о ратификации и решения считаются недействительными» [3, С. 86].

Таким образом, и Конституция Монголии, и Конституция Российской Федерации содержат схожие нормы в отношении применения и соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров. В целом, следует отметить, что в настоящее время Россия продолжает курс на развитие взаимовыгодного партнерства с Монголией. Например, 16-17 июня 2008 г. в Улан-Баторе прошла первая Международная научная конференция

«Монголия, Россия, Китай: вместе к развитию в XXI в.». Согласно п. 1 ст. 13 Конституции Монголии Улан-Батор является столицей страны [3, С. 61]. «Конференция была организована по Инициативе института международных исследований Академии наук Монголии и проведена под эгидой премьер-министра Монголии Санжийн Баяра. Обращаясь к участникам конференции, премьер сказал: «Я уверен в том, что наше сотрудничество и выпуск научных трудов как результата вашей плодотворной деятельности, научные достижения и успехи будут способствовать возрождению традиционных добрососедских отношений между нашими народами и расширению многостороннего сотрудничества Монголии с соседними странами в новых условиях» [7, С. 177].

Вопросы дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества обсуждались также и в рамках окружного совещания «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов Российской Федерации» в мае 2009 г. в Хабаровске. В частности, выступая с докладом, Президент Российской Федерации Д.А. Медведев отметил: «Серьезные возможности также открываются с еще одним нашим давним партнером и союзником – Монголией. У нас есть немалый совместный опыт работы по таким крупным объектам российско-монгольского (когда-то советско-монгольского сотрудничества), как «Эрдэнэт», «Монголросцветмет», УБЖД [Улан-Баторская железная дорога]. Со своими инициативами обратились к нам и монгольские партнеры. В частности, одна из них – это проект «Алтайское развитие». Его цель – это развитие сотрудничества Монголии, России, Казахстана и Китая в освоении полезных ископаемых, в совершенствовании транспортной и энергетической инфраструктуры, в развитии туризма, охраны окружающей среды» [5]. В целом же, следует отметить, что в настоящее время еще недостаточно проведено исследований в области изучения правовых систем таких государств как Монголия, а также Китая и Японии, в связи с чем, свободной остается широкая сфера для дальнейших сравнительно-правовых исследований.

Список источников:

1. Дробышевский В.С., Леонтьев В.И. Правовая система Монголии. Конституция: традиции и современность // Закон и практика. Научно-практический правовой журнал. № 1. 2005. С. 21-27.
2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. от 30 декабря 2008) // Официально опубликовано: Российская газета. № 22, 25.12.1993 // Справочно-правовая система «Гарант».
3. Кручин Юрий (Аюур). Монголия. Энциклопедический справочник // Юрий Кручин. – Москва-Улан-Батор. – 2005.
4. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / Отв. ред. – д. ю. н., проф. А.Я. Сухарев. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА*М), 2001. – 840 с.
5. Стенографический отчет о совещании «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов Российской Федерации» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: Официальный сайт Президента России.
6. Федеральный закон Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ (ред. от 01.12.2007) // Первоначально текст документа опубликован: Российская газета. № 140. 21. 07. 1995 // Справочно-правовая система «Гарант».
7. Яскина Г. Монголия, Россия, Китай: вместе к развитию в XXI в. // Проблемы Дальнего Востока. № 1. 2009. С. 177-179.

КОНЦЕПЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МОНГОЛИИ

*Цыбжитова О.В.**

*Новосибирский госуниверситет экономики и управления
Россия, г. Новосибирск*

Миграционные процессы всегда играли важную роль в жизни России и Монголии, обеспечивая освоение территории страны, перераспределяя население и трудовые ресурсы. Миграция в отличие от других социально-экономических явлений наиболее четко реагирует на политические, социально-экономические процессы, происходящие в обществе. От масштабов и тенденций миграционных процессов во многом зависит структура и качество рабочей силы и

* **Научный руководитель:** Гармаева Арюна Эрдынеевна, к.ф.н., научный сотрудник Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета.

всего населения в целом. Миграционные процессы в России в последнее десятилетие определялись влиянием двух противоположных групп факторов – деструктивных и конструктивных: распад СССР, прозрачность границ, взрыв национализма, межнациональными и этнополитическими конфликтами. В тоже время – демократизацией общественно-политической жизни, реализацией конституционного принципа свободы передвижений, развитием рыночных отношений, приближением к мировому рынку труда [1].

В последние годы миграция под влиянием политических и социально-экономических перемен в Монголии и за ее пределами приобрела ряд принципиально новых черт, имеющих остропроблемный характер. Например, политическая реформа на всех уровнях власти повлекла движение к либерализации и демократизации жизни в стране, расширение прав и свобод личности; формирование рыночной экономики вызвало экономический кризис, снижение уровня жизни населения, появление безработицы; возникновение частного предпринимательства привело к перемещению рабочей силы не только по всей стране, но и по всему земному шару. Важно отметить, что на миграционную активность существенное влияние оказало резкое падение общего уровня жизни населения в стране. Вторым самым важным фактором является процесс урбанизации, вызвавший отток населения из села в город. Началась и усиливается миграция населения из западных аймаков (Увэ, Завхан, Ховд) в центральные регионы страны, в большие города – Улаанбаатар, Эрдэнэт, Дархан. Особенно эта проблема касается молодежи, которая стремится быть ближе к промышленным и культурным центрам, научно-образовательным учреждениям, к различным видам транспортных средств и др.

Кроме того, в общем объеме миграции увеличивается интенсивность эмиграционных процессов. С 1995 г. начался интенсивный выезд монгольских граждан в такие развитые страны, как Южная Корея, США, Англия и др., в основном для трудоустройства на высокооплачиваемые рабочие места, так называемая трудовая эмиграция. По экспертным данным, в настоящее время число работающих в Южной Корее составляет свыше 18 тыс. человек, несколько меньше в Германии, США, Англии [3]. Как известно, среди желающих выехать на работу за рубеж особенно много молодежи. Начиная с 1996 г. трудовая эмиграция наших граждан в развитые страны носит нелегальный характер, в связи с чем отсутствует социальная защищенность таких граждан. Вместе с тем в Монголию привлекается иностранная рабочая сила. Так, например, на 1 января 2003 г. по данным Исполнительного агентства по занятости населения, в Монголии в отраслях народного хозяйства с участием иностранного капитала и по трудовым контрактам работало более 8 тыс. иностранцев из 66 стран.

Коренные изменения в социально-экономической сфере заставили по-новому взглянуть на проблемы миграции населения в обеих странах. Современная миграционная ситуация в России, являясь следствием сложной социально-экономической обстановки и общественно-политической нестабильности в стране и за рубежом, в последнее время постепенно изменяется. Сохраняется ряд негативных моментов, связанных с нарушением порядка пересечения государственной границы Российской Федерации и пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. Ее характеризуют следующие основные тенденции:

1. Иммиграция в Российскую Федерацию из различных стран мира, в том числе с нестабильной общественно-политической, экономической и санитарно-эпидемиологической обстановкой, носит масштабный характер, и иммигранты не имеют возможности получить законный статус для пребывания на территории Российской Федерации. Сложилась устойчивая тенденция превышения числа въехавших в Россию иностранных граждан над числом выехавших, причем в приграничных районах, происходит интенсивное формирование иностранных общин, которые по своей численности и влиянию постепенно вытесняют коренное население. Отсутствует эффективный государственный контроль над указанными процессами, ослаблена роль государственных органов.

2. Сокращается миграционный приток и миграционный прирост постоянного населения России. Массовый приток вынужденных мигрантов из государств-участников Содружества Независимых Государств и из стран Балтии, вызванный нестабильностью обстановки в ряде независимых государств и достигший пика в первой половине 90-х гг., постепенно снижается.

3. Сохраняется проблема легализации и социально-экономической адаптации иммигрантов, в том числе не имеющих статуса вынужденного переселенца или беженца. Возникновение и сохранение на территории Российской Федерации очагов вынужденной миграции и вызывает обострение общественно-политической обстановки на юге России.

4. Продолжает сокращаться внутренняя социально-экономическая миграция населения России. Это препятствует обеспечению рабочей силой новых и возрождающихся производств, экономическому росту [4].

5. Изменение по сравнению с предыдущими десятилетиями направлений внутренней миграции приводит к сокращению населения в северных и восточных регионах страны, наиболее богатых сырьевыми ресурсами, а также населения приграничных территорий. Массовое переселение иностранных граждан и лиц без гражданства в районы, граничащие с государствами Центральной и Восточной Азии, и их незаконное пребывание в этих районах ухудшает социальную обстановку, является угрозой безопасности Российской Федерации.

6. В результате оттока русского населения прослеживается изменение этнической структуры в ряде республик, которая выражается в абсолютном и относительном росте численности представителей коренных национальностей.

7. Развиваются процессы внешней (межгосударственной) трудовой миграции в виде привлечения и использования в Российской Федерации труда иностранных граждан и лиц без гражданства и выезда российских граждан за границу с целью работы по найму. Эти процессы также сопровождаются нелегальным трудоустройством иностранцев в России и российских граждан за рубежом, нарушением их трудовых и социальных прав.

8. Эмиграция на постоянное место жительства в страны дальнего зарубежья носит экономический характер и сопровождается оттоком из России квалифицированных кадров, что ведет к ослаблению научного, творческого и экономического потенциала страны.

9. Миграция населения также связана с неблагоприятной экологической обстановкой и стихийными бедствиями (экологическая миграция). Техногенные катастрофы, природные катаклизмы вызывают экстренное массовое переселение людей.

В Монголии в настоящее время на конституциональном уровне признается право граждан на свободное перемещение и выбор места жительства. Миграция, таким образом, выступает своеобразным социальным индикатором развития общества, развития социально-экономических и социально-трудовых процессов. Реальная сложившаяся в Монголии ситуация в вопросах внешней и внутренней миграции носит актуальный характер. Государство не уделяет должного внимания проблемам миграции, ссылаясь при этом на нехватку средств. Однако для оптимального управления миграцией необходим комплекс социально-экономических и нормативно-правовых мероприятий со стороны государства.

Одним из важных направлений деятельности государства должна стать разработка государственной миграционной политики, реализация которой способствовала бы нормализации миграционной ситуации в стране. В настоящее время под воздействием ряда объективных и субъективных причин в нашей стране такая политика полностью не разработана и проводится в отрыве от других направлений социально-экономической политики правительства. Масштабность миграционных процессов в современном обществе и значимость тех социальных перемен, которые ими привносятся в экономическую, политическую, социокультурную жизнь стран и народов, требует дальнейшего усиления внимания к их всестороннему исследованию, в том числе со стороны представителей социальной философии как интегративной науки, способной осуществить комплексный анализ миграции как сложного явления современной общественной жизни.

Список источников:

1. Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе. – СОЦИУС, 1978. -№1.
2. Караханова Т.М. Некоторые вопросы миграции населения в Узбекской ССР: Автореф. дисс. ... к.э.н. - М., 1971.
3. Касперович Г.И. Миграция населения в города и этнические процессы. – Минск, 1985.
4. Переведенцев В.И. Современная миграция населения западной Сибири. – Новосибирск, 1965.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В СФЕРЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

*Протасова А.С.
Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

Внешняя трудовая миграция представляет собой наиболее многочисленный миграционный процесс, оказывающий влияние на социально-экономическую и политическую ситуацию в государстве. В сфере правового регулирования внешней трудовой миграции международные договоры выступают ведущим международно-правовым источником. Так, в Конституции РФ установлен приоритет норм международного договора над нормами национального права, согласно ч.4 ст.15: «если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» Как правило, международные договоры предоставляют трудящимся-мигрантам повышенные трудовые и социальные гарантии, чем действующее национальное государство.

Вопросы взаимодействия в правовом регулировании трудовых отношений находят отражение в международных двусторонних соглашениях. Двусторонние соглашения между РФ и государствами АТР регулируют различные вопросы, возникающие в процессе осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности в государстве места пребывания. Анализируя данные соглашения, необходимо отметить общность их содержания. По мнению А. Коптярева, «они носят рамочный характер и часто используют такие структуры, как отнесение регулирования отдельных вопросов к другим соглашениям, заключаемым на этом же уровне или на более низком» [1]. Данные соглашения заключаются исходя из взаимной заинтересованности в регулировании процессов привлечения и использования рабочей силы, развитию и укреплению отношений. За реализацией заключенного соглашения обозначены уполномоченные органы, координирующие и осуществляющие контроль с обеих сторон. В Российской Федерации это Министерство труда и социального развития, а также Федеральная миграционная служба. Кроме того, компетентные органы сторон соглашения могут образовывать рабочую группу для решения поставленных вопросов.

Порядок въезда работников в принимающее государство и выезда из него решаются на основе законодательства этого государства. Относительно статуса иностранного работника в государстве, принимающем трудящегося, обычно действует национальный режим. Такие нормы могут быть закреплены и во внутреннем законодательстве. Например, согласно п.2 ст.8 Закона Монголии о правовом положении иностранных граждан: иностранные граждане могут осуществлять права и свободы, возложенные на них законодательством Монголии в том же порядке, что и граждане Монголии [2]. Кроме того, двусторонние соглашения содержат следующие вопросы: обязательность выдачи иностранным работникам разрешений в соответствии с законодательством РФ (с указанием срока действия) на период выполнения определенной работы у конкретного работодателя; аннулирование разрешения в случае выполнения иностранцем другой дополнительной работы за вознаграждение; порядок покрытия расходов по проезду иностранного работника в РФ и обратно; условия его проживания в РФ; условия труда иностранных работников (оплата труда, компенсации при расторжении, в том числе досрочном, трудового договора и т.д.); условия социального и медицинского страхования, медицинского обслуживания, налогообложения, вознаграждения и правовая защита. Во всех соглашениях обязательно указываются: условия вступления в силу; срок их действия и возможность продления на определенных условиях.

Несмотря на их общность в регулировании, как отметила Г.С. Скачкова [3], такие соглашения содержат ряд особенностей в реализации указанных выше положений. Самым ранним из действующих международных актов о внешней трудовой миграции является соглашение с Вьетнамом, которое было заключено еще на основе соглашения бывшего СССР [4]. Так, в действующем Соглашении между Правительством РФ и Правительством Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) [5] установлен срок пребывания работников - граждан СРВ в РФ не более 3 лет. Возраст вьетнамских граждан при выполнении работы в РФ составляет от 18 до 40 лет, специалистов - не свыше 50 лет. В данном Соглашении говорится об обязательности наличия у граждан СРВ необходимой профессиональной подготовки и состояния здоровья, соответствующих предъявляемым к ним требованиям. Также указано на то, что расчеты между

предприятием РФ и организацией СРВ за использование вьетнамской рабочей силы в рамках указанного Соглашения определяются в каждом конкретном случае при заключении контракта; установлены условия и порядок выплаты заработной платы как в денежной, так и в натуральной форме.

Что касается Соглашения РФ с Китайской Народной Республикой (КНР) [6], то в этом документе идет речь об осуществлении временной трудовой деятельности на территории другого государства: а) в соответствии с договорами на выполнение работ или оказание услуг, заключенными между юридическим или физическим лицами принимающего государства и юридическими лицами государства постоянного проживания, с которыми работники находятся в трудовых отношениях; б) в соответствии с трудовыми договорами, заключенными с работодателями - юридическими лицами принимающего государства. Из анализа данной нормы следует, что правовой режим указанных категорий работников различен, а особенности правового положения определяются природой трудовых и гражданских правоотношений. В целях обеспечения защиты всех трудящихся-мигрантов в доктрине существует мнение, в частности, Ю.В. Жильцова [7], который отмечает целесообразность распространения действие таких Соглашений и на тех работников, которые трудятся по гражданско-правовым договорам заключенным непосредственно с работодателями иностранного государства.

Соглашение РФ с КНР закрепляет также, что при привлечении и использовании работников учитывается потребность в иностранной рабочей силе на национальном рынке труда; обязательно наличие разрешения (сроком до 1 года, с возможностью продления не более чем на 1 год) на осуществление трудовой деятельности и сертификата о пригодности работника (в возрасте не моложе 18 лет), по состоянию здоровья к выполнению предлагаемой работы. В случае выполнения гражданином КНР работ, требующих определенной специальности и квалификации, необходимо представление соответствующих документов о специальности и квалификации и нотариально заверенного в установленном порядке их перевода на государственный язык РФ.

Относительно тех государств, с которыми не заключены такого рода соглашения, то вопросы о регулировании трудовых отношений могут содержаться и в международных договорах РФ о взаимной правовой помощи. Так, Договор между РФ и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам 1999 г. [8] содержит нормы, посвященные вопросам трудового права. Согласно ст.25 Договора 1999 г. «стороны трудового договора могут сами выбрать законодательство, регулирующее их трудовые отношения» (п.1). Далее в п.2 этого документа сказано «...если законодательство не выбрано, то заключение, изменение, прекращение трудового договора и вытекающие из него претензии регулируются законодательством Договаривающейся Стороны, на территории которой выполняется, выполнялась или должна была выполняться работа».

Если работник выполняет работу на территории одной Договаривающейся Стороны на основании трудового договора с предприятием, находящимся на территории другой Договаривающейся Стороны, заключение, изменение, прекращение трудового договора и вытекающие из него претензии регулируются законодательством этой Договаривающейся Стороны». Помимо этого, Договор содержит указание на компетентность судов при рассмотрении споров, вытекающих из трудовых отношений. Так, согласно п.3 этой же статьи «...компетентны суды Договаривающейся Стороны, на территории которой выполняется, выполнялась или должна была выполняться работа. Компетентны также суды Договаривающейся Стороны, на территории которой имеет местожительство или местонахождение ответчик, равно как и на территории, которой имеет местожительство или местонахождение истец, если на этой территории находится предмет спора или имущество ответчика».

Аналогичный договор существует и между РФ и СРВ от 1998 г. [9], но в отличие от Договора 1999 г. с Монголией этот документ не содержит нормы, согласно которой стороны путем соглашения могут изменить установленную компетенцию суда на рассмотрение споров, вытекающих из трудовых отношений. Что касается договора о правовой помощи РФ с Китаем, то он вообще не содержит норм о коллизионном регулировании. Это объясняется тем, что внутреннее законодательство Китая содержит нормы, регулирующие вопросы применения законодательства и гражданских прав в отношениях с зарубежными странами. Так, раздел X Общих положений гражданского права КНР 1986 г. [10] включает общие коллизионные нормы, такие как выбор права по соглашению сторон договора, принцип наиболее тесной связи и т.д.

Однако если обратиться непосредственно к Трудовому кодексу КНР [11], то он содержит императивную норму (ст.2), согласно которой его положения «применяются ко всем находящимся

на территории КНР предприятиям, индивидуальным хозяйственным организациям и трудящимся, вступившим с ними в трудовые отношения». Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что практика заключения двусторонних договоров является весьма перспективной в связи с тем, что РФ не присоединилась ни к одной международной конвенции о трудящихся-мигрантах. Заключение в этой сфере международных договоров на двустороннем уровне должно являться гарантией предоставления особого благоприятного режима для трудящихся-мигрантов и защиты их прав.

Список источников:

1. Коптярева А. Международное правовое регулирование труда мигрантов// "Кадровик. Трудовое право для кадровика", 2007, №10.
2. Law of Mongolia on the legal status of foreign citizens. Ulaanbaatar. 24 December 1993// <http://www.investmongolia.com/law54.pdf>.
3. Скачкова Г.С. Труд иностранцев в России. М.: Волтерс Клувер, 2006, С.24.
4. Соглашение между СССР и Вьетнамом о направлении и приеме вьетнамских граждан на профессиональное обучение и работу на предприятиях и организациях СССР от 02.04.1981.// СПС Консультант Плюс.
5. Соглашении между Правительством РФ и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о принципах направления и приема вьетнамских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях РФ от 29 сентября 1992 г. // СПС Консультант Плюс.
6. Соглашения между Правительством РФ и Правительством Китайской Народной Республики о временной трудовой деятельности граждан РФ в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в РФ от 3 ноября 2000. // URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_15169.html.
7. Ю.В. Жильцова Правовое регулирование трудовых отношений работников-мигрантов: Дисс... на соик. учен. ст. канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2002. С. 85.
8. Договор между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 20.04.1999 г. // СПС Консультант Плюс.
9. Раздел 5, ст.44 Договора между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам и правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 25.08.1998 г. // СПС Консультант Плюс.
10. Раздел X Общих положений гражданского права КНР от 12.04.1986. // URL: <http://www.labatr.bsu.ru/index.php?mod=pages&page=zakonstvo>.
11. Трудовой кодекс КНР от 05.07.1994. // <http://www.labatr.bsu.ru/index.php?mod=pages&page=zakonstvo>.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В КНР И РФ⁶

中俄宪法监督机制比较

Сун Хань*

*Чаньчуньский государственный политехнический университет
Китай, г. Чаньчунь*

Данная статья посвящена истории развития и современному состоянию конституционного контроля в России и в Китае. Проводится сравнительно-правовой анализ средств конституционного контроля, формулируются выводы о существенных различиях и их причинах.

The constitution is the fundamental law of the State and the core of the national legal system. Constitutional supervision appears with the creation and implementation of the Constitution, which plays an important role in guaranteeing the implementation of the Constitution. The practice and constitutional government of modern times proved that establishing feasible constitutional supervision system can ensure strong deterrent of constitutional law to establish authority of constitutional law, and then turn the value of constitutional law into reality. So all the countries established constitutional supervision system

⁶ Перевод настоящей статьи на русский язык опубликован на сайте лаборатории сравнительного правоведения в странах АТР (www.labatr.bsu.ru).

* **Научный руководитель:** Лян Минь Янь, д.юрид.н., проф. Чаньчуньского государственного политехнического университета.

according to the requirement of their social reality and constitutional practice. This article begins with the historical development of the constitutional supervision mechanism between Russian and China. The differences of constitutional supervision mechanisms between these two countries are compared and analysis including the establishment of the constitutional court and so on. By comparison, we also see the absence of special constitutional supervision department in our country at this stage. The differences of basic system and country conditions between China and Russia are the main reason for the discrepancy in constitutional review system. But Soviet Union before Russia is a socialist country after all, Russia's current constitution supervision system will have an important reference and inspiration in improving and perfecting our own constitution supervision system. With the development of the socialist market economy, China's political reform and extensive contacts with the international community, constitutional supervision mechanisms in China will gradually be understood and ultimately established and improved.

一、引言

中国和俄罗斯同属世界大国。特别是近些年来，两国无论在经济、政治、文化方面都会对世界起着比较重要的影响。特别是在经济全球化的今天，两国之间的联系也越来越密切。今天的中国，除了各个方面的发展以外，法律的发展在这其中的影响力越来越大。然而，一个国家的法律除了结合自身的发展体制等因素以外，它的制定还必须同世界其他国家的法律进行对比。取长补短，才能更好地完善我国的各个方面的法律。

在法律众多的类型之中，宪法都是这两个国家的基本法律。宪法是我国的根本大法，在我国的法律中起到基础性的和指导性的作用，我国的法律规定，我们国家的任何法律都要以宪法作为基本法则。所以宪法的监督机制也就起到了完全不可忽视的作用。而同时，俄罗斯宪法法院是俄罗斯宪法监督机制中最为重要的机构，在俄罗斯宪政制度的建立过程中发挥了重要作用，同时也是俄罗斯宪政制度的体现。但是，中国的宪法代表的是工人阶级的利益，而俄罗斯的宪法代表的是资本主义的利益。所以二者的本质上有极大的不同。具体的细节也有可比之处，本文将具体阐述这一方面的内容：

二、俄罗斯宪法监督机制

俄罗斯宪法监督机制发展主要有以下几个时期：

（一）苏联最高国家权力机关审查制时期

在几乎整个苏维埃国家存在时期，苏联都实行最高国家权力机关审查制。以协助最高国家权力机关履行违宪审查职能的具体机关为标准，我们可以把苏联最高国家权力机关审查制时期划分为四个的历史阶段。

1、立法计划处协助履行违宪审查职能阶段

在1918年，世界上的第一部社会主义类型宪法，即《俄罗斯社会主义联邦苏维埃共和国宪法（根本法）》，首创了最高国家权力机关审查制。该宪法规定，由最高国家权力机关的常设机关负责监督宪法的实施。为了便于落实最高国家权力机关常设机关的违宪审查职能，全俄中央执行委员会立法计划处负责具体审查规范性文件的合宪性，并提出初步结论意见。

2、最高法院或最高检察院协助履行违宪审查职能阶段

1924年颁布的《苏维埃社会主义共和国联盟宪法（根本法）》。该宪法再次规定，由最高国家权力机关的常设机关负责监督宪法的实施。当时，作为最高国家权力机关常设机关的苏联中央执行委员会主席团在违宪审查领域做了大量工作。

3、最高苏维埃两院常设委员会协助履行违宪审查职能阶段

1936年苏联宪法和1977年苏联宪法生效时期，都由苏联最高苏维埃两院常设委员会协助履行违宪审查职能。1977年苏联宪法在本国前三部宪法经验教训的基础上，进一步完善了最高国家权力机关审查制。规定了较具体的违宪审查程序。

4、宪法监督委员会协助履行违宪审查职能阶段

1988年，苏联最高苏维埃在总结本国违宪审查制度经验教训，借鉴其他社会主义国家违宪审查制度经验的基础上，通过了1977年苏联宪法的第一个修改补充法。该宪法修改补充法在坚持最高国家权力机关审查制的同时，增设了一个独立的、专门的违宪审查机关——苏联宪法监督委员会。苏联宪法监督委员会既可以受苏联最高国家权力机关及其常设机关的委托，又可以根据自己的动议实施宪法监督。

（二）俄罗斯联邦宪法法院审查制时期

从苏联解体前夕到现在，俄罗斯联邦都实行宪法法院审查制。以1993年俄罗斯联邦宪法的颁布为分界点，又可以把俄罗斯联邦宪法法院审查制的历史发展划分为两个不同的阶段：宪法法院审查制的初步建立阶段和宪法法院审查制的进一步完善阶段。

1、俄罗斯联邦宪法法院审查制的初步建立阶段

苏联后期，为了进一步完善国家的违宪审查制度，苏联法学界开展了两次广泛的讨论。第一次大讨论，是在1977年苏联宪法起草和全民讨论期间进行的。第二次大讨论，是在“戈尔巴乔夫改革”时期进行的。十年前提出的改革设想，也因为得到以戈尔巴乔夫为首的苏共中央的支持而实现，其中有不少人提出了关于建立宪法法院的建议。到1990年3月，苏联人民代表大会通过了1977年苏联宪法的第三个修改补充法，即《关于设立苏联总统职位和修改补充苏联宪法法》。该法首次确认了三权分立的原则，并首次确认了政治多元化和意识形态多元化原则。苏维埃至高无上的观念在人们头脑中逐渐消失殆尽。在这种形势下，将宪法监督委员会改组为宪法法院的时机成熟了。1990年，苏联宪法监督委员会着手工作。各加盟共和国也仿效联盟国家，建立了自己的专门宪法监督机关。但它们向前迈进了一步，把自己的专门宪法监督机关称为宪法法院。当时宪法法院的性质是宪法监督的最高司法机关。

2、俄罗斯联邦宪法法院审查制的进一步完善阶段

为了巩固资产阶级民主革命的胜利成果，确认新的国家制度，俄罗斯联邦于1993年以全民公决形式通过了现行宪法。俄罗斯联邦宪法完成了从社会主义宪法制度向资本主义类型宪法制度的转变。总之，从苏联时期的最高国家权力机关审查制，到当代的宪法法院审查制，俄罗斯联邦实现了违宪审查制度的彻底转型。这一进程表明，俄罗斯联邦违宪审查制度的彻底转型不是一蹴而就完成的，而是在各方面条件都已具备的情况下“然而”地建立起来的。其中，最重要的前提和基础，就是苏联剧变时期政治、经济和社会生活的变革以及与之相伴的宪法修改。换一句话说，一个国家采取何种违宪审查制度，归根结底，应当取决于一个国家的国情，即一个国家的历史传统、政治体制和法律结构。世界上从来就没有什么放之四海而皆准的违宪审查制度。

三、我国宪法监督机制

我国现行的1982年宪法是一部具有中国特色的社会主义宪法，同时也是新中国建国以来制定得最好的一部宪法。

（一）我国宪法监督制度的建立综观我国宪法发展的历史，中国的宪法监督和解释制度的发展主要经历了以下几个阶段。

第一个阶段以1954年宪法规定为代表。根据1954年宪法，全国人大有权“监督宪法的实施”；全国人大常委会有权“解释法律”以及“撤销国务院的同宪法、法律和法令相抵触的决议和命令”。因此，从宪法规定精神和内容看，全国人大及其常委会均行使宪法实施的监督权。可以说1954年宪法确立了以立法解释为表现形式的宪法监督制度。但是该部宪法并没有明确规定宪法解释制度，未形成一个很完善的宪法监督体系。

第二个阶段以1978年宪法规定为代表。1978年宪法规定，全国人大有权“监督宪法和法律实施”；全国人大常委会有权“解释宪法和法律，制定法令”以及“改变或撤销省、自治区、直辖市国家权力机关的不适当的决议”。由此可以看出，在宪法解释问题上，1978年宪法明确建立了宪法解释制度，比1954年宪法有所进步。因此，可以说1978年宪法建立了以宪法解释为表现形式的宪法监督制度，但没有将宪法解释和宪法监督这两个职能分开，实际上也是没法行使这一权力。

第三个阶段以1982年宪法规定为代表。1982年宪法明确规定，全国人大有权“监督宪法的实施”，“改变或者撤销全国人大常委会不适当的决定”。全国人大常委会有权“解释宪法，监督宪法的实施”；有权“解释法律”；“撤销国务院制定的同宪法、法律相抵触的行政法规、决定和命令”；“撤销省、自治区、直辖市国家权力机关制定的同宪法、法律和行政法规相抵触的地方性法规和决议”。从上述规定可以看出，1982年宪法通过宪法解释权制度与违宪法规等的撤销制度相结合的方式，已经形成比较完整意义上的违宪审查制度。但是1982年宪法仍然没有明确规定全国人大及其常委会制定的违反宪法的法律的撤销与审查问题。因此，中国现行宪法监督制度仍然还不健全。宪法监督制度首先应当包括违宪立法审查权和撤销权。对全国人大及其常委会的立法违宪问题，在现行宪法监督制度下是难以解决的。全国人大及其常委会两个机构监督宪法的实施，但这两个机构没有办法监督其本身。在宪法之下的人大制定的基本法律和人大常委会制定的法律这两个层次，都没有被监督。所以，严格来讲，宪法监督制度在我国实际上并未真正建立起来。

（二）我国宪法监督的现状。

我国现行宪法在总结我国宪法监督实践经验教训的基础上，根据我国社会主义建设新时期的发展需要，同时借鉴世界其他国家宪法监督的有益做法，对我国的宪法监督制度作出了新的规定，使我国的宪法监督制度得到了进一步的发展和完善。现行宪法对宪法监督制度的规定主要体现在以下方面。明确宣布了宪法的根本法地位和最高的法律效力。

（三）我国宪法监督存在的问题。

我国的宪法监督制度得到了进一步的完善，中国特色的社会主义宪政建设也取得了一定成就。我国现行宪法规定全国人大及其常委会是负责监督宪法实施的专门机关，但全国人大及其常委会并不是专任宪法监督实施的专任机关。全国人大及其常委会是我国的最高权力机关。按照宪法规定，全国人大的职权有 15 项之多，全国人大常委会的职权有 21 项之多。宪法监督只是这些职权中的一项职权。在全国的宪法监督体制中，相对于其他国家机关、社会组织和个人来说，全国人大及其常委会是宪法监督专门机关。但就它们的法律地位和职权来说，并不是专任监督宪法实施的机关。在它们的辅助性机构中，包括法律委员会，也不是专任宪法监督的。特定问题的调查委员会也不是只有在处理违宪问题的情况下才成立的。因此，全国人大及其常委会是我国宪法监督的专门机关，但不是专任机关。专门机关要求它们主持宪法监督和全权处理违宪问题，而非专任机关又使它们不能集中时间和精力来专注于宪法监督工作。

四、比较俄罗斯联邦宪法法院和我国宪法监督机制异同

（一）在宪法法院设立问题上的不同

通过前面对俄罗斯联邦宪法法院运转实践的分析，不难发现，俄罗斯联邦宪法法院自其建立以来，虽然在维护俄罗斯联邦宪政体制、保障联邦统一和领土完整、保护人和公民权利与自由等方面发挥了极其重要的作用，但其也曾在十余年时间里面临权威性不高的窘境。直到普京总统上任，大力营造“围剿”违宪文件的氛围之后，情况才得以转变。可以说，俄罗斯联邦宪法法院权威的恢复和重振，正是借助于以总统为首的强有力政府的推动。俄罗斯联邦宪法法院的运转实践表明，只有与特定国家社会转型期的具体国情与发展阶段相适应，违宪审查制度才能得到进步和发展。俄罗斯联邦宪法法院的实例，不是一个孤立的经验，同样给我们以启发和借鉴。

相比较俄罗斯宪法法院，我国没有俄罗斯那样的宪法法院，但是同样有宪法监督的机制，根据我国的国情，也不适宜建立像俄罗斯那样的宪法法院，其原意有：第一，“代议机关至上”理论的存在。我国是社会主义国家，实行的是人民代表大会制度。民主集中制原则是国家机关组织和活动的基本原则。全国人民代表大会及其常务委员会在我国现行国家机关组织体系中居于最高和至上的地位。第二，我国人民代表大会由选民民主选举产生，代表人民的意志和利益。由法院审查全国人大及其常委会所制定法律的合宪性，缺乏民意基础。而且，我国历来没有强势的司法传统，当下法官的素质也难以胜任司法审查工作。第三，我国宪法虽然宣布根本法具有“最高法律效力”，但未宣布它具有“直接的法律效力”，因此无法作为普通法院审理宪法诉讼案的依据。第四，以经济建设为中心，努力提高我国的经济实力和军事实力，是目前我国的主要任务。只有这样，才能保证我国在全球经济危机和周边安全形势严峻的情况下，又好又快发展。马上设立宪法法院，并相应改变我国的国家机关体系，改变我国国家机关组织和活动的基本原则，势必导致大搞政治体制改革。这样做，将打乱全党全国的中心工作。由此可见，目前我国并不具备俄罗斯联邦宪法法院确立之前已经具备的诸多前提性条件。随着政治体制改革与司法体制改革的逐步完成，即使我国将来具备了建立宪法法院制度的条件，也需要审慎与全面地进行研究和实施。

（二）在违宪审查制度上的不同

目前，我国的违宪审查制度已基本建立。尤其是 2000 年《立法法》的颁布实施，“无疑在推动违宪审查从制度规范到法律实践方面起到了非常重要的促进作用”。随后，于 2004 年 5 月成立的“法规审查备案室”也具有积极的意义。因此，我国目前最为迫切的任务，应该是尽快完善既有的违宪审查制度，让这一制度通过启动条件、审查程序、责任设定等方面的改进和完善而切实运转起来，而不是提倡什么“宪法司法化”。为了顺利完成上述任务，我们可以研究包括《俄罗斯联邦宪法法院法》和《俄罗斯联邦宪法法院议事规则》在内的世界主要国家具体的宪法司法制度。

五、俄罗斯宪法监督制度对我国的宪政建设的启示

俄罗斯联邦这种对待宪政建设的态度值得我们注意。我国是社会主义国家，实行的是人民代表大会制度。它“植根于中国特殊的国情，契合社会主义国家性质，符合广大人民群众的共同利益，体现了国家一切权力属于人民”，具有极大的优越性。然而，随着市场经济的发展、民主政治的深入与“理性文化”的普及，这一根本政治制度也需要与时俱进，适时进行调适和改进。特别是

在党的十七大会议之后，我国要进一步加快政治体制改革，推进社会民主建设，以尽快实现社会主义政治文明，就应该不断地完善我国的人民代表大会制度。但需要指出的是，“深化政治体制改革，是不断推进包括人民代表大会制度在内的社会主义政治制度的自我完善和发展。要积极借鉴人类社会创造的文明成果包括政治文明的有益成果，但绝不照搬西方那一套，绝不搞多党轮流执政、‘三权分立’、两院制”。在改进与完善人民代表大会制度的过程中，我们同样要坚持与我国国家性质、具体国情和发展阶段相适应的改革立场。一个健全而完善的宪法监督机制在我国的确立，还要经历一个不断发展的过程，有赖于国家领导者和各方面的共同努力。但是，随着我国社会主义市场经济的不断发展和与国际社会的广泛接触，在倡导人权的大大的政治背景下，宪法监督机制将随着我国政治体制改革的进程逐渐被人们认识并最终建立并完善。

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ В МОНГОЛИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

*Бадмаев Ч.М.**

Бурятский государственный университет

Россия, г. Улан-Удэ

Политико-правовая доктрина и конституционный принцип разделения властей является важным гарантом демократии, защиты прав и свобод человека. Сбалансированное разделение властей необходимо для их взаимного сдерживания и контроля. В то же время, одновременно составляя единое целое, все ветви власти должны сотрудничать во имя общих целей государства.

Истоки теории разделения властей, которую следует отнести к числу важнейших ценностей юридико-правового мышления человечества, свое начало берут с идейного наследия древнегреческих и древнеримских выдающихся мыслителей. Античные мыслители признавали независимость, самостоятельность власти, развивали в своих трудах институты «совещательного голоса», «формы правления», «судебного разбирательства», явились основоположниками теоретической и методологической разработки теории власти. Однако авторство теории разделения властей принадлежит, бесспорно, двум гениальным мыслителям: английскому философу Дж. Локку (1632-1704) и знаменитому мыслителю и юристу Ш.Л. Монтескье (1689-1755), которые придали этой доктрине завершённый вид. Например, с либеральных и умеренных позиций Дж. Локк сформулировал некоторые общие принципы государственного строя в форме конституционной монархии.

В целях обеспечения основных прав человека, Дж. Локк считал необходимым ограничить политическую власть и ввести ее в определенные рамки. Одним из важнейших средств достижения этого он считал разделение властей, способное предотвратить концентрацию всей полноты власти у одних и тех же людей, которые, обладая возможностью создавать законы, могут захотеть исполнять их исходя из своей личной выгоды, в противоречии с общими интересами.

Учитывая объективные потребности в разделении усложняющегося труда по управлению государством, Локк различал три ветви власти: законодательную, исполнительную и федеративную (союзную). Законодательная власть как выражение воли народа должна быть отделена от остальных властей и отдана в руки «многих лиц, надлежащим образом соединенных в собраниях», то есть, избираемому всеми гражданами представительному органу – парламенту.

Судебную власть Локк не обозначает как отдельную, а считает ее составным элементом исполнительной власти, подчеркивая при этом, что в осуществлении правосудия должен принимать участие народ. Посредством «правильной» организации государственной власти Локк стремился сконструировать сложный политический механизм, способный уравновесить власть правительства, вложив отдельные части ее в различные руки, а именно разделить ее между буржуазией и дворянством [1, с. 62]. Право на создание законодательных актов дается гражданам и осуществляется представительными органами, которые должны также и следить за их соблюдением. Исполнительной властью президент, который обладает правом назначать министров.

* **Научный руководитель:** Гармаева Арюна Эрдынеевна, к.ф.н., научный сотрудник Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета.

Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором законодательная, исполнительная и судебная власти были бы разделены и могли взаимно сдерживать друг друга, писал Ш.Л. Монтескье в своем основном труде «О духе законов». Теория Монтескье о разделении властей нашла отражение в своде законов США 1787 г. и «Декларации прав человека» 1789 г., в законодательных актах Франции 1791 г.

Теория разделения властей в трактовке Монтескье легла в основу конституционных норм относительно организации власти Французской республики и США, также очень большое влияние оказало и оказывает на демократический порядок и правовой строй государств. Подобное разделение властей становится нормой и принципом основной конституции, организующего не только теорию государства строя-права, но и демократическую власть. Проблемы теории разделения властей еще не решены, но являются одним из важных объектов исследования в современном правоведении и в правоведении основных законов.

В новой Конституции Монголии разделение властей делится на законодательную, которую представляет Великий Государственный Хурал – постоянно действующий высший законодательный орган (Парламент); исполнительную – Глава государства – Президент страны, Правительство и его органы; судебную – Конституционный суд и судьи всех инстанций. Все еще далеки от совершенства, как в практическом, так и в теоретическом отношении разработки целостной концепции новой демократической государственности в Монголии, особенно в отношении создания механизма сдержек и противовесов, позволяющего сбалансировать различные ветви власти и поставить эффективный заслон на пути к узурпации власти. Такой механизм, все еще находящийся на начальной стадии формирования – один из важнейших гарантий демократического развития Монголии. Именно поэтому, с целью совершенствования механизма сбалансирования деятельности высших органов государственной власти – Президента – главы государства, Великого Государственного Хурала, Правительства, органов судебной власти в 2000 году был принят закон «об изменениях и дополнениях в Конституции».

В Законе была уточнена процедура внесения на рассмотрение Великим Государственным Хуралом кандидатуры Премьер-министра, членов правительства, предложения по структуре и составу правительства; уточнены и конкретизированы права Президента и Великого Государственного Хурала, Премьер-министра по данному вопросу, усилен механизм их взаимной ответственности. Так по внесенному в Конституции изменению, если по истечении определенного срока после внесения кандидатуры Премьер-министра, Великий Государственный Хурал – Парламент не рассмотрел или не смог принять решение по ее утверждению, то Великий Государственный Хурал самораспускается или решение о роспуске парламента принимает Президент – глава государства. По объективной действительности в мировой государственности, в демократических странах сбалансировано целесообразное разделение властей, практически данная идея глубоко внедрилась в конституции. Теоретический поиск, отраженный в подобном положении все еще продолжается в научных исследованиях.

В Монголии весьма подробно рассматривают теорию разделения властей в своих трудах такие ученые, юристы как Г. Совд, Б. Чимит, Т. Сэнгэдорж, С. Жанцан, С. Нарангэрэл, Н. Жанцан, С. Тумэр, Ж. Амарсана, Л. Рэнчин, Ч. Энхбатор, Ц. Сарантуя, Н. Лундэндорж, Ж. Долгорсурэн, Д. Баярсайхан, Б. Мандахбилэг. Ученые Б. Ширэндэв, Ш. Нацагдорж, Г. Сухэбатор, Н. Ишжамц, Ч. Далай, Д. Гонгор, М. Санждорж, Ч. Жугдэр, С. Норовсамбу, Л. Жамсран, Р. Гунсэн, Ц. Балхажав, С. Жалан-Ажав, Э.Авирмэд, Б. Содовсурэн, И. Дашням, О. Амарху, Ж. Болдбатор исследовали историю власти. Исследователи А. Цанжид, Г. Чулунбатор, Ж. Бямбадорж, Б. Батбаяр, Б. Дэлгэрма, Р. Гончигдорж, Б. Даш-Ендон, Д. Батмунх, Д. Болд-Эрдэн, Д. Чулунжав, Д. Ганбат и др. пишут свои работы на основе изданий о принципах разделения властей¹. Особенность данных работ состоит в том, что между основной теорией разделения властей и законодательной власти имеется взаимная форма правления. Однако еще не появились самостоятельные научные публикации о комплексной изученности теории разделения властей.

В 1990 г. вышли работы, где целесообразно отрицается концепция разделения властей, тем самым делается вывод о том, что теория старой системы общества контролируется под одной формой идеологии, становится опорой для теории государственных органов партийной идеологии и защитой бюрократии и порядка диктатуры. Таким образом, следует координировано рассмотреть в подобных работах формирование законодательного права в данном государстве, почтение права и свободы человека в Конституции Монголии принятой в 1992 г. Западные ученые в очень широком диапазоне, почти со всех сторон и весьма углубленно исследовали данные труды. Одна из таких работ посвящена следующим проблемам:

- Качество теории разделения властей в истории ее развития стало одним из главных концепций Монгольской Конституции, которое в дальнейшем формируется на основе принципа разделения властей;
- Власть делится на три самостоятельные ветви: законодательную, исполнительную и судебную, где на пути сравнительного анализа выявляются типичные и специфические особенности на примере развитых демократических стран мира, которые не утратили свою актуальность и значимость в современных условиях;
- Законодательное, исполнительное и судебное право Монгольского государства осуществляется посредством периодически рассмотренной исторической традиции, содержания, учения, также качества исторической преемственности;
- Основы законодательного, исполнительного и судебного права Монгольского государства, его правовые органы, деятельность выявляют свои научные выводы;
- Исследуя связь между законодательным, исполнительным и судебным правами, Конституционное право и Великий Государственный Хурал, Президент, Правительство, Конституционный суд, судьи всех инстанций приводят в соответствие с государственными институтами все законы.
- В своей исследовательской работе по вопросам теории и принципам разделения властей Д. Лэндэнжанцан выявил следующие аспекты:
- Обогащение понятия качества теории разделения властей, опирающееся на безусловное подтверждение разделения властей в демократии и теорию, тенденцию современного законодательного учения;
- Примеры выявления разделения властей из многих государств;
- Периодическое рассмотрение функций и развития законодательного, исполнительного и судебного права Монгольского государства;
- Совершенствование организационной структуры правительственных учреждений, где интенсивно и результативно действуют законы Великого Государственного Хурала;
- При улучшении исполнения правовой деятельности наиболее рационально устанавливается система государственных и административных органов;
- Идея совершенствования условия формирования зависимой установки, гарантии приводит к результатам самостоятельное судебное право.

Разделение властей есть политическая и правовая теория, также конституционный принцип, что лежит в основе организации государственной власти демократического государства, все это является важным достижением и ценностью правового мышления человечества. В сущности, оно действует для предостережения от чрезмерно централизованного господства и делится на три самостоятельные ветви, которые взаимоконтролируют друг друга: законодательная, исполнительная и судебная власти.

Список источников:

1. Авирмэд Э. Государственное право МНР. УБ. 1969.
2. Баярсайхан Д. Государственные полномочия Монголии: Вопросы конституции. (диссертация) УБ. 1998.
3. Гонгор Д. История халхов. II часть. 1970, 1976.
4. Далай Ч. История монголов \1260-1388\ УБ. 1998.
5. Долгосурэн Ж. Административное право Монголии. УБ. 2000.
6. Ишжамц Н. Формирование монгольской объединенной власти, феодализма. УБ. 1976.
7. Жугдэр Ч. [Философские идеи о периоде становления феодализма в Монголии. УБ. 1987.
8. Локк. Избранные философские произведения. М. 1960. т.2, с. 62
9. Лундэндорж Н. Государственная теория. УБ. 1997.
10. Ширэндэв Б., Нацагдорж Ш. Жизнеописание Чингисхана. УБ. 1991.
11. Энхбатор Ч., Д. Лундэжанцан Конституционное право Монголии. УБ. 1996, 2000.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ МОНГОЛИИ

*Жамсуева Т.С.**

*Томский государственный университет
Россия, г. Томск*

Законодательная власть Монголии представляет собой совокупность полномочий по изданию законов, а также систему государственных органов, реализующих эти полномочия в соответствии с теорией разделения властей. В демократических государствах законодательная власть может осуществляться не только специальными законодательными органами (парламентами, законодательными органами субъектов федерации), но и непосредственно избирательным корпусом путем референдума, а в некоторых случаях и органами исполнительной власти в порядке делегированного или чрезвычайного законодательства. Конституции некоторых современных государств содержат положения о том, что законодательная власть принадлежит совместно монарху и парламенту или палатам парламента и главе государства как составной части парламента. В абсолютных монархиях власть принадлежит исключительно монарху [4].

Законодательной властью наделен, как правило, представительный орган. На основе выборов народ передает власть своим представителям и таким образом уполномочивает представительные органы осуществлять государственную власть. В этом смысле можно говорить о первичности представительных органов в механизме государственной власти, их приоритете и верховенстве. Как отмечал Л. Дюги, «законодательная власть по необходимости должна быть верховной и все остальные власти в лице каких-либо членов или частей общества проистекают из нее и подчинены ей» [4, 62 с.]. Верховенство не означает и не должно означать полновластия законодательных органов. Имеются существенные и политико-юридические ограничения этой власти. Существенные ограничения вытекают из ее делегированности (только народ обладает всей полнотой государственной власти), определяются принципиальной зависимостью от воли избирателей. Политико-юридические ограничения связаны с тем, что любой закон, дабы не оставаться набором фраз на бумаге, должен соответствовать политическим и юридическим реалиям, а также фундаментальному праву — конституции, иначе органы конституционного надзора могут признать его недействительным [6].

В странах, где принимается во внимание благо целого народа, законодательная власть передается в руки различных лиц, которые, собравшись должным образом, обладают сами или совместно с другими властью создавать законы. Название данной ветви «законодательная» не означает, что, кроме законодательной деятельности, представительные органы не выполняют никакой другой. Не менее существенной функцией законодательной власти является финансовая, реализуемая в праве ежегодно утверждать государственный бюджет страны. Есть и определенные «распорядительные» функции, связанные с формированием высших исполнительных и судебных органов.

Немаловажную роль в деятельности законодательных органов играет осуществляемый ими контроль за работой правительства, иных должностных лиц исполнительной власти. В отличие от судебной, законодательная власть вправе давать лишь политическую оценку тем или иным представителям исполнительной власти и на этой основе привлекать их к политической ответственности (к примеру, путем процедуры импичмента) [2].

Таким образом, законодательная власть — это делегированная народом своим представителям государственная власть, реализуемая коллегиально путем издания законодательных актов, а также наблюдения и контроля за аппаратом исполнительной власти, главным образом в финансовой сфере. Законодательная власть реализуется избираемым (иногда частично назначаемым) парламентом (фр. parler — «говорить») — высшим представительным органом государства. Парламент обычно включает в себя две палаты: верхнюю и нижнюю. Двухпалатная структура, как уже говорилось, предохраняет парламент от поспешных решений нижней палаты. Как правило, срок полномочий верхней палаты более длителен, чем нижней, ее депутаты имеют более высокий возрастной ценз, она реже обновляется и формируется на основе

* **Научный руководитель:** Гармаева Арюна Эрдынеевна, к.ф.н., научный сотрудник Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета.

косвенных (непрямых) выборов. В большинстве стран досрочному роспуску подлежат только нижние палаты.

Законодательная власть сохраняется всегда, несмотря на относительную самостоятельность других властей и существующие пределы ее деятельности. «Ведь то, что может создавать законы для других, – поясняет М. Прело – необходимо должно быть выше их. А поскольку законодательная власть является законодательной в обществе лишь потому, что она обладает правом создавать законы для всех частей и для каждого члена общества, предписывая им правила поведения и давая силу для наказания, когда они нарушены, постольку законодательная власть по необходимости должна быть верховной и все остальные власти в лице каких-либо членов или частей общества проистекают из нее и подчинены ей» [4, 62 с.¹].

В Основном законе Монголии говорится: «образование, формирование и деятельность законодательных (представительных) органов государственной власти Монголии регулируются Основной Конституцией, федеральными законами, а также конституцией республики, уставом края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа, законами и иными нормативными правовыми актами» [5]. Названный Основной закон устанавливает в статье 5 основные полномочия законодательного (представительного) органа государственной власти: а) принимает конституцию и поправки к ней, если иное не установлено конституцией Монголии, принимает устав и поправки к нему; б) осуществляет законодательное регулирование по предметам ведения Монголии; в) осуществляет иные полномочия, установленные Основной Конституцией «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти», другими федеральными законами, конституцией (уставом) и законами Монголии.

Список источников:

1. Амарху О. Высшие органы государственной власти. УБ. 1986.
2. Баярсайхан Д. Государственные полномочия Монголии: Вопросы конституции. (диссертация) УБ. 1998.
3. Ишжамц Н. Формирование монгольской объединенной власти, феодализма. УБ. 1976.
4. Локк. Избранные философские произведения. М. 1960. т.2, с. 62
5. Мандахбилэг Б. Предупреждения об экономическом и политическом кризисах по законодательному согласованию. Журнал Шихихутук. 1999. № 1.
6. Совд Г. Законодательное разъяснение к Конституционному суду. УБ. 1999.; К вопросам юстиции, судебным исполнителям. Рассказы. Конституция Монголии. Журнал. УБ. 1997. № 2.

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА РОССИИ И МОНГОЛИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ*

Цыденжапова И.И.

Бурятский государственный университет

Россия, г. Улан-Удэ

Россия и Монголия, как страны, теснейшим образом связанные между собой на протяжении столетий, испытали и продолжают испытывать во многом схожие проблемы общественно-политического развития. В силу ряда существенных экономико-географических, геополитических и социо-культурных различий, неодинаковых стартовых условий постсоциалистических преобразований, не могли не возникнуть специфические, свойственные данной стране и отличные от соседней, векторы внутривнутриполитического развития, в том числе и судебной системы. Опыт и уроки государственного строительства двух стран могут быть интересны как с точки зрения перспектив дальнейшего общественно-политического развития России и Монголии, так и с позиций их взаимодействия на международном двустороннем и многостороннем уровнях [1].

Под судебной системой понимается, согласно российскому законодательству, упорядоченная законом совокупность судов различных уровней, предназначенная для осуществления правосудия. А согласно монгольскому законодательству – это совокупность судов,

* Доклад отмечен благодарственным письмом Конституционного суда Республики Бурятия за глубокие знания и лучший доклад по вопросам конституционно-правового развития в странах АТР.

построенная в соответствии с их компетенцией и поставленными перед ними задачами и целями [2]. Судебная власть в России и в Монголии осуществляется исключительно судами.

Основными задачами судебной власти в Монголии являются:

- обеспечение и защита от нарушений прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц;

- решение возникающих в обществе конфликтов и споров;

- контроль законности актов органов государственной власти и должностных лиц;

- применение мер юридической ответственности за правонарушения [2].

Согласно статье 47 Конституции Монголии в состав судебной системы Монголии входят:

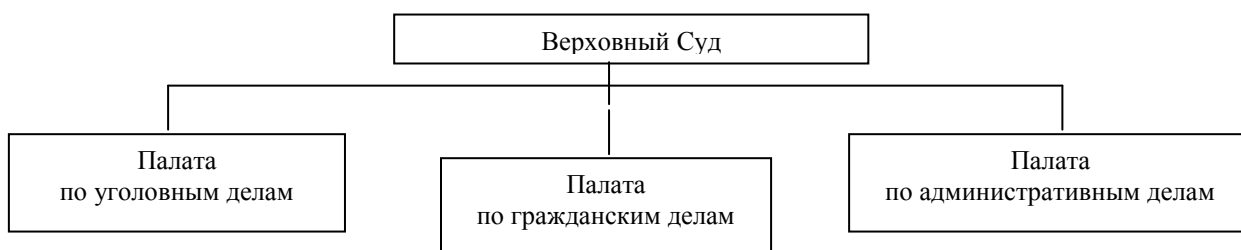
- Верховный Суд Монголии;

- Суды аймаков, столицы;

- Сомонные и межсомонные, районные суды [3].

Верховный суд является высшим судебным органом и последней судебной инстанцией [3]. Верховный суд состоит из главного судьи и 16 судей, а его юрисдикция осуществляется тремя палатами: палатой по уголовным делам; палатой по гражданским делам; палатой по административным делам [4]. Главной обязанностью каждой палаты является рассмотрение дел в соответствии с их компетенцией, и обеспечение профессионального руководства для судей. Эти палаты создаются по решению Верховного суда, а судьи утверждаются Главным судьей [3].

Верховный суд, в дополнение к обзору решений судов первой инстанции, исполняет обязанности надзорного суда, а также дает официальное толкование всех законов, кроме Конституции. Решение Верховного Суда является окончательным, подлежит обязательному исполнению всеми остальными судами, другими лицами. Аймачные и столичный суды рассматривают в качестве последней судебной инстанции кассационные жалобы на решения нижестоящих судов [5]. Первичными являются сомонные или межсомонные и районные суды. Эти суды рассматривают основную массу гражданских и уголовных дел в качестве суда первой инстанции. Судьи этих судов рассматривают также жалобы на незаконность и необоснованность ареста. Суды всех инстанций рассматривают, решают дела и споры в соответствии с принципом коллегиальности. Судья может единолично рассмотреть и решить некоторые дела, указанные в Уголовном и Гражданском процессуальных кодексах. Судей назначает Президент. Запрещается отстранение от должности судьи суда любой инстанции за исключением случаев отстранения от должности по основаниям, указанным в Конституции, Законе о Суде и в соответствии с действующим решением суда или по просьбе судьи [2].

В России действуют федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов РФ, составляющие судебную систему. К федеральным судам относятся: Конституционный Суд РФ; Верховный Суд РФ, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов,

районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции; Высший Арбитражный Суд РФ, федеральные арбитражные суды округов (арбитражные кассационные суды), арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов РФ, составляющие систему федеральных арбитражных судов. К судам субъектов РФ относятся: конституционные (уставные) суды субъектов РФ, мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов РФ. Правосудие в РФ осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации». Создание чрезвычайных судов и судов, не предусмотренных указанным федеральным конституционным законом, не допускается.

Правовые формы организации и функционирования органов судебной власти, порядок и процедуры осуществления ими правосудия с учетом характера рассматриваемых дел определяют особенности различных видов судопроизводства: конституционного, гражданского, административного и уголовного. Входящие в судебную систему судебные органы могут различаться не только предметной компетенцией, но и объемом судебной власти, кругом полномочий по отношению к отдельным подразделениям самой системы. Поэтому выделяются нижестоящие и вышестоящие суды.

Все суды действуют в рамках единой судебной системы. Единство является одним из главных принципов ее организации и состоит, в общем, для всех судов подходе к правовому регулированию основ судебной власти, закреплении федеральным конституционным законодательством главных условий образования и функционирования судебной системы. Изменение системы высших судов РФ возможно лишь путем внесения соответствующих поправок в Конституцию РФ. Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ осуществляют надзор за судебной деятельностью подведомственных им судов, обеспечивая единство судебной практики путем кассационного и надзорного производства, а также путем разъяснения вопросов применения действующего законодательства и принятия иных мер, направленных на единообразное и правильное применение судами норм федерального законодательства. Создание системы судебных органов, включающей различные инстанции, обусловлено необходимостью обеспечить конституционное право каждого гражданина на рассмотрение судом его обращения и обжалование судебного решения. Суды соответствующих звеньев судебной системы уполномочены на рассмотрение определенного круга дел, отнесенных к их компетенции (подсудности) законом.

Определяющее значение для формирования судебной системы и поддержания ее в стабильном состоянии имеет закрепление в Конституции РФ, Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» и Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» единых требований к судьям, порядку их назначения, обеспечению их правовых гарантий. Конституцией РФ установлен порядок назначения на должность судей высших федеральных судов РФ по представлению Президента РФ и назначения судей других федеральных судов Президентом РФ. Единству судебной системы служит также финансирование федеральных судов и мировых судей из федерального бюджета.

В монгольском обществе в настоящее время довлеют настроения, требующие серьезных политических реформ, в том числе требования реформирования судебной системы, которые выразил новый Президент Элбэгдорж Цахиагийн. Данные изменения в судебной системе необходимы для стабильной работы судей, ведь сейчас многие из них получают невысокие зарплаты, особенно в отдаленных районах. Кроме того, планируется обеспечивать безопасность судей. Еще в начале 2009-го г. фонд «Открытое общество» объявил конкурс на создание исследовательской работы по реформе судебной системы. Конкурс выиграла команда из юридического факультета Монгольского государственного университета. Исследование на тему они проводили в течение семи недель [2]. Неизбывна Вера граждан и России, и Монголии в суд, который обязан провозгласить справедливое решение. В Монголии, как и в большинстве стран молодой демократии, формирующейся правовой системе распространены представления о безнравственном судье, погрязшем в коррупции, вынесшем несправедливое решение под чьим-либо давлением. Сейчас судебные органы буквально завалены подобными заявлениями. Чаяния народа о справедливом суде, уважающем права человека, выливаются в попытки политических реформ, которые будут проведены в ближайшее время специально созданной группой для воплощения в жизнь Законопроекта о судебной реформе.

Список источников:

1. URL: http://kommentarii.org/strani_mira_eciklopediy/mongoliy.html
2. Нарангэрэл С. Правовая система Монголии // Конституционное право.- М. 2004.
3. URL: <http://www.supremecourt.mn/english/index.php?what=system>
4. Конституция Монголии. – Улан-Батор. 1992.
5. URL: <http://www.nyulawglobal.org/globalex/Mongolia1.htm>

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В МОНГОЛИИ И РОССИИ*

*Мөнхзул Т.**

*Улан-Баторский филиал
Бурятского государственного университета
Монголия, г. Улан-Батор*

Исполнительная власть является одной из трех ветвей власти и представляет собой совокупность полномочий по управлению государственными делами, включая полномочия правового регулирования на подзаконном уровне, полномочия внешнеполитического представительства, полномочия по осуществлению различного рода административного контроля и многие другие полномочия. Именно на органы исполнительной власти возложены полномочия по реализации, претворению в жизнь законов.

Орган исполнительной власти – это организация, которая, являясь частью государственного аппарата, имеет свою структуру, территориальный масштаб деятельности, компетенцию и образуется в порядке, установленном законом или другим нормативным правовым актом, использует определенные методы в работе, и призвана в порядке исполнительной и распорядительной деятельности осуществлять повседневное руководство экономической, социально-культурной и административно-политической сферы жизни общества. Органы исполнительной власти, являясь частью государственного аппарата, ежедневно выполняют значительный объем этой работы по практической реализации управленческих задач и функций государства. От других государственных (законодательных и судебных) органов они отличаются назначением, содержанием своей деятельности и методами работы. Они специально созданы для того, чтобы осуществлять подзаконную организационно-управленческую, исполнительно-распорядительную деятельность. Это вытекает из принципа разделения властей.

Все чаще на самых различных уровнях должностные лица указывают на необходимость повышения эффективности деятельности органов исполнительной власти. В рамках достижения вышеуказанной цели стоит исследовать успехи в деятельности органов исполнительной власти других стран. Сравнительный анализ позволит не только выявить слабые и сильные стороны действующей национальной системы и структуры исполнительной власти, но и обозначить возможные ее сходства и различия с исполнительной властью других государств. Вышесказанное обуславливает выбор и актуальность данного исследования, посвященного сравнительному анализу органов исполнительной власти в Монголии и России. Для начала рассмотрим систему исполнительной власти в Монголии.

Отметим, что Монголия представляет собой унитарное государство с формой правления в виде парламентской республики. Унитарное устройство определяет отсутствие на государственном уровне многоступенчатой системы органов исполнительной власти. Монголия делится на двадцать один аймак (Архангайский, Баян-Ульгийский, Баянхонгорский, Булганский, Говьалтайский, Говь-Сумберский, Дархан-Ульский, Восточногобийский, Восточный и т.д.), а также особо выделяется Улан-Баторский административный район. Аймаки в свою очередь делятся на сомоны, сомоны — на баги, столица — на округа, округа — на хороны. Заметим, что аймаки своих органов исполнительной власти не имеют. На территории всего Монгольского

* По итогам конференции доклад признан лучшим в секции «Конституционно-правовые проблемы сравнительного правоведения».

* **Научный руководитель:** Тышкенова Айгуль Григорьевна, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

государства действуют: Правительство - высший орган исполнительной власти, состоящее из Председателя Правительства и членов Правительства; министерства, которых на данный момент насчитывается девять, среди которых: Министерство финансов и экономики; Министерство юстиции и внутренних дел; Министерство природы и окружающей среды; Министерство обороны; Министерство образования, культуры и науки; Министерство развития инфраструктуры; Министерство труда и социальной защиты; Министерство промышленности и сельского хозяйства; Министерство здравоохранения.

Таким образом, в Монголии установлена одноуровневая система и несложная структура органов исполнительной власти. В отличие от Монголии Россия является федеративным государством со сложным государственным устройством. Россия состоит из восьмидесяти трех субъектов, среди которых: государственные образования (республики), административно-территориальные образования (области, края, города федерального значения), национально-территориальные образования (автономные округа, автономная область). Установленное федеративное устройство предполагает наличие в Российской Федерации (далее – РФ) двухуровневой системы органов исполнительной власти: федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов России.

На федеральном уровне система и структура исполнительной власти установлены в Указе Президента РФ от 12.05.2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти». Согласно Указу Президента РФ в системе выделяются: федеральные министерства, федеральные службы, федеральные агентства. Каждый из перечисленных органов имеет определенные функции. Федеральное министерство является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной в сфере деятельности, а также координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении федеральных служб и федеральных агентств.

Федеральная служба – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности, а также специальные функции в области обороны, государственной безопасности, защиты и охраны государственной границы РФ, борьбы с преступностью, общественной безопасности. Федеральное агентство является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг, по управлению государственным имуществом, правоприменительные функции, за исключением функций по контролю и надзору. Говоря о структуре федеральных органов исполнительной власти, выделяют три группы органов с различной подведомственностью: Федеральные органы исполнительной власти, подведомственные Президенту РФ; Федеральные министерства, подведомственные Правительству РФ; Федеральные службы и агентства, подведомственные Правительству РФ.

Рассмотрим федеральные министерства России. На данный момент в России насчитывается восемнадцать федеральных министерств: Министерство внутренних дел; Министерство иностранных дел; Министерство обороны; Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий; Министерство юстиции; Министерство экономического развития; Министерство финансов; Министерство промышленности и торговли; Министерство сельского хозяйства; Министерство энергетики; Министерство транспорта; Министерство связи и массовых коммуникаций; Министерство природных ресурсов и экологии; Министерство регионального развития; Министерство здравоохранения и социального развития; Министерство культуры; Министерство образования и науки; Министерство спорта, туризма и молодежной политики.

Правовая регламентация системы и структуры органов исполнительной власти регионального уровня осуществляется субъектом Российской Федерации самостоятельно, но при детальном рассмотрении можно сделать вывод о схожести с федеральными органами исполнительной власти. Как было указано выше органы исполнительной власти в Монголии и России не имеют идентичной основы, существует множество различий, обусловленных и государственным устройством, и историческим развитием, а также прочими объективными факторами. Можно говорить о разноразмерности, разнонаправленности, разноплановости органов исполнительной власти в Монголии и России.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЯПОНИИ

*Васильева Ж.А.**

*Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

Одним из факторов развития Российской Федерации, впрочем, как и для любого другого государства, являются высокая производительность труда, эффективность принимаемых решений и обеспечение должного контроля за работой государственных служащих, так как именно они, в конечном счете, отвечают за выработку и, собственно реализацию национальной политики. В Российской Федерации институт государственных служащих требует пристального внимания не только со стороны ученых, но и государства, так как нынешняя система государственной службы в России складывается таким образом, что не может быстро и эффективно принимать решения, не установлена конкретная ответственность государственных служащих за их исполнение.

Несмотря на то, что, с 1997 г., направления реформ государственной службы находят отражение в ежегодных посланиях Президента России Федеральному Собранию, а в 2001 г. Президентом Российской Федерации была утверждена Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации и План первоочередных мероприятий по ее реализации, о росте эффективности работы государственных служащих говорят только сами государственные служащие, что не вполне корректно. Поскольку в настоящее время в Российской Федерации происходит реформирование системы государственной службы, представляется интересным рассмотреть модель института государственной службы, например в Японии, и провести сравнительный анализ положительных и отрицательных моментов происходящего сейчас в России и существующего в Японии на протяжении достаточно длительного срока.

В отличие от России, где государственными служащими признаются лица, осуществляющие профессиональную деятельность по исполнению функций государства, государственных органов и органов местного самоуправления на постоянно оплачиваемой основе, в Японии принято включать в число государственных служащих не только чиновников в собственном смысле этого слова, но также и лиц, работающих на принадлежащих государству предприятиях, служащих государственных железных дорог, работников телевидения, государственных школ, военнослужащих «сил самообороны», сотрудников полиции. Общая численность людей, занятых на государственной службе в Японии, превышает 3 млн. человек, большинство из которых составляют служащие и рабочие, которые не имеют реальных полномочий по принятию управленческих решений. Численность же высших государственных чиновников не превышает 10 тыс. человек [11].

В Японии действует централизованная организация государственной службы, под руководством Совета по персоналу при Кабинете министров. В компетенцию Совета входит контроль за соблюдением законодательства государственных служащих в сфере государственных службы, представление рекомендаций по кадровым вопросам парламенту, Кабинету и отдельным министерствам, а также издание в пределах своей компетенции правил и установлений по вопросам государственной службы, разбор жалоб на государственных служащих, организация и проведение конкурсных экзаменов [12]. Такое централизованное регулирование, на наш взгляд, позволяет объективно оценивать кандидата на государственную службу и дает равные возможности каждому человеку стать государственным служащим. В России, к сожалению, такая практика не сложилась. Каждый государственный орган самостоятельно решает вопросы, связанные с организацией прохождения государственно в соответствии с действующим законодательством, которое хоть и регламентирует весь процесс ее прохождения, и порой такая самостоятельность, нередко, граничащая со «своеволием», является основным принципом при назначении лица на государственную должность.

Поверхностный анализ Федеральных Законов Российской Федерации «О системе государственной службы» и «О государственной гражданской службе» и законов Японии «О

* **Научный руководитель:** Гармаев Юрий Петрович, д.юрисд.н., проф., зав. лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета.

государственных служащих» и «О местных (муниципальных) служащих» позволяет сделать вывод об относительном сходстве механизмов прохождения государственной службы в двух странах. Подчеркнем основные различия и сходства:

1. Деление в Японии государственной службы на «обычную» и «особую» [7]. Основанием для отнесения должностных лиц государства к состоящим на «особой службе» является порядок, согласно которому они назначаются на должность без экзамена и получают жалование в размерах, не связанных со стандартной шкалой жалований, установленной для служащих, занятых на «обычной» службе. В круг лиц, состоящих на «особой» службе, входят например: премьер-министр, министры, советники, судьи, Чрезвычайные и Полномочные послы и др. В России существует деление на государственные должности (Президент РФ, Председатель Правительства РФ его заместители, судьи и др.) и должности государственной службы [3]. Деятельность на государственной должности в Российской Федерации не относится к институту государственной службы, в отличие от Японии.

2. В РФ государственная служба делится на гражданскую, военную и правоохранительную. В Японии военная служба относится к разновидности «особой» службы.

3. Государственные служащие РФ несут ответственность не только за нарушение служебной дисциплины, но и за действия (бездействие), ведущие к нарушению прав и законных интересов граждан и юридических лиц. За совершение дисциплинарного проступка, т.е. за ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него должностных обязанностей, представитель нанимателя имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии, освобождение от замещаемой должности гражданской службы, увольнение.

Следует отметить, что в Японии к ответственности государственных служащих относятся жестче. К дисциплинарной ответственности государственные служащие могут быть привлечены как их начальником, так и Советом по делам персонала. Закон о государственных служащих Японии устанавливает следующие виды дисциплинарного воздействия на государственных служащих: письменный выговор, временное отстранение от занимаемой должности сроком от одного дня до одного года, удержание из должностного оклада (1/3 жалования), увольнение с должности. Также необходимо указать сходства российской и японской систем:

1. В Японии достаточно четко отработана система подачи жалоб государственными служащими в случаях, если нарушены их права. Впрочем, в России также регламентирован порядок подачи жалоб государственными служащими, но единственное отличие – это срок подачи жалобы: в Японии – 50 суток со дня получения письменного уведомления, в России – 30 суток.

2. Схож также и институт поступления на государственную службу. И в Японии и в России поступление на государственную службу производится на основе конкурсных экзаменов [9]. Поступление на государственную службу производится на основе конкурсных экзаменов. Японская Конституция закрепила принцип равного доступа граждан к государственной службе. Закон о государственных служащих уточняет, что лица зачисляются на государственную службу в соответствии с личными заслугами кандидата, его профессиональной подготовкой и деловыми качествами, выявить которые призваны конкурсные экзамены. Право поступления на государственную службу в РФ имеют граждане не моложе 18 лет, владеющие русским языком, имеющие профессиональное образование и отвечающие требованиям, установленным для государственных служащих. Поступление гражданина на государственную службу осуществляется по результатам конкурса.

Спецификой института государственной службы Японии является прямая связь ее прохождения с особенностью сложившихся там традиций и обычаев. Ученые, занимающиеся исследованием японской государственно-политической модели, неизменно связывают внушительные успехи Японии с эффективным функционированием бюрократического аппарата этого государства. Некоторые специалисты США (Е. Вогель) наделяют японское чиновничество чертами, которых, по их мнению, недостает американской бюрократии: высоким профессионализмом, преемственностью, глубоким чувством ответственности.

Можно ли объяснить это только статичностью японского законодательства, четкой регламентацией? Представляется, что нет. Полагаем, что уникальность и неповторимость японской бюрократии объясняется особенностями японской культуры, повлиявшей на специфику национального характера - трудолюбие, коллективизм, преклонение перед авторитетом, потребность в гармонизации межличностных отношений, стремление к совершенствованию и т.д. в отличие от менталитета России. Опыт Японии в становлении института государственной службы

показателен для России и говорит о том, что одних только правовых и административных регуляторов недостаточно, и представляется целесообразным, прежде всего, начать реформирование системы госаппарата с повышения духовного, социального и интеллектуального уровня его сотрудников.

Список источников:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Рос. газ. - 25 марта 1993 г. - № 237.
2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 30.04.2010) // [Электронный ресурс]. Справочная система "КонсультантПлюс": Технология 3000: Информационный банк: Комментарии Законодательства. М., 2010.
3. Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 12. 07. 2007 г.) «О системе государственной службы Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. - № 22. – Ст. 2063.
4. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 14. 02. 2010) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2004. - № 31. – Ст. 3215.
5. Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации.
6. Указ Президента РФ от 12.08.2002 г. № 885 (ред. 16. 07. 2009) «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» // СЗ РФ. – 2002. - № 33 – Ст. 3196.
7. Закон о государственной службе Японии от 1947 г.
8. Закон о местных служащих Японии 1950 г.
9. Панов А.Н. Японская дипломатическая службы. - М., 1998. С. 135-136.
10. Иванов В.П. Государственная служба в РФ. - М., 2003.
11. Иванов В.П. Реформирование государственной службы: вопросы и перспективы /В.П. Иванов // Журнал российского права. – 2003. - №5.
12. Базилевский И.А. Вопросы государственной службы Японии /И.А. Базилевский // Бюллетень Министерства юстиции РФ. – 1999. - №6.
13. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс. - М., 2008.

ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА РОССИИ И ЯПОНИИ

Борзенко А.В.
Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

В современном мире процессы глобализации, также как и тесно связанные с ними миграционные процессы приобретают все более значимую роль. В данных обстоятельствах особую важность приобретают правовые нормы, которые призваны обеспечить их надежность и стабильность. Защитить интересы, как физических лиц, так и юридических лиц, вступающих в гражданско-правовые отношения с представителями иностранных государств, призваны положения международного частного права. Законодательство различных государств по-разному регулирует сферу международных частноправовых отношений, что объясняется влиянием разнообразных факторов: геополитических, экономических, и социокультурных условий, демографической ситуацией, традициями и историческим опытом. В связи с этим, представляется интересным произвести анализ и сравнение источников правового регулирования международных частноправовых отношений России и Японии на современном этапе. Каждое из вышеназванных государств по своему уникально, характеризуется демократическими процессами, развитой правовой системой, яркой историей и традициями.

Исторически отечественное законодательство, регулирующие гражданско-правовые отношения с участием иностранного элемента, не сосредотачивались в едином кодификационном акте, например в законе о Международном частном праве, хотя идея принятия такого закона не раз возникала в научной литературе. Раздел VI Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) «Международное частное право» пришел на смену ранее действовавшему разделу VII Основы гражданского законодательства «Правоспособность иностранных граждан и юридических лиц. Применение гражданских законов иностранных государств и международных договоров» [2].

* **Научный руководитель:** Литвинова Светлана Федоровна, к.юрид.н., доц., преп. кафедры частного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Кроме ГК РФ основные коллизионные нормы содержатся и в других законодательных актах: Семейном кодексе РФ, Кодексе торгового мореплавания, Основах законодательства РФ о нотариате [5, С.7].

Различные материальные нормы, содержащиеся в специальных законах, подзаконных актах, ведомственных инструкциях, ненормативных актах министерств и ведомств Российской Федерации также призваны регулировать отношения, лежащие в основе предмета российского международного частного права. Разумеется, все перечисленное законодательство в целом не может считаться источником российского международного частного права. Речь идет о содержащихся в этих актах отдельных нормах, главах и разделах, посвященных регулированию частноправовых отношений с иностранным элементом. В отличие от Российской доктрины международного частного права Япония пошла по пути коллизионно-правового регулирования, который по своей сути является исторически первым способом регулирования в международном частном праве.

Первые правила, методы, а затем и первые доктрины, относящиеся к сфере международного частного права, появились тогда, когда стали возникать многочисленные коллизии права в результате динамичного развития взаимоотношений между представителями различных государств, в которых сложились свои, обособленные, с достаточно четкими различиями нормы частного права. Эти правила, получившие название коллизионных норм, применялись для решения проблем, возникающих из коллизии национальных законов. В течение долгого времени международное частное право существовало и развивалось только как коллизионное право. В Японии же такая позиция по отношению к международному частному праву сохранилась и по настоящее время, там оно называется коллизионным.

Японский закон «Общие правила о применении законов» (Act on General Rules for Application of Laws), называемый «Законом о праве, касающемся применения законов вообще» («Хорей»), датируется 21 июня 1898 г. (Закон № 10), моделью для которого послужил Вводный закон к Гражданскому уложению Германии. Этот источник международного частного права Японии имеет несколько редакций, так как после своего принятия он подвергался неоднократному пересмотру (в 1942, 1947, 1964 и 1986 гг.). Одно из последних его серьезных изменений отражены в Законе № 27 от 28 октября 1989 г. Кроме того, в некоторых конкретных областях регулирование отношений, подпадающих под действие международного частного права, дополнялось в Японии рядом иных специальных актов [3]. В частности, в области наследственных отношений действует Закон «О праве, применимом к форме завещательных распоряжений» (Закон № 100 1964 г.); в целях решения проблем гражданства (подданства) в 1950 г. в Японии были приняты Закон «О гражданстве» (Закон № 147 от 4 мая 1947) и Положение о введении в действие Закона «О гражданстве» от 22 июня 1950 г. С точки зрения определения правового положения особого контингента иностранных граждан в Японии, служащих военно-морских баз США, чрезвычайно важное значение имел специальный правовой акт – Закон «Об особых мероприятиях, касающихся гражданских дел», в целях реализации соглашения, достигнутого на основании статьи VI Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности между Японией и США в отношении средств и областей размещения, а также статуса вооруженных сил США в Японии от 28 апреля 1952 г. (Закон № 121), а также Закон «О компенсации отдельных видов ущерба в результате вреда, причиненного действиями персонала американских военных сил, размещенных в Японии», от 25 августа 1953 г. и основанные на нем подзаконные акты. Отдельные коллизионные нормы содержатся в Гражданском кодексе 1896-1898 гг., Торговом кодексе 1899 г., Гражданско-процессуальном кодексе и Законе «О приведении в исполнение решений по гражданским делам Японии» [2].

Таким образом, несмотря на коллизионно-правовой способ регулирования международных частноправовых отношений, Японии свойственна и межотраслевая кодификация материальных норм, регулирующих отношения с иностранными субъектами права. Если исследовать структуру основного источника российского международного частного права – Раздела VI Гражданского кодекса РФ «Международное частное право», то можно выделить общую и особенную части рассматриваемого раздела. Так общую часть составляет рассмотрение источников международного частного права, ряда общих понятий и принципов, прежде всего, методов регулирования, учения о коллизионных нормах, национального режима и режима наибольшего благоприятствования, принципа взаимности и других принципов международного частного права. К Особенной части следует отнести рассмотрение правового положения субъектов гражданско-правовых отношений с иностранным элементом, государства как особого субъекта таких

отношений, иностранных юридических лиц и иностранных граждан, а также вопросы выбора права, подлежащего к применению к имущественным и личным неимущественным отношениям вышеуказанных субъектов.

Анализируя структуру основного источника японского международного частного права, Закон Японии «Общие правила применения законов», можно сделать вывод об отсутствии четкого деления на общую и особенную части. Так общим положениям посвящены первые статьи каждой из семи глав, что является следствием иной, отличной от российской традиции юридической техники. Но наиболее интересным является сравнение источников регулирования предпринимательских отношений в РФ и Японии в рамках международного частного права. Отечественная доктрина, хотя и выделяет коммерческое право в самостоятельную науку и учебную дисциплину, однако на законодательном уровне нормы, регулирующие подобные правоотношения, закреплены в отрасли гражданского права. Вопрос о целесообразности принятия Коммерческого кодекса Российской Федерации является не только открытым, но и достаточно дискуссионным.

Японский законодатель в отличие от Российского выбрал иной путь и в соответствии с требованиями растущей быстрыми темпами предпринимательской деятельности был принят Коммерческий кодекс Японии. Следует отметить, что в этот законодательный акт, содержащий нормы международного частного права, чаще, чем в какой-либо другой закон японского государства вносятся многочисленные изменения и поправки. Придавая огромную значимость институту юридических лиц для развития экономического благосостояния страны, в том числе и иностранных 26 июля 2005 г. в Японии был принят Закон «О юридических лицах» (Company Act). В данном правовом источнике большое внимание уделяется понятию иностранного юридического лица, подробно регламентируется его деятельность, по мнению японских правоведов это позволяет снизить процент нарушений как гражданского, так и налогового законодательства [4].

Таким образом, налицо различные подходы законодателей Российского и Японского государства к вопросу закрепления норм международного частного права. Все это влечет возможные трудности правильного правопонимания, а также правоприменения для граждан данных государств, вовлеченных в данные отношения. В исследованиях отечественных авторов практически отсутствуют комплексные работы, посвященные вопросу изучения международного частного права Японии, вместе с тем это серьезное упущение, так как современные экономические международные контакты, также как и растущие миграционные процессы обуславливают необходимость не только знания правовых норм, регулирующих эти отношения, но и правильного их применения.

Список источников:

1. Гражданский кодекс РФ [электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».
2. Гражданский кодекс Японии - [электронный ресурс] – URL: <http://www.soc.nii.ac.jp/>
3. Закон Японии «Общие правила о применении законов» (Act on General Rules for Application of Laws) - [электронный ресурс] – URL: <http://www.soc.nii.ac.jp/>
4. Закон Японии «О юридических лицах» (Company Act) - [электронный ресурс] – URL: <http://www.soc.nii.ac.jp/>
5. Кодекс торгового мореплавания РФ [электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».
6. Торговый кодекс Японии (Commercial Code) - [электронный ресурс] – URL: <http://www.soc.nii.ac.jp/>
7. Семейный кодекс РФ [электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».

**ИСТОКИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ: НА ПРИМЕРЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА В КУЛЬТУРЕ
МОРДВЫ ПРОЖИВАЮЩИХ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ**

Савка В.П.

*Научно-исследовательский институт
гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия
Россия, г. Саранск*

Формирование и развитие обычного права носят многоплановый характер. Обычное право представляет собой одно из древнейших явлений в истории человечества. Причем проблемы возникновения, формирования и развития обычного права носят многоплановый характер,

поскольку его нормы являются элементами национальной культуры, отражают ее особенности [3]. В юридической, этнографической, культурологической научной литературе используется несколько различных терминов для обозначения системы правовых обычаев: «обычное право», «неписаное право», «неофициальное право», «традиционное право», «жизненное право». В качестве основного понятия «обычного права» для всех наук, можно считать систему сложившихся в течение определенного времени, применяемых в конкретной географической местности и общественной среде (в том числе этнической) правил поведения и деятельность сообщества, основанную на убеждении в обязательности применения определенных повторяющихся норм и правил поведения его членов [2, С. 312]. Сравнить – значит сопоставить для установления сходства или различия, приравнять к чему-либо, уподобить кому-либо. Сравнение в этом смысле широко используется и в обыденной, повседневной жизни. В философии, логике, в различных областях науки сравнение обычно рассматривается как метод, средство, прием познания действительности. Сравнение имеет смысл лишь в случае, если сравниваются важные, существенные стороны предмета, вещи, явления.

Широкое и активное использование сравнения в юриспруденции ведет к формированию сравнительного правоведения. Оно представляет собой «целое движение», это и наука, и метод [4]. В области науки конституционного права создаются благоприятные условия для того, чтобы увидеть «человечное» в человеке и на этой основе сформировать более гуманные и максимально приближенные к законам природы научные рекомендации и предложения, направленные на развитие права, совершенствование законодательства и практики его реализации (применения), улучшение организации и деятельности публичной власти и ее структур [4]. Обычное право, которое также можно назвать этническим правом, выступает как результат многовекового опыта народа (этноса), его понимания правовых категорий. Исторически народы создавали свою традиционную культуру с входящими в неё нормами обычного права. В структуре любой культуры выделяют материальную и духовную культуру. Материальная – включает культуру труда и материального производства (орудия труда, технологические процессы, способы возделывания земли и выращивания продуктов питания); культуру быта; культуру топоса, т.е. места жительства (жилища, дома, деревни, города) и т.д.

Человечество, как известно, развивается путем расширения взаимоотношений между народами и их культурами. Межэтнические отношения являются специфической частью общественных отношений, понимаются как взаимодействие между людьми разных национальностей и осуществляются через неформальное общение: трудовое, семейно-бытовое, соседское, досуговое, дружеское и др. Общечеловеческая же общность – социум, характеризуется объединением крупных коллективов, связанных общностью исторических судеб. В эту общность входят представители разных рас и этносов (народов). В отдельной общности организованная совокупность действий людей обеспечивает каждому члену группы удовлетворение его материальных и психологических потребностей, причем эта общность считает себя единым целым в точно определенных территориальных границах.

На протяжении XX в. Дальний Восток является территорией интенсивных миграций, включавших значительные потоки переселенцев из разных регионов страны. Освоение целинных и залежных земель, развитие новых промышленных центров, современных видов транспорта, строительство железных дорог вызвали массовый приток населения, в том числе и мордовцев. Основным типом миграций являлась трудовая, в виде крестьянских (сельскохозяйственных) и рабочих (промышленных) переселений. Заселение мордовцев на Дальний Восток шло неравномерно вплоть до Великой Октябрьской революции. В основном заселялась южная часть Дальнего Востока – Амурская область, Приморский и Хабаровские края, т.к. здесь были более благоприятные природно-климатические условия и выгодное транспортно-географическое положение по сравнению с Камчатской областью.

Адаптация мордовцев-переселенцев шла по модели интеграции в общую среду, которая формировалась на базе российской субкультуры. Мордовцы принесли на Дальний Восток высокую земледельческую культуру средней полосы России, ряд новых, неизвестных местным жителям пород скота и видов сельскохозяйственных растений, что определило для мордовских переселенцев характерную стабильность пищевого комплекса. В ходе миграций с исконной территории проживания в Азиатско-Тихоокеанский регион – на Дальний Восток в традиционной системе питания мордовцев видоизменялись нормы обычного права, проявляющиеся в ритуалах её заготовки, способах приготовления, этикете, обрядовых праздниках, приемах приготовления и санитарно-гигиенических правилах ухода за ней.

Понятие «этикет питания», включает в себя систему правил поведения и ритуальных предписаний, которые связаны с процессами приготовления, хранения и потребления пищи, а также выражают отношение представителей данного этноса к этим процессам. Социальная роль пищи выражается в выполнении следующих функций: коммуникативной, символической, этнодифференцирующей, утилитарной, знаковой и, все вместе, названные функции ярче всего проявляются в празднично-обрядовой пище мордвы. При раскрытии социальной функции пищи, следует заметить, что в традиционном сознании она предстает не только как объект, но также и как субъект, который определенным образом влияет на поведение людей [5]. С пищей связана, широкая и разветвленная система верования, обрядов, ритуалов, примет, природа которых в основе своей социальна и поэтому не имеет биологического объяснения. У мордовцев, как и у многих народов, существует много примет и поверий, которые связаны с продуктами питания (из них большая их часть посвящена хлебу, как основному источнику питания). Пища является символом определенных нравственных уз и обязательств, культурных норм и ограничений. Более того, с одухотворением съестного и с так называемым «общением» пищи связано во многом происхождение и развитие общества. Особое место занимает она в игровой культуре, в обрядах мордовцев часто выступает в качестве даров и приношений, становясь при этом объектом поклонения.

Этикет питания включает в себя собой свод определенных норм и стандартов поведения, ритуальных предписаний, связанных с приготовлением и принятием пищи, обладающих при этом этнической спецификой [5]. В свойственных ей наборах и типах пищевых продуктов, характерных вкусовых ингредиентах, способах приготовления, традициях предпочтения или избегания, организации и ритуале трапез, а также других аспектах бытовой культуры, прямо или косвенно связанных с пищей, отражаются этническая специфика, природно-географические и социально-экономические условия, культурные взаимосвязи этноса. Это относится к народам, которые живут на исконной этнической территории, и к народам, вынужденно или добровольно мигрировавшим и живущим в иноэтническом окружении, народные традиции которых дольше всего сохраняются в национальной кухне.

Даже при утрате многих национальных особенностей (одежда, утварь, домашняя обстановка и т.д.) продолжает жить привязанность к пище предков, особенно к праздничным блюдам. Особенно традиции питания сохраняются переселенцами тогда, когда они представляют собой монолитную (например, этноконфессиональную) группу, т.е. в случае, когда популяция вполне устойчива. Основная масса мордовцев, мигрировавших на Дальний Восток, была выходцами из Большеберезниковского, Дубенского, Атяшевского, Атюрьевского, Инсарского, Кочкуровского и других районов современной территории Республики Мордовия, а также Пензенской и Ульяновской областей. В ходе миграций ими осуществлялось освоение новой природной среды, одновременно устанавливались культурно-бытовые контакты с коренным населением. Результат этих контактов – значительное взаимное влияние традиционных культур жизнеобеспечения, которое с годами усиливалось.

Межэтнические контакты осуществлялись в разнообразных формах (соседские, дружеские отношения в процессе совместной работы и учебы) и явились главным механизмом передачи этнокультурной информации, в том числе и культуры питания которая, безусловно, способствовала успешной адаптации контактировавших этносов. При контактном проживании в традиционном питании заимствования проходили хозяйственно-культурные типы, при этом в первую очередь воспринимались блюда, имевшие некоторые сходства с традиционными. Мордовский народ обучался новым для него приемам переработки и хранения рыбных, молочных и мясных продуктов. В свою очередь кухня народов, проживающих на Дальнем Востоке, обогатилась ранее не известными им мордовскими блюдами. Стол переселенцев отличался, скорее, не обилием, а разнообразием [2, С. 312]. Выявлено, что состав пищи во многом зависел от структуры семьи, религиозных воззрений, хозяйственной направленности, степени зажиточности, природной среды. Конфессиональные традиции способствовали сохранению национальной культуры, в том числе пищи.

В структуре питания мордовцев в местах выхода основу питания составляли продукты земледелия. При переселении на Дальний Восток почти все компоненты системы питания, относившиеся к сельскохозяйственному комплексу, сохранились практически без изменений. В целом пища мордвы Дальнего Востока, которую готовят по случаю календарных праздников или семейных событий, хотя и сохраняет некоторые черты в способах приготовления, в наборе кушаний, характерных для районов, откуда они переселились, представляет собой новый

локальный вариант, который сложился на основании ряда местных традиций. Рассказы информаторов свидетельствуют о соблюдении мордовским населением дальневосточного края некоторых правил и норм гигиены питания (например, для женщин, занимавшихся приготовлением пищи, было наличие головного убора (платка) и передника).

Таким образом, истоки правовой культуры имеют место в обычном праве народов проживающих в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Формирование и развитие обычного права носят многоплановый характер, и оно представляет собой одно из древнейших явлений в истории человечества. Методы исследования сравнительного правоведения позволяют ей использовать их как приемы познания действительности, т.к. сравнение имеет смысл лишь в случае, если сравниваются важные, существенные явления в жизни. Эти явления частично можно проследить в обычном праве традиционной культуры мордовцев, переселившихся на Дальний Восток.

Список источников:

1. Крюкова С.С. Обычное право в российском законодательстве: к вопросу о термине и его содержании. URL: http://www.jurant.ru/ru/books/law_and_life/krukova.htm.
2. Мордва Дальнего Востока / Л.И. Никонова, Л.Н. Щанкина, Н.Н. Авдошкина, В.П. Савка; под ред. В.А. Юрченкова. – Саранск, 2010.
3. Зумбулидзе Роз-Мари Зурабовна. Обычное право как источник (форма) гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. URL: <http://lib.ua-ru.net/diss/cont/97720.html>.
4. Самигуллин В.К. Конституционное право России. Курс лекций. 3-е издание, дополненное и переработанное / В.К. Самигуллин. URL: http://www.chiblr.ru/lib/study/pravo/v_k_samigullin_konstitucionnoe_pravo_rossii_pravovedenie_lekcii.html.
5. Якунчева Марина Геннадьевна. Система и этикет питания Мордвы конца XIX - начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07: Саранск, 2004. URL: <http://lib.ua-ru.net/diss/cont/66340.html>.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО БАРАБИНСКИХ ТАТАР И РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Глазунов Д.А.

*Алтайский государственный университет
Россия, г. Барнаул*

В ряде наших статей мы уже анализировали степень включенности обычного права барабинских татар (в уголовной и гражданской сферах) в русскую правовую систему [4, С. 74-77; 5, С. 163-169]. Наши исследования подтвердили тезис, что для Российской империи был характерен «правовой плюрализм», который предполагал существование нескольких правовых систем в одном социальном поле. Барабинские татары проживали в Каинском уезде Томской губернии, ими управляли семь инородческих управ. В конфессиональном плане татары исповедовали ислам. Но специфика российского ислама заключалась в том, что ему не была присуща исламская правовая культура [7, С. 380], а нормы мусульманского права могли быть реализованы, только когда становились частью местных обычаев [1, С. 215].

По делам духовного характера татары управлялись приходскими хатыпами (муллами) и окружным ахуном, подчинявшемуся Оренбургскому магометанскому духовному собранию (далее ОМДС). По Уставу духовных дел иностранных исповеданий исламскому духовенству предоставлено право рассматривать и решать по правилам своей веры следующие дела: о богослужении, об обрядах, об исправлении треб, о заключении и расторжении браков, о разборе дел по духовным завещаниям, по разделу имущества, о непослушании детей и о супружеской неверности и пр. [8, С. 133, 135]. Целью нашего сообщения является анализ юридических норм, связанных с семейным правом барабинских татар. Работа базируется на программе 1882 г., которую, вероятно, составил в свое время известный исследователь юридических обычаев народов Сибири Н. Костров [3, л. 3-16]. Программа включает в себя 92 вопроса, напротив которых респондент (каинский окружной исправник) зафиксировал соответствующую информацию, исходя из собственных знаний, наблюдений или общения со сведущими людьми, лицами старшего возраста. Программа состоит из двух частей: гражданское (семейное, наследственное, охранительное и вещное) и уголовное право.

С юридической точки зрения, брак – это союз двух лиц разного пола, удовлетворяющий определенным юридическим условиям и создающий известные гражданские последствия. Важно подчеркнуть, что институт брака находится под большим религиозным и нравственным влиянием.

Российское законодательство XIX в. по-разному определяло брачное право для лиц разных конфессий. Особенности этого права касались только заключения, совершения и прекращения брака, но юридические последствия, вытекавшие из брачного союза, определялись законом одинаково для лиц всех вероисповеданий (например, имущественные отношения) [6, С. 349].

Одним из главных условий брака по российскому законодательству был возраст. Если по шариату в брак разрешалось вступать мужчинам с 15-ти лет, а женщинам - с 12-ти, то, начиная с 1841 г., по особому наставлению ОМДС муллам разрешалось венчать мужчин не моложе 18-ти лет, а женщин – 16-ти. Другим условием вступления в брак была степень родства. Запрещалось лицам мужского пола жениться на мачехе, снохе, падчерице и племяннице. Остальные степени родства с женской стороны препятствий на заключение браков у барабинских татар не представляли. Если респондент в данном случае не допустил ошибки, то можно увидеть в этом особенность барабинских татар, т.к. по мусульманскому праву браки разрешали до 3-й степени родства, а у православных – до 6-й степени. В качестве особого условия брака у барабинских татар (как мусульман) была высокая женская нравственность и потому девственность новобрачной имела должное значение. В противном случае жених мог прекратить с ней всякие дальнейшие отношения и отказаться от самого брака.

Следующее условие – согласие брачующихся» лиц. Об этом узнавалось через ближайших родственников до свадьбы, с одной стороны, и перед венчанием уточнялось муллой. Но одного взаимного согласия жениха и невесты было недостаточно. Необходимо было еще согласие родителей. В этом отношении показателен тайный увоз невесты, который инородцами признавался большим преступлением. Во всяком случае, виновный привлекался к ответственности на общем основании. Во избежание наказания и при условии согласия невесты на это виновный кроме обязательства вступления в брак уплачивал денежное вознаграждение отцу за бесчестье и оскорбление.

На наш взгляд, последнее условие брака содержит в себе компромиссные элементы. С одной стороны, согласие самих брачующихся свидетельствует о влиянии на барабинских татар русского официального права, где согласие являлось главным юридическим элементом; и воля родителей, имевшая первейшее значение в мусульманском праве [2, С. 134-135] и обычном праве тюркских народов – с другой. Интересно, что респондент отрицательно ответил на вопрос о заблаговременном сговоре родителей жениха и невесты о предстоящем браке. Совершению брака предшествовало традиционное обручение (помолвка), которое по русскому закону утратило значение юридического договора, т.к. никакой неустойки за нарушение этого обязательства не предусматривалось. Но юридическая сторона поглощалась религией и могла уже выражаться в местных правовых традициях.

У барабинских татар сватовство проходило следующим образом. Особые посредники-сваты, которые выбирались отцом жениха или его ближайшими родственниками, являлись к отцу невесты или в его отсутствие к матери или ближайшему старшему родственнику невесты, или опекуну. Сваты принимались с почетом и с полным вниманием со стороны невесты. В случаях согласия невесты на брак происходило угощение. Юридическим элементом (запродажей) выступал калым. По шариату в обязательном порядке требовалось, чтобы брачные союзы всегда сопровождалась калымом. Размер калыма варьировался от 30 до 200 руб.; весь калым поступал в распоряжение отца невесты и между родственниками не делился. Предусматривалась рассрочка.

Санкции наступали, если одна из сторон не выполняла свои обязательства. Например, вследствие распутной жизни жениха или невесты после сватовства предусматривалась возможность отказа от свадьбы, что считалось оскорблением для одной из сторон. Отказавшиеся обязаны были возратить или забрать половину калыма. В случае смерти невесты калым возвращался весь. Замена на сестру или другую родственницу не предусматривалась, за исключением новой процедуры сватовства. В случае развода, если его инициатором выступала жена, калым также возвращался мужу.

Брак считался заключенным после проведения обряда «венчания», предусмотренного шариатом. Когда наступало время бракосочетания, отец невесты (или родственник, заменявший его) приглашал к себе в дом отца жениха, своих соседей и знакомых, родственников и местного муллу. Мусульманскому служителю отец объявлял о том, что дочь его была просватана с уплатой калыма, и направлял просьбу совершить обряд свадьбы. Мулла отсылал двух «посланцев» к жениху и невесте, чтобы выявить их согласие на брак. После получения утвердительных ответов мулла садился впереди всех на избранное место и составлял письменную запись, в которой указывались условия бракосочетания (размер калыма и его объем, статус родителей

бракосочетавшихся, количество свидетелей и т.д.). Эти данные позже в обязательном порядке переносились в метрическую книгу. Выполнив запись, мулла совершал священный обряд венчания посредством чтения молитв, предписанных Кораном. Ни жених, ни невеста при этом не присутствовали, так как это считалось проявлением неуважения к старшим.

После прочтения молитв все присутствовавшие приглашались на праздничный обед. После ухода муллы и гостей, невеста подругами отводилась в заранее подготовленную для нее комнату, куда позже приходил жених со своими товарищами. Традиция также требовала угощения для молодых людей. Невеста, не принимавшая участие в пиршестве, лежала на брачном ложе, прикрытая занавесью. Молодожены оставались один на один только после ухода всех друзей и подруг. Жена могла переехать к мужу в дом через несколько дней после заключения брака, хотя это переселение могло затянуться на год. Вышеописанный обряд совпадает с определенной формулой мусульманского права, которая именуется «сыгатом» и представляет собой согласие жениха и невесты в присутствии двух совершеннолетних свидетелей и муллы, угощение и письменный договор. Важно подчеркнуть, что этим обрядом совершение брака заканчивалось, брачующиеся считались уже супругами, и наступали все последствия, вытекающие из брака. Количество жен ограничивалось нормами мусульманского права - не свыше четырех.

Пожалуй, важно сказать несколько слов об имущественных отношениях в семье барабинских татар. Как уже говорилось выше, в семейном праве большую роль играл шариат. В мусульманском праве не предусматривается ни общность имущества, ни «дотальное» начало, так как власть мужа простирается исключительно на личность жены, но не на ее собственность. Однако обычное право барабинских татар опиралось на собственные домусульманские патриархальные традиции.

В каждой семье право распоряжения имуществом принадлежало старшему члену семьи («улу»). При жизни супругов никакой раздельности по имуществу не допускалось. Жена при жизни мужа самостоятельного права на приданное не имела, а и из домашнего хозяйства ей никаких личных доходов не присваивалось. В случае растраты семейного достояния мужем жене предоставлялось право жаловаться духовному или светскому начальству в общем порядке. Религиозные власти должны были увещевать и наложить духовное покаяние и исправление, в противном случае стороны могли обратиться в общегражданский суд.

Брак мог быть расторгнут не только по взаимному согласию обоих супругов, но и по желанию одной стороны. Поэтому причины разводов могли быть разные, например, дурное поведение, бесплодие жены и т.д. Виновная в разводе сторона никакими имущественными отягчениями не обременялась, за исключением обязанности вернуть калым, о чем было упомянуто выше. После развода отец обязан был содержать детей. В случае расторжения брака по причине жестокого обращения мужа жена уходила к своим родителям и просила их о возвращении калыма. Особые условия были предусмотрены в случае расторжения брака по причине физической неспособности мужа. В таких ситуациях предоставлялся годичный срок на исправление неспособности. Безызвестное отсутствие одного из супругов не предоставляло право на автоматический развод. Смерть одного из супругов также порождала особые юридические последствия. В отличие от случаев смерти жены, когда муж получал право на повторную женитьбу без ограничений, вдова в подобной ситуации могла выходить замуж после периода траура, длившегося 4 месяца и 10 дней.

Говоря о семейном праве барабинских татар, нельзя обойти вниманием и живучесть старых тюркских правовых традиций. В частности после смерти мужа брат или другой родственник покойного мог жениться на его вдове, если она оставалась с детьми. Вдова могла отказаться от подобного брака и остаться с детьми в родительском доме покойного или вернуться к своим родителям. Если вдова выходила замуж не за родственника покойного, то предосудительным поступком не считалось. Выбор нового мужа и согласие на брак с ним предоставлялось свободной воле самой вдовы. Калым за вдову платился обыкновенно меньший по сравнению с браком с девушкой. В случае если вдова уходила к своим родителям или выходила замуж не за родственника мужа, она забирала свое приданное и детей, не достигших семилетнего возраста.

Таким образом, в результате изучения семейного обычного права барабинских татар можно подчеркнуть его многогранность. Оно включало (также как и другие юридические сферы) в себя системы русского, мусульманского и традиционного тюркского права. В отличие от уголовного и гражданского права влияние официального законодательства на семейное было минимальным (например, оно регулировало возраст брачующихся и обязывало регистрировать

брак в метрических книгах) и не затрагивало его внутреннего содержания. Поэтому в семейном обычном праве тесно переплетались нормы домусульманского обычного права и шариат. При чем последние приспособлялись к татарским традициям.

Список источников:

1. Беккин Р.И. Мусульманское право как отражение специфики политико-правовой культуры мусульманского мира // Политические системы и политические культуры Востока. М., 2006. С. 191-234.
2. Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. М., 2006. 240 с.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2015.
4. Глазунов Д.А. Гражданское обычное право барабинских татар и русское законодательство (опыт сравнительного изучения) // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2009. Вып. 13. С. 74-77.
5. Глазунов Д.А. Обычное право барабинских татар и русское уголовное право // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов II региональной молодежной научной конференции. Новосибирск, 2008. С. 163-169.
6. Мейер Д.И. Русское гражданское право. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М., 1997. 455 с.
7. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004. 472 с.
8. Свод Законов Российской империи. Т. XI. СПб., 1911. 478 с.

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ИНДИИ⁷

THE LEGAL SYSTEM OF INDIA

Васуда Р.

*Центральный институт индийских языков
Индия, г. Дели*

Правовая система Индии обладает исключительным своеобразием, представляя смесь и сосуществование различных правовых культур, что отражает постоянную смену властителей на протяжении многовековой истории страны и многоконфессиональный характер современного индийского общества.

Единой индийской правовой культуры и правовой системы не существует, индийское право полисистемно. Большинство его отраслей сложилось под воздействием английского права в период британского владычества. Эти отрасли образуют в совокупности общенациональное право индийского государства. В связи с этим можно утверждать, что Индия входит в семью общего права (англо-американскую правовую семью). Наряду с национальным правом территориального характера, которое применяется ко всем лицам вне зависимости от расы и вероисповедания, в Индии продолжают действовать лично-религиозные системы индуистского и мусульманского права.

The Government of India, officially known as the Union Government and also known as the Central Government, was established by the Constitution of India, and is the governing authority of a union of 28 states and seven union territories, collectively called the Republic of India. It is seated in New Delhi, the capital of India.

The government comprises three branches: the executive, the legislative and the judiciary. The executive branch headed by the President, who is the Head of State and exercises his or her power directly or through officers subordinate to him. The Legislative branch or the Parliament consists of the lower house, the Lok Sabha, and the upper house, the Rajya Sabha, as well as the president. The Judicial branch has the Supreme Court at its apex, 21 High Courts, and numerous civil, criminal and family courts at the district level.

The basic civil and criminal laws governing the citizens of India are set down in major parliamentary legislation, such as the Civil Procedure Code, the Indian Penal Code, and the Criminal Procedure Code. The union and individual state governments consist of executive, legislative and judicial

⁷ Перевод настоящей статьи на русский язык опубликован на сайте лаборатории сравнительного правоведения в странах АТР (www.labatr.bsui.ru).

branches. The legal system as applicable to the federal and individual state governments is based on the English Common and Statutory Law. India accepts International Court of Justice jurisdiction with several reservations. By the 73rd and 74th amendments to the constitution, the Panchayat Raj system has been institutionalised for local governance.

The main sources of law in India are the Constitution, statutes (legislation), customary law, and case law, and case law. The statutes are enacted by Parliament, state legislatures and union territory legislatures.

Because India is a land of diversity, local customs and conventions that are not against statute or morality or otherwise undesirable are, to a limited extent, also recognized and taken into account by the courts while they administer justice in certain spheres. Also, people of different religions and traditions are governed by different sets of personal law with respect to matters relating to family affairs.

A unique feature of the India Constitution is the judicial system. A single integrated systems of courts administers both union and state laws. The Supreme Court of India, seated in New Delhi, is the highest body in the entire judicial system. Each state or a group of states had High Court under which there is a hierarchy of subordinate courts.

The Chief Justice and the other judges of the Supreme Court are appointed by the President. The Supreme Court has original, appellate and advisory jurisdiction. Its original jurisdiction extends to the enforcement of fundamental rights given by the Constitution and to any dispute among states and the Government of India. The decisions of the Supreme Court are binding on all courts within the territory of India.

While the judicial process is considered fair, a large backlog of cases to be heard and frequent adjournments can result in considerable delay before a case is closed. However, matters of priority and public interest may be dealt with expeditiously, and interim relief may be allowed in other cases, where appropriate.

At the village level, people are encouraged to solve their local problems with help of "Panchayats." The Panchayat is a group of five respected people of the village whose ruling on the matter is final. To encourage trade and industry to have recourse to arbitration rather than time-consuming court litigation, the existing arbitration law is proposed to be revised under the Arbitration and Conciliation Bill 1995.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КИТАЕ И УКРАИНЕ

*Король А.А.
Киевский региональный центр Национальной
академии правовых наук Украины
Украина, г. Киев*

Современный этап мировой истории характеризуется интенсификацией процессов глобализации, противоречивый характер которых усиливает параллельную тенденцию регионализации. Одним из основных центров глобального мира выступает Азиатско-Тихоокеанский регион, где концентрируется более половины мировой торговли, существенно возрастают объемы международных финансовых операций, трансграничного трансфера технологий. Приоритетным вектором внешнеэкономической политики Украины является развитие взаимовыгодных двусторонних отношений с Китаем – лидером АТР по темпам экономического развития. Общественные отношения в сфере внешнеэкономической деятельности опосредствуются соответствующими договорами (контрактами). Специфика контрактных обязательств в данной сфере состоит в наличии в структуре правоотношений одного или нескольких иностранных элементов. Это обуславливает необходимость обращения как к нормам международного частного права (далее – МЧП), так и гражданского права, нормы которого осуществляют непосредственное регулирование договорных отношений.

В Китае существует двухэлементная система размещения коллизионных норм, которые закреплены в разделе VIII Общих положений гражданского права КНР и отдельных нормативно-правовых актах. Автономная кодификация законодательства в сфере международного частного права не осуществлена, что, по мнению китайского правоведа Хуанг Чина, объясняется следующими факторами: 1) недостаточностью правотворческого опыта в сфере коллизионного

регулирующего; 2) объективной необходимостью реформирования национального законодательства КНР по направлению к отмене значительного количества актов, предназначенных для одностороннего регулирования коммерческих отношений с иностранным элементом и разработки соответствующих правил решения коллизий между правопорядком КНР и других государств в результате реализации политики открытости внешней экономической среде; 3) определенной степени эффективности коллизионного регулирования в силу того, что обозначенные два элемента «дополняют друг друга и могут быть гармонизованы» [3, С. 16].

Следует подчеркнуть существование особенности в сфере коллизионного регулирования Китая, которая состоит в том, что, не смотря то, что судебный прецедент не является источником права, роль Верховного Народного Суда КНР в сфере МЧП является достаточно важной, поскольку, как отмечают российские правоведы О.М. Жильцов и О.И. Муранов, «Верховный народный суд КНР своими указаниями достаточно активно дополняет законодательное регулирование» [1, С. 367]. В свою очередь, по мнению упомянутого выше Хуанг Чина, таким способом осуществляется «заполнение пробелов в праве и, как следствие, развитие и усовершенствование китайского коллизионного регулирования» [3, С. 8].

В договорных отношениях важную роль играет механизм определения права, которое подлежит применению к обязательственным отношениям (обязательственный статут). В соответствии с коллизионными нормами КНР, сторонам, в силу коллизионного принципа *lex voluntatis* – автономии воли, предоставляется возможность выбора применимого права при решении договорных споров. Верховный Народный Суд КНР разъяснил, что под договорными спорами следует понимать такие споры по отношению к договору, которые охватывают: действительность, момент возникновения, толкование, выполнение, ответственность за нарушение условий, изменение, приостановка действия, отступление, расторжение и прекращение, тем самым очертив круг вопросов, которые подлежат урегулированию системой норм обязательственного статута путем выбора сторон либо использования правоприменительными органами коллизионных норм. В Законе Украины «О международном частном праве» вопрос права, применимого к договору, урегулирован подобным образом.

Однако, исходя из того, что выбор обязательственного статута является правом сторон, а не их обязанностью, на практике этот вопрос часто остается не согласованным в договоре. В таком случае законодательством Украины предусмотрено использование коллизионной нормы с привязкой к праву страны одной из сторон, определенной в широком значении, как право страны продавца (*lex venditoris*). Китайская система коллизионных привязок содержит подобное регулирование, которое, базируется на принципе наиболее тесной связи (*proper law of the contract*).

Расширяя круг презумпций наиболее тесной связи, законодатель КНР предусматривает альтернативные юридические факты, которыми обусловлено использование такой формулы прикрепления для договоров купли-продажи товаров, как право страны покупателя на момент заключения договора. Она применяется в следующих случаях: 1) переговоры по контракту проводились, и он был заключен в месте осуществления деятельности покупателя; 2) договор заключен на предложенных покупателем существенных условиях после объявления им торгов; 3) в договоре определено, что продавец обязан осуществить передачу товара в месте осуществления деятельности покупателя. Украинскому международному частному праву такая коллизионная привязка не известна.

В случае возникновения необходимости использования правоприменительными органами материального права Китая вследствие выбора сторон или отсылки к нему коллизионных норм могут возникать определенные трудности, что связано с различиями материально-правового регулирования, в частности, общих положений о заключении договора, которые являются одним из вопросов, входящих в сферу обязательственного статута в МЧП Украины и Китая.

Основным документом в Китае, к которому следует обращаться при рассмотрении норм о заключении договора, является Закон КНР «О договорах» [2]. Китайские правоведы акцентируют внимание на том, что при разработке данного Закона «законодатели существенно опирались на Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА» [5, С. 1].

Желание или выражение воли заключить договор с другим лицом Закон КНР «О договорах» определяет как оферту, которая, по общему правилу, должна выражать намерение оферента быть обязанным в случае ее принятия адресатом. Следует заметить, что законодатель КНР, в отличие от украинского, был более категоричен в формулировании требования к оферте о конкретности содержания (ст. 14 Закона КНР «О договорах»). Так, содержание договора должно включать следующие условия: наименование (имена) и местонахождение сторон, предмет

договора, количество, качество, цена и оплата, срок, место и способ исполнения, ответственность за нарушение договора, а также способ разрешения споров. В свою очередь, в ст. 638 Гражданского кодекса Украины предусмотрено, что оферта должна содержать существенные условия договора, которыми являются условия о предмете договора, названные таковыми в законодательных актах или являющиеся необходимыми для данного вида договора, а также те, по которым по заявлению хотя бы одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Оферта, согласно ст. 17-19 Закона КНР «О договорах», может быть отозвана или отменена оферентом. Сообщение об отзыве оферты должно поступить к адресату ранее или одновременно с получением оферты. Оферта может быть отменена до получения оферентом акцепта, за исключением случаев, когда: 1) оферент установил срок для акцепта или в иной форме указал, что оферта не может быть отменена; 2) адресат оферты разумно полагал, что оферта не может быть отменена и уже приступил к подготовке исполнения договора. Из вышеизложенного следует, что разница между понятиями «отзыв оферты» и «отмена оферты» заключается в том, что отозвать можно только такую оферту, которая еще не вступила в силу, а отменить – уже вступившую в силу.

Для возможности отзыва или отмены оферты в китайском частном праве ключевым является момент вступления ее в силу, который установлен, как момент ее получения адресатом. При этом китайский законодатель не упускает из поля зрения важную и широко распространенную в условиях современных высокоразвитых технологий возможность заключения договора с помощью электронных средств связи. В таком случае моментом получения оферты считается первый по времени момент получения сообщения адресатом, если оферент не установил отдельный порядок. Если такой порядок установлен, то моментом получения оферты считается момент, когда сообщение поступает в соответствии с этим порядком.

Законодательство Украины не содержит норм об отмене оферты. Оференту, согласно ГК Украины, предоставляется возможность лишь отозвать оферту исключительно до момента или в момент ее получения адресатом, а права на отзыв или отмену оферты после ее получения адресатом (отмена, по Закону КНР «О договорах») украинский оферент не имеет.

В том, что касается принятия оферты – акцепта – и момента заключения договора материальное право Украины и Китая содержит подобные нормы, однако вопрос о месте заключения договора регулируется по-разному. Так, согласно Закону КНР «О договорах», местом вступления в силу договора в письменной форме является место его подписания сторонами или прикладывания печати. В свою очередь ГК Украины местом заключения договора называет место проживания физического лица или месторасположение юридического лица, которое сделало предложение заключить договор.

Однако средствами лишь национального права невозможно обеспечить адекватное регулирование отношений с иностранным элементом. Это проявляется в противоречии между интернациональным характером отношений международного экономического обращения и национальным в своей основе способом регламентирования гражданско-правовых и коммерческих отношений. Впервые на это обратил внимание Т. Попеску на II конгрессе сравнительного права, который состоялся в Риме в 1976 г. под эгидой УНИДРУА [4, С. 25]. Избежать проблем, обусловленных сущностью коллизионно-правового метода, в частности, первичной квалификации, обратной отсылки и отсылки к праву третьей страны, обхода закона, возможно за счет не столько гармонизации, сколько международной унификации материального частного права.

Важным результатом такой унификации является Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее – Венская конвенция), участниками которой являются оба государства. Поскольку за время ее действия в юридической литературе обстоятельно проанализированы ее структура и содержание, целесообразно обратить внимание на то, что Украина и Китай сделали к ней определенные оговорки. Так, Украина исключила для себя применение статей 11, 29 и положений части II (Заключение договора), которые допускают осуществление договора покупки – продаже товаров, его изменение, прекращение по договоренности сторон, в любой форме. В свою очередь, Китай не считает себя связанным положениями подпункта (b) пункта 1 статьи 1 и статьи 11, а также положениями Конвенции, которые касаются содержания статьи 11, где первая часть оговорки осуществлена в соответствии со специальной ст. 95 Венской конвенции.

Упомянутый п.п. (b) пункта 1 статьи 1 Венской конвенции является важным с точки зрения определения основного и субсидиарного статута договоров купли-продажи товаров между

отечественными и китайскими субъектами внешнеэкономической деятельности, поскольку касается области ее применения в случае, когда, согласно норм международного частного права, применяется право государства-участника. Исходя из этого, для отечественных субъектов внешнеэкономической деятельности данная оговорка Китая будет порождать правовые последствия ограничительного характера по договорам с китайскими контрагентами в ситуациях: 1) нахождения хотя бы одного из их коммерческих предприятий (постоянного места осуществления деятельности) на территории любого государства, которое не является участником Конвенции; 2) определения компетентным правом Китая сторонами, в силу автономии воли (*lex voluntatis*) или правоприменительными органами Китая, Украины, а также любого другого государства-участника или же не участника Конвенции, через применение соответствующих коллизионных норм при отсутствии автономного выбора сторон.

Сущность таких последствий обусловлена тем, что, при приведенных условиях, Венская конвенция не может рассматриваться в качестве инкорпорированной части законодательства Китая, и, соответственно, ее нормы не подлежат применению для регулирования договорных отношений международной купли-продажи товаров, которые будут требовать применения норм национального договорного права КНР как основного обязательственного статута.

Подводя итог вышеизложенному, стоит подчеркнуть, что механизмы коллизионного и гражданско-правового регулирования договорных отношений в Китае характеризуются наличием как подобных, так и отличных от украинских подходов. При этом, целесообразным видится заимствование в право Украины субсидиарной коллизионной привязки к праву страны покупателя по договорам купли-продажи из МЧП Китая, который, в свою очередь, использовал разработки доктринального характера в рамках такой авторитетной международной организации как Гаагская конференция по международному частному праву.

Список источников:

1. Муранов А.И., Жильцов А.Н. Международное частное право: Иностранное законодательство. – М.: Статут, 2000. – 892 с.
2. Contract Law of the People's Republic of China (Adopted at the Second Session of the Ninth NPC PRC on March 15, 1999, promulgated by Order № 15 of the President of the PRC on March 15, 1999.- Laws and Regulations of the People's Republic of China Governing Foreign-Related Matters (1999): The China Legal System Publishing House. – Beijing China, 2000. - 915 p.
3. Jin Huang. Commentaries on the Conflict Law in International Commercial Matters in China. // URL: <http://www.qis.net/chinalaw/eng/conflict.html>
4. Popesku T.R. Le Droit du commerce international: une nouvelle tache les legislatureurs nationaux ou une nouvelle «Lex mercatoria»? // New Direction in International Trade Law. Acts and Proceedings of the 2nd Congress of Private Law held by UNIDROIT. Rome, 7-10.09.1976. Oceana Publication. Dobbs Ferry. N.Y., 1977. P. 25.
5. Yuqing Zhang, Danhan Huang. The New Contract Law in the People's Republic of China and the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts: a Brief Comparison // Uniform Law Review. - 2000. – Vol.3. – P. 429-440.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ В ЯПОНИИ И КИТАЕ

*Олейников О.В.**

Институт экономико-правовых исследований НАН Украины

Украина, г. Донецк

Университет Кюсю (LLM, Япония)

Япония, г. Фукуока

Бурный рост экономики Восточной Азии подкрепляет тезис о наступлении так называемого «Азиатского столетия». Восточноазиатский регион признается сегодня уже не только как мировая «фабрика», но порой даже как «лидер глобальной повестки дня» [11]. Восточноазиатские страны представляют свой уникальный подход к роли государства в регулировании экономики с целью достижения экономического развития, которые получили название «бюрократических рыночных экономик» [10], стран «азиатской модели» [15], или более

* **Научный руководитель:** Ашурков Олег Алексеевич, к.юрид.н., доц., зав.отделом предупреждения хозяйственных правонарушений Института экономико-правовых исследований национальной Академии наук Украины.

часто как «государств развития» либо «государств, ориентированные на цели развития» (はってんしこかたこっか (*хамтен-шико-кама-кокка - developmental states*) [4].

Целью настоящей статьи является освещение специфических черт правового регулирования экономики в Восточной Азии в свете особенностей модели государств развития. Отталкиваясь от общей характеристики роли государства в регулировании экономики в Восточной Азии, проведем общий анализ основных тенденций в сфере правового регулирования экономики в Китайской Народной республике (далее – Китай) и Японии. Область исследования посвящена опыту Японии и Китая в связи со схожими тенденциями государственного регулирования рыночной экономикой. Япония является пионером в становлении особой «развивающей модели» («developmental» - связанный с экономическим развитием) экономики. Япония «показала миру, что государство может играть важную роль в рыночной экономике кроме функций, представляемых концепцией свободной (*laissez-faire*) экономики» [3, С. 68]. Китай показал успешное использование «развивающего» регулирования в постепенной трансформации командной экономики на капиталистических принципах.

Некоторые проблемы государственного регулирования экономикой в Восточной Азии уже стали предметом научной дискуссии, о чем свидетельствуют исследования ученых из азиатских стран Мицуо Мацусита, Юмико Миканаги, Такао Танасе, Канишка Джаясурия, Шин-и Пенг, Ванг Куи Хуи, Джианфу Чен, а также известных западных ученых Д. Хейли, Ч. Джонсона, С. Пекканен, Ч. Макмиллана, С. Любмена, Д. Виллера, П. Поттера, К. Гудмана и других. Термин «государство развития» был предложен Чалмерсом Джонсоном и отражает теорию ревизионистов, согласно которой крушение рынка является убедительным основанием и «оправданием для правительства, чтобы руководить рынком решающим образом» [14]. Такой подход основан на недоверии к рыночному саморегулированию и призывает к усилению роли государства, как условию для эффективного функционирования рыночной экономикой.

Джонсон указывает, что в Восточноазиатских странах «государство замещает собой общество и легитимируется посредством политического проекта, такого как социальная революция или экономическое развитие». Он также приводит мнение Каселлы о том, что государство развития легитимируется своей способностью содействовать и поддерживать развитие [3, С. 68]. Хэйли определяет государственное вмешательство в экономику в Японии как «тоталитарное по характеру с неограниченным административным усмотрением» [1, С. 154]. Вэйд выделяет три главные характеристики государства развития: 1) наличие автономных центральных ведомств, предназначенных для формирования и воплощения в жизнь экономической политики; 2) отличительная индустриальная политика навстречу экспортно-ориентированной глобальной промышленности; 3) значительная роль государства в обеспечении экономического развития и безопасности [13]. Успех экономической политики в Восточноазиатских государствах, как отмечается в литературе, базируется на «их способности противостоять эгоистичным деструктивным частным группам и заботиться о национальном интересе», а также в применении мер по содействию и поощрению, вместо запретов и ограничений [12, С. 36].

Возникновение данной модели может быть объяснено различными причинами, включая исторические, культурные и религиозные предпосылки, присущие Восточноазиатским странам. Например, следует отметить весомую роль конфуцианства в укреплении сильной центральной власти и зарождении бюрократии. Джаясурия подчеркивает противоречия в развитии политического и экономического конституционализма в этих странах. Он считает, что с учетом исторических предпосылок сильного государства в Восточной Азии, даже создавая условия для экономической либерализации, государство ограждает рынок от политического воздействия. Это утверждение обосновывается следующими характеристиками восточноазиатского легализма [2, С. 99]. С позиции концепции «двойственного государства» существует попытка объяснить сильное государство, где проводится линия разграничения между либерализацией в экономике и стабильностью государственного аппарата. Это вытекает из презумпции, что поддержание верховенства права в экономике требует политической изоляции правительства. Тезис «революции сверху» аргументируется тем, что экономическое развитие необходимо для модернизации страны и, в своем большинстве, не поддерживается инициативами бизнеса. Теоретическим базисом данного подхода стали работы экономистов прусской империи о «позднем развитии», включая труды Фредерика Листа о государственном капитализме [6, С. 5-6].

Однако необходимо подчеркнуть важные отличия между Восточноазиатскими странами, например, по вопросу о главной движущей силе государственного регулирования. Если китайская коммунистическая партия продолжает оставаться главным фактором формирования

экономической политики в государстве, то в Японии существует сложное распределение власти, при котором государство считается унитарным субъектом, в котором власть сконцентрирована в треугольнике между государственной бюрократией, политиками и большим бизнесом [7, С. 19-21]. Уровень командного регулирования экономикой в Восточной Азии бурно развивается, воплощает собой активную роль государства в этой сфере и предполагает широкий набор средств регулирования и управления. Сегодня восточноазиатские страны оказывают предпочтение в использовании права как высокотехнического и инструментального средства в достижении целей политики, а не в качестве принципа верховенства.

Под влиянием традиций континентальной системы права Восточноазиатские страны разработали целый ряд кодифицированных законодательных актов в сфере экономической деятельности. Однако фактически весь регуляторный процесс можно охарактеризовать наличием достаточно большого объема подзаконных актов, а также индивидуально-определенных актов, которые в своей массе направлены на выполнение определенных целей политики, и составляют целую систему *руководящих наставлений*. Данная статья обосновывает необходимость использования именно термина «руководящие наставления», в отличие от широко употребляемого в англоязычной литературе термина «административные руководства» («administrative guidance»), как перевод японского термина «行政指導» («*гёсей шидо*»). Специфика данного правового явления состоит в особых взаимоотношениях государственных органов и хозяйствующих субъектов, в рамках которых правительство или центральное ведомство, в силу исторически присущих им патернализму, наставляет подопечные хозяйствующие субъекты добровольно последовать предписаниям политического курса.

Стоит отметить, что в последнее время общепризнанной тенденцией в государственной регуляторной деятельности в Японии является дерегулирование, что должно предоставить более широкие рамки саморегулирования. Однако комментаторы указывают, что использование популярного слова «дерегулирование» (*きせいかんわ* «*кисей канва*») является во многом ширмой, или знаком того, что бюрократ не намерен что - либо делать с регулированием [8, С. 69-70]. Почему Япония сталкивается с проблемами при дерегулировании, не смотря на поддержку реформ правительством? Проблема заложена в тесной связи между правительством и доминирующими торговыми корпорациями. С. Пекканен иллюстрируя некоторые черты крупного бизнеса в Японии, отмечает у него агрессивные попытки защитить собственные интересы, наличие представительской структуры, влияние на нормотворчество правительства, направляющую роль по отношению к государственному вмешательству во внешнеэкономических отношениях [9, С. 266]. Другими словами, крупный бизнес в Японии не заинтересован в обширном дерегулировании в связи с наличием серьезного влияния на правительственное нормотворчество.

Уровень саморегулирования в Китае достаточно сильно отличается от Японии, что вызвано особым восприятием права в обществе. Официальная правовая культура характеризуется явлениями, которые обозначаются понятием «инструментализм», который отражает традиционное восприятие права в Китае. П. Поттер определяет инструментализм, как механизм реализации государственной власти, при которой правовые формы и институты создаются и функционируют для защиты партии и государственной политической власти. Роль права видится преимущественно в реализации государственной политики, включая осуществление социального контроля и экономических целей [10, С. 10-11]. Другая черта восприятия права в Китае – это формализм, при котором не делается отличий между содержанием права и его действием в реальности. Уже сам факт принятия политического курса означает его успешное выполнение [10, С. 12].

Однако этот формальный пласт не отражает общественного восприятия норм справедливости и стремления к автономности, существующие в обществе, что находит свое проявление в развитии сектора неформальных связей «*гуанкси*» («*guanxi*»). Подобный «побочный эффект» от усиленного государственного вмешательства может быть объяснен институциональными ограничениями государственной власти [10, С.13]. Джонс утверждает, что *гуанкси* становятся «институциональной альтернативой для высокоразвитых формальных правовых и бюрократических структур». Автор считает, что *гуанкси* и принцип верховенства права могут сосуществовать с целью «непосредственного содействия модернизации и роста капитализма» [5, С. 8].

Не смотря на тенденции либерализации и глобализации, государства в Восточной Азии продолжает играть важнейшую роль в формировании экономического курса страны. Тенденция авторитарного легализма предопределяет регулирование общественных отношений в большей мере с помощью метода императивных предписаний, вместо ожидаемых тенденций

дерегулирования, хотя и с постепенным изменением приоритетов в пользу метода автономных решений. На сегодняшний день метод рекомендации, реализуемый с помощью экономического планирования и руководящих наставлений, составляет самый широкий сегмент государственного участия в экономике Восточной Азии, но постепенно замещается командным регулированием, представленным методом императивных предписаний.

Многолетний опыт нормотворчества в сфере регулирования экономики Японии и Китая представляет интерес с точки зрения изучения средств и форм государственного регулирования на различных уровнях регуляторной деятельности, анализа законодательной техники и подходов по кодификации нормативного материала. Кроме того, опыт стран Восточной Азии показывает, что протекционизм остается одним из краеугольных камней в формировании экономического курса государства. После вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) постсоветские государства должны предпринимать меры по изучению опыта Восточноазиатских стран по активному отстаиванию позиций отечественных субъектов хозяйствования в международных экономических отношениях.

Целесообразно использовать опыт Японии в создании хорошо скоординированных и высокоэффективных межведомственных органов, ответственных за заключение преференциальных соглашений в сфере торговли и инвестиций. В сфере законотворчества представляет интерес использование опыта Китая в регулировании общественных отношений с помощью руководящих каталогов. Сочетание методов рекомендации и императивного предписания в руководящих каталогах позволяют достигать паритета государственных и частных интересов в развитии внешнеэкономической деятельности.

Подводя итоги, следует отметить, что постсоветские страны сегодня находятся на стадии кардинальной трансформации политической, социальной и экономической систем, что подчеркивает схожесть с ситуацией с послевоенной Японией, а также с намерениями Китая по трансформации экономики на принципах капитализма. Однако с другой стороны, отличия в культурном, экономическом, политическом и историческом развитии постсоветских стран со странами Восточной Азии могут серьезно помешать рецепции данной модели регуляторной деятельности. Конечно, такой вывод не преуменьшает важности изучения и применения отдельных методов или элементов государственного регулирования экономикой в Восточной Азии.

Список источников:

1. *Haley John*, Authority Without Power: Law and the Japanese Paradox (New York: Oxford University Press, 1995).
2. *Jayasuriya Kanishka*, The Rule of Law and Governance in East Asia, in Reconfiguring East Asia: Regional Institutions and Organizations After the Crisis 99 (Mark Beeson ed., 2002).
3. *Johnson Chalmers*, Japan: who governs?: the rise of the developmental state 68 (New York: Norton, 1995)
4. *Johnson Chalmers*, MITI and the Japanese Miracle: the Growth of Industrial Policy, 1925-1975 (Stanford University Press, 1982).
5. Law, Capitalism and Power in Asia: the Rule of Law and Legal Institutions (Kanishka Jayasuriya ed., London: Routledge, 1999).
6. *McMillan Charles*, The State as Economic Engine: Lessons from the Japanese Experience in The State and Economic Development: Lessons From the Far East 1 (Robert Fitzgerald ed., London; Portland: F. Cass, 1995).
7. *Mikanagi Yumiko*, Japan's Trade Policy: Action or Reaction? 19-21 (London; New York: Routledge, 1996).
8. *Miyamoto Masao*, Deregulating Japan`s Soul in Unlocking the Bureaucrat`s Kingdom. Deregulation and the Japanese Economy (Frank Gibney ed., Brookings, 1998).
9. *Pekkanen Saadia M.*, Japan`s Aggressive Legalism: Law and Foreign Trade Politics Beyond the WTO (Stanford University Press, 2008).
10. *Potter Pitman*, The Chinese Legal System: Globalization and Local Legal Culture (Routledge, 2001).
11. Report on the World Economic Forum on East Asia in Kuala Lumpur, Malaysia 15-16 June 2008, доступен на: <http://www.weforum.org/en/events/ArchivedEvents/WorldEconomicForumonEastAsia2008/index.htm>
12. *Streeten Paul*, Governance, in Current Issues in Economic Development: an Asian Perspective (M.G. Quibria & J. Malcolm Dowling eds., Oxford University Press, 1996).
13. *Wade Robert*, Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization (Princeton: Princeton University Press, 1990).
14. *World Bank*, The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy 83 (New York, Tokyo: Oxford University Press, 1993).
15. *Xiaoming Huang*, Between the State and Market: The Problem of Transition in East Asia, in The Political and Economic Transition in East Asia: Strong Market, Weakening State 3 (Huang Xiaoming ed., 2001).

II. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ И АКТОВ ДРУГИХ ОРГАНОВ В РФ И КНР

*Азизов Я.З.**

*Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Некоторые решения судебных органов и арбитражей, вынесенные на территории Российской Федерации, подлежат принудительному исполнению на территории Китайской Народной Республики и, наоборот, решения, вынесенные Народными судами и арбитражами КНР, могут быть исполнены на территории РФ. В соответствии с Договором «О правовой помощи по гражданским и уголовным делам», заключенным между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, на территории КНР могут исполняться, вынесенные на территории РФ, и на территории РФ могут быть исполнены, вынесенные на территории КНР, следующие решения [13]: судебные решения по гражданским делам; судебные решения о возмещении ущерба по уголовным делам; решения третейского суда. Исполнение упомянутых решений будет осуществляться в соответствии с правом государства по месту исполнения решений с учетом условий соответствующих международных договоров. В связи с этим, представляет интерес сравнение некоторых аспектов принудительного исполнения решений судов и иных органов.

Вся система исполнительного производства в РФ основана на принципах, заложенных в Конституции РФ. Одним из таких принципов является разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную [1]. На основе этого конституционного принципа функция принудительного исполнения судебных решений и актов других органов возложена на Федеральную службу судебных приставов и Федеральную службу исполнения наказаний, которые являются структурными подразделениями Министерства юстиции – органа исполнительной ветви государственной власти. Место органов принудительного исполнения решений судов и актов других органов в системе органов государственной власти обуславливает особую систему источников (нормативных и ненормативных), регулирующих их деятельность. К таким источникам права относятся: специальные законы (Федеральный закон № 229-ФЗ от 02.10.2007 «Об исполнительном производстве», Федеральный закон № 118-ФЗ от 21.07.1997 «О судебных приставах»); Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ; Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ; Кодекс об административных правонарушениях РФ; постановления Правительства РФ; методические рекомендации и письма Министерства юстиции; приказы Федеральной службы судебных приставов (далее - ФССП), Федеральной службы исполнения наказаний (далее - ФСИН); указы Президента РФ.

Специальными законами в РФ регламентируются непосредственно процедура исполнительного производства [8], а также полномочия судебных приставов в сфере принудительного исполнения [3]. В Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ включены положения, определяющие действия суда в части выдачи исполнительных документов, предъявления их к исполнению, приостановления, возобновления и прекращения исполнительного производства, отсрочки и рассрочки исполнения и т.п. Нормами гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства исполнение судебных решений выделено в отдельное исполнительное производство [6; С. 7].

Уголовно-процессуальное законодательство разграничивает полномочия ФССП и ФСИН. Исполнительные листы о взыскании штрафов, назначенных в качестве уголовного наказания, выдаются на основании приговоров и предъявляются к исполнению в порядке, установленном

* **Научный руководитель:** Литвинова Светлана Федоровна, к.юрид.н., доцент Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Уголовно-процессуальным кодексом РФ [4] и Федеральным законом № 229-ФЗ от 02.10.2007 «Об исполнительном производстве». Иные уголовные наказания приводятся в исполнение Федеральной службой исполнения наказаний, деятельность которой регламентируется Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации [2].

В отношении постановлений по делам об административных правонарушениях установлено, что они приводятся в исполнение уполномоченными на то органами, должностными лицами в порядке, установленном Кодексом об административных правонарушениях РФ [5], другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними постановлениями Правительства РФ. В свою очередь акты Правительства и Министерства юстиции носят разъяснительный, либо рекомендательный характер. Положения данных актов раскрывают нормы федеральных законов, истолковывают их или вводят дополнительные положения. Указы Президента регламентируют некоторые аспекты деятельности ФССП и ФСИН. Приказы ФССП и ФСИН направлены на организацию основной деятельности по принудительному исполнению судебных актов и актов других органов на местах.

В КНР органы принудительного исполнения решений судов и иных органов занимают в системе государственных органов иное место. И это связано, прежде всего, с тем, что в Конституции КНР не закреплён принцип разделения власти на три ветви. Основным принципом организации государственной власти в КНР является принцип демократического централизма. Поэтому функции принудительного исполнения решений судов и иных органов возложены на судебных исполнителей, состоящих в штате Народных судов [9]. Таким образом, в КНР сегодня действует система исполнения судебных актов и актов других уполномоченных органов, которая была отчасти присуща Российской Федерации до проведения административной реформы.

Место органов принудительного исполнения решений судов и иных органов в системе органов государственной власти КНР, в свою очередь, обуславливает особенность правового регулирования деятельности судебных исполнителей. В отличие от РФ система китайского законодательства по вопросам принудительного исполнения судебных актов строится на минимальном количестве нормативно-правовых актов, в числе которых основными являются Гражданский процессуальный кодекс КНР – регламентирует исполнение судебных решений [10]; Уголовно-процессуальный кодекс КНР – регламентирует исполнение приговоров [12]; Закон КНР «Об административных наказаниях» - регламентирует исполнение актов об административных правонарушениях [11].

Таким образом, можно отметить, что в РФ и КНР органы принудительного исполнения решений судов и иных органов занимают разное положение в системе государственных органов, что определяет разную систему регулирования их деятельности. В РФ сформирована более развернутая нормативная база, регулирующая принудительное исполнение судебных актов и актов других органов, что указывает на более глубокий теоретический подход к данной проблеме. Эти особенности нужно учитывать в случае, если возникнет необходимость исполнения решений судов и иных органов, вынесенных на территории РФ.

Список источников:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. 26.01.2009. №4. Ст. 445.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 №1-ФЗ (в ред. ФЗ от 29.03.2010 №36 // Собрание законодательства РФ. 13.01.1997. №2. Ст. 198.
3. О судебных приставах: Федеральный закон от 21.07.1997 №118-ФЗ (в ред. ФЗ от 25.11.2009 №267 // Собрание законодательства РФ. 28.07.1997. №30. Ст. 3590.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (в ред. ФЗ от 29.03.2010 №32) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. №52 (ч. 1). Ст. 4921.
5. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 №195-ФЗ (в ред. ФЗ от 09.03.2010 №27) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. №1 (ч. 1). Ст. 1.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (в ред. ФЗ от 09.03.2010 №20) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. №46. Ст. 4532.
7. Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (в ред. ФЗ от 09.03.2010 №20) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
8. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 №229-ФЗ (в ред. ФЗ от 27.09.2009 №226) // Собрание законодательства РФ. 08.10.2007. №41. Ст. 4849.
9. Гражданский процессуальный кодекс КНР [Электронный ресурс] // Сайт Консалтинговой группы «Окно в Китай». 2010. Режим доступа: [URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure](http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure)

10. Закон КНР «Об административных наказаниях» [Электронный ресурс] // Сайт Консалтинговой группы «Окно в Китай». 2010. URL: http://chinalawinfo.ru/administrative_law
11. Уголовный процессуальный кодекс КНР [Электронный ресурс] // Сайт Консалтинговой группы «Окно в Китай». 2010. // URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure
12. Договор о правовой помощи по гражданским и уголовным делам между РФ и КНР (Пекин, 19 июня 1992 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Консалтинговой группы «Окно в Китай». 2010. URL: <http://chinalawinfo.ru>

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ В МОНГОЛИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

*Бутаева Р.И.**
Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ

1990 г. явился поворотным для многих стран евразийского пространства, с ним связаны перемены коснувшиеся образования новых, никогда не виданных миром государств и смена политических систем управления, обусловленных крушением коммунистических режимов и переходом к демократическим формам. В многовековой истории стран Восточной Азии такие эпохи перемен неоднократно имели место и выражаются в формуле, высказанной в свое время патриархом политического реформаторства Дэн Сяопином – «закрыть прошлое, открыть будущее» [1]. Данная формула стала ключевым принципом для нормализации межгосударственных отношений в новых условиях равноправных партнеров России и Монголии.

И в Монголии, и в Российской Федерации в начале 90-х гг. проводилась активная работа по разработке и согласованию основных положений новых демократических конституций. 13 января 1992 г. стало ключевой датой в истории новой Монголии, когда была принята Конституция страны, получившей название «Монголия» и известившей на весь мир об образовании суверенной парламентской республики. Высшей целью государства провозглашено построение и развитие гуманного, гражданского демократического общества, а ключевой особенностью конституции явилось существенное расширение и четкая формулировка прав и свобод человека [2]. В связи с обозначенной в Конституции Монголии 1992 г. вышеуказанной целью, мы считаем необходимым провести более подробный анализ главы второй документа, регламентирующей основные личностные права и свободы граждан.

Глава вторая Конституции Монголии называется «Права и свободы человека» и включает в себя шесть статей со ст.14 по ст.19. В них полно и широко представлены все основные положения, касающиеся правового положения личности, смоделированные по Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Эта часть Конституции отвечает всем общепринятым международным стандартам и фактически воспроизводит их. Следует отметить общность в структуре Конституции Монголии и Конституции Российской Федерации, в которых права и свободы человека закреплены непосредственно после глав, посвященных основам государственности, что, несомненно, характеризует оба государства как демократические, правовые, социальные. Глава вторая Конституции Российской Федерации также закрепляет права и свободы граждан и носит название «Права и свободы человека и гражданина». Сравнивая основные исследуемые документы двух стран, нельзя не заметить различия в названиях глав.

А.В. Юрковский уделяет внимание вопросу юридической техники названия второй главы Конституции Монголии, которая звучит как – «Права и свободы человека». С его точки зрения название второй главы в некоторой мере расходится с содержанием главы, поскольку политические и ряд социально-культурных прав определяются в большей части государств только для граждан этих государств. И более того в статье 17 излагаются обязанности граждан Монголии, которые не имеют отношения к лицам не являющимся ее гражданами. Эта же статья также рассматривает вопрос о статусе иностранца и лиц без гражданства, случаи предоставления

* По итогам конференции доклад признан лучшим в секции «Конституционно-правовые проблемы сравнительного правоведения».

* **Научный руководитель:** Тышкенова Айгуль Григорьевна, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

политического убежища, ограничение прав иностранцев и апатридов. На основе изложенного А.В. Юрковский заключает, что второй главе вернее было бы иметь общепризнанное название – «Права и свободы человека и гражданина» [3].

Глава вторая Конституции Монголии имеет и другие особенности, которые также выделяются при более углубленном изучении прав и свобод человека. Научная проблематика исследования данной темы в области сравнительного правоведения уже затрагивала интересы как российских, так и самих монгольских ученых. В частности монгольский правовед Болор Эрдэнэ в 1999 г. в своей статье «О сильных и слабых сторонах основного закона Монголии» указывает на отсутствие положений о жилище в главе второй. Данное обстоятельство он относит к недостаткам Конституции и считает, что положения о правах и свободах человека не доработаны в полном объеме [4]. Что же касается Конституции Российской Федерации, то в ней, в отличие от Конституции Монголии, вопрос о жилище находит свое отражение в статьях 25 и 40 главы второй Конституции, которые провозглашают за человеком право на жилище, неприкосновенность жилища, что на наш взгляд является одним из позитивных отличий [5].

Рассматривая также и обязанности граждан Монголии и граждан Российской Федерации, можно выделить и еще одно отличие между Конституциями государств. Так, Болор Эрдэнэ указывает на сохранившееся в Конституции Монголии требование из недавнего коммунистического прошлого о том, что каждый гражданин страны должен трудиться. Проведение социально-правового анализа и прогнозирование показывают нам, что заявленное конституционное положение в условиях современных глобальных экономических кризисов и других катаклизмов приводит к противоречию с реальной действительностью. Ведь руководствуясь конституционным долгом, гражданин с высокой гражданской сознательностью из-за массовой безработицы и финансовых неплатежей не сможет трудоустроиться и добросовестно исполнять долг. Вследствие чего конституционное положение не находит своей реализации [6]. В Конституции Российской Федерации, в отличие от монгольской, в статье 37 указано, что труд является свободным, гражданам предоставляется право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

Болор Эрдэнэ обращает внимание и на вопросы образования. По его мнению, Конституцией предусмотрено предоставление государством всем гражданам Монголии бесплатного базисного образования. Но государство ничего не гарантирует в отношении специального среднего образования и высшего, хотя эти вопросы четко оговаривались в ранее существовавших конституциях коммунистического режима [7]. Здесь также следует сказать, что в Конституции Российской Федерации данный вопрос раскрыт более подробно. Согласно статье 43 Конституции в России гарантируются бесплатность и общедоступность не только основного общего, но также и среднего профессионального образования.

Не менее содержательна статья монгольского правоведа Далайжаргал Батчимэг «Правовой статус иностранных граждан согласно Конституции Монголии и Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование)» [8]. Автор акцентирует внимание на сходстве положений двух конституций в вопросе иностранных граждан касающихся предоставления политического убежища и возможных ограничений правового статуса иностранцев. Здесь же выделяются и отличия, когда в Конституции Монголии относительно правового положения личности говорится о правах и свободах граждан Монголии, а в Конституции России о правах и свободах личности, куда включены и иностранные граждане. Указав различия, автор отметил, что ни в одном из двух государств они ни в коем случае не умаляют права и свободы человека, личности, установленные нормами международного права.

Среди наиболее крупных работ монгольских ученых последнего времени следует отметить коллективную монографию «Монголия в 21 веке», особенно те разделы, которые посвящены конституционно-правовому статусу личности. Интересны взгляды юристов практиков члена Конституционного суда Амарсаны Жугнээгийн и члена Верховного суда Батсайхана Даваажавын в вопросе об аресте. Согласно части второй статьи 22 Конституции РФ «Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению». В свою очередь, Конституция Монголии не включает в себя положения об аресте, но законодательством страны допускается его осуществление на основании санкции прокурора [9]. Изложенное свидетельствует об отсутствии в Монголии судебного контроля за арестами и действиями оперативно-следственных органов на основании положений, существовавших до 1992 г., когда была принята Конституция демократического монгольского общества.

В рамках рассмотрения прав и свобод человека и гражданина не менее интересен, по нашему мнению, и взгляд практиков на проблему смертной казни. Бесспорно, отмечено, что в целом вопросы прав и свобод человека находятся не только в юридической плоскости исследования, но и имеют существенное отношение к политической проблематике. Позиция Монголии по смертной казни очень важна как для политического веса страны на международном уровне, так и для региона Восточной Азии в целом, явно не отличающегося уважением международного права со стороны КНР и КНДР. Заместитель директора по странам АТР программы Международной амнистии Розана Райф оценивает введение Монголией моратория на смертную казнь как большой успех международной общественности в Восточной Азии на этом направлении, также уверена, что ее примеру последуют другие сопредельные государства. Эта же мысль об уважении прав личности в Монголии была подчеркнута в ноябре 2005 г. президентом США Джорджем Бушем во время официального визита в Улан-Батор. В частности, он заявил, что «Монголия является образцом для региона и мира» [10]. В решении этого вопроса Монголия и Россия действуют последовательно, уважая обращения Генеральной Ассамблеи ООН и следуя общемировой гуманистической направленности на уважение правового статуса личности и сохранение человечества.

В России современный опыт развития конституционно-правового статуса личности в Монголии изучается, прежде всего, в академических институтах, вузах и практических организациях. Результаты научных исследований находят свое отражение в коллективных и индивидуальных работах правоведов, политологов, культурологов, историков, в том числе А.В. Юрковского, В.В. Грайворонского, Ю.Н. Кручкина, Г.С. Яскиной и др. Следует отметить смелые взгляды А.В. Юрковского в современном осмыслении и анализе сложных процессов в правовом статусе личности в современной Монголии. Ю.Н. Кручкин (Аюур) уделяет внимание гражданству Монголии и выделяет отличительную особенность от российского законодательства в вопросе прекращения состояния гражданства по причине выбора гражданства другой страны. Данное положение основано на конституционном принципе одного гражданства, подобно Кыргызстану, Литве и др. и присуще большей частью небольшим по численности населения государствам [11].

В.В. Грайворонским затрагивается перспективный и отличительный принцип монгольского права, запрещающий использовать факты виновности человека против членов его семьи и в целом его родственников [12]. Названное положение достаточно полно защищает правовой статус личности и его ближайшего окружения от возможного произвола со стороны чиновничества. Следует отметить, что в Конституции РФ отсутствуют сходные положения, регулирующие данный вопрос. Полагаем, что данный институт правовой защиты нуждается во всестороннем изучении с использованием метода экспертных оценок как прогрессивное направление. Им же исследуются вопросы деятельности монгольского правительства в направлении поддержания правового статуса личности. Излагаются поощрительные меры, направленные на расширение льгот многодетным семьям, создание благоприятных условий для жизни человека, защита интересов монгольских граждан за рубежом, образование фонда предоставления однократной финансовой помощи гражданам за границей.

Резюмируя изложенное, отметим, что в основе конституционно-правового статуса личности и в России, и в Монголии находятся общепризнанные международно-правовые нормы, направленные на защиту прав и свобод человека и гражданина. Конституции обоих государств закрепляют положения о формировании личности, обладающей развитым современным самосознанием, способным к интегрированию в цивилизованное международное содружество народов. Обе страны, совершив почти одновременный переход к демократическим формам правления, самостоятельно идут по пути построения истинно правового государства, в основе которого лежат права и свободы человека. Взаимный обмен играет важную роль для обеих сторон двух сопредельных традиционно дружественных государств, как было верно отмечено президентом Российской Федерации В.В. Путиным во время официального визита в Монголию в ноябре 2000 г. [13]. Полагаем, что вопрос двустороннего изучения в области конституционно-правового статуса личности взаимовыгоден и имеет большую перспективу, относительно сегодняшнего дня его можно выразить словами президента США Барака Обамы: «Наша Конституция не застывший, а живой документ и должна рассматриваться в контексте постоянно изменяющегося мира» [14].

Список источников:

1. Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на Большой Восток./ С.Г. Лузянин. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. С.327.

2. Грайворонский В.В. Реформы в социальной сфере современной Монголии./ В.В. Грайворонский. М. Институт востоковедения. 2007. С.11.
3. Юрковский А.В. Общая характеристика некоторых особенностей Конституции Монголии./ А.В. Юрковский// Сибирский юридический вестник. - 2001. - №4.
4. Болор-Эрдэнэ Л. О сильных и слабых сторонах основного закона Монголии./ Л. Болор-Эрдэнэ// Сибирский юридический вестник. – 1999. - №3
5. Конституция РФ ст.ст. 25, 40.
6. Болор-Эрдэнэ Л. О сильных и слабых сторонах основного закона Монголии./ Л. Болор-Эрдэнэ// Сибирский юридический вестник. – 1999. - №3
7. Указ. соч. там же.
8. URL: www.labatr.ru
9. Монголия в 21 в. Улан-Батор. 1997. - С.20, 21.
10. Грайворонский В.В. Реформы в социальной сфере современной Монголии./ В.В. Грайворонский. М. Институт востоковедения. - 2007. С.4.
11. Кручкин Ю.Н. Монголия. Юридический справочник./ Ю.Н. Кручкин. – Улан-Батор. 2002. -С.88.
12. Грайворонский В.В. Реформы в социальной сфере современной Монголии./ В.В. Грайворонский. М. Институт востоковедения. - 2007. С.12.
13. Грайворонский В.В. Реформы в социальной сфере современной Монголии./ В.В. Грайворонский. М. Институт востоковедения. - 2007. С.235.
14. Обама Б. Дерзость надежды./ Б. Обама. С-П., Азбука-классика., - 2008. С.103.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАНЦЕВ И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РОССИИ И МОНГОЛИИ

Бянкина К.М.
Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический
университет им. Н.Г. Чернышевского
Россия, г. Чита*

Основным законом России, как известно, является Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном голосовании граждан 12 декабря 1993 г. В Монголии основным законом является Конституция Монголии, принятая Великим Народным Хуралом Монголии 13 января 1992 г. Рассмотрим и проанализируем конституционно правовой статус иностранцев и лиц без гражданства на основе норм Конституций России и Монголии. Согласно п. 1 ст. 18 Конституции Монголии «права и обязанности иностранных граждан, находящихся на территории Монголии, устанавливаются законами Монголии и договорами со странами, гражданами которых они являются» [1]. В частности, как отмечает Цэдэндорж Загдсурен, «отношения между Россией и Монголией после определенного спада в конце 80-х-начале 90-х гг. XX в. начали приобретать прежний динамизм и адаптированность к современным реалиям. Крупным событием в двустороннем диалоге стал официальный визит в Москву Президента Монголии (январь 1993 г.), в ходе которого был подписан российско-монгольский Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве.

Две страны договорились о том, что Монголия и Россия рассматривают друг друга как дружественные государства и будут в своих отношениях руководствоваться принципами уважения суверенитета и независимости, суверенного равенства, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, добрососедства, партнерства и сотрудничества. Монголия и Россия будут всемерно содействовать укреплению стабильности, утверждению атмосферы доверия и духа взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [2, С. 165]. Согласно же п. 3 ст. 18 Конституции Монголии «права и обязанности лиц без гражданства, находящихся на территории Монголии, определяются внутренним законодательством» [1].

В Конституции Российской Федерации в п. 3 ст. 62 указано, что «иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или

* **Научный руководитель:** Семашкин Борис Дмитриевич, к.и.н., проф. кафедры теории и истории государства и права Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета

международным договором Российской Федерации» [3]. Иностранцами гражданами в России признаются лица, имеющие доказательства своей принадлежности к гражданству или подданству другого государства, т.е. наличие паспорта или иного заменяющего его документа, подтверждающего наличие такого факта.

Лицом без гражданства в России признается лицо, не имеющее гражданства Российской Федерации и не имеющее доказательств, подтверждающих наличие гражданства или подданства иностранного государства. Объем полномочий у таких лиц такой же, как и у граждан России, за исключением тех изъятий, которые устанавливаются федеральным законом, например, в отношении политических прав, либо международным договором, т.е. если, например, граждане России лишены определенных прав на территории иностранного государства, граждане этого государства лишаются этих прав на территории РФ. Таким образом, сопоставив сходные положения Конституции Монголии и Конституции РФ по правовому положению иностранцев и лиц без гражданства, можно сделать вывод о том, что они схожи, но не идентичны.

В силу п. 2 ст. 18 Конституции Монголии «при определении прав и обязанностей иностранных граждан по международным договорам Монголия исходит из принципа взаимности со странами, гражданами которых они являются» [1]. В данном случае это определяет, что действует принцип материальной взаимности, т.е. «предоставление иностранным лицам той же суммы конкретных прав и правомочий, которыми национальные лица пользуются в соответствующем иностранном государстве» [4, с. 24]. В России, по общему правилу, действует принцип формальной взаимности, т.е. «иностранцам предоставляются все права и правомочия, вытекающие из местного законодательства» [4, с. 24], за исключением, как уже было отмечено, изъятий, установленных федеральным законом или международным договором, когда также может быть использован принцип материальной взаимности.

В соответствии с п. 4 ст. 18 Конституции Монголии «иностранному гражданину и лицу без гражданства, подвергшимся гонениям и преследованию за свои взгляды, политическую и иную справедливую деятельность, может быть предоставлено право убежища в Монголии, если были представлены аргументированные пожелания сего» [1]. Конституция России в п. 1 ст. 63 определяет, что «Российская Федерация предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права» [3]. В данном случае российская норма более точна, так как политическое убежище предоставляется гражданину не только в соответствии с «аргументацией данного пожелания», но и в соответствии с международными нормами права, среди которых в первую очередь можно выделить Всеобщую декларацию прав человека.

В силу п. 5 ст. 18 Конституции Монголии «при предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства, находящимся на территории страны, возможности пользоваться основными правами и свободами граждан Монголии, указанными в статье 16 Конституции, могут быть в целях обеспечения национальной безопасности и безопасности населения, охраны общественного порядка установлены законом соответствующие ограничения в отношении прав, за исключением неотъемлемых прав человека, провозглашенных международными договорами, участником которых является Монголия» [1]. Данная норма, как и п. 3 ст. 62 Конституции России, также предусматривает ограничения в правах для иностранцев и лиц без гражданства в определенных случаях, и чаще всего для охраны и защиты публичного порядка страны.

Таким образом, кратко были проанализированы положения Конституции Монголии и Конституции России относительно объема правомочий, предоставляемых иностранным лицам и лицам без гражданства на территориях данных государств. Оба государства выступают гарантами равенства человека и гражданина в обладании правами и свободами, при этом, согласно международным принципам, независимо от пола, расы, национальности, языковой принадлежности, происхождения, религиозной принадлежности, места жительства и иных критериев. Особенно это важно для России, так как в отличие от унитарной Монголии, она является сложным федеративным государством с многонациональным составом населения.

Список источников:

1. Кручкин Юрий (Аюур). Монголия. Энциклопедический справочник // Юрий Кручкин. – Москва-Улан-Батор. – 2005.
2. Цэдэндорж Загдсүрэн. Межкультурные особенности делового партнерства Монголии и России (исторический аспект) // Молодая наука Забайкалья – 2009: аспирантский сборник / Забайкал. гос. гум. – пед. ун-т. Чита, 2009.

3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. от 30 декабря 2008 г.) // Офици. опублик.: Российская газета. № 22, 25. 12. 1993 год. // Справочно-правовая система «Гарант».
4. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: Учебник / И.В. Гетьман-Павлова. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 752 с. – (Российское юридическое образование).

ПРИОБРЕТЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА ПО РОЖДЕНИЮ В МОНГОЛИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Мандухай Ц.
Улан-Баторский филиал Бурятского
государственного университета
Монголия, г. Улан-Батор*

Россия и Монголия теснейшим образом связаны друг с другом на протяжении нескольких столетий и являются ближайшими соседями. Такая непосредственная географическая близость определила взаимное геополитическое тяготение между этими двумя странами. Это – объективный фактор, способствующий развитию политических, военных, торгово-экономических, культурных и законодательных двусторонних связей. Гражданство является правовым состоянием, ибо совокупность лиц, проживающих на территории государства, образует демографическую категорию, т.е. население и включает в себя также граждан иностранного государства и лиц без гражданства. Гражданином государства является лицо вследствие существования особых связей между ним и государством, а не в силу факта проживания в этом государстве. Эти особые связи основаны на юридическом оформлении отношений гражданства.

В настоящее время вопрос о гражданстве очень актуален по причине миграции населения из одних стран в другие, в том числе и в Россию, и в Монголию. Под гражданством понимается устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека и гражданина [1]. С гражданством связаны самые существенные последствия для человека: объем его прав, свобод, обязанностей. Гражданин Монголии или России не может быть лишен своего гражданства или права изменить его.

Гражданство следует рассматривать как правовую категорию, связанную с населением государства. Необходимо различать фактическое население, о котором уже говорилось выше, и население в государственно-правовом смысле. К последнему относятся лишь граждане данного государства, которые проживают на ее территории или находящиеся за ее пределами. При нынешнем состоянии норм международного права о гражданстве, которое главным образом состоит из обычных правил, вопросы его приобретения являются в принципе суверенной областью государства. При этом международно-правовые стандарты в области гражданства должны сосуществовать с принципом невмешательства во внутренние дела государства.

Однако такие вопросы, как гражданство, могут составлять предмет обязательств, взятых государством по отношению к другим государствам, и таким образом, перестают быть исключительным делом только государства. В этих случаях вопрос о том, имеет ли государство право действовать определенным образом, приобретает уже международный характер. Монголия и Россия как суверенные государства самостоятельно регулируют вопросы приобретения гражданства. Так, например, 5 июня 1995 г. Великий Государственный Хурал принял Закон «О гражданстве Монголии». Как и в Монголии в России в соответствии с Конституцией РФ был принят Федеральный закон «О гражданстве РФ» от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ. К сходным способам приобретения гражданства в обеих странах относят:

1. По рождению;
2. Прием в гражданство;
3. Восстановление в гражданстве;
4. Основания, предусмотренные международными договорами.

* По итогам конференции доклад признан лучшим на пленарном заседании.

* **Научный руководитель:** Тышкенова Айгуль Григорьевна, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

Основным способом приобретения гражданства является получение его в силу рождения (филиация), что вполне объяснимо: основная масса людей, получив гражданство при рождении, не меняет его на протяжении всей своей жизни. Для признания у родившегося лица право на гражданство важно, на какой территории он родился либо гражданами какого государства являются его родители. Это те обстоятельства, которые законодатель кладет в основу при решении вопросов о приобретении гражданства.

В мировой практике известно два основных способа приобретения гражданства по рождению: «принцип почвы», когда гражданство определяется местом рождения, и «принцип крови», когда гражданство определяется гражданством родителей. Законодательство Российской Федерации и Монголии о гражданстве сочетает эти принципы, хотя основным является «принцип крови». Право почвы свойственно законодательству США и латиноамериканских государств и др. Согласно принципу «права крови» гражданами государства являются все лица, рожденные от граждан данного государства, то есть гражданство ребенка определяется гражданством его родителей и не зависит от места рождения. Этому принципу следует многие страны Европы и Азии, в том числе Россия и Монголия. Они установили данный принцип в национальных законах о гражданстве.

Интересным представляется единодушие законодателей обоих государств при установлении случаев приобретения гражданства по рождению. Что касается приобретения гражданства по рождению, то в Российской Федерации порядок приобретения гражданства по рождению регламентирован статьей 12 Федерального закона «О гражданстве РФ». Однако в Монголии данные вопросы урегулированы статьей 7 Закона «О гражданстве Монголии». Согласно нормам этих статей ребенок приобретает гражданство по рождению в Монголии или России, если на момент рождения ребенка:

- оба его родителя или единственный родитель имеют гражданство данного государства (независимо от места рождения ребенка);
- один из родителей имеет гражданство данного государства, а другой родитель является лицом без гражданства, или признан безвестно отсутствующим, или место его нахождения неизвестно (независимо от места рождения ребенка);
- один из родителей имеет гражданство данного государства, а другой родитель является иностранным гражданином, при условии, что ребенок родился на территории данного государства либо если в ином случае он станет лицом без гражданства;
- оба его родителя, проживающие на территории данного государства, являются иностранцами или лицами без гражданства, при условии, что ребенок родился на территории данного государства, а государства, гражданами которых являются его родители, не предоставляют ему своего гражданства.

Надо сказать, что приобретение гражданства по рождению представляется важным вопросом, потому что дети должны быть с родителями независимо от того где они родились. Говоря о гражданстве детей, важно отметить, что ребенок, родители которого на момент его рождения состоят в гражданстве Монголии или России, будет гражданином Монголии или России независимо от места рождения. При различном гражданстве родителей, один из которых на момент рождения ребенка состоит в гражданстве Монголии или России, а другой имеет гражданство другой страны, вопрос о гражданстве ребенка определяется письменным соглашением родителей.

Также заслуживает внимания вопрос следования ребенка гражданству родителей. В этом случае согласно монгольскому и российскому законам установлен различный возрастной порог. Так, гражданство детей граждан Монголии в возрасте до 16 лет, а в России до 14 лет следует гражданству родителей. Гражданство детей Монголии в возрасте от 16 лет и в России от 14 до 18 лет изменяются при наличии их согласия. Заметим, что гражданство детей не изменяется при изменении гражданства родителей, лишенных родительских прав. На изменение гражданства детей не требуется согласие родителей, лишенных родительских прав.

Если оба родителя или единственный родитель приобретают гражданство в Монголии или России или у них прекращается гражданство, то, соответственно, изменяется гражданство детей. Если один из родителей, не имеющий гражданства Монголии или России, приобретает его, то ребенку предоставляется гражданство Монголии или России по ходатайству родителя, приобретающего гражданство. Как было верно отмечено в исследовании Монхбатаара Даваасамбуу: «Вопросы гражданства существуют уже давно. Они решались и решаются по-разному в различные исторические эпохи, в тех или иных общественно-экономических системах,

конкретных государствах» [2, С. 66]. Подводя итог своему исследованию, можно утверждать, что Монголия и Россия используют идентичные подходы в правовом регулировании получения гражданства по рождению.

Список источников:

1. О гражданстве Российской Федерации: федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ // Российская газета от 05.06.2002 г. № 100.
2. Монхбатаар Даваасамбуу. Сравнительно-правовое исследование отдельных вопросов гражданства Монголии и Российской Федерации (материалы международной студенческой научно-практической конференции, 17 апреля 2009 г.). Улан-Удэ, 2009.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И КИТАЯ

*Сапега А.В.**

*Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

В Федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2007-2011 гг. [6] говорится о необходимости совершенствования судоустройства путем внедрения внесудебных и досудебных (альтернативных) способов урегулирования споров, внедрения примирительных процедур, что будет способствовать снижению нагрузки судов и, как следствие, экономии бюджетных ресурсов. Альтернативные способы разрешения споров закреплены в нормах большинства зарубежных государств. Так, основным методом разрешения споров в Китае является примирение силой народной власти. Одним из несудебных видов примирения в КНР является народное примирение, т.е. примирение участников спора усилиями народных примирительных комиссий. В настоящее время в Китае действует около одного миллиона таких комиссий, которые разрешают почти 90% гражданских споров между китайскими гражданами [7, С. 37].

В России же основной метод разрешения споров – судебный. В нашей стране судьи за год рассматривают порядка пятнадцати миллионов дел [8]. Следует отметить, что в российском процессуальном законодательстве механизм реализации института примирения законом в должной мере не выработан. Так, возлагая на суд задачу примирения сторон, ГПК РФ не регламентирует порядок осуществления примирительной функции, что на практике приводит к определенным трудностям. Примирение сторон – желаемое действие на любой стадии гражданского процесса [3, С. 318]. Согласно принципу диспозитивности стороны вправе уже в стадии подготовки дела к судебному разбирательству окончить дело мировым соглашением. В соответствии со ст. 148 ГПК РФ примирение сторон является одной из задач стадии подготовки дела к судебному разбирательству [1]. При этом в постановлении Пленума ВС РФ «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» отмечено, что судам следует иметь в виду, что каждая из задач, перечисленных в ст. 148 ГПК РФ является обязательным элементом названной стадии и невыполнение любой из задач может привести к необоснованному затягиванию судебного разбирательства и к судебной ошибке [9]. В.В. Ярков обращает внимание на терминологическую неточность, допущенную в наименовании задачи - «примирение сторон». Поскольку термин «примирение» отражает не содержание деятельности суда, а желаемый результат такой деятельности, то, задачу следовало определить как «оказание содействия сторонам в примирении» [4, С. 334]. В целях реализации данной задачи судья на стадии подготовки дела к судебному разбирательству разъясняет сторонам преимущества окончания дела миром, а также то, что по своей юридической силе определение об утверждении мирового соглашения не уступает решению суда и в случае необходимости также подлежит принудительному исполнению. Кроме того, судья обращает внимание сторон на последствия заключения мирового соглашения, в соответствии с которыми производство по делу прекращается

* **Научный руководитель:** Литвинова Светлана Федоровна, к.юрид.н., доц., преп. кафедры частного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

и повторное обращение в суд по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается (ч. 2, 3 ст. 173, ст. 221 ГПК РФ) [9].

На стадии судебного разбирательства гражданского дела в российском гражданском процессе предусмотрена возможность для сторон закончить дело заключением мирового соглашения (ст. 172, 173 ГПК РФ). Однако, закон не содержит механизма содействия сторонам в проведении примирительной процедуры. В судебном заседании судья выясняет, не желают ли стороны окончить дело мировым соглашением и на каких конкретных условиях. Если же стороны выразили желание заключить мировое соглашение, то, в случае необходимости, им может быть предоставлена возможность сформулировать его условия, для чего судом объявляется перерыв в судебном заседании или, в зависимости от обстоятельств дела, судебное разбирательство откладывается [10]. В случае, когда мировое соглашение заключается и утверждается судом, производство по делу прекращается без вынесения судебного решения (ст. 220 ГПК РФ).

Несмотря на преимущества урегулирования спора путем примирения, в России стороны предпочитают властное разрешение спора судом. В Китае, напротив, примирение – основной метод разрешения споров как несудебными органами так и судом. В Гражданском процессуальном кодексе КНР примирению посвящена отдельная глава (гл. 8 ГПК КНР) [2]. Ст. 85 ГПК КНР определяет, что народные суды при разбирательстве гражданских дел в соответствии с принципом добровольности сторон осуществляют примирение при ясности фактов и проведении четкой грани между правдой и неправдой. Производство по примирению в народном суде Китая ведется одним судьей или судебной коллегией по месту возникновения спора. Согласно ст. 86 ГПК КНР народные суды, ведущие примирение, используют простые и удобные способы извещения сторон и свидетелей о явке в суд. Суды могут просить соответствующие организации и частных лиц о содействии в примирении. Ст. 88 ГПК определяет, что соглашение о примирении достигается при обязательном соблюдении принципа добровольности. Принуждение к примирению недопустимо. Содержание соглашения о примирении не должно противоречить требованиям закона.

При достижении соглашения о примирении должен быть составлен примирительный акт народного суда – мировое соглашение. В мировом соглашении должны быть указаны заявленные в суде исковые требования, факты по делу и результаты примирения. Мировое соглашение подписывается судьей (судьями) и секретарем судебного заседания, скрепляется печатью народного суда, вручается обеим сторонам. После расписки сторон о получении примирительного акта он немедленно вступает в законную силу. Акт о судебном примирении равносителен решению суда.

Примирение в рамках судебного процесса Китая является обязательной процедурой при рассмотрении дел, связанных с брачно-семейными отношениями. Закон КНР «О браке» не предусматривает конкретных оснований, необходимых и достаточных для расторжения брака в судебном порядке. В ст. 17 данного закона имеется лишь общее указание на то, что суд во всех случаях обязан, прежде всего, стремиться к примирению сторон, и если примирение не имело успеха, то суд немедленно выносит решение по делу [5]. Вопрос о примирении по другим гражданским делам решается сторонами добровольно.

Гражданский процессуальный кодекс КНР (ст. 90) определяет, что при достижении соглашения по отдельным категориям дел народный суд может отказаться от процедуры оформления примирительного акта. Так, обязательное оформление мирового соглашения не требуется при примирении сторон по делам о расторжении брака, об уплате алиментов, по делам с возможным немедленным исполнением и другим делам. Соглашения, не требующие оформления мирового соглашения, обязательно протоколируются. После подписания протокола сторонами, судьями и секретарем, скрепления печатью соглашение обретает законную силу.

В случае, если соглашение сторонами не достигнуто или перед вручением примирительного акта одна из сторон поменяла свое решение, народный суд обязан своевременно разрешить дело. Таким образом, в отличие от России в законодательстве Китая примирению как методу разрешения споров отведена решающая роль. Несмотря на то, что китайские граждане отдают предпочтение несудебным органам для разрешения спора, гражданское процессуальное законодательство КНР детально регламентирует процедуру примирения сторон в суде.

Список источников:

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ: федеральный закон от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 09.03.2010 года)/ СПС Консультант Плюс.

2. Гражданский процессуальный кодекс КНР/ Современное законодательство КНР. Сборник нормативных актов/Сост. Л.М. Гудошников. - М.: ИКД «Зерцало-М», 2004. – 432 с.
3. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. – М.: ООО «Городец-Издат», 2003. 720 с.
4. Гражданский процесс: учебник для вузов / отв. ред. В.В. Ярков – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 784 с.
5. Закон КНР о браке от 10 сентября 1980 г. (в ред. от 28 апреля 2001 г.) / [Электронный ресурс] / режим доступа: <http://lawinfochina.com/low/display.asp?db=1&id=1793&keyword=marriage law>.
6. Концепция Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007-2011. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 августа 2006 г. N 1082-р / [Электронный ресурс] / СПС Консультант Плюс.
7. Литвинова С.Ф. Особенности рассмотрения споров в КНР. Трудящиеся мигранты: сб. научно-практических материалов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009. – 92 с.
8. «Об альтернативных методах разрешения споров и их значении в условиях гражданского общества» Интернет-интервью с В.Ф. Яковлевым, Советником Президента РФ, доктором юридических наук, профессором права / [Электронный ресурс] / СПС Консультант-Плюс.
9. О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 / СПС Консультант Плюс.
10. О применении норм Гражданского процессуального кодекса РФ при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 / СПС Консультант Плюс.

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА КИТАЯ

*Пурге А.Р.**

*Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
Россия, г. Владивосток*

Современная модель семейной организации в Китае сформировалась на основе конфуцианских представлений о семье и характере взаимоотношений между различными категориями родственников по крови и браку, культе предков и учении о сыновней почтительности. Конфуцианский культ предков способствовали расцвету культа семьи и клана. Семья считалась сердцевиной общества, интересам семьи придавалось гораздо больше значения, чем отдельной личности, которая рассматривалась лишь в аспекте семьи. Перед каждым китайцем стоял долг соблюдения интересов семьи, т.е. рождение детей, прежде всего сыновей, призванных продолжить род, упрочить позиции семьи в веках. Отсюда и постоянная тенденция к росту семьи. Конфуцианство своим культом предков создало дополнительные стимулы для ее небывалого расцвета: при наличии хотя бы маломальских благоприятных экономических возможностей стремление к совместному проживанию близких родственников становилось решающим. В результате большие семьи, включавшие в себя немалое количество домочадцев, стали весьма распространенным явлением на протяжении всей истории Китая [6].

В семье соблюдалось «пять постоянств»: отец должен был следовать долгу и справедливости, мать — источать милосердие, старшие братья — питать к младшим дружеское расположение, младшие — относиться с уважением к старшим, и все сыновья — почитать родителей и вообще старших [3]. Установленные конфуцианством представления о семье не подвергались сомнению на протяжении более чем двух тысячелетий. В императорском Китае средняя численность семьи составляла не более пяти-шести человек [4]. Наиболее распространенным типом являлся расширенный тип семьи, когда вместе проживали представители разных поколений и/или семьи братьев и их дети. Семьи в высших социальных слоях были нередко полигамными (муж – жена – наложница/ы и их дети).

В Гражданском кодексе Китайской Республики (1911-1949) была закреплена свобода заключения и расторжения брака (традиционно браки в Китае заключались по соглашению между семьями), ограничен возраст вступления в брак (для юношей – 18 лет, для девушек – 16 лет), запрещены браки между близкими родственниками, вне закона объявлено двоеженство [1]. После провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики одним из первых был принят закон о

* * **Научный руководитель:** Литвинова Светлана Федоровна, к.юрид.н., доц., преп. кафедры частного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

браке 1950 г., который заложил демократические (но в принципе абсолютно чуждые китайскому менталитету) основы института брака и семьи в КНР – свободное вступление в брак и его расторжение, равенство мужчины и женщины в браке, единобрачие. Были запрещены насильственное заключение браков, браки между малолетними и практика платы за невесту (до образования КНР 95% браков заключались без учета волеизъявления жениха и невесты и сопровождалась обязательным выкупом невесты). Во второй половине XX в. ситуация кардинальным образом изменилась: доминирующим стал свободный брак, большинство браков заключаются по обоюдному желанию мужчины и женщины или с учетом мнения их родителей. Утверждается равноправие между мужем и женой на владение семейным имуществом.

В настоящее время в Китае семья по-прежнему мыслится как основа общества и гарантия счастья и спокойствия для ее членов. Строгие запреты на половую жизнь до брака, как и жизнь в неофициальном браке, в последние годы ослабли, однако матери-одиночки здесь по-прежнему редкость. Сегодня немалая часть городской молодежи предпочитает не связывать себя узами брака. В традиционном обществе для женщин брак был практически единственным способом обеспечения средств к существованию, а дети — единственным смыслом жизни; до замужества они были зависимы от отца, потом от мужа, после смерти мужа — от старшего сына. В современном обществе девушки стали стремиться к тому, чтобы получить образование, приобрести профессию, построить карьеру, тем самым обрести финансовую независимость как от родителей, так и от мужа.

При этом далеко не все состоятельные женщины в Китае вообще спешат выходить замуж — 50,2% жительниц Пекина, чей месячный доход составляет от 5 до 15 тыс. юаней [10], не состоят в браке. Вообще сегодня в Китае средний возраст вступления в брак достиг рекордных показателей: у мужчин — 27, у женщин 25 лет (при брачном возрасте 22 и 20 лет соответственно). Среди городской молодежи все популярнее становится идея о возможности иметь серьезные отношения без вступления в брак. Следует подчеркнуть, что в 2001 г. в новой редакции Закона КНР о браке ст. 8 была дополнена положением, требующим обязательной регистрации брака. Внесение этой поправки в закон свидетельствует о том, что государство обеспокоено ростом фактических браков и сложностями, возникающими в этих условиях при реализации жесткой демографической политики по ограничению рождаемости.

По данным Народного университета Китая, а также Китайского центра исследований проблем детей и молодежи, в 2005 г. 65,89% населения КНР в возрасте от 15 до 29 лет и 45,71% в возрасте от 15 до 35 лет не состояли в браке (в предыдущие годы эти цифры были существенно ниже: в 2000-м г. — 59,17% и 40,8%, а в 1995 — 51,54% и 38,23% соответственно) [11]. В современном Китае изменились представления о гендерных ролях внутри семьи. Структурообразующими в традиционной китайской семье были отношения отца и сына (если жена не рожала сыновей, муж имел право расторгнуть брак или взять наложницу). В современной семье взаимодействие между родителями и детьми играет второстепенную роль, на первый план выходят отношения между супругами как между двумя равноправными партнерами. Молодое поколение не разделяет традиционных представлений о том, что женщина должна заниматься исключительно домашним хозяйством и детьми, оно полагает, что эти обязанности лежат на обоих супругах. Кроме того, муж и жена должны иметь общие духовные интересы, проводить досуг и отдыхать вдвоем или с детьми, вместе решать важные вопросы и т.д. [12] Согласно результатам исследования, в 52,6% китайских семей власть поделена между супругами, в 31,3% главой семьи является муж [9].

Не изменилась однако в современном Китае обязанность демонстрировать уважение к старшим – это важнейшая составляющая «сыновнего почтения», заповеданного еще Конфуцием: «Сыновнее почтение – основа всех добродетелей. Она начинается с почтения к отцу, продолжается в верности повелителю, а заканчивается нахождением своего места в жизни». По иронии судьбы самый большой удар по традиционному сыновнему почтению нанесла политика ограничения рождаемости. В Конституции КНР говорится, что меры по ограничению деторождения – это обязанность не только государства, но и супругов. Установлено, что в городской семье может быть не более одного ребенка, в сельской – не более двух. За нарушение закона взымается штраф. Помимо того, семья вынуждена оплачивать все социальные расходы (образование, медицина) на «сверхпланового» ребенка по полной ставке и только за свой счет. Эти расходы могут достигать нескольких десятков тысяч юаней в год (нескольких тысяч долларов).

Таким образом, появилось поколение «единственных детей», на которых родители буквально молятся и которые, не имея братьев и сестер, не научились с детства считаться с

другими и делиться. В настоящее время Китайские власти смягчили политику ограничения рождаемости в стране, разрешив городским семьям иметь двух детей при определенных условиях. Речь идет о семьях, в которых оба супруга являются единственными детьми у своих родителей. Новое правило распространяется на все провинции и автономные районы КНР, за исключением самой густонаселенной провинции Хэнань, где проживают 97 миллионов человек, в целом население Китая составляет примерно 1,4 миллиарда человек [5].

Проанализировав изменения, произошедшие в формировании и существовании китайской семьи, доцент гуманитарных наук Чэн Мэйдуна из Китайского политико-юридического университета отметил и проанализировал четыре огромных изменения брака и семьи за годы реформы в Китае. Во-первых, брак перешел в сферу частной жизни. До реформы и открытости концепция китайцев о браке несла в себе ярко выраженную политическую и классовую окраску. После начала реформы и открытости люди стали постепенно переводить брак в сферу частной жизни, превратив его в одно из важных жизненных проявлений личностной ценности. При выборе спутника жизни люди все больше внимания уделяют таким экономическим и физиологическим факторам, как профессия и доходы, облик лица и фигуры, все больше возрастают и требования к культурным качествам. Это свидетельствует, что китайское общество все больше продвигается в направлении светскости, индивидуальности, человечности. Во-вторых, изменились пути подбора спутника жизни. После начала реформы и открытости методы знакомства заметно приумножились. Результаты обследования показывают, что увеличилось число браков, заключаемых путем личного знакомства, кроме того, возникли явления успешного заключения брака посредством СМИ.

Изменение методов подбора спутника жизни отражает умножение общественного обмена и увеличение открытости общества. В-третьих, все меньше становится размер семьи [2]. По мере проведения политики планирования семьи новым правилом в обществе постепенно становятся поздние браки, позднее рождение ребенка, ограничение числа детей для обеспечения здоровья и благополучия последующих поколений. В-четвертых, супружеские отношения стали равноправными. В семейных отношениях наиболее важны отношения между мужем и женой. Изменения в этой сфере после начала реформы и открытости имеют такую же тенденцию, как и до них, то есть, непрерывно крепнет сознание равноправности супругов, неуклонно повышается их самостоятельность [8].

Но, несмотря на все перечисленные изменения в структуре семьи и в представлениях о семье и браке, семья как институт, семейный образ жизни, а также значение семьи и родственных связей не отрицаются общественным сознанием: 75,1% молодых людей в возрасте 25-28 лет рассматривают брак «как необходимый этап жизни» [11]. В современном Китае семья все больше отделяется от традиционной модели, развиваясь в соответствии с общемировыми тенденциями [7]. Многие из перечисленных новых тенденций являются не столько результатом влияния западного образа жизни на китайское общество (такая точка зрения распространена в китайских исследованиях), сколько объективным следствием модернизации и связанными с ней социально-экономическими процессами.

Список источников:

1. Гражданский кодекс Китайской Республики. М., 1948. С. 243–310.
2. Доклад доцента гуманитарных наук Чэн Мэйдуна из Китайского политико-юридического университета. URL: russian.people.com.cn/200402/03/rus20040203_87747.html
3. Лисевич И.С. Традиционная китайская культура: Очерки истории мировой культуры. / И.С.Лисевич. - М., 1997. - С. 53–82.
4. Малявин В. В. Китайская цивилизация. / В.В.Малявин. - М., 2000. - С. 144
5. Некоторым городским семьям в Китае разрешили рожать второго ребенка. 2007, РИА «Новости». Режим доступа: news.mail.ru/politics/1378050
6. Почагина О. Новая редакция закона КНР о браке. / О.Почагина // Проблемы Дальнего Востока – 2002 - №3 – С. 22-23.
7. Почагина О. Семья [в Китае]: новые формы - иные ценности. / О.Почагина. // Отечественные записки. - 2008 - №3.
8. Политика планирования семьи в Китае. – 2007. – URL: www.russian.people.org.cn, www.easttime.ru.
9. Сюй Аньци, Е Вэньчжэнь. Чжунго хуньинь яньцзю баогао. A research report of Chinese Marriages. - Пекин, 2002. - С. 91–92.
10. Statistical CommuniquO of the People’s Republic of China on the 2007, 2003. National Bureau of Statistics of China. Режим доступа: www.stats.gov.cn/english/

11. Hai Xia. Yard to say "I do"// Shanghai Star. 2002. July 7; Далян жибэо. 2004. 2 декабрь. URL: <http://russian/people.com.cn/31521/5575182.html>
12. Wang Yan. Men's new role as househusband challenges Chinese Tradition. URL: http://www.womenofchina.cn/Issues/Marriage_Family/17318.jsp

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЖИМОВ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В КНР И ЯПОНИИ⁸

社会养老保障制度之中日比较

Янь Цзякунь*

Чаньчуньский государственный политехнический университет
Китай, г. Чаньчунь

Вопросы достижения пенсионного возраста все большей частью населения различных стран в настоящее время стали актуальными во всем мире. Правовое регулирование социальных гарантий для людей пожилого возраста становится все более важным для стабильности и устойчивого экономического развития государств. Общее старение населения отмечалось еще в прошлом веке, как в Японии, так и в Китае. Чтобы решить сопутствующие этому процессу проблемы, японское правительство реализует реформу системы социального обеспечения. Автор проводит сравнительно-правовое исследование японской системы пенсионного обеспечения с соответствующей системой в Китае.

The aging of the population now has become a worldwide topic. The Social Old-age Security System gets more important significance to keep one country's stability and steady economic development. The issue of aging has already been pointed out at the last century by Japan which is a country, the same as China, in Asia. In order to resolve the above problems and adapt with the population aging, Japanese government makes a reform on the basis of social security system. By comparing the basic information of the Japanese Pension System with the Social Old-age Security System of China, get the implications and reference for our country. It is just the important part the paper wants to show. Facing up our increasing acute population aging, hope that we can get some revelation through the analysis to Japanese reform of social security system.

一、日本社会养老保障制度

(一) 日本社会养老金制度的概述

1、日本社会养老金制度形成过程

日本养老保障制度的设立主要是顺应社会的发展。明治时代，在推动产业政策 [1] 的推动下，企业雇佣的劳动者逐渐增多，人口开始从农村向城市转移。农村普遍存在的大家庭制度逐渐瓦解，取而代之的是进入城市建立起的一个个小家庭。这种变化大大削弱了家庭和地区赡养老人的能力。养老保险制度是将过去由“家族赡养”的老人以社会保险的形式由全社会赡养，减少每个小家庭的负担。日本的养老保险制度是从对公务员的退休金制度开始的。继 1875 年颁布海军退役令后，1876 年公布了陆军退休金令、1884 年公布了官吏退休金令。1923 年将这三个制度统一，制定了退休金法。这些只是包括军人和文官，而不包括普通公民。

在其后，制定实施了针对公务员、民间被雇佣者的养老保险制度，并于 1961 年为那些不适用任何养老保险度的农业劳动者、个体经营者等非被雇佣者，制定了国民养老保险制度，从此实现了全民养老保险。

2、日本社会养老保障制度的结构

日本对各分离的社会养老制度又进行重新梳理，现在的国家养老保险制度主要分为国民养老保险、厚生养老保险、互助养老保险三部分。

(1) 国民养老保险

⁸ Перевод настоящей статьи на русский язык опубликован на сайте лаборатории сравнительного правоведения в странах АТР (www.labatr.bsu.ru).

* **Научный руководитель:** Лян Минь Янь, д.юрид.н., проф. Чаньчуньского государственного политехнического университета.

国民养老保险是以 1959 年通过、1961 年开始实施的《国民养老保险法》为依据，最初是以个体经营者、个人职业、无业者及其家人等为对象的国家养老保险。后在 1985 年的改革中，国民养老保险被扩大为全民共同享有的养老保险制度，所有居住在日本的 20 岁以上 60 岁以下的居民都必须加入国民养老保险，在日本登录的外国人也可以参加基础养老保险。其中，基础养老保险的支付又可以分为老龄基础养老保险、残疾基础养老保险、遗属基础养老保险三类。

(2) 厚生养老保险

厚生养老保险是以在民营企业工作的人作为参保对象的国家公共养老保险。参加厚生养老保险的人在 20 岁到 60 岁之间还是国民养老保险的第二号被保险人，所以，领取养老金时，在基础养老保险基础上追加按照报酬的比例得出的养老金。厚生养老保险是由老龄厚生养老保险、残疾厚生养老保险、遗属厚生养老保险三种构成。

(3) 互助养老保险

互助养老保险是由各互助组合等支付给公务员和教员等特定行业被雇佣者的国家养老保险。现在的互助养老保险组合，主要有国家公务员互助组合、地方公务员互助组合、私立学校职员互助组合以及农林渔业团体职员互助组合四种。互助养老保险大体包括退休互助养老保险、残疾互助养老保险、遗属互助养老保险三种。

3、日本社会养老保险制度非常有特点（个人认为主要有）

(1) 日本国家养老保险制度是双层结构。

国民养老保险也就是基础养老保险是第一层次，主要针对全体居民；厚生养老保险和互助养老保险被包含在第二层次内，主要针对公司职员和公务员。

(2) 日本国家养老保险制度是以全民养老保险为原则的。

日本在 1961 年就实行了“全民养老保险”，理论上使得养老保险在全国普及。1985 年的改革确定了一元化的基础养老保险，年满 20 周岁的国民都必须加入，真正实现了全民养老保险。

(3) 日本的养老保险制度采取的是“下一代养上一代”的办法。

所谓“下一代养上一代”，即以现在正在工作的被雇佣者或参保者缴纳的养老保险来支付老龄者的养老金。

(二) 日本社会养老金制度的改革

日本的养老保险制度一直在不断完善。这个过程大致可以分为：第一阶段（1942—1961 年），从养老保险制度的起始到全民养老保险的实现；第二阶段（1965—1973 年），国家养老保险制度的完善；第三阶段（1985—今），针对出生率下降和人口老龄化的变化进行的国家养老保险制度的改革。本文主要就 1985 年之后五次最主要日本社会养老保险制度的改革进行了分析。

1、1985 年国家养老保险制度改革

进入 20 世纪 70 年代，各分离的保险制度间的不合理差别、女性养老保险的不稳定性、因为出生率的下降和人口老龄化带来的未来财政问题等不断被指出，在 1985 年进行了国家养老保险制度改革，并从第二年开始加以实施。

此次改革重点是将之前的国民养老保险定为国家养老保险制度中的最基础的养老保险，国家养老保险制度中有了全体国民共通的基础养老保险，即任何一个加入者都可以领取每月 5 万日元的养老金。通过此次的修改，之前的定额部分被统一为基础养老保险。此外，另一个重点是薪金劳动者等人的配偶也同样可以领取固定的养老金，保障了女性领取养老金的权利。1985 年改革是日本国家养老保险制度具有指导意义的开始

2、1989 年国家养老保险制度改革

高龄人群所占国家养老保险的比例较高，国家养老保险制度作为国民老后生活的支柱发挥了重要作用。但另一方面，随着人口老龄化的发展，领取养老金的人不断增多，未来劳动者的负担将逐渐加重。1989 年的国家养老保险制度改革是以进一步确保养老保险制度发挥财政的长期稳定为主要目而进行的。实现了国民的平等性，进一步保障个体经营者、个人职业者等，尤其是农村地区的居民意义巨大。

3、1994 年国家养老保险制度改革

日本人口老龄化的迅速发展，又加上泡沫经济的破灭给日本经济造成了极大的影响。1994 年国家养老保险制度改革是为了养老保险制度的长期稳定、确保养老金支付和养老保险负担的平衡，促进老年人就业，创造一个老年人能够安心生活的长寿社会。此次改革一方面建立了适应老龄化的发展与雇用形势相协调的制度。另外，确保劳动人口的养老保险负担与年老者养老金支付之间的平衡。此次改革最大的要点是将领取养老金的年龄阶段提高到 65 岁。

4、2000 年国家养老保险制度改革

2000 年的改革分为：第一，支付方面。为了减少未来劳动者的负担，对支付额度进行了调整。第二，负担方面。扩大了养老保险缴纳群体的范围。此次改革中对延长了缴纳养老保险的年龄、实施了学生保险费的补缴制度、实施了在职老龄养老保险制度等等进行了调整。

5、2004 年国家养老保险制度改革

2004 年改革中尽量避免增加保险费，主要体现在两方面：第一，构筑持续可能的养老保险制度，重新获得国民对养老保险制度的信赖和信任。第二，构筑一种与多样的生活方式、工作方式相适应的制度。在此次改革中，对女性的养老保险问题比较重视。因为提高出生率就意味着未来劳动人口的增加，对于日本经济与财政意义深远。

二、中国社会养老保障制度的发展

相对于西方国家，我国社会养老保障制度是借鉴世界制度先进国家的经验并结合中国的具体国情进行选择的结果。从建国初期至今，我国社会养老保障制度经历着由企业负担到社会、再到“社会统筹与个人账户”相结合，由现收现付制到半基金制，保障覆盖面逐步扩大发展的过程。大体上分为三个阶段。

第一阶段企业统筹阶段(1949—1983)

1949 年建国前，北京召开政治协商会议，通过了共同纲领，决定在企业中逐步实现劳动保障制度。

1950 年 3 月，政务院发布了《中央人民政府政务院财政经济委员会关于退休人员处理办法的通知》，开始了我国退休养老保障制度的建立过程。此时，国家规定统一的养老待遇，由企业或单位负担养老费用，保障对象仅为机关、铁路、邮政、海关等单位的职工。

1953 年 1 月，政务院颁布了《关于中华人民共和国劳动保障条例若干修正的规定》，将保障范围扩大到一般工厂、矿山和交通事业基本建设单位和国营建筑公司，并提高了国家机关工作人员的保障标准，由原来的退休费占本人工资的 35%—60% 提高到 60%—80%。

1956 年，社会养老保障的范围进一步扩一大，商业、金融、石油、粮食等 13 个产业和部门都加入到社会养老保障体系中。

1958 年 2 月，全国人大常委会颁布了《国务院关于工人、职员退休处理的暂行规定》。国家把养老保障从劳动保障条例中分离出来，单项立法，把企业职工与国家机关、事业单位和党派团体的工作人员统一规定在一个文件中。

中国 20 世纪 50 年代的制度设计是比较成功的。当时，中国的企业发展迅速，人口年龄结构轻，企业的收益保障了退休职工正常的生活。从 1966 年到 1976 年，社会保障制度经历了文化大革命的冲击，原有的社会保障政策停止实施。直到 1978 年，党的十一届三中全会才决定继续恢复实行。

从 1978 年开始，我国实施改革开放，计划经济向市场经济转化。企业养老负担大小不再与企业无关，一些老的工业企业，职工中老年人口比重高，因而企业的负担重，在市场竞争中明显输给新的职工年龄结构轻的企业，而且我国人口年龄结构也由年轻型向老年型转变。为了减轻企业的一部分负担，保证养老保障制度的实施，1984 年，我国养老保障制度实行改革，开始实行退休费的社会统筹。

第二阶段社会统筹(1984—1994)

1984 年，我国开始在国有企业和部分的集体企业中实施退休费的社会统筹，并根据“以支定筹，略有结余”的原则统筹养老资金。

1991 年 6 月，国务院发布了《关于企业职工养老保障制度改革的决定》，明确宣布要逐步建立起基本养老保障与企业补充养老保障和职工个人储蓄性养老保障相结合的社会保障制度，实行养老保障的社会统筹。社会统筹是指由社会保险管理机构在一定范围内统一征集、统一管理、统一调剂退休费用的制度。

社会统筹养老保障金制度，解决了职工年龄结构比例不同所带来的企业负担不同的问题，提供了新老企业站在同一起跑线上公平竞争的可能。但这一制度存在的弊端是将新企业的资金直接转移给负担较重的老企业，新企业缺乏缴费积极性，托缴、拒缴现象频繁出现，这给新制度的实施设立了障碍。所以，1993 年，中共中央十四届三中全会在与社会各界取得共识的基础上，做出了《关于建立社会主义市场经济体制若干问题的决定》，其中对中国的养老保障体制改革做出了三项规定 [2]，首次提出了“社会统筹与个人账户相结合”的原则。

从我国的建国初到此，无论是企业负担还是社会统筹，国家都承担了承诺人的角色。在职工之所以能按期交纳，也是为了能够在他们年老后得到养老金的回报。因此，从1950年到1995年，45年的时间里，中国的养老保障模式为现收现付制。

第三阶段社会统筹与个人账户相结合阶段(1995一至今)

按照1993年十四届三中全会“社会统筹与个人账户相结合”的改革思路，1995年，国务院颁发了《关于深化企业职工养老保险改革的通知》，明确了新的退休养老制度的框架，开始实行“统帐结合”的基本养老保障制度，形成国家基础养老保障，企业补充性养老保障、个人储蓄性养老保障来源多层次的社会养老保障体系。1995年3月的改革同时提供了两套不同的具体操作方案，并允许地方自由选择甚至适当修改。截止到1996年上半年，全国共有7个省市选择了方案一，5个省市选择了方案二，巧个省市、自治区吸收方案一和方案二的优点，结合本地区的具体情况，制定了第三类办法[3]。

1997年，国家做出《国务院关于建立统一的企业职工基本养老保险制度的决定》，规定了全国各省区养老保障政策逐步改革，实现全国统一。具体规定了个人缴纳的基本养老保障费由本人缴费工资的4%上升到本人缴费工资的8%，用职工本人缴费工资的11%为职工建立基本养老保障个人账户，以及企业缴纳企业内部职工工资总额的20%作为补充养老保障费等相关规定。

2002年，江泽民在党的十六大报告中指出：“建立健全同经济发展水平相适应的社会保障体系，是社会稳定和国家长治久安的重要保证。坚持社会统筹和个人账户相结合，完善城镇职工基本养老保险制度和基本医疗保险制度。健全失业保险制度和城市居民最低生活保障制度。多渠道筹集和积累社会保障基金。各地要根据实际情况合理确定社会保障的标准和水平。发展城乡社会救济和社会福利事业。有条件的地方，探索建立农村养老、医疗保险和最低生活保障制度”。

2003年12月，劳动和社会保障部颁布了《企业年金试行办法》和《企业年金基金管理试行办法》，并于2004年5月1日起实行。

2005年党的十六届六中全会通过的《中共中央关于构建社会主义和谐社会若干重大问题的决定》中指出：“完善社会保障制度，保障群众基本生活。适应人口老龄化、城镇化、就业方式多样化，逐步建立社会保障、社会救助、社会福利、慈善事业相衔接的覆盖城乡居民的社会保障体系”。

2006年9月，劳动和社会保障部发出《关于进一步加强社会保障基金管理监督工作的通知》，保证社保基金的安全和保值增值。

2008年10月，十七大三中全会通过了《中共中央关于推进农村改革发展若干重大问题的决定》，明确提出贯彻广覆盖、保基本、多层次、可持续原则，加快健全农村社会保障体系。按照个人缴费、集体补助、政府补贴相结合的要求，建立新型农村社会养老保障制度。

社会养老保障的覆盖面也得到了进一步的扩大。1992年1月，民政部发布了《县级农村社会养老保障基本方案(试行)》，民政部有计划地组织农村社会养老保障试点工作，并在有条件的地区逐步推开，到2000年末，农村社会养老保障参保人数超过6172万。

从1995年至今，中国养老保障体制一直在坚持“统帐结合”总的原则下不断地修正。养老资金来源的多层次始终未变，来自国家的财政支出，保障老年人最低的生活水平，来自企业和个人的强制储蓄，保障个人合理地安排一生的消费支出，提高老年人的生活水平。这段时期就是我国实施半基金制的时期。

三、日本国家养老金制度改革对我国社会养老保障制度的的借鉴

我国最初实行的是现收现付的养老保险体制，面对人口老龄化的发展趋势，中国的养老保障制度开始由现收现付模式向新的模式转变，可是中国的养老保险制度中仍存在着对象范围狭窄、管理不科学等弊端。日本的国家养老保险制度经过几次大的变革，虽然现在还是存在很多问题，但日本养老保险制度遇到过的问题和采取的解决方法对我国的养老保险制度都是一种借鉴。

(一) 与经济水平相适应，合理确定社会养老保障给付标准制度

日本的教训在于对经济增长的预期过高，整个养老金支付超过了参保劳动者缴纳的养老保险。现代经济实践证明，经济发展在不同程度上要受到国际经济环境变化的影响，进而影响国内的社会保障，尤其是养老保障。如果为了保持养老保险账户的平衡，通常需要提高养老保险额度。而支付水平具有很强的刚性，削减也是持久的。这样的支付所造成的养老保险负担，只能是向年轻的下代转移。由此可见，人口老龄化进程加剧了日本国家养老保险体系的财政困难，但导致财政困难的制度性原因是对退休人员的高额支付。

(二) 顺应人口老龄化的全球趋势，基金模式比现收现付制模式更具意义

养老保障制度建立之初开始确立支付时，政府受政治压力往往不自觉地提高支付标准。日本在 70 年代就陷入了这一陷阱，养老金标准确定得过高，而当时距国民养老保险制度的建立只有 10 年。因此，针对人口变化而采用基金制值得充分重视，尤其是对人口快速老龄化的国家更是这样如此。关键问题是基金制如何与已导入的非基金制体制共处。日本没有建立一个统一的基本养老制度，使其既能适用于自营业者，又能适用于雇员，相反，过度依靠大规模的交叉补贴来维持一个在财政上困难重重的自营业者养老保险，这种相互交叉的格局削弱了日本多层次养老保险制度体系的效率。这一点应引以为戒。

(三) 建立和完善多层次多、多覆盖的养老保障制度，保障社会成员基本生活需要

日本养老保障制度是一个多层次、覆盖着不同社会群体的体系，提供了不同水平的养老保障。有基础的，有补充的，这一点对中国的特殊国情尤为重要。中国是个城乡二元经济结构十分明显的发展中国家，地域经济发展水平差别较大，农村老年人口基数大，人数多。应合理借鉴他国经验，建立覆盖全体社会成员的统一的基本养老保障制度，提供基本生活保障。在此基础上，再根据职业和地域，进一步扩大养老保险的覆盖面，建立正规的社会保障制度以满足农村老年人的需要；进一步改革农村现行的养老保险项目；对农民托付的养老基金，政府应确保合理的实际投资回报率，建立不同水平的补充养老保障制度，以保证投保人的利益，增强投保人对养老保障制度的信任感，吸引更多的人参加养老保险项目。

参考文献:

1. 振兴产业政策：日语称为“殖产兴业”政策。大九保利通 1874 年考察欧美后提出的政策，旨在充分利用政府的力量发展经济，一促进资本主义的发展。
2. 三项规定包括：1.建立多层次的社会保障体系，城乡社会保障应有区别；2.实行社会统筹与个人账户相结合；3.社会保障行政管理与社会保险基金经营要分开。
3. 引用自胡仲明，《中国城乡社会保障制度实证研究》[博士学位论文]，北京：中共中央党校科学社会主义专业，2006
4. 沈洁.《日本社会保障制度的发展》.北京：中国劳动社会保障出版社，2004 年 08 月.
5. 世界银行.老年保障：中国养老金制度改革[M].北京：中国财政经济出版社，1998.
6. 吕学静.《日本社会保障制度》.北京：经济管理出版社，2000 年 04 月.
7. 熊必俊.《人口老龄化与可持续发展》.北京：中国大百科全书出版社，2002 年 06.
8. 米什拉著；郑秉文译.《资本主义社会的福利国家》.北京：法律出版社，2003 年 11 月.
9. 吕学静.《各国社会保障制度》.北京：经济管理出版社，2001 年 02 月.
10. 叶响群.《中国社会养老保险：困境与抉择》.北京：社会科学文献出版社，2004 年 11 月.
11. 考夫曼著；王学东译.《社会福利国家面临的挑战》.北京：商务印书馆，2004 年 12 月.

ЗАЩИТА ПРАВ СТРАХОВАТЕЛЯ В СТРАХОВОМ ПРАВЕ КИТАЯ

*Сакун О.В.**

*Иркутский государственный университет
Россия, г. Иркутск*

Институт страхования играет достаточно важную роль в обеспечении стабильности системы экономических отношений практически любого современного государства, поскольку является, по сути, единственным механизмом, способным в полной мере осуществить защиту имущественных интересов граждан, организаций, а также самого государства от достаточно широкого круга имеющих негативные последствия случайных событий и действий. Государство, имея интерес в сохранении и развитии отношений страхования, осуществляет правовое регулирование данного механизма. В подавляющем большинстве стран наиболее распространенным средством правовой фиксации общественных отношений в сфере страхования является гражданско-правовой договор. При этом, национальные законодательства, как правило, устанавливают основанные на собственных правовых традициях режимы заключения, исполнения и прекращения договоров страхования.

* **Научный сотрудник:** Чебунин Алексей Викторович, к.юрид.н., доц. кафедры гражданского права юридического института Иркутского государственного университета.

В этой связи в целях повышения качества нормативного регулирования договорных страховых отношений в России представляется полезным изучение зарубежного опыта. В качестве объекта исследования было выбрано страховое законодательство Китайской Народной Республики как одного из основных геополитических партнеров России. Основным, базовым, нормативно-правовым актом, в соответствии с которым осуществляется правовое регулирование страховых отношений в КНР, является Закон Китая (КНР) о страховании, принятый на 14-ой сессии Постоянного Комитета ВСНП 8-го созыва 30.06.1995 г., вступивший в силу 10.01.1995 г. и обнародованный 28.10.2002 г. (с поправками, внесенными на 30-ой сессии Постоянного Комитета ВСНП 9-го созыва) [1].

Данный документ носит комплексный характер, регулируя практически весь комплекс отношений, возникающих в сфере страхования. Так, он определяет основные понятия страхования, содержит требования к участникам страховых отношений и субъектам страхового дела, регулирует вопросы заключения, исполнения и прекращения договора страхования, закрепляет стандарты в сфере организации страхового дела, устанавливает правила по надзору за деятельностью субъектов страхового дела, а также указывает виды, основания и меры юридической ответственности за нарушения правил страхования. Договору страхования посвящена отдельная глава (Глава II). К сожалению, объем настоящей работы не позволяет рассмотреть весь комплекс особенностей правового регулирования договора страхования в Китае, поэтому рассмотрим лишь некоторые из них, представляющие на взгляд автора наибольший интерес.

Первое. Прежде всего, обращает на себя внимание структура данной главы. В нее включены три раздела: раздел 1 «Страховые обязательства» (ст.10-32), раздел 2 «Договор о страховании имущества» (ст.33-51), раздел 3 «Договор о страховании жизни» (ст.52-69). Следовательно, можно говорить о четком разграничении на уровне нормативного акта общей и особенной частей института договора страхования. Такая юридическая техника, безусловно, способствует сокращению числа правовых коллизий и неопределенностей при правоприменении. В этом смысле закон Китая более качественный с точки зрения юридической техники нормативный документ, чем глава 48 Гражданского кодекса РФ, где, как неоднократно уже отмечалось в научной литературе, присутствует некая хаотичность в регулировании как общих положений, так и отдельных видов договора страхования.

Второе. Договор страхования в Китае является консенсуальным. Как указано в ст. 13 и 14 Закона КНР о страховании, договор заключается после того как страхователь обращается за страхованием и страховщик соглашается подписать страховой договор, а обе стороны достигают согласия относительно клаузул договора. После заключения договора страхователь должен уплатить страховой взнос, а страховщик – принять на себя ответственность в указанное в договоре время. Данный подход опять же отличается от российского. Редакция ст. 957 ГК РФ породила научные споры о реальности или консенсуальности российского договора страхования. Некоторые ученые (с которыми, в принципе, автор солидарен) указывают на то, что ГК применительно к такому договору установил в качестве общего эксклюзивное правило: договор заключен, но он еще не действует, то есть соглашение существует, однако соответствующее гражданско-правовое обязательство может возникнуть только в момент внесения страхователем страховой премии [2, С. 202].

По мнению автора, конструкция российского закона в большей степени соответствует экономической природе страхования, так как одним из важнейших условий реальности страховой защиты является наличие у страховщика специальных денежных фондов, необходимых для покрытия убытков, причиненных страхователям в результате наступления страховых случаев. Данные фонды формируются в том числе и из взносов страхователей. Поэтому вполне разумно в качестве условия начала действия страховой защиты определять необходимость ее предварительной оплаты. Отсутствие этого условия возможно лишь в порядке исключения и только по соглашению сторон.

Третье. Закон КНР о страховании обеспечивают большую, чем российских закон информированность страхователя об условиях конкретной услуги страхования, представляемой конкретным страховщиком. Так, в соответствии со ст. 17 и 18 при заключении договора, страховщик должен разъяснить страхователю содержимое каузул договора о страховании. В случае, если договор о страховании предусматривает освобождение страховщика от ответственности, страховщик должен ясно заявить об этом, прежде чем подписывать данный договор. В случае, если такого ясного заявления не было, данная клаузула не имеет обязательного

характера. В гл. 48 ГК РФ аналогичных правил, защищающих интересы страхователя, к сожалению, нет. Более того, Верховный суд РФ в Обзоре законодательства и судебной практики за первый квартал 2008 г. указал, что отношения по имущественному страхованию не подпадают под предмет регулирования Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей" и положения данного Закона к отношениям имущественного страхования не применяются [2].

Можно предположить, что такая позиция распространится и на личное страхование. Таким образом, правоприменитель исключил возможность использования в страховых отношениях правил Закона о защите прав потребителей, которые, во-первых, предусматривают обязанность продавца (в том числе и продавца услуги коим, по сути, является страховщик) предоставить покупателю (коим, по сути, является страхователь) всю полноту информации о предоставляемой услуге, во-вторых, устанавливают ответственность продавца за несоблюдение данных правил, в том числе и повышенную в форме компенсации морального вреда. По мнению автора, позиция Верховного Суда РФ является абсолютно не верной, так как не обеспечивает необходимый набор гарантий защиты интересов страхователя как слабой стороны в договоре страхования.

Четвертое. Закон КНР о страховании содержит ряд дополнительных гарантий интересов страхователя в случае, когда страховщик в принципе согласен выплатить страховое возмещение, но задерживает его, в том числе и по причинам, от него не в полной мере зависящим. Согласно ст. 24, после получения от застрахованного лица или бенефициара требования на выплату страхового возмещения, страховщик должен провести своевременную проверку и уведомить обратившегося о результатах такой проверки. В случае если страховщик признает требование обоснованным, он обязан произвести выплату в течение 10 дней после того, как стороны согласовали все условия (здесь имеется в виду, что возможен вариант, когда сумма, которую согласен выплатить страховщик отличается от той, о которой первоначально заявляли обратившиеся). Однако может возникнуть ситуация, при которой проверка, одной из целей которой является определение итоговой суммы страхового возмещения, затянется. В этой связи важным в смысле защиты прав страхователя является правило ст.26: в случае, если сумма компенсации не может быть определена в течение 60 дней со дня заявления о выплате страхового возмещения, страховщик авансом выплачивает минимальную сумму, которая подтверждена не вызывающими сомнения у страховщика документами. При этом данное правило является общим вне зависимости от вида страхования. По мнению автора, подобное правило было бы целесообразно закрепить и в российском законодательстве.

Пятое. Ряд статей закона КНР обеспечивает повышенную защищенность интересов страхователя в случае возникновения каких-либо проблем в отношении со страховщиком. В частности, ст. 15 дает страхователю право аннулировать (то есть, по всей видимости, расторгнуть в одностороннем порядке по своей инициативе) договор страхования после его подписания во всех случаях, за исключением тех, когда закон или договор это прямо запрещают. Для страховщика предусмотрены прямо противоположные правила: страховщик не может аннулировать договор страхования после его подписания, за исключением случаев, закон или договор определяют иначе. Еще одним важным правилом данной направленности является положение ст. 31, а именно: в случае возникновения споров относительно каузул страхового договора между страховщиком и страхователем либо бенефициаром (лицом, уполномоченным застрахованной стороной использовать право требования по страхованию) суды Китая трактуют спорные моменты в пользу страхователя или бенефициара.

В российском страховом законодательстве аналогичных правил нет. Автор полагает, что, несмотря на то, что страхователь является слабой стороной в договоре, однозначно говорить о необходимости включения таких или аналогичных правил в нормативные источники, регулирующие страхование в России, вряд ли обоснованно. Создание льготного режима для страхователя в договорных отношениях чревато проявлениями злоупотреблений с его стороны. Но оценить опыт их применения все-таки стоит. В заключение данного исследования хотелось бы отметить, что нормативное закрепление страхования в КНР, безусловно, заслуживает более подробного анализа, который будет способствовать объективной и всесторонней его оценке на предмет возможности включения позитивного опыта регулирования в нормативно-правовые акты России.

Список источников:

1. Текст размещен на Интернет-ресурсе по адресу: URL: <http://law.uglc.ru/insure.htm>
2. Страхование право России: учеб. пособие / В.С. Белых, И.В. Кривошеев, И.А. Митричев; отв. ред. В.С.

Белых. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2009. С. 202

3. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2008 года. - Бюллетень Верховного Суда РФ, 2008, N 8

ДОГОВОР СТРАХОВАНИЯ В МОНГОЛЬСКОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

*Эхнасан Ж.**

*Национальный юридический центр
Монголия, г. Улан-Батор*

Общая граница и богатый исторический опыт сотрудничества Монголии и России во всех формах общественной жизни обуславливает (актуализирует) научный интерес к изучению правового регулирования двух стран не только по общим вопросам правовых систем, но также и по отраслевым различиям. Такие исследования уже предпринимаются и занимают достойное место в современной компаративистике и цивилистике. Теперь наука вплотную подошла к содержательному этапу, когда должно быть предпринято сравнительное исследование не только общих вопросов (субъектного состава), но и отдельных обязательств в российском и монгольском праве. Того требует необходимость решения задач управления экономических хозяйств двух стран. Кроме того, решение данной проблемы будет вполне вписываться в логику развития научного интереса к сопоставлению законодательства Монголии и России, поскольку, на наш взгляд, пока ощущается дефицит таких исследований.

Естественно, что выбор соответствующего обязательства как предмета изучения должен опираться на его актуальность и в Монголии, и в России, а также на обусловленную международными договорами сферу межгосударственного сотрудничества. Так, общее условие статьи 2 договора о сотрудничестве между Монголией и Россией конкретизировано его статьей 8, определяющей для участников коммерческой, промышленной и финансовой деятельности режим наибольшего благоприятствования. Это означает, что выбор в целях развития науки сравнительного правоведения должен пасть на те обязательства, которые обеспечивают гражданский оборот в одной из вышеназванных сфер хозяйственной деятельности – коммерческой деятельности, промышленности или финансах. Например, в финансах важен выбор кластера. Принятые недавно в Монголии (2004 - 2005 г.) обновленные акты о страховании и перманентный процесс обновления страхового законодательства России, определяют страхование как одну из приоритетных составляющих финансовой сферы межгосударственного сотрудничества.

В монгольском праве, также как и в российском, договор страхования регулируется нормами отдельной главы базового кодифицированного акта (в России – гл. 48 (ст. 927-970) Гражданского кодекса РФ (далее «ГК РФ»), в Монголии – гл. 43 (ст. 431-444) Гражданского закона Монголии (далее «ГЗМ»). С точки зрения гражданско-правовой характеристики, договор страхования в праве Монголии представляет собой возмездный, взаимный, консенсуальный договор (ст. 437 ГЗМ), в то время как в России эта последняя характеристика иная – в соответствии со ст. 957 ГК РФ договор страхования вступает в силу с момента оплаты страховой премии или первой ее части, то есть договор по общему правилу реальный.

Консенсуальность же договора страхования в Монголии определяется тем обстоятельством, что в силу ст. 437 ГЗМ вступление договора в силу не связано с уплатой премии. Однако, нужно иметь в виду, что в соответствии с п. 437.2 ГЗМ, если страхователь не уплатил в срок страхового сбора, при наступлении страхового случая страховщик не несет ответственности, указанной в договоре. Гражданским законом Монголии предусмотрены следующие нормы и регулируются следующие вопросы договора страхования:

Так, **ст. 431 «Договор страхования» ГЗМ** предусматривает единое понятие договора страхования (в России такого традиционно нет, а существует понятие договора личного (п. 1 ст. 934 ГК РФ) и договора имущественного страхования (п. 1 ст. 929 ГК РФ). Здесь же предусмотрены существенные условия договора страхования, к которым, в отличие от России, относится, например, так называемый «размер страховой оценки» (п. 431.4.3. ГЗМ), т.е.

* **Научный руководитель:** Тышкенова Айгуль Григорьевна, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

«страховая стоимость» в терминологии российского права (п. 2 ст. 947 ГК РФ). В ст. 432 «Вид и форма страхования» ГЗМ дается общее указание на возможность добровольного и обязательного страхования, при этом, как и в России, обязательное страхование может вводиться только законом (п. 432.2.), а ст. 433 «Страховое свидетельство» ГЗМ посвящена форме договора страхования. Как и в ГК РФ (п. 1 ст. 940) договор страхования в Монголии должен быть заключен в письменной форме под страхом его недействительности, а, например, страховой полис имеет большее, чем в России, значение, поскольку с точки зрения данной статьи для получения страховой выплаты обязательно наличие полиса. В ст. 434 «Основания для прекращения договора страхования», ст. 435 «Расторжение договора страхования» и в ст. 436 «особые обстоятельства расторжения договора страхования» ГЗМ предусмотрены отличные от посвященной этому же вопросу ст. 958 ГК РФ основания для досрочного расторжения договора страхования.

Например, договор страхования, заключенный на срок более пяти лет, может быть расторгнут через три месяца после извещения одной стороны другой о расторжении. При этом, в упомянутой ст. 436 ГЗМ предусмотрено такое специфическое основание для расторжения договора как несообщение при заключении договора страхования существенных сведений об объекте страхования. Заметим, что в ГК РФ такое нарушение дает право страховщику требовать признания договора страхования недействительным (п. 3 ст. 944), а расторгнуть договор он может требовать, если страхователь не сообщил об обстоятельствах, увеличивающих страховой риск в период действия договора страхования (п. 3 ст. 959 ГК РФ).

Предусмотренные в ст. 437 «Обязанность уплаты страхового сбора» ГЗМ правила о порядке его уплаты и о последствиях неуплаты, в целом схожи с соответствующими нормами российского права, предусмотренными п. 3, 4 ст. 954 ГК РФ. В ст. 438 «Размер страховой оценки» ГЗМ содержатся правила, аналогичные правилам ст.ст. 945, 947, 948, 949, 951 ГК РФ. Это, в частности, нормы, в которых говорится о соотношении стоимости и страховой суммы объекта страхования (кстати, в отличие от российского права страховая стоимость в силу ст. 438.1. ГЗМ является существенным условием договора страхования (см.: ст. 942 ГК РФ)). Также в этой статье ГЗМ речь идет о недействительности договора страхования в части превышения суммы над стоимостью (ср. ст. 438.4. ГЗМ и ст. 951 ГК РФ).

Существует также ст. 439 «Обязательства страховщика и страхователя при возникновении страхового случая» ГЗМ с которой в ГК РФ схожие нормы в ст. 961, 962 об обязанности страхователя сообщить о страховом случае и необходимости принятия мер для уменьшения убытков от страхового случая. В ст. 440 «Права страхового представителя» ГЗМ, не имеющей аналога в соответствующих нормах ГК РФ, говорится о возможности страхового представителя не только заключать договор страхования, но и изменять его условия, продлевать, а также расторгать договор. В российском законодательстве вопросы страхового представительства, во-первых, регулируются общими нормами гл. 10 ГК РФ, посвященной любому (в т.ч. страховому) представителю, а, во-вторых, их (представителей) статус имеется в специальном Законе «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 г. № 4015-1, но специальных норм нет в гл. 48 ГК РФ.

Схожи со ст. 441 «Страхование в пользу других лиц» ГЗМ нормы российского права о выгодоприобретателе, но в российском законодательстве, во-первых, есть общая одноименная статья для всех договоров в пользу третьих лиц (ст. 430 ГК РФ), во-вторых, более подробно, чем в законодательстве Монголии, отрегулирован статус выгодоприобретателя в нормах самой главы 48. Это статьи 939, 956. Однако, в законодательстве Монголии есть жесткая привязка прав выгодоприобретателя к наличию у него самого полиса. Если полис выдан не ему, а страхователю, то и права по полису будет осуществлять последний (см.: 441.3. ГЗМ). Ст. 442 «Социальное страхование» ГЗМ - это общая статья, указывающая, что социальное страхование регулируется законом, подобно ст. 970 ГК РФ, посвященной специальным видам страхования. Но отличие в том, что ГК РФ прямо указывает на приоритет соответствующих законов, посвященных специальным видам страхования, а ст. 442 ГЗМ такого приоритета не устанавливает, что означает, что этот закон о социальном страховании не должен противоречить ГЗМ.

Ст. 443 «Страхование вреда» ГЗМ - весьма обширная статья, содержащая 20 пунктов. Правила аналогичные этим в российском законодательстве распределены по множеству статей. В этой статье есть интересная норма п. 443.2., предусматривающая правило, не имеющее специального регулирования нормами о страховании в российском праве. Страхование составного объекта означает одновременно страхование всех его частей. В России имеется норма ст. 135 ГК о том, что вещь, предназначенная для обслуживания другой, главной, вещи и связанная с ней общим

назначением (принадлежность), следует судьбе главной вещи, если договором не предусмотрено иное. Вместе с тем, такого прямого правила о распространении страхования на принадлежности при страховании главной вещи в нормах о страховании нет, что выгодно отличает нормы монгольского права.

Пункты 443.3. и 443.4. ГЗМ посвящены страхованию сверх страховой стоимости (п. 1-3 ст. 951 ГК РФ). Получить сумму возмещения больше стоимости имущества невозможно. Это же общее правило действует и в так называемом двойном страховании, регулируемом в ГК РФ в п. 4 ст. 951. Российский закон говорит о пропорции между общей страховой суммой всех страховщиков и страховой суммой данного страховщика, когда каждый страховщик заплатит только тот процент, который составляет его страховая сумма по отношению к общей. Монгольское право норм, непосредственно посвященных двойному страхованию, не знает, что негативно сказывается на эффективности регулирования.

Пункт 443.6. ГЗМ схож своим содержанием с п. 1 ст. 964 ГК РФ о страховании военного риска. По правилам и той и другой страны военный риск страховать можно, если об этом прямо указано в договоре. Пункты 443.7. и 443.8. ГЗМ вводят правило о переходе к страховщику прав страхователя к лицу, ответственному за убытки, именуемое в российском праве суброгацией (ст. 965 ГК РФ). Регулирование этого механизма в разных правовых порядках различно. Что-то подробнее и правильно урегулировано в российском праве (например, запрет применения суброгации в личном страховании), а что-то в монгольском (например, учет прав совместно проживавших со страхователем лиц, которые тоже имеют право на возмещение вреда от ответственного лица).

Весьма подробно и, как нам кажется, намного эффективнее урегулирована в монгольском страховом праве ситуация юридической судьбы договора страхования имущества при переходе права собственности на него. Российский закон в ст. 960 ГК РФ ограничивается констатацией того, что права страхователя при отчуждении имущества переходят к его приобретателю, а также тем, что новый страхователь должен незамедлительно уведомить страховщика о таком переходе. В праве Монголии нормы, посвященные этому переходу, намного больше и соответствующая ситуация урегулирована подробнее. Так, в п. 443.9. ГЗМ указано, что обязанность незамедлительного сообщения о переходе страховщику лежит не только на новом, как в России, но и на прежнем страхователе.

Также, по п. 443.10. ГЗМ несообщение в месячный срок и наступление в этот период страхового случая освобождает страховщика от выплаты. Кроме того, монгольский страховщик, в отличие от российского, имеет право не продолжать страховые отношения с новым собственником, то есть имеет право требовать расторжения договора страхования в месячный срок (см.: п. 443.11., 443.12. ГЗМ). Также не связан страхованием и новый собственник, т.к. на основе пунктов 443.13. и 433.14. ГЗМ может расторгнуть договор страхования. Однако норма п. 443.16. ГЗМ предусматривает в целом схожее регулирование с абз. 2 п. 2 ст. 934 ГК РФ, предусматривающим необходимость получения письменного согласия застрахованного лица по договору личного страхования, если этот договор заключен не в его пользу. Интересным, отличающимся от подобных правил в России, является правило, предусмотренное в **ст. 444 «Страхование ответственности» ГЗМ** о том, что в страховую выплату по договору страхования ответственности включаются и судебные и иные расходы страхователя, связанные с целями защиты от требований третьего лица (см.: п. 444.3.).

Подводя итог краткого обзора и сравнительного анализа норм о договоре страхования в России и Монголии, можно заключить, что ни в той, ни в другой стране нет очевидных преимуществ или недостатков. Оба сравниваемых массива законодательства имеют в отдельных случаях более эффективные варианты правового регулирования, в других случаях – менее эффективные. Положительные моменты того и другого законодательства должны быть позитивно восприняты национальными законодателями и соответствующие правовые конструкции внедрены в законодательство. Именно этому призваны разработки в области сравнительного правоведения.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ В РОССИИ И КНР

*Данина В.А.**

*Уссурийский филиал Дальневосточного
юридического института МВД России
Россия, г. Уссурийск*

Собирать налоги в полном объеме не удастся ни одному государству в мире, поэтому укрытие доходов от налогообложения во всех странах является одним из наиболее распространенных нарушений. Проблема борьбы с налоговыми преступлениями, являющимися источником преступных доходов, актуальна как в России, так и в Китае. Законодательство этих стран предусматривает уголовную ответственность за налоговые преступления.

Уголовный Кодекс КНР предусматривает меры по борьбе с различными формами уклонения от налогов [1, С. 79-86]. Согласно ст. 201 УК КНР неуплата или недоплата подлежащего уплате налога налогоплательщиком путем подделки, переделки, утаивания, самовольного уничтожения книг счетов, счетовых ваучеров, завышения сведений о расходах или непредставление, занижение сведений о доходах, отказа от декларирования или через фиктивное декларирование уплаты налогов после уведомления налоговых органов о декларировании, если сумма неуплаченного налога составила от 10% до 30% и более от суммы подлежащего уплате налога, от десяти тысяч до ста тысяч юаней, либо при уклонении от уплаты налога и после повторного административного наказания, вынесенного налоговыми органами за уклонение от уплаты налога, наказывается лишением свободы на срок до трех лет либо арестом, в качестве дополнительного наказания применяется штраф в размере от одно- до пятикратной суммы уклонения от уплаты налога. В случае, если сумма неуплаченного налога составила 30% и более суммы подлежащего уплате налога, сто тысяч юаней и более, наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет, в качестве дополнительного наказания применяется штраф в размере от одно- до пятикратной суммы уклонения от уплаты налога. Кроме этого, неуплата или недоплата должностным лицом исчисленного, уплаченного налога с использованием способов, предусмотренных ч. 1 ст. 201 УК КНР, если сумма составила 10% и более от суммы подлежащего уплате налога, десять тысяч юаней и более, наказывается в соответствии с положениями части 1 ст. 201 КНР. К уголовной ответственности могут привлечь также:

- за отказ от уплаты налога с применением насилия, угроз (ст. 202 УК КНР);
- за перемещение или утаивание налогоплательщиком собственности, когда это привело к невозможности взимания задолженности по уплате налога со стороны налоговых органов (ст. 203 УК КНР);
- за получение обманным путем возвращаемого государством налога на экспорт с помощью ложного декларирования экспорта или иными обманными способами на значительную сумму (ст. 204 УК КНР).

Вышеперечисленные деяния наказываются лишением свободы на срок до трех лет либо арестом, в качестве дополнительного наказания применяется штраф в размере от одно- до пятикратной суммы отказа от уплаты налога. При отягчающих обстоятельствах наказание предусмотрено в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет, в качестве дополнительного наказания применяется штраф в размере от одно- до пятикратной суммы отказа от уплаты налога. Кроме этого за незаконный возврат государственной экспортной пошлины (ст. 204 УК КНР) в особо крупном размере или наличие других особо отягчающих обстоятельств предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок десять и более лет либо в виде пожизненного лишения свободы, в качестве дополнительного наказания применяется штраф в размере от одно- до пятикратной суммы полученного обманным путем налога либо конфискация имущества. Кроме этого с осужденных за совершение вышеперечисленных преступлений к выплате штрафа, конфискации имущества до исполнения приговора через налоговые органы взыскиваются налоги и полученные обманным путем возвращаемые налоги за экспорт.

В отличие от УК РФ Уголовный кодекс КНР содержит шесть статей, касающихся инвойса по налогу на добавленную стоимость: фиктивное оформление специальных инвойсов по налогу на

* **Научный руководитель:** Гравина А.А., к.юрид.н., доц. кафедры уголовного права и процесса Современной государственной академии.

добавленную стоимость или фиктивное оформление инвойсов для получения обманным путем возвращаемого налога за экспорт, налога, покрывающего задолженность по налогу на добавленную стоимость. Под фиктивным оформлением инвойсов понимается одно из следующих деяний: фиктивное оформление для других лиц, фиктивное оформление для себя, поручение другим лицам фиктивно оформить для себя, посредничество между другими лицами в фиктивном оформлении (ст. 205 УК КНР); подделка или сбыт поддельных специальных инвойсов по налогу на добавленную стоимость (ст. 206 УК КНР).

Также к вышеуказанным деяниям относятся незаконный сбыт специальных инвойсов по налогу на добавленную стоимость (ст. 207 УК КНР); незаконная покупка специальных инвойсов по налогу на добавленную стоимость или покупка поддельных инвойсов по налогу на добавленную стоимость (ст. 208 УК КНР); подделка, самовольное изготовление или сбыт поддельных, самовольно изготовленных прочих инвойсов, которые могут быть использованы для получения обманным путем возвращаемого налога за экспорт, налога, покрывающего задолженность по налогу на добавленную стоимость (ст. 209 УК КНР); кража специальных инвойсов, которые могут быть использованы для получения обманным путем возвращаемого налога за экспорт, налога, покрывающего задолженность по налогу на добавленную стоимость (ст. 210 УК КНР). В данном случае кража инвойсов квалифицируется и наказывается в соответствии с положениями статьи 264 УК КНР, т.е. как кража общественных, частных ценностей на значительную сумму или неоднократная кража.

За данные преступления китайский законодатель предусмотрел жесткие санкции. Так при наличии крупных размеров сумм фиктивно оформленных налогов или других особо отягчающих обстоятельств виновный наказывается лишением свободы на срок десять и более лет либо пожизненным лишением свободы, в качестве дополнительного наказания применяется штраф в размере от пятидесяти тысяч до пятисот тысяч юаней либо конфискация имущества. К смертной казни либо пожизненному лишению свободы наказываются лица, которое получило обманным путем государственный налог в особо крупном размере при особо отягчающих обстоятельствах, и если это нанесло особо крупный ущерб интересам государства (ст. ст. 205, 206 УК КНР), в качестве дополнительного наказания применяется конфискация имущества.

За налоговые преступления, предусмотренные ст. ст. 201-206 УК КНР штрафом наказываются юридические лица (организации). Помимо прочего, за фиктивное оформление инвойсов (ст. 205 УК КНР) и подделку или сбыт поддельных инвойсов (ст. 206 УК КНР) лица, ответственные за руководство, наказываются лишением свободы на срок до трех лет либо арестом. При значительном размере сумм фиктивно оформленных налогов или наличии других отягчающих обстоятельств предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет; при крупном размере сумм фиктивно оформленных налогов или наличии других особо отягчающих обстоятельств – в виде лишения свободы на срок десять и более лет либо пожизненного лишения свободы.

Отличительной чертой китайского уголовного законодательства по налоговым преступлениям является то, что законодатель предусмотрел максимальное число различных форм уклонения от уплаты налога. Российский законодатель в УК РФ [2] включил только четыре уголовно-правовые нормы: ст. 198 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица»; ст. 199. «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации»; ст. 199.1. «Неисполнение обязанностей налогового агента»; ст. 199.2. «Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов». Штрафом либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года наказываются лица, которые не предоставили налоговую декларацию или иных документы или предоставили декларацию с заведомо ложными сведениями. В случае если вышеуказанные действия совершены в особо крупном размере, то срок лишения свободы увеличивается до трех лет.

Наказание в виде штрафа или ареста на срок от четырех до шести месяцев, либо лишения свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового назначают лицам, виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 199, 199.1, 199.2 УК РФ. Наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет предусмотрено за совершение преступления при отягчающих обстоятельствах - группой лиц по предварительному сговору или в особо крупном размере (ст. 199 УК РФ). По сравнению с наказанием, предусмотренным в Китае, российский законодатель предложил более мягкие санкции за уклонение от уплаты налогов.

Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации (далее НК РФ) и отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесены поправки в Уголовный кодекс РФ [3]. Законодатель ввел основание освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление, если оно полностью уплатило суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумму штрафа в размере, определяемом в соответствии с НК РФ. Кроме этого вышеуказанным законом внесены изменения в ст. 108 УПК РФ, согласно которой заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 198- 199.2 УК РФ. Внесенные законодателем поправки свидетельствуют о смягчении в РФ уголовной ответственности за налоговые преступления. Сравнительный анализ статей УК КНР и УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов, позволяет сделать вывод о том, что:

во-первых, объекты посягательств налоговых преступлений в законодательствах двух стран аналогичны, исключением является, что в ст. ст. 201, 202 УК КНР предусмотрены дополнительные объекты преступления: интересы государственной службы, жизнь и здоровье человека;

во-вторых, объективная сторона налоговых преступлений по УК КНР совпадает с УК РФ: общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и причинная следственная связь;

в-третьих, совпадает субъективная сторона преступлений, то есть уклонение от уплаты налогов по УК КНР, так же как и по УК РФ совершается только умышленно;

в-четвертых, субъектом уклонения от уплаты налогов по УК КНР, как и по УК РФ, является налогоплательщик;

в-пятых, Китай является страной, «где наказание за налоговые преступления особо жестокие» [4], по сравнению не только с Россией, но и с другими странами мира.

Список источников:

1. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Под ред. и с предисл. А.И. Коробеева; пер. с кит. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 303 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (в ред. ФЗ от 29.03.2010 №33) // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2009. N 383-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. 29.12.2009.
4. Россия идет по пути ужесточения наказания за налоговые преступления [Электронный ресурс] // Сайт Информационного агентства Клерк.Ру. 2001-2010. URL: <http://www.klerk.ru/buh/articles/27960/>

ИНСТИТУТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Доржиева С.В.
Институт Дальнего Востока
Россия, г. Москва*

Вещное право – институт гражданского права, регулирующий имущественные отношения. Вещное право дает основание лицу действовать в отношении принадлежащего ему имущества, не прибегая к разрешению и поддержке других лиц. Объектом вещного права является конкретная вещь. 1 октября 2007 г. в Китайской Народной Республике (далее по тексту – КНР) вступил в силу закон о «Вещном праве». Его принятие было вызвано рядом факторов, которые были обусловлены развитием экономической системы Китая и проведением реформы открытости, а также тех, которые были направлены на формирование нового курса социальной политики страны.

Статья 1 Закона о вещных правах от 01 октября 2007 г. гласит, что «с целью защиты государственной экономической системы, рыночно-социалистической экономической системы, определить подчинение вещи, выявить назначение вещи, защитить вещные права правоспособного

* **Научный руководитель:** Гомбоева Людмила Петровна, ст.преп., зам. дир. юридического колледжа Бурятского государственного университета.

человека, в соответствии с конституцией, данный закон вступил в силу» [3]. Разработанный Закон о вещном праве выявил роль двух основных принципов вещного права. С целью того, чтобы правоспособный человек в полной мере мог пользоваться имуществом, была создана благоприятная правовая обстановка, поощряется создание и накопление капитала, охраняются вещные права правоспособного человека, а также защищаются жизненные интересы широких народных масс.

Определение подчиненности вещи – это и есть установление в гражданском праве имущественных прав как определенных, т.е. в отношении вещи накладывается гипотеза использования. Таким образом, использование вещи показывает, что собственник сам пользуется вещью или сдает ее в пользование другим людям. Закон о вещном праве регулирует вопросы пользования и подчиненности вещи, а также вопросы, касающиеся возникновения гражданских отношений. В соответствии с вышеуказанным законом о вещном праве, вещи делятся на: движимые и недвижимые. Недвижимые вещи – это земля, дом, лес и все вещи, которые неразрывно связаны с землей. Движимые вещи – это все остальные вещи, не входящие в круг недвижимых вещей.

Вещи, в соответствии с законом о вещном праве, по обыкновению, являются вещами, имеющими тело или форму, кроме вещей, входящих в область интеллектуальной продукции. На основании законов физики вещи имеют твердое, жидкое, газообразное, электрическое состояние. Произведения, торговые марки, патенты и другая интеллектуальная продукция являются вещами, не имеющими тела или формы, т.е. не являются предметами, входящими в область регулирования закона о вещном праве, а в основном регулируются специальными законами. Так, например, законом об авторском праве, законом о маркировке, законом о патентах. Интеллектуальная продукция не входит в область регулирования закона о вещном праве, однако в некоторых обстоятельствах, возникают вопросы, касающиеся закона о вещном праве. Например, имущественные права на авторское право, право на торговые марки, на патентное право могут регламентироваться обеспечительным правом. Вещное право состоит из: Права собственности; Вещного сервитутного права; Вещного обеспечительного права.

Однако две последние ветви права являются отдельными независимыми формами вещного права. В Китае, в связи с новым курсом Правительства, который направлен на улучшение уровня жизни населения и построения «общества среднего достатка» [4, С 60], были определены стратегические направления в развитии гражданского права. В 2004 г. в Конституцию КНР была внесена поправка о том, что собственность государства, коллективов и частных лиц находится под равной охраной. Закон о вещном праве придал принципу еще более ясные правовые основания: он содержит конкретные предписания о владении, пользовании и распоряжении собственностью, а также о получении доходов от нее. В законе подчеркивается необходимость поддерживать порядок социалистической рыночной экономики и защищать все субъекты рынка. В нем однозначно подчеркнута, что «право собственности государства, коллективов и частных лиц, а также других участников имущественных отношений охраняется законом».

С обнародованием Закона о вещном праве в Китае создана официальная, более целостная система собственности, которая защищает имущество, приобретенное законным путем, уважает стремление частного лица к богатству и поощряет китайцев на создание еще больших материальных благ. В соответствии со ст.71 ОПГП «Право собственности на имущество представляет собой принадлежащее собственнику в отношении своего имущества право владения, пользования, извлечения выгоды и распоряжения согласно закону» [2, С. 79]. Право собственности может возникнуть лишь при наличии определенного юридического факта или их совокупности. Эти юридические факты называются основаниями возникновения права собственности.

В 1988 г. Конституция была дополнена следующим образом: «Государство допускает существование и развитие частного хозяйства в пределах, установленных законом. Частное хозяйство является дополнением к социалистической экономике, основанной на общественной собственности. Государство охраняет законные права и интересы частного хозяйства, направляет его деятельность, осуществляет контроль и управление». Ст. 73 ОПГП устанавливает, что «Государственное имущество относится к общенародной собственности. Государственное имущество священно и неприкосновенно. Право собственности государства на имущество является правом, которым обладает государство от имени всего народа на владение, пользование, распоряжение, получением выгоды. Ст. 45 Закона о Вещных правах гласит: «Имущество, относящееся согласно закону к государственной собственности, является общенародной собственностью. Государственный совет представляет государство при реализации права

собственности на государственное имущество, если иными законодательными установлениями не предусмотрено иное» [5, С. 17].

К государственной собственности согласно Закону «О вещных правах» относятся: недра, воды, морские зоны, городские, сельские, пригородные земли; леса, горы, степи, пустоши, отмели, прочие природные ресурсы, не относящиеся к коллективной собственности, согласно закону; дикие животные и растения; радиочастотные ресурсы; культурные ценности; имущество, предназначенное для обороны государства, железные дороги, шоссейные трассы, оборудование для производства электроэнергии, электросвязи, трубопроводы и прочее капитальное оборудование. Государственное имущество охраняется законом, никаким организациям и частным лицам не разрешается захватывать его, тратить, портить, делить между собой либо распределять иным образом. Ст. 74 ОПГП КНР гласит, что имущество коллективных организаций трудящихся масс относится к коллективной собственности трудящихся масс и включает:

- 1) находящиеся согласно установлениям законодательства в коллективной собственности земли, леса, горы, степи, целинные земли, отмели и т. д.;
- 2) имущество коллективных хозяйственных организаций;
- 3) являющиеся собственностью коллективов строения, водохранилища, обрабатываемые поля, ирригационные сооружения, а также сооружения, используемые для целей просвещения, науки, культуры, здравоохранения, физической культуры;
- 4) прочее имущество, являющееся коллективной собственностью.

Коллективная собственность – имущество, входящее в собственность, в отношении которой трудовые коллективы имеют право владения, пользования, получения выгоды и распоряжения. Коллективная собственность – это одна из независимых форм собственности в системе собственности КНР. Право собственности коллективов является выражением в законодательстве коллективной собственности. Коллективные организации выступают субъектом права коллективной собственности. Ст. 60 Закона «О вещных правах» гласит, что реализация права собственности в отношении коллективной собственности крестьян, проживающих в селах, производится сельскими коллективными организациями либо сельскими комитетами от имени коллектива; в отношении коллективной собственности двух и более крестьян, проживающих в селах, производится соответствующими сельскими коллективными хозяйственными организациями либо крестьянскими группами от имени коллектива; в отношении коллективной собственности крестьян, проживающих в поселках – соответствующими поселковыми коллективными хозяйственными организациями от имени коллектива [5, С. 19-20].

Имущество, находящееся в коллективной собственности, охраняется законом. Любым организациям или лицам запрещается захватывать, грабить, присваивать, портить это имущество или же незаконно его описывать, арестовывать, замораживать, конфисковывать. В соответствии со ст. 75 ОПГП «единоличное имущество граждан включает их законные доходы, жилище, сбережения, предметы повседневного обихода, культурно-исторические ценности, книги и печатные материалы, деревья, скот, а также средства производства, нахождение которых в собственности граждан разрешено законом, и прочее законное имущество» [2, С. 82].

Правом личной собственности гражданина является установленное законом право владение, пользование, распоряжение и извлечение выгоды в отношении имеющегося у него имущества. Право личной собственности гражданина занимает независимое положение в системе прав собственности КНР, является формой собственности в системе собственности, которая регламентирована законом. Законно полученные гражданином или законом разрешенные гражданину средства производства и средства потребления защищаются законом, в соответствии с которым также запрещается каким-либо организациям или отдельным людям незаконно завладевать, грабить, ломать, имеющимся государственным органам опечатывать, налагать арест, замораживать, конфисковывать данное гражданское имущество.

Вступивший в силу закон о вещных правах от 1 октября 2007 г. также строго регламентирует нормы о защите права собственности частных лиц. Так в ст. 65, 66 указано, что законные сбережения, вклады, прочие доходы частных лиц охраняются законом. Государство в соответствии с законом охраняет право наследования и прочие законные права, и интересы частных лиц. Имущество частных лиц, принадлежащее им на законных основаниях, охраняется законом, никаким организациям и частным лицам не разрешается захватывать, портить его. Проанализировав и тщательно исследовав поставленную задачу, необходимо отметить, что правовая система КНР развивается, отвечая требованиям и нормам формирования и становления современного мобильного общества. В связи с этим были введены поправки в Конституцию и в

ОПП, регулирующие отношения собственности. Введение в силу Закона «О вещных правах» от 01.10.2007 г. закрепило за гражданами право на частную законную собственность и на осуществление защиты со стороны государства. Законодательная защита права частной собственности не только направлена на охрану интересов граждан, но и стимулирует экономическое развитие страны, способствует прогрессивному развитию общества и стабилизации положения государства.

Список источников:

1. Конституция КНР. (принята на 5-ой сессии Всекитайского Собрания Народных Представителей Пятого созыва, обнародована и официально введена в действие Всекитайским Собранием Народных Представителей 4 декабря, 1982 года, с поправками принятыми 12 апреля, 1988 на первой сессии Всекитайского Собрания Народных представителей Седьмого созыва, и 29 марта, 1993 года на первой сессии Всекитайского Собрания Народных представителей Седьмого созыва).
2. *Чжунхуажэньминьгунхэго миньфа тунцзэ* (Основные принципы гражданского права Китайской Народной Республики): принят четвертой сессией шестого созыва ВСНП от 12 апреля 1986 г., вошел в силу 1 января 1987 г. Пекин: Издательство иностранных языков, 2000 г. – Кит. яз.
3. *Чжунхуажэньминьгунхэго у цюань фа* (Закон о вещном праве Китайской Народной Республики): принят пятой сессией ВСНП десятого созыва от 16 марта 2007 г, вошел в силу первого октября 2007 г. Пекин: чжунго фачжи чубаньшэ, 2007.6. – Кит. яз.
4. *КНР: проблемы построения общества сяокан: экспресс-информация №8/* сост. А.В. Островский, П.М. Кожин. – М.: 2005.
5. *Новое законодательство КНР: экспресс-информация №2 (157)/*сост. Гудошников Л.М. – М.: 2009.
6. *Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978-2005 гг.:* монография/ З.З.Имамов, Н.Л. Мамаева, Е.Г. Пашенко, [и др.]; под редакцией Л.М. Гудошникова. – М.: Русская панорама, 2007.
7. *У Ган. Развитие гражданско-правового регулирования отношений частной собственности в КНР/ У Ган // ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. – 2005. - №5.*
8. *Ян Сюеци. Закон для людей/ Ян Сюеци // Китай. – 2007. - №4.*
9. *Ван Чжисхуа. Кодификация гражданского права с точки зрения сравнительного правоведения // Материалы международной научно-практической конференции "Сравнительное правоведение в странах АТР – I. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2007. С. 28-29.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАТУСА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КНР И РФ*

*Гармаев Д.Ю.**

Бурятский государственный университет

Россия, г. Улан-Удэ

Мощным двигателем экономического и социального развития рыночной экономики является предпринимательство. Именно предпринимательство, которое ассоциируется с понятиями "динамизм" и "инициатива", обращает в реальность многие новаторские идеи и способствует прогрессу. По данным Федеральной налоговой службы РФ, по состоянию на 1 апреля 2010 г., количество индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей, составляет 3 823 195 единиц. Данная цифра показывает, что индивидуальный предприниматель (далее ИП) является весьма важным и существенным элементом российской экономики. Этим и обусловлен интерес к теме предпринимательства в международном разрезе. Китай как государство с мощной экономикой и широко используемым предпринимательским сектором в данном случае представляет интерес для исследования правового статуса ИП в Китае и сравнения со статусом ИП в России.

В гражданском праве РФ и КНР существует одинаковый подход к регулированию предпринимательской деятельности, основанный на единстве частноправового регулирования, то есть равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников (ст.2 ГК РФ и ст.

* Доклад отмечен благодарственным письмом Верховного суда Республики Бурятия за глубокие знания и лучший доклад по вопросам цивилистики в странах АТР.

* **Научный руководитель:** Чмелева Татьяна Анатольевна, преп. кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Бурятского государственного университета

26 Общих положений гражданского права КНР – далее ОПГП КНР). Данное сходство значительно сближает статусы ИП в рассматриваемых правовых системах двух государств на фоне различий их политических режимов. Следует отметить, что в гражданском законодательстве КНР, а соответственно и в нормах, касающихся индивидуального предпринимателя, отсутствует система источников гражданского права аналогично положениям ст. 3, 5 и 7 Гражданского кодекса РФ. Это лишает гражданское законодательство КНР четкой основы в регулировании гражданских правоотношений.

Российский законодатель, регламентируя правовой статус ИП, не стал вписывать в ГК РФ подробные правила регулирования предпринимательской деятельности граждан, между тем включил правило применения к предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, соответственно правил ГК РФ, регулирующих деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, с условием, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения (п.3 ст.23 ГК РФ). Китайское законодательство такого правила не предусматривает. В то же время, нельзя не обратить внимания на то, что в РФ нет специального нормативного правового акта, посвященного индивидуальному предпринимательству. В Китае же действуют Временные положения «Об управлении торгово-промышленных индивидуальностей (Индивидуальных предпринимателей) в городах и селах» от 5 августа 1987 г. Такого подхода придерживаются и некоторые другие государства, устанавливая специальные законы, регулирующие деятельность ИП. рассмотрим более подробно понятие и правовые формы индивидуального предпринимательства по законодательству РФ и КНР.

Российская Федерация. В законе отсутствует легальное определение индивидуального предпринимателя, однако под таковыми обычно понимают физических лиц, зарегистрированных в установленном порядке и осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, глав крестьянских (фермерских) хозяйств (п. 2 ст. 11 Налогового кодекса РФ). При этом под предпринимательской деятельностью понимают деятельность, направленную на систематическое получение прибыли. Индивидуальный предприниматель – это особый субъект гражданского права, что предопределяет его особые права и обязанности. Это дееспособное физическое лицо достигшее 18 лет. При этом следует иметь в виду, что в случае, когда законом допускается вступление в брак до достижения 18 лет, гражданин, не достигший 18-летнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак (ст.21 ГК РФ), следовательно, может заниматься предпринимательской деятельностью. ИП вправе создавать хозяйственные товарищества и общества, крестьянско-фермерские хозяйства, а так же производственные кооперативы.

Характеризуя правовое положение индивидуального предпринимателя по российскому законодательству, следует отметить также, что в целях государственной поддержки индивидуальная предпринимательская деятельность отнесена к малому предпринимательству. По смыслу Федерального закона 1995 г. «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» [2] субъектами малого предпринимательства признаются индивидуальные предприниматели, включая их объединения в простые товарищества, крестьянские (фермерские) хозяйства, коммерческие организации разных организационно-правовых форм при наличии соответствующих условий.

Китайская народная республика. В китайском законодательстве, как и в российском, отсутствует легальное определение понятия индивидуального предпринимателя. Отдельные положения, характеризующие правовой статус ИП, содержатся в Общих положениях гражданского права КНР и ряде иных нормативных правовых актов, в частности, в Законе «О предприятиях с капиталом одного лица», Временных положениях «Об управлении торгово-промышленных индивидуальностей в городах и селах» и др. По масштабу хозяйствования и по форме предпринимательской деятельности индивидуальные предприниматели могут быть разделены на торговцев и предприятия. В соответствии с законодательством КНР организационно-правовыми формами индивидуальной предпринимательской деятельности (формами частного хозяйства) являются: торгово-промышленные индивидуальности (индивидуальные предприниматели); подрядные хозяйства в деревне; предприятия с капиталом одного лица (самостоятельные предприятия).

Для приобретения статуса частного хозяйства и легализации соответствующей деятельности необходимо пройти государственную регистрацию в соответствующем отделе промышленности и торговли. При этом осуществление предпринимательской деятельности ограничивается определенными коммерческими рамками торгово-промышленной регистрации.

Рассмотрим указанные формы индивидуальной предпринимательской деятельности (формы частного хозяйства) в Китае.

1) Индивидуальным предпринимателем признается гражданин или семья в городе, деревне, которые занимаются предпринимательской деятельностью в пределах, установленных законом, на основе своего имущества или имущества семьи при условии регистрации в соответствующем отделе промышленности и торговли. Индивидуальные предприниматели занимаются инвестициями в собственную предпринимательскую деятельность и осуществляют такую деятельность собственным трудом без образования юридического лица. Индивидуальные предприниматели должны лично вести свои дела и управлять ими, это отличает их от предприятий с капиталом одного лица. В соответствии со ст. 26 Общих положений гражданского права КНР «под торгово-промышленными индивидуальностями (ИП) подразумеваются граждане, занимающиеся деятельностью в сфере промышленности торговли в пределах, разрешенных законодательством, а также после получения согласно закону разрешения и регистрации. Торгово-промышленные индивидуальности могут иметь вывеску».

Индивидуальные предприниматели могут заниматься производством промышленной продукции, ремеслом, строительством, транспортной деятельностью, торговлей и предприятием питания, бытового обслуживания, ремонтом и другими видами деятельности в пределах, разрешенных законодательством и правительством. Индивидуальные предприниматели, которые не владеют необходимыми навыками, могут пригласить одного или двух помощников, специалистов своего рода. Если же они владеют мастерством, то могут обучать от трех до пяти учеников. С заявлением о государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя может обратиться гражданин, который сам намерен стать индивидуальным предпринимателем и заниматься предпринимательской деятельностью. Заявителем может быть также хозяин семьи, если предпринимательской деятельностью намерена заниматься вся семья. В соответствии со ст. 29 ОПГП КНР и ст. 4 Временных положений «Об управлении торгово-промышленных индивидуальностей в городах и селах» ИП и деревенские подрядные хозяйства отвечают по своим обязательствам единоличным имуществом, если они осуществляют свою деятельность одним лицом, и имуществом семьи, если - семьей.

2) Подрядные хозяйства в деревне. В статье 27 ОПГП КНР указано, что под подрядными хозяйствами в деревне подразумеваются «члены коллективных хозяйств, организаций в деревне ведущих в пределах, разрешенных законодательством, товарное хозяйство в соответствии с договором подряда». Подрядные хозяйства в деревне сходны с индивидуальными предпринимателями как в части правоспособности, так и прав обязанностей и ответственности. Но для подрядных хозяйств в деревне не требуется вывеска и не обязательна их регистрация в отделе промышленности и торговли. На самом деле подрядные хозяйства в деревне не относятся к категории ИП, а представляют собой законное проявление одного из специфических способов производительного хозяйства в сельской коллективной организации хозяйства в Китае. Можно сказать также, что понятие «подрядные хозяйства в деревне» обладает исторической характерностью, отражающей стадийную особенность истории развития китайской экономики.

3) Частное предприятие с капиталом одного лица представляет собой предприятие, созданное одним физическим лицом, вкладывающим в это предприятие собственный капитал, ведущим дела предприятия и управляющим им. Имущество предприятия принадлежит одному лицу. Частное предприятие с капиталом одного лица не является юридическим лицом; это экономическая организация в целях получения прибыли. Для работы на предприятии могут привлекаться наемные работники в количестве не более 8 человек. Предприятие с капиталом одного лица – индивидуальный предприниматель, осуществляющий деятельность посредством организации предприятия.

Остановимся, также, на рассмотрении понятия и характера правосубъектности ИП РФ и КНР. Предпринимательская и гражданская правосубъектность в *Российской Федерации* не противопоставляются друг другу, так как предпринимательская правосубъектность – это разновидность гражданской правосубъектности. Для приобретения статуса ИП гражданин должен иметь следующие основные признаки:

1. Гражданскую правоспособность (способность иметь гражданские права и обязанности);
2. Гражданскую дееспособность (способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права и обязанности);
3. Имя, под которым приобретаются права и обязанности;

4. Место жительства.

Гражданская дееспособность возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т.е. по достижении 18 лет (ст.21 ГК РФ). Гражданин становится предпринимателем с момента его государственной регистрации. Гражданин не может быть предпринимателем до достижения 14 лет. В случае, когда законом допускается вступление в брак до достижения 18 лет, гражданин, не достигший 18 лет, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак, следовательно в таком случае он может приобрести и статус ИП. По законодательству *Китая* ИП имеет определенные права и обязанности. Некоторые из них приведены ниже: право самостоятельно осуществлять предпринимательскую деятельность в пределах, разрешенных законодательством и определенных целями государственной регистрации; приобретать патент, монопольное право на зарегистрированную торговую марку и другое интеллектуальное имущественное право; открывать счета в кредитных организациях, получать кредиты в банках или в других финансово-валютных организациях; самостоятельно устанавливать цены на производимые товары (работы, услуги), за исключением цен, установленных государствам (отделом цен); вступать в различные договорные отношения; право выступать единолично или в виде семейно-трудового объединения (семейно); в случаях предусмотренных законом право на освобождение от налогов и сборов. Таким образом, статус индивидуального предпринимателя по законодательству РФ и законодательству КНР имеет много различий, однако именно это позволяет нам взаимно перенимать идеи и полезный опыт в области регулирования правоотношений связанных с предпринимательством.

Список источников:

1. Общие положения гражданского права КНР [Электронный ресурс] // Сайт «UGL Corporation Ltd». 2008-2009. Режим доступа: URL: <http://law.uglc.ru/citizen.htm> (дата обращения 04.04.2010).
2. Федеральный закон от 14.06.1995 N 88-ФЗ (ред. от 02.02.2006) "О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации" (в ред. ФЗ от 02.06.2006г. №19) // Собрание законодательства РФ. 19.06.1995. №25. ст. 2343.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РОССИИ

*Тараненко Е.М.**

*Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

Ежегодно Российская Федерация (далее – РФ) и Китайская Народная Республика (далее – КНР) объявляются лидерами контрафакции в мире. Было отмечено, что из-за действий «пиратов» экономика европейских государств и США несет огромные убытки. Тем не менее, в Китае борьба с интеллектуальным «пиратством» ведется значительно активнее и успешнее, чем в России. Об этом свидетельствует также тот факт, что КНР является членом Всемирной торговой организации (далее – ВТО), а РФ еще нет, и один из основных вопросов, который наша страна должна решить для успешного вступления в ВТО – сокращение количества правонарушений, связанных с интеллектуальной собственностью. Сравним, какие меры по борьбе с «пиратством» принимаются в КНР, а какие в РФ. Законодательство об авторском праве Китая устанавливает, что нарушение авторских прав влечет за собой гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность (статья 3 Закона КНР «Об авторском праве» (далее – Закон КНР)).

Основным принципом гражданско-правовой ответственности, закрепленным в статье 48 Закона КНР, является принцип возмещения нарушителем авторских прав причиненного реального ущерба, включая расходы владельца авторских прав по пресечению противоправных действий. Но в случаях, когда рассчитать реальный ущерб трудно (заранее неизвестно, какой доход получил бы автор в случае правомерного использования произведения и т.п.), возмещение ущерба может соответствовать сумме незаконных доходов нарушителя. Если и эта сумма не может быть определена, то с нарушителя взимается штраф в размере до 50000 юаней (ст. 48 Закона КНР).

* **Научный руководитель:** Литвинова Светлана Федоровна, к.юрид.н., доц., преп. кафедры частного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Статьи 46 и 53 Закона КНР закрепляют неисчерпывающий перечень нарушений авторских прав, влекущих применение гражданско-правовых санкций, такие как, опубликование произведения без согласия автора; опубликование произведения, созданного в соавторстве, без согласия остальных соавторов; присвоение авторства (плагиат); использование, перевод, аннотирование произведения, произведенное без согласия автора с нарушением действующего законодательства; использование типографского расположения материалов в книгах или журналах без разрешения издателя; невыполнение договорных обязательств сторонами.

Также за нарушение авторских прав законодательством КНР предусмотрена административная ответственность. Применение мер административной ответственности связано как с нарушением авторских прав, так и с причинением вреда общественным интересам. Меры административной ответственности предусмотрены Законом КНР, а также статьей 8 Закона КНР «Об административных наказаниях». Среди них: прекращение правонарушения; конфискация противозаконных доходов, конфискация и уничтожение контрафактных экземпляров произведений; административный штраф; конфискация средств и оборудования, с помощью которых производились контрафактные экземпляры произведений – применяется в случае наличия отягчающих обстоятельств.

Интересно, что административные санкции могут применяться без решения суда административными органами (ст. 15 Закона КНР «Об административных наказаниях»), которые осуществляют такую деятельность самостоятельно либо через специально назначенные некоммерческие организации. Юридическую ответственность за действия такой организации несет назначивший ее орган. Также должна быть исключена возможность применения наказания дважды за одно и то же деяние. Третьим видом ответственности на нарушение авторских прав является уголовная ответственность за совершение следующих деяний (ст. 217 Уголовного Кодекса КНР): тиражирование и распространение литературных и музыкальных произведений, кино-, теле-, видеопродукции, гибких компьютерных дисков и иных произведений без разрешения владельца авторских прав; издание печатной продукции, исключительное право на издание которой принадлежит другим лицам; тиражирование и распространение аудио- и видеозаписей без разрешения их авторов; создание и продажа поддельных произведений искусства известных авторов. Совершение любого из вышеперечисленных деяний с целью извлечения прибыли, если была получена сравнительно крупная сумма или при иных отягчающих обстоятельствах наказывается одной из следующих санкций: лишение свободы на срок до 3 лет; краткосрочный арест; штраф – данная санкция может применяться как самостоятельно, так и в качестве дополнительной.

Если в результате совершения противозаконного деяния получена крупная сумма или деяние совершено при отягчающих обстоятельствах, то применяется лишение свободы на срок от 3 до 7 лет и штраф. Причем, с декабря 2004 г. вступили в силу поправки, усиливающие меры уголовной ответственности за изготовление контрафактных произведений. Лишение свободы на срок от трех до семи лет будет применяться к производителям контрафакта на сумму от 6000 юаней – в два раза меньше, чем прежде. В перечень авторских преступлений также включена и торговля контрафактными произведениями через Интернет, на чем особенно настаивали американские предприниматели. Новые положения, ужесточающие меры ответственности на совершение авторских преступлений, направлены на повышение эффективности правовой защиты авторских прав в Китае.

Авторское законодательство Российской Федерации также предусматривает три вида ответственности за нарушение авторских прав – гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность. Основные меры гражданско-правовой ответственности, применяемые в случае нарушения авторских прав, содержатся в статьях 1250, 1251, 1252, 1253 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ). По общему правилу, автор может защищать нарушенные права любыми не противоречащими закону способами, в том числе и предусмотренными статьей 12 ГК РФ, среди которых: признание права; самозащита права; возмещение убытков; взыскание неустойки; компенсация морального вреда и др. Одним из перечисленных способов защиты авторских прав является возмещение убытков. Применение этой нормы в авторском праве имеет следующую особенность: вместо возмещения убытков авторы могут требовать от нарушителя выплаты компенсации (п. 3 ст. 1252 ГК РФ) в сумме, определяемой по усмотрению суда в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и добросовестности. Компенсация может быть установлена как за правонарушение в целом, так и за каждый случай неправомерного использования

произведения и будет взыскана независимо от того, причинены ли правонарушением убытки (достаточно доказывания факта совершения правонарушения).

Такое понимание компенсации улучшает положение правообладателей. Также в статье 1252 продублированы некоторые способы защиты исключительных прав, такие как признание права; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; возмещение убытков; изъятие материального носителя; публикация решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя. Также возможна конфискация материалов и оборудования, используемых для производства контрафактных объектов. Другим видом ответственности за нарушение авторских прав является административная ответственность, которая применяется как за использование контрафактных экземпляров произведений, так и за действия, направленные на введение потребителя в заблуждение относительно происхождения данных экземпляров произведений (п.1 ст. 7.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ)). Данное положение призвано защитить не только владельцев авторских прав, но и издателей, прочих изготовителей экземпляров произведений, и, разумеется, потребителей.

Видами административного наказания являются (п. 1 ст.7.12 КоАП РФ): административный штраф для граждан в размере от 1500 до 2000 рублей; на должностных лиц - от 10000 до 20000 рублей; на юридических лиц - от 30000 до 40000 рублей. Размер штрафа для каждой категории правонарушителей определяется исходя из возможностей лица принести реальный вред обладателям авторских прав. Также в КоАП РФ дополнительно предусмотрена конфискация контрафактных экземпляров произведений и фонограмм, а также материалов и оборудования, используемых для их воспроизведения, и иных орудий совершения административного правонарушения. В дальнейшем конфискованные экземпляры произведений подлежат уничтожению или передаче обладателю авторских прав по его просьбе.

Однако привлечение нарушителей авторских прав к административной ответственности до сих пор является скорее исключением, нежели правилом. Реализация нормы ст. 7.12 КоАП затруднена сложностью выявления контрафактной продукции работниками правоохранительных органов. Третьим видом ответственности за нарушение авторских прав в РФ является уголовная ответственность, предусмотренная Уголовным Кодексом Российской Федерации (далее - УК РФ) за посягательство на авторские права, совершенное в крупном размере (ст. 146 УК РФ). Причем законодатель, разместив данную статью в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» раздела «Преступления против личности», подчеркнул особую важность борьбы с данными преступлениями, посягающими, прежде всего, на конституционные права авторов и иных правообладателей.

Основным признаком того, что нарушение авторских прав подпадает под применение уголовной ответственности, является крупный размер причиненного вреда (ст. 146 УК РФ). Деяние признается совершенным в крупном размере, если стоимость экземпляров произведений либо стоимость прав на использование объектов авторского права превышают 50000 рублей, а в особо крупном размере – 250000 рублей. Сложность вызывает определение размера ущерба, предусмотренного пунктом 1 статьи 146 УК РФ. В данном пункте устанавливается ответственность за плагиат – незаконное присвоение авторства. Право быть автором – право нематериальное, соответственно, нарушением может быть причинен только нематериальный ущерб в виде морального вреда. Но определить конкретную степень этого вреда сложно. Поэтому ряд исследователей считают, что понятие крупного ущерба к моральному вреду неприменимо. УК РФ предусматривает следующие виды авторских преступлений: присвоение авторства (плагиат), незаконное использование, приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений в целях сбыта.

Видами наказаний за совершение авторских преступлений являются: штраф в размере до 200000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев; обязательные работы на срок от 180 до 240 часов; лишение свободы на срок до двух лет (за плагиат – арест на срок от трех до шести месяцев). Незаконное использование, приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений в целях сбыта, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой или в особо крупном размере или лицом с использованием своего служебного положения наказываются строже – лишением свободы на срок до пяти лет. Кроме того, к таким преступникам может быть применен штраф в размере до 500000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет. Из названного видно, что за совершение уголовно наказуемого деяния в

области авторского права законом не предусмотрено применения такого вида наказания, как конфискация контрафактных экземпляров произведений. Это представляется неоправданным с точки зрения уровня защиты авторских прав.

Таким образом, авторское законодательство КНР и РФ имеет схожие черты, содержит одинаковый перечень видов юридической ответственности – гражданская, административная и уголовная, причем российское законодательство содержит намного больше отсылочных норм (к ГК РФ и к КоАП РФ). Нормы гражданско-правовой ответственности практически идентичны. Особенностью китайского законодательства является то, что административные санкции могут применять административные органы или специально учрежденные ими организации без решения суда. Как одна из важнейших административных санкций обоими государствами предусмотрена конфискация контрафактных экземпляров произведений, материалов и оборудования, с помощью которых была произведена данная продукция. Для применения уголовно-правовых санкций необходимо причинение ущерба владельцам авторских прав в крупном размере. Хотя размер ущерба в Китае ниже, чем в РФ, санкции применяются значительно более жесткие.

Основная же проблема в области авторского права рассматриваемых государств заключается в повышении действенности механизмов правовой защиты авторских прав. Актуальной является необходимость обеспечения быстрого реагирования со стороны правоохранительных органов в вопросах нарушения авторских прав. Но для этого нужно воспитывать не только пользователей объектов авторских прав в духе уважения к закону и чужому праву, но и авторов, и, что немаловажно, сотрудников судебных и правоохранительных органов. Следовательно, китайское законодательство предоставляет значительно более высокий уровень защиты авторских прав, чем российское, хотя на объеме интеллектуального пиратства это почти не отражается. Тем не менее, в июне 2008 г. были официально обнародованы основные стратегические положения в области защиты интеллектуальной собственности, в которых отмечается, что к 2020 г. Китай превратится в страну со сравнительно высоким уровнем развития, использования, охраны и управления интеллектуальной собственностью.

Список источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ (в ред. от 08.11.2008 N 201-ФЗ) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант плюс».
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть четвертая / Э.П. Гаврилов, О.А. Городов, С.П. Гришаев и др. – М.: Проспект, 2007. – 782 с.
3. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. – М.: Проспект, 2007. – 752 с.
4. Пащенко Е.Г. Обновленный Закон КНР об авторском праве // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – №2. База данных Интегрум техно [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.integrum.com>.
5. Copyright Law of the People's Republic of China (27.10.2001) [Электронный ресурс] / Chinalawinfo Co., Ltd. – 2009. – URL: <http://www.lawinfochina.com/Law>.
6. [Regulation on the Implementation of the Copyright Law of the People's Republic of China \(02.08.2002\)](http://www.lawinfochina.com/Law/list.asp) [Электронный ресурс] / Chinalawinfo Co., Ltd. – 2009. – URL: <http://www.lawinfochina.com/Law/list.asp>.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КНР И РФ

*Гунзынов Ж.П.**

*Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

По статистике каждый человек ежедневно сталкивается с тремя тысячами товарных знаков. Телевидение, радио, Интернет, улицы города и прилавки магазинов – товарные знаки окружают нас повсюду. Сегодня они стали неотъемлемой частью бизнеса, их растущая значимость в коммерческой деятельности обусловлена усиливающейся конкуренцией между фирмами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в более чем одной стране. Товарные знаки используются для того, чтобы облегчить потребителям идентификацию самих товаров и услуг, а

* **Научный руководитель:** Цыреторов Станислав Валерьевич, ассистент кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

также определение их качества и стоимости. Товарный знак можно рассматривать как инструмент связи, используемый производителями для привлечения клиентов. Так же, как и собственное имя индивида идентифицирует и отличает его от других индивидов, товарный знак выполняет основную функцию идентификации источника продукта и отличия этого продукта от продуктов из других источников. Значение регулирования товарных знаков в России и Китае велико. Китай на сегодняшний день является одним из основных мировых экспортеров разнообразных товаров широкого потребления. Неудивительно, что именно Китай по итогам 2009 г. стал лидером по принятым заявкам на регистрацию около 380 тыс. товарных знаков. Всего на данный момент в Китае зарегистрировано около 3,98 млн. товарных знаков [1]. И Россия, как ближайший сосед Китая, становится основным экономическим партнером. Обмен товарами существенен, а значит, необходимое внимание должно уделяться и правовому регулированию товарных знаков в обоих государствах, и сравнительному анализу их законодательств по данному вопросу.

Понятие товарного знака. В Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) в части первой ст. 1477 дается легальное определение товарного знака, под которым понимается «обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». В Законе КНР «О товарных знаках» [2] (далее Закон КНР) отсутствует прямое определение данного понятия. Однако в ст. 8 Закона КНР указывается отличительная черта объекта, признаваемого товарным знаком, а именно «способность отличать товары одних физических и юридических лиц от товаров иных лиц».

Также дается перечень элементов, из которых может состоять товарный знак, это слова, графические изображения, буквы алфавита, числительные, трехмерные изображения, комбинации цветов и комбинации вышеуказанных элементов. Данный перечень в целом схож с аналогичным перечнем, указанным в ст. 1482 ГК РФ, а смысл, вкладываемый в понятие «товарный знак», при буквальном толковании приведенных статей также можно признать идентичным. Кроме того, согласно вышеуказанным нормативным актам положения о товарных знаках применяются также и к знакам обслуживания. И в ГК РФ, и в Законе КНР предусмотрен особый вид товарного знака – общеизвестный товарный знак. В ГК РФ критерием признания знака общеизвестным является широкая известность его на конкретную дату среди соответствующих потребителей в отношении товаров заявителя. В Законе КНР приводится несколько критериев отнесения товарного знака к общеизвестным: известность торговой марки в соответствующем сегменте общественности; длительность использования торговой марки; сроки, сфера применения, территория распространения торговой марки; наличие защиты данной торговой марки в качестве общеизвестной.

Недопустимые элементы в товарном знаке. Естественно не любое обозначение может регистрироваться в качестве товарного знака. В законодательстве России и Китая предусмотрен ряд элементов, недопустимых для регистрации. В целом данные перечни схожи, в обоих государствах не допускается регистрация товарных знаков, состоящих только из: общепринятых обозначений товаров определенного вида; общепринятых символов и терминов; непосредственного указания на качество, вид, количество, свойства и иные признаки товара; обозначения формы товара. Отдельными пунктами в Законе КНР и ГК РФ выделены ограничения, касающиеся использования государственных и международных гербов и флагов, межправительственных организаций, официальных клейм и печатей, а также сходных с вышеперечисленными объектов. При этом в обоих случаях есть оговорки. Так, в ГК РФ говорится о возможности использования данных элементов в товарном знаке, однако они будут неохранными. В Законе КНР также указывается, что данные элементы могут использоваться и регистрироваться только с согласия международных и межправительственных организаций, иностранных государств, органов власти, чьи официальные символы используются. Существует также перечень объектов, размещение которых в качестве товарных знаков и части товарных знаков запрещено. По ГК РФ это обозначения, являющиеся ложными или способными ввести в заблуждение потребителя относительно товара либо его изготовителя; противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали. В Законе КНР эти положения сформулированы несколько иначе.

Если положение Закона КНР о том, что запрещаются элементы «преувеличено рекламирующие качество товаров и вводящие в заблуждение», по смыслу схоже с аналогичным в ГК РФ, то следующий пункт несколько сужает рамки дозволенных элементов, говоря о запрете на «наносящие вред социалистической морали и нравам или оказывающие иное отрицательное влияние», то есть обязателен учет социалистических норм морали и нравственности. Этот пункт

особенно важен для иностранных лиц, регистрирующих товарные знаки в Китае и не знакомых с ними, т.к. несоблюдение этих норм может повлечь отказ в регистрации товарного знака.

Обладатели исключительных прав на товарный знак. В Российской Федерации в качестве обладателя прав на товарный знак может выступать юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. В Законе КНР нет положений, устанавливающих круг субъектов обладателей исключительных прав на товарный знак. Однако, обозначая субъекты в статьях закона, законодатель КНР использует понятия «физическое и юридическое лицо». Таким образом, физические лица не ограничиваются только индивидуальными предпринимателями. Также в Законе КНР, как и в ГК РФ, предусмотрена возможность регистрации коллективного товарного знака, под которым понимаются знаки, зарегистрированные от имени объединения, ассоциации или иной организации в целях использования данной торговой марки участниками организации в хозяйственной деятельности, а также подтверждения статуса участника данной организации.

Регистрация товарных знаков. Значительный объем статей в Законе КНР посвящен процедуре регистрации товарного знака. Её можно разделить на следующие этапы: *предварительная проверка товарного знака* по базе данных Управления по товарным знакам (далее Управление). Основная цель такой проверки состоит в выявлении среди ранее зарегистрированных торговых марок идентичных, сходных до степени смешения. Кроме того, в базе данных Управления по торговым маркам содержатся сведения о выданных на регистрацию заявках, по которым в данное время ведется экспертиза. Данные заявленные обозначения еще не зарегистрированы в качестве торговых марок, однако наличие среди них идентичных или сходных до смешения тоже может привести к отказу в регистрации. Таким образом, перед подачей документов можно выявить те торговые марки, которые создают препятствия для регистрации торговой марки предприятия. Данный этап является добровольным. *Подача заявления на регистрацию товарного знака.* На данном этапе необходимо определить вид и класс товара в соответствии с Международной классификацией товаров и услуг (МКТУ) [3]. *Рассмотрение заявки и вынесение решения.* Управление по товарным знакам может вынести три решения: о регистрации, об отказе в регистрации, о частичном отказе в регистрации. Частично отказывают в регистрации, если соблюдены условия относительно части товаров, на которые регистрируется товарный знак.

О принятом решении Управление должно письменно уведомить заявителя, который в случае несогласия вправе в течение 15 дней после получения уведомления обратиться с повторным заявлением в Экспертную комиссию по товарным знакам (далее Экспертная комиссия). В случае же несогласия с решением Экспертной комиссии заявитель может в течение 30 дней с момента получения уведомления обратиться в народный суд. Согласно ГК РФ заявитель в случае отказа в его заявке вправе обратиться в Палату по патентным спорам в течение трех месяцев. Таким образом, в КНР срок для оспаривания решения значительно меньше, чем в России. Говоря о процедуре регистрации, необходимо также отметить о наличии в Законе КНР понятия права приоритета. Также как и в законодательстве РФ в Китае предусмотрено два приоритета – по дате и «выставочный приоритет». При этом если «выставочный приоритет» в России действует только в отношении выставок, организованных на территории стран – участников Парижской конвенции [4], то в КНР учитываются выставки, признаваемые или организованные правительством Китая.

Срок действия исключительного права на товарный знак. Передача прав. Прекращение исключительных прав. Сроки действия исключительных прав на товарные знаки и в КНР, и в РФ равные – 10 лет. Также предусмотрена возможность их продления на тот же срок - 10 лет. Для передачи прав на товарный знак в Законе КНР предусмотрена возможность заключения лицензионного договора, смысл которого схож со смыслом, придаваемым ему в ГК РФ. Следовательно, по Закону КНР правообладатель (лицензиар) разрешает другому лицу (лицензиату) использовать определенный товарный знак. Лицензиар при этом должен осуществлять надзор за качеством товаров, выпускаемых лицензиатом под данной торговой маркой. Лицензиат обязан обеспечить качество товаров. Допускается также отчуждение исключительных прав путем заключения соответствующего договора.

Основанием для оспаривания регистрации товарных знаков в двух государствах выступает несоблюдение условий регистрации, в частности наличие в товарных знаках недопустимых элементов. При этом в ГК РФ ограниченный срок для подачи ходатайства об оспаривании регистрации товарного знака предусмотрен только в отношении товарных знаков идентичных

ранее зарегистрированным или в случаях, если их регистрация нарушает права приоритета иных лиц. По всем остальным основаниям срок оспаривания равен сроку действия исключительного права. В Законе КНР срок в 5 лет со дня официального опубликования решения Управления по товарным знакам устанавливается в отношении споров по всем основаниям. Основания для прекращения исключительных прав на товарный знак в РФ можно разделить на следующие: истечение срока действия исключительных прав; решение федерального органа о прекращении прав; отказ правообладателя от исключительных прав; решение суда; решение федерального органа по интеллектуальной собственности о признании товарного знака обозначением, вошедшим во всеобщее употребление. В Законе КНР нет отдельной статьи, предусматривающей основания для прекращения исключительных прав, но по смыслу норм Закона КНР основания аналогичные предусмотренным российским законодательством.

Защита исключительных прав на товарные знаки. В ГК РФ защите исключительных прав и ответственности за их нарушение посвящена статья 1520. В ней перечислены деяния, нарушающие права на товарный знак, а именно незаконное использование товарных знаков – контрафакт. Хотя ответственность заключается в уничтожении за счет нарушителя контрафактной продукции, возмещении убытков или выплате компенсации. Кроме того в ст. 180 Уголовного кодекса РФ предусмотрена уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака. В Законе КНР вопросы защиты исключительных прав регулируются более обширно. Ряд положений посвящен контролю использования товарных знаков. Законом КНР выделяются следующие виды контроля: *контроль за использованием зарегистрированных товарных знаков* (ст. 44 Закона КНР).

В рамках данного контроля выделены следующие виды деяний, на устранение которых он направлен: самовольное изменение товарного знака; самовольное изменение адреса, имени и иных данных лица, зарегистрировавшего знак; самовольная передача зарегистрированного товарного знака; прекращение использования товарного знака в течение 3 лет подряд. При этом в Законе КНР не раскрывается, что следует понимать под «самовольными» действиями. *Контроль качества товаров*, в отношении которых используется товарный знак (ст. 45 Закона КНР). *Контроль за аннулированными и прекратившими действие товарными знаками*. Проводя данный вид контроля, Управление по товарным знакам не допускает регистрацию сходных с аннулированными и прекратившими действие товарными знаками в течение одного года с момента аннулирования и прекращения действия. *Контроль над принудительной регистрацией товарных знаков*. *Контроль над незарегистрированными товарными знаками*, который заключается в выявлении и запрете использования незарегистрированных товарных знаков.

Ст. 52 Закона КНР предусматривает перечень деяний, представляющих собой нарушение прав на товарный знак: использование аналогичной или сходной торговой марки в отношении одинаковых или сходных товаров; реализация товаров с поддельными зарегистрированными товарными знаками; подделка товарных знаков; иные деяния, наносящие ущерб исключительным правам. Вопрос об ответственности виновного лица может быть решен, согласно ст.53 Закона КНР, по согласованию сторонами конфликта. В случае если стороны откажутся от согласования или же не примут компромиссного решения, возможно рассмотрение дела в народном суде, а также заинтересованному лицу предоставлено право обратиться в органы Промышленно-торговой администрации.

Кроме того, в вышеуказанной статье Закона КНР указывается на возможность определения размера компенсации сторонами в ходе так называемой «примирительной» процедуры. В случае неудачи этой процедуры размер компенсации устанавливается судом. Порядок определения суммы компенсации установлен в статье 56 Закона КНР. Она включает в себя суммы доходов, полученных виновным лицом, или суммы понесенных потерпевшей стороной затрат. В случае если данные суммы невозможно определить, то суд устанавливает размер компенсаций исходя из обстоятельств дела, но не более чем в пятьсот тысяч юаней. В РФ размер компенсации устанавливается судом в размере от десяти тысяч до пяти миллионов или в двукратном размере стоимости товаров, незаконно произведенных с использованием товарного знака, или двукратном размере стоимости использования этого права.

Отличительная особенность Закона КНР от Закона РФ – наличие в нем процессуальных норм в главе, посвященной ответственности. Так, в случае несогласия одной из сторон с решением, вынесенным Промышленно-торговой администрацией или народным судом, допускается обжалование в вышестоящую инстанцию в течение 15-ти дневного срока. Также в Законе КНР предусмотрены нормы, посвященные обеспечению доказательств, наложению ареста

на имущество, применение которых имеет те же цели, что и меры, указанные в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее - ГПК РФ), а именно, предупреждение возможных затруднений предоставления доказательств в дальнейшем и сохранение имущества от действий, способных нарушить законные права и интересы лиц, участвующих в деле. В отличие от ГПК РФ, устанавливающего срок рассмотрения заявления об обеспечении иска в день обращения в суд, Закон КНР устанавливает срок, равный 48 часам. При этом Законом КНР предусмотрена возможность обязать заявителя внести залог. Завершая приведенный анализ, можно сделать вывод о сходстве правового регулирования товарных знаков в Китае и России. Законодательство двух государств придает одинаковый смысл как самому понятию «товарный знак», так и иным используемым понятиям, также предусматривает сходный порядок регистрации и т. д. Различия незначительны, и правовое регулирование данной области в Китае и России не отличаются коренным образом.

Список источников:

1. Китай лидирует в мире по количеству действующих зарегистрированных товарных знаков. [Электронный ресурс] // Сайт компании «Мир». – URL: <http://mirchina.ru/2009/10/28/kitaj-lidiruet-v-mire-po-kolichestvu-dejstvuyushhix-zaregistrirovannyx-tovarnyx-znakov/>
2. Закон Китайской народной республики «О товарных знаках» от 23 августа 1982 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Законодательство Китая». – URL: http://chinalawinfo.ru/category/civil_law
3. Международная классификация товаров и услуг МКТУ (9 редакция) на русском языке в формате RTF [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. – URL: <http://www1.fips.ru/wps/portal/IPC>
4. Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года и измененная 2 октября 1979 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. – URL: http://www1.fips.ru/wps/wcm/connect/content_ru/documents/international_documents

СИСТЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПО ПЕРЕВОЗКЕ ГРУЗОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ В РОССИИ И МОНГОЛИИ*

*Мартынов А.С.**

*Юридический институт
Иркутского государственного университета
Россия, г. Иркутск*

В настоящий момент система правового регулирования по перевозке грузов железнодорожным транспортом в Российской Федерации основывается на признании договора перевозки грузов самостоятельным видом договора (поименованным). Основными актами, регулирующими отношения по перевозке грузов железнодорожным транспортом, являются Гражданский кодекс РФ [1] (далее по тексту – ГК РФ), федеральный закон «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» от 10 января 2003г. №18-ФЗ [2] (далее по тексту – УЖТ), федеральный закон «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10 января 2003г. №17-ФЗ [3] (далее по тексту – закон «О железнодорожном транспорте»).

В ГК РФ по перевозке посвящено всего 17 статей. Очевидно, что охватить все многообразие общественных отношений по перевозке таким количеством статей невозможно. УЖТ состоит из 9 глав и 130 статей. В нем определены УЖТ правовые условия функционирования абсолютно новой системы организации и осуществления перевозок на железнодорожном транспорте. Данная система создается на основе норм закона «О железнодорожном транспорте». Новшество заключается в том, что перевозочный процесс разделяется на две стадии – услуги инфраструктуры и

* Доклад отмечен благодарственным письмом Генерального консульства Монголии в г.Улан-Удэ за глубокие знания и лучший доклад о законодательстве и правоприменительной практике Монголии.

* **Научный руководитель:** Шорников Дмитрий Владимирович, к.юрид.н., доц. кафедры гражданского права Юридического института Иркутского государственного университета.

непосредственно перевозка. В целях создания конкуренции предоставлена возможность для функционирования независимых перевозчиков на железнодорожном транспорте.

Подвергся существенному обновлению терминологический аппарат в сфере перевозочных отношений. К заслуге законодателя следует отнести увеличение количества применяемых понятий. УЖТ закрепил права, обязанности и ответственность юридических и физических лиц при пользовании услугами железнодорожного транспорта общего и не общего пользования. Новеллой является гл. III УЖТ, которая закрепляет порядок взаимодействия владельца инфраструктуры и перевозчиков при подготовке и осуществлении перевозок пассажиров. Подробно регламентируется порядок заключения договора об оказании услуг по использованию инфраструктуры между перевозчиком и владельцем технологического комплекса, который включает в себя железнодорожные пути общего пользования, железнодорожные станции, устройства электроснабжения, сети связи, системы сигнализации, централизации и блокировки, информационные комплексы и систему управления движением и иные обеспечивающие функционирование этого комплекса здания, строения, сооружения, устройства и оборудование. Характеристика правового регулирования была бы не полной, если ограничиться указанием лишь нормативных правовых актов. Большая роль в регулировании отношений по перевозке грузов принадлежит судебным решениям.

В 2005 г. было принято постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда № 30 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» [4]. В данном акте уделяется внимание порядку заключения существующих договоров на транспорте, разъясняется порядок оформления заявки, а также ответственность за невыполнение заявки и основания освобождения от невыполнения заявки. В п.12-40 разъясняется порядок применения норм УЖТ, которые закрепляют договорные права и обязанности участников перевозочного процесса, ответственность за невыполнение данных обязанностей, а также порядок уплаты некоторых сборов (например, сбор за хранение грузов). В небольшом объеме суд разъяснил порядок оформления претензий, их содержания, моменты предъявления и сроков рассмотрения, а также последствия, которые наступают, если претензия не удовлетворена или не рассмотрена. Сравнивая отечественное законодательство и подход законодателя Монголии к регулированию отношений по перевозке, можно отметить некоторые моменты. Так, в 1994 г. в Монголии был принят и 1 января 1995 г. вступил в силу новый Гражданский кодекс (Гражданский закон). При внимательном анализе становится ясно, что по своей структуре и содержанию он представляет собой сокращенный вариант ГК РФ. В Гражданском кодексе Монголии всего 436 статей, разделенных на 7 частей: Общие положения, право собственности, общие положения об обязательствах, договорные обязательства, внедоговорные обязательства, право наследования, международное частное право.

Глава 35 регулирует отношения по перевозке. Можно сделать вывод, что законодательством Монголии договор перевозки грузов признается самостоятельным договором. В отличие от ГК РФ, Гражданский кодекс Монголии договором перевозки охватывает только перевозку пассажиров и грузов. Правила, касающиеся перевозки багажа в кодексе отсутствуют. В российском праве перевозка багажа может опосредоваться заключением самостоятельного договора, поскольку не всегда пассажир будет перевозить багаж с собой. Гражданский кодекс Монголии обнаруживает такой же подход к регулированию отношений по перевозке, поскольку в силу прямого указания в ст.380 правила Кодекса могут дополняться уставами (инструкциями) определенных видов транспорта.

Заключение договора перевозки грузов для перевозчика обязательно, если это лицо публично предлагает перевозку. Обратим внимание на своеобразие формулировки. Во-первых, договор прямо не назван публичным, но содержит указание на обязанность заключить договор перевозки, если нет оснований для отказа. В российском праве закрепляется конструкция публичного договора, а также есть нормы, которые устанавливают процедуру заключения договора при помощи публичной оферты. Необходимо для себя четко представлять, что публичный договор, коим некоторые договоры перевозки в Российском праве признаются, может заключаться при помощи публичной оферты, но они могут и не быть связаны между собой. Не исключены

ситуации, когда публичный договор может заключаться при помощи обычной оферты. В законодательстве Монголии, по всей видимости, публичная оферта всегда предшествует публичному договору, предопределяя обязанность перевозчика заключить договор перевозки.

Особенностью Гражданского кодекса Монголии является отсутствие определения договора перевозки грузов. Исходя из общего определения ст.380 можно предположить, что договор перевозки грузов является консенсуальным, возмездным и взаимным. Законодатель Монголии уделяет большее внимание оформлению договора перевозки грузов, в частности накладной. Определяется содержание накладной, количество экземпляров необходимых для перевозки, а также права и обязанности, вытекающие из оформления накладной. Наличие таких норм для ГК РФ не характерно, все вопросы, связанные с составлением транспортной железнодорожной накладной, урегулированы ст.25-26 УЖТ, а также приказом МПС РФ от 18 июня 2003 г. «Об утверждении Правил приема грузов к перевозке железнодорожным транспортом».

Таким образом, отметим, что в России и Монголии действует схожий подход к регулированию отношений по перевозке грузов. Это обусловлено тем, что Гражданские кодексы в каждом государстве принимались в одинаковое время. В России и Монголии есть акты общего действия – Гражданские кодексы, роль которых сводится к созданию фундамента для регулирования многообразных отношений по перевозке в общем, едином ключе. Также наблюдаются различия в договорах о перевозке грузов. Законодательство Монголии отдельно не выделяет некоторые виды договора перевозки, например, договор перевозки багажа.

Список источников:

1. Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст.410.
2. Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации: федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ // Российская газета. 2003. 18 января.
3. О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ // Российская газета. 2003. 18 января.
4. О некоторых вопросах практики применения Федерального закона "Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 октября 2005г. № 30 // Вестнике Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2006г., №1.
5. *Голиусов Ю.Ф.* Государственная транспортная политика как фактор национальной безопасности России (Евразийский аспект): Автореф. дис. ...доктора полит.наук. М., 2010. С.3.
6. *Динка А.В.* Особенности гражданско-правового регулирования транспортной экспедиции: Автореф. дис. ...канд.юрид.наук. М.,2009. С.4.
7. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Ч.2. М., 1997. С.297.
8. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник торгового права. М., 1994. С. 212.

СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ЯПОНИИ И РОССИИ

*Шойдорова О.Ю.**

Бурятский государственный университет

Россия, г. Улан-Удэ

***«Разоружая народ, власть, таким образом, оскорбляет его недоверием,
и это говорит о трусости и подозрительности правительства»***

Макиавелли

За последние пять лет во многих странах произошли реформы в сфере законодательства, направленные на усиление контроля над оборотом оружия, это, прежде всего, относится к таким странам, как Австралия, Канада, Великобритания, КНР, Латвийская республика, Литовская республика, республика Молдова, Франция, Чешская республика, Эстонская республика и другим. В таких странах как Бразилии, Дании, Индии, Польше, Финляндии, Южной Африке и Ямайке – законодательные реформы находятся в стадии реализации. В последнее время вопросы, связанные

* **Научный руководитель:** Цыреторов Станислав Валерьевич, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

с незаконным оборотом оружия, по большей части огнестрельного, являются объектом повышенного внимания мирового сообщества. Так на IX Конгрессе ООН исследуемая проблема признана наиболее актуальной. В своей резолюции Конгресс призывает все государства – члены ООН к сплочению усилий в борьбе с преступной транснациональной деятельностью в этом направлении.

В настоящее время на международном уровне существует ряд юридических документов, регламентирующих оборот оружия. В 1978 г. в Страсбурге членами Совета Европы была подписана Конвенция «О контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами», целью которой является предотвращение случаев бесконтрольного приобретения оружия частными лицами за рубежом и ввоза его в какую-либо из стран. Не раскрывая само понятие оружия, документ подробно описывает его виды: гражданское, служебное, боевое ручное стрелковое, холодное, длинноствольное оружие с газовым механизмом, оружие со стреляющим механизмом пружинного типа и любое оружие или устройство, представляющее угрозу жизни или здоровью людей путем воздействия на них зарядом паралитических или раздражающих веществ [3].

Конвенция устанавливает две системы учета оружия, приобретаемого частными лицами: 1) оружие продается частному лицу за границей при условии согласия властей его страны, а также страны, где такое оружие приобретается; 2) государство, продавшее оружие иностранному гражданину, обязано уведомить об этом страну, гражданином которой он является. Таким образом, налицо довольно усложненный порядок приобретения оружия частными лицами за рубежом, что, во-первых, позволяет осуществлять необходимую регистрацию приобретаемого оружия иностранцами, а, во-вторых, способствует эффективному международному сотрудничеству государств в деле борьбы с незаконным оборотом оружия.

31 мая 2001 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила Протокол «Против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему», дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности. Государства-участники признают необходимость предупреждения и пресечения незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов и боеприпасов к нему, поскольку такие действия представляют угрозу безопасности не только для государства, но и социально-экономического развития всего общества. Протокол обязывает всех государств-участников приоритетное внимание уделять противодействию и пресечению незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия [2, С. 6].

В рамках осуществления международного проекта "Регулирование вопросов связанных с распространением огнестрельного оружия", осуществляемого Комиссией по Уголовному правосудию и судопроизводству ООН, 25 стран - членов ООН сообщили о внесенных за последние пять лет изменениях и дополнениях в законодательные или нормативные правовые акты, касающиеся владения гражданскими лицами огнестрельным оружием, включая введение новых требований при выдаче лицензий, предоставлении более подробных сведений при подаче заявлений на получение лицензий, обучение правилам безопасного обращения с оружием, либо прохождение психологических тестов для получения права на приобретение лицензии, а также введение более строгих наказаний за совершение правонарушений связанных с огнестрельным оружием.

При этом в большинстве стран разрешено владение ручным огнестрельным оружием с целью охоты, стрельбы по мишеням, коллекционирования, защиты личности и имущества. В ряде государств Западной Европы и американского континента гражданам предоставлено Законом право на приобретение огнестрельного оружия, в том числе пистолетов и револьверов, а в иных странах и боевого оружия (Швейцария) в целях самообороны. В некоторых государствах не существует никаких запретов на владение любыми типами гражданского огнестрельного оружия (Буркина-Фасо, Дания, Германия, Замбия, Швейцария, Уганда, Румыния, Финляндия). В других же странах (Япония), граждане подобного права лишены. Абсолютный запрет на все виды гражданского огнестрельного оружия предусматриваются в законодательстве двух государств (Люксембург и Малайзия).

В Российской Федерации первым законодательным актом, регулирующим права граждан на владение огнестрельным оружием, является Закон "Об оружии", принятый Верховным Советом РФ 20 мая 1993 г., № 4992 – 1, который вступил в силу, с 1 января 1994 г. [1]. Но ожидавшееся Утверждение Права российских граждан на владение короткоствольным оружием не состоялось. Для приведения Закона «Об оружии» в силу, Советом министров – Правительством Российской

Федерации, Постановлением № 1256, от 2 декабря 1993 г., "О мерах по реализации Закона Российской Федерации "Об оружии" были утверждены: "Правила оборота служебного и гражданского оружия и боеприпасов к нему в Российской Федерации; "Положение о порядке ведения Государственного Кадастра служебного и гражданского оружия и боеприпасов к нему; "Перечень заболеваний и физических недостатков, при которых лицензия на приобретение служебного и гражданского оружия не выдается.

Были приняты и другие нормативные акты. Последующий Федеральный Закон "Об оружии" (№ 150-ФЗ), принят Государственной Думой России в 1996 г. [7]. Закон, хотя и уточнил некоторые положения своего предшественника, однако утверждения права российских граждан на владение короткоствольным оружием опять не состоялось. "Правила оборота служебного и гражданского оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации" были утверждены с большим опозданием [6], что, безусловно, отрицательно сказалось на правовых вопросах обеспечения оборота оружия в Российской Федерации [5, С. 17]. К сожалению, в современном действующем законодательстве Российской Федерации, вопросам специфики оборота исторического, антикварного и художественно - оформленного оружия, должного внимания не уделено. Все категории оружия, вне зависимости от их исторической и художественной ценности, рассматриваются только по своему целевому назначению, как предметы и устройства, предназначенные для поражения живой или иной цели. Формы обращения с оружием, направленные на содействие сохранению его образцов (например, коллекционирования) не получили должного правового обеспечения.

В Японии гражданам не разрешается иметь оружие "для незначительной цели"- коллекционирования или самообороны [8, С. 7]. По данным на 1997 г., в Японии официально зарегистрировано всего 47 единиц спортивных пистолетов, 37 518 единиц спортивного и охотничьего нарезного огнестрельного оружия и 365 040 единиц гладкоствольных охотничьих ружей [5]. Законодательство в отношении огнестрельного оружия в Японии было принято именно для того, чтобы противодействовать владению среди гражданского населения различным типам огнестрельного оружия, применяемого для всевозможных целей. Центральной частью законодательства является "Закон о контроле за огнестрельным оружием и мечами" (под юрисдикцией Национального Полицейского Агентства: НПА), который регулирует владение и импорт огнестрельного оружия (ручное, винтовки военного образца, автоматы, охотничье оружие и другое огнестрельное оружие, использующее порох, и пневматическое оружие). Он дополняется "Законом о производстве артиллерийских орудий" (под юрисдикцией Министерства экономики и промышленности (МЭП), которое регулирует производство и торговлю огнестрельным оружием). Снабжение, связанное с огнестрельным оружием, оговаривается также в "Законе о таможене", "Законе о таможенных тарифах", "Законе, касающемся защиты природы и спорта" и т.д. [5, С. 1].

Боеприпасы, используемые для огнестрельного оружия, регламентируются "Законом о контроле над взрывчатыми веществами" (под юрисдикцией НПА и МЭП), их хранение и импорт регулируются "Законом о контроле над огнестрельным оружием и мечами". Боеприпасы, используемые для ручного огнестрельного оружия, винтовок военного образца, автоматов и ружей (впоследствии упоминаемых как "ручное огнестрельное оружие"), также регулируются "Законом о производстве артиллерийских орудий", а их ввоз "Законом о тарифах" и "Законом о тарифных ставках".

Наказания также могут быть найдены в "Законе, касающемся физического насилия" и, "Законе, касающемся наказания за создание опасности в воздушной навигации" и Акте о незначительных правонарушениях, чтобы противодействовать преступлениям, связанным с огнестрельным оружием. Количественные показатели по огнестрельному оружию, находящемуся в частном владении в разных странах весьма различны. Например, доля индивидуальных владельцев огнестрельного оружия в среднем колеблется от менее одного (Тунис, Сингапур) до более 120 (Германия) на 1 000 человек. Число единиц огнестрельного оружия различается от менее одного (Тунис, Сингапур, Уганда) до 400 (Финляндия) на 1 000 человек. Процент домашних хозяйств, имеющих, как минимум, одну единицу огнестрельного оружия, колеблется от 0,01% (Буркина-Фасо, Уганда, Япония) до 50% (Финляндия).

При этом в большинстве государств (в 39 из 50 опрошенных комиссией ООН), для приобретения любых типов огнестрельного оружия требуется оформление соответствующей лицензии. В большинстве стран членах ООН, приобретение огнестрельного оружия запрещено или ограничено, в зависимости от возраста заявителя (в 46 государствах), наличия у заявителя уголовного прошлого (в 48 государствах), состояния психического здоровья (в 41 государстве),

либо в зависимости от того, были ли замечены за данным лицом проявления насилия в семье (в 32 государствах) [4, С. 24].

Во всех 50 государствах имеется соответствующая система административного учета владельцев огнестрельного оружия, в 24 из них, такая система действует на национальном уровне, в остальных странах на региональном. В 14 странах система учета автоматизирована. Ни одно из государств не сообщало о наличии открытого доступа к данной системе. Самыми вооруженными Обществами в Мире (по количеству единиц оружия на душу населения) безусловно, являются такие страны как: США; Германия; Франция; Финляндия, Швейцария. Однако большинство независимых специалистов сходятся во мнении, что число незаконно приобретаемого оружия, в некоторых из этих стран, напрямую связано с ужесточением оружейного законодательства. Ограничение на возможность легального приобретения оружия, провоцирует преступления и преступный бизнес.

Список источников:

1. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации.- 1993. - № 24. - Ст. 860.
2. Зимринг Ф.Э. Огнестрельное оружие, насилие и национальная политика // В мире науки. 1992. - № 1.
3. Меры по регулированию оборота огнестрельного оружия. Доклад Генерального секретаря Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Шестая сессия Экономического и Социального Совета ООН. Вена. 1997, 28 апреля-9 мая. E/CN.15/1997/4. 7 March 1997.
4. Материалы шестой сессии Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию Экономического и Социального совета ООН. Вена. 1997, 28 апреля-9 мая.
5. Материалы международного семинара по вопросам регулирования оборота огнестрельного оружия. Токио. 1997, 19-20 ноября.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 июня 1998 г. № 814
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996 год, №51, Ст. 5681
8. См.:Keeping Japan free from guns. Pacific friend. April 1995. Vol. 22. № 12.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В КИТАЕ И РОССИИ⁹

中俄土地所有权制度比较研究 殷方敏

*Ин Фанмин**

*Чаньчуньский государственный политехнический университет
Китай, г. Чаньчунь*

Право собственности на землю является ключевым в системе не только земельного права обеих стран. В статье иллюстрируется, как правовые системы двух государств защищают интересы собственников на землю, земельные отношения, интересы общества и государства в этой сфере.

一、土地所有权制度的概述. 通常意义上的所有权,是指所有人对物的占有、使用、收益、处分并排除他人干涉的权利。所有权关系在大部分国家法律调整的社会关系体系中占了主要的位置。这是因为,第一,所有权的拥有是与国家权力的拥有联系在一起的;第二,所有权是与财富拥有人的财富联系在一起的。土地所有权是土地法的核心问题,是一项影响社会制度性质、社会财富积累和社会生产兴衰的重要的法律制度。土地所有权是保护国家多种经济形式的一项根本法律制度,是保护土地所有人和土地使用人的权益的有力武器,是合理开发、利用、保护、治理土地的法律保证。土地法上的土地所有权,通常包括两种含义:一是指有关土地所有制关系的法

⁹ Перевод настоящей статьи на русский язык опубликован на сайте лаборатории сравнительного правоведения в странах АТР (www.labatr.bsu.ru).

* **Научный руководитель:** Лян Минь Янь, д.юрид.н., проф. Чаньчуньского государственного политехнического университета.

律规范体系，又称土地所有权法律制度；二是指土地所有权利，即作为民事权利的土地所有权。本文在此比较的是第一方面。

二、中国土地所有权制度。土地是重要的生产资料，土地毫无例外地一律纳入公有制体系，任何人不能取得土地的所有权。这种土地归属制度是随着新中国的建立而逐步建立的。我国《宪法》第6条规定：“中华人民共和国的社会主义经济制度的基础是生产资料的社会主义公有制，即全民所有制和劳动群众集体所有制。”土地是宝贵的自然资源，同时也是最基本的生产资料，是社会主义公有制财产的重要组成部分。《中华人民共和国土地管理法》(以下简称《土地管理法》)第2条规定：“中华人民共和国实行土地的社会主义公有制，即全民所有制和劳动群众集体所有制。全民所有，即国家所有土地的所有权由国务院代表国家行使。”根据我国现行土地法律规定，土地所有权主体只能是国家或集体，其他任何组织或个人都不享有土地所有权。土地所有权的客体是不动产，具有不可移性。从世界范围看，对土地设定权利(如抵押)或转移产权时，必须履行法定手续，如登记、转移契据或取得证明。在我国，土地所有权不能进入市场流通，土地所有权的买卖、赠与、互易和以土地所有权作为投资，均因非法而无效。由于主体的特定性和交易的禁止性，我国土地所有权处于高度稳定的状态，除了国家为了公共利益的需要可依法征用土地外，土地所有权属状况不能发生改变。在土地公有制状况下，为了实现土地资源的有效利用，法律允许将土地占有、使用、收益、处分等权能的一项或多项同土地所有权人相分离。

依据法律的规定，我国土地所有权的内容包括国家土地所有权和集体土地所有权。国家土地所有权是指国家依法对国有土地享有占有、使用、收益和处分的权利。国有土地属于全民所有，国家所有土地的所有权主体具有唯一性和统一性，除国家以外任何单位和个人，在任何情况下都不能成为国有土地的所有者，只有国务院才能代表国家行使国有土地的所有权，其他任何组织或单位非经国务院授权或者批准，不能享有国家土地所有权中的任何权能。国家土地所有权的客体是国家所有的土地。我国《宪法》和《土地管理法》对国家土地所有权的客体的范围作了原则规定。《土地管理法实施条例》(1991年1月)第3条进一步规定：“下列土地属于全民所有即国家所有：城市市区的土地；农村和城市郊区中依法没收、征收、征购、收归国有的土地(依法划定或者确定为集体所有的除外)；国家未确定为集体所有的林地、草地、山岭、荒地、滩涂、河滩地以及其他土地。”

三、俄罗斯土地所有权制度。土地私人所有权是俄罗斯联邦重新获得独立主权国家的地位以后，在俄罗斯联邦出现的一种新的土地所有权形式。在苏联解体以前，无论是在苏联，还是在作为苏联的一个加盟共和国的俄罗斯联邦，土地私人所有权的形式是根本不存在的，那时存在的土地所有权的惟一形式是国家土地所有权。俄罗斯联邦的私人土地所有权是依据俄罗斯联邦宪法和有关联邦法律的规定而产生的。现行《俄罗斯联邦宪法》第9条规定：“土地和其他自然资源可以以私人所有、国有、地方所有和其他所有制形式存在”；第36条规定：“公民和公民的联合体有权拥有作为私有财产的土地”，“土地私有者可以自由地占有、使用和支配为本人所有的土地”。土地私人所有权的出现，是20世纪90年代初期俄罗斯联邦土地改革最主要的成果之一。它是俄罗斯联邦拥护实行土地私人所有制和反对实行土地私人所有制的人之间进行尖锐政治斗争的结果。土地私人所有权的拥护者认为，只有实行土地私人所有制的形式，才能促使俄罗斯联邦的农业向好的方向转变。目前，在俄罗斯联邦有关自然资源私人所有权的规范性法律文件中，关于土地私人所有权的立法文件最多，俄罗斯联邦土地私人所有权的出现，不仅促进了俄罗斯联邦市场经济的迅速建立和农业市场的发展，而且还带动了其他自然资源私人所有权，如水体私人所有权和森林私人所有权的出现。

2001年最新颁布的《俄罗斯联邦土地法典》的第三章规定，俄罗斯联邦土地所有权主要有公民和法人的土地所有权、国家土地所有权、俄罗斯联邦土地所有权、俄罗斯联邦主体的土地所有权和自治地方土地所有权这五种形式。公民和法人依据俄罗斯联邦法律的规定所拥有的土地是其个人财产。公民和法人有权平等地获得土地所有权，依据该土地法典和俄罗斯联邦其他法律的规定，除法定不能为公民和法人所有的土地外，其余的土地公民和法人均可拥有。外国公民、无国籍人和外国法人无权取得位于过境的土地所有权，无权取得依据俄罗斯联邦法律规定的俄罗斯联邦特区内的土地所有权。俄罗斯联邦宪法和其他联邦法律明确规定了土地、地下资源、水、森林、动物界客体和其他自然客体的国家所有权。俄罗斯联邦土地国家所有权的主体是俄罗斯联邦及俄罗斯联邦各主体，二者在依法划分的各自管辖的范围内，分享俄罗斯联邦的土地国家所有权。

四、对我国土地所有权制度的思考. 承认土地私有是中国土地法律制度与俄罗斯联邦土地法律制度在土地所有权方面最本质的区别。而在任何一个社会都不存在绝对的私有，在俄罗斯联邦也同样存在国家土地所有权。在任何历史时期和任何社会，都存在公有土地；公有土地是维系一个民族共同利益不可缺少的，同时也是土地私人拥有的前提。国家拥有土地决不仅是社会主义国家的专利。国家所有也不是中国独有的，问题的关键在于如何使国家直接拥有的土地控制在合理的范围并使所拥有的土地得到合理和高效利用。与俄罗斯联邦土地法明确规定国家所有权即俄罗斯联邦所有权和俄罗斯联邦主体所有权的所有权权利范围、权利客体相比，我国现行土地所有权立法未正视国家所有权和集体所有权的本质差异。在我国两类土地所有权即国家土地所有权与集体土地所有权存在本质差异，这两类土地所有权实际不在同一层面上。如果以中世纪日耳曼土地所有权制度比拟，在我国，国家土地所有权更像“上级所有权”，而集体土地所有权更像“下级所有权”。国家土地所有权更具有所有权的绝对性，而集体土地所有权仅具有一定的支配性，是一个低等级的所有权。两类土地所有权最主要的区别体现在所有权权能中的处分权，以及与处分权相关的收益权的丰满和缺失上。在立法上我们应借鉴俄罗斯联邦土地立法，对我国两类土地所有权的差异应予以正视，而不应回避，否则，易导致认识上的偏差及实践中对立法抵触(如许多农民认为，既然承认其对集体土地享有所有权，其就有权处置土地，对其加以限制就是不当的)。应在立法上明确规定集体土地所有权为受法律限制的权利。取消集体土地所有制，将集体土地国有化也不失为一项长远的政策选择。

ОБЩЕСТВО ПО ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В КНР*

论资源节约型社会的法律保障与构建¹⁰

Номиналь*

Бурятский государственный университет

Китай, г. Хайлар

Китай, как известно, относится к числу стран с активно развивающейся экономикой. Ему предстоит выполнить две задачи: далее развивать национальную экономику и охранять окружающую среду. Исходя из своей реальной действительности, Китай рассматривает охрану окружающей среды как одну из фундаментальных государственных политических установок. Государство развернуло крупномасштабную работу по предотвращению и ликвидации последствий загрязнения окружающей среды. За 18 лет политики реформ и открытости, при ежегодном 10-процентном приросте валового национального продукта, Китай избежал существенного ухудшения качества окружающей среды. Практика показывает, что политика Китая, нацеленная на скоординированное развитие экономики, общества и окружающей среды, является весьма удачной.

组成. 资源节约型社会是一个复杂的系统，它包括资源节约观念、资源节约型主体、资源节约型制度、资源节约型体制、资源节约型机制、资源节约型体系等。**资源节约观念。** 观念是行动的先导。资源节约观念是指人们从节省原则出发，克服浪费，合理使用资源的意识。节约意识（观念）作为客观存在的反映，是建立在对资源严重稀缺的认识基础上的。建立资源节约型社会，必须在全社会树立节约资源的观念，形成节约光荣、浪费可耻的社会风气，养成人人都乐于节约一张纸、一度电、一滴水、一粒米、一块煤的良好习惯。**资源节约型主体。** 资源节约型主体主要包括：资源节约型政府、资源节约型社会团体、资源节约型军队、资源节约型企业、资源节约型事业单位、资源节约型家庭等。其中，资源节约型企业是指既追求企业生产成本节约又兼顾企业生产的社会成本节约，既考虑企业自身效益又兼顾社会效益、生态效益，既

* Доклад отмечен благодарственным письмом Адвокатской палаты Республики Бурятия за глубокие знания и лучший доклад по вопросам защиты прав человека в странах АТР.

¹⁰ Перевод настоящей статьи на русский язык опубликован на сайте лаборатории сравнительного правоведения в странах АТР (www.labatr.bsui.ru).

* **Научный руководитель:** Лазарева Анна Александровна, к.ф.н., доц. кафедры русского языка как иностранного Бурятского государственного университета.

考虑当前利益又兼顾长远利益，能使企业自身效益与社会效益之和达到最大值，使企业生产成本和社会因企业生产而必须支付的社会成本之和达到最小值的企业。

资源节约型制度。资源节约型制度是约束人们浪费资源，规范人们合理使用资源的经济制度、政治制度、法律制度以及有关道德规范等相互联系、互为补充的各种制度的总称。**资源节约型体制。**资源节约型体制是资源节约型制度的实现形式和组织方式，包括资源节约型经济体制、政治体制、法律体制等。**资源节约型机制。**它是资源节约型制度、体制在经济运行过程中形成的互为关联、相互作用、彼此约束、协调运转的各种机能的总和。用系统论的观点来看，资源节约型机制是一个大系统，它通过资源节约型管理系统来具体运作。它主要包括以下几个子系统：资源探测管理系统、资源开采管理系统、资源加工管理系统、资源运输管理系统、资源消耗预警系统、资源使用监测管理系统和资源节约调控系统。其中，资源探测管理系统是对我国现存资源总量进行科学摸底，探明实有存量，为资源长远开采制订科学合理规划提供依据的系统；资源开采管理系统是对资源开采制订科学的中长期规划，并依据规划，以最低成本、最大效益进行资源开采的系统；资源加工管理系统是采用先进加工技术，以最低加工成本、最高综合利用率加工资源的系统；资源运输管理系统是以最低的运输成本、最低的运输损耗、最快捷的运输方式运送货物的运输组织和管理网络的系统；资源消耗预警系统是由资源探测信号、价格信号、供给信号、需求信号、运输信号和环境污染信号等形成的，能全方位、多层次、全天候预警资源消耗程度的系统；资源使用监测管理系统是依据事先制定的标准对国民经济各部门、各单位使用资源的数量进行日常监督、测算和反馈的系统；资源节约调控系统是由经济、法律、行政等手段组成的，能调节和减少资源使用的相互联系、相互补充、相互制约的有机调控系统。

资源节约型体系。资源节约型体系可分为两大类：一类是以产业为标准划分的资源节约型产业体系，主要包括：重效益、节时、节能、节约原材料的工业体系，规划科学、设计优良、节地省材、质量过硬的基本建设体系，节水、节地、节时、节能的“二高一优”节约型农业体系，节时、节能、重效益的节约型运输体系，适度消费、勤俭节约的节约型生活服务体系；另一类是战略资源节约型体系，即有关战略资源从生产、流通、分配到消费的各个环节形成的相互关联、相互制约的有机节约整体。**建立途径。**建立资源节约型社会，必须从国情出发，坚持以科学发展观为指导，努力做好以下几方面工作**深化经济体制改革。**要完善社会主义市场经济体制，建设统一开放竞争有序的现代市场体系，完善宏观调控体系，更大程度地发挥市场在资源配置中的基础性作用，这是节约资源、提高效益的根本所在。其中要着重考虑建设合理的资源价格体系，用价格杠杆调节资源的利用。如，目前不合理的水价是阻碍水资源基础产业深化改革的重要因素，不合理的水价导致了水资源的大量浪费，使与水相关产业的经营发展面临严重困难；同时，水价体系的不合理也是造成水污染严重的原因之一。

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Настечко Е.А.
Институт государства и права
им. В.М. Корецкого НАН Украины
Украина, г. Киев*

Последнее время важное значение для изучения приобретающих развивающиеся страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Такие страны как Китайская Народная Республика (далее - КНР), Япония и Монголия следует отнести к одним из наиболее перспективных в данном регионе. Особенности их территориального расположения и климата обуславливают уровень развития каждой из стран в целом и, безусловно, представляют интерес для изучения в рамках такой отрасли юриспруденции как экологическое право, так как данная область является мало исследованной и должна быть изучена с целью большего понимания особенностей и

* **Научный руководитель:** Семчик Виталий Иванович, д-р юрид.н., проф., чл.-корр. НАН Украины, академик АПрНУ.

закономерностей развития данного региона, выявления позитивного опыта с целью углубления и расширения знаний в данной сфере.

Следует отметить, что Азиатско-Тихоокеанский регион имеет свои особенности, такие как: наличие пустынных и засушливых территорий, гор, ограниченность территории для проживания и выращивания сельскохозяйственных культур. Например, южные и восточные области КНР часто (около 5 раз в год) страдают от разрушительных тайфунов, а также от наводнений, муссонов, цунами и засух. Северные районы Китая каждую весну накрывают желтые пыльные бури, которые зарождаются в северных пустынях и переносятся ветрами в сторону Кореи и Японии. Япония, как известно, расположена на большом стратовулканическом архипелаге, находящемся у тихоокеанского побережья Азии. Архипелаг, в свою очередь состоит из островов, что определяет как климат Японии в целом, так и постоянную нехватку земель для поселения жителей и выращивания и обработки продуктов сельского хозяйства. Монголия, является государством, которое расположено в горных районах, в которых рождаются реки. В стране насчитывается свыше тысячи постоянных озер и гораздо большее количество временных, образующихся в период дождей и исчезающих в период засухи, что определяет ее климат как резко континентальный, т.е. зимой суровый, а жарким летом сухой. Рассмотрим некоторые особенности регулирования экологических правоотношений в вышеуказанных странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Следует отметить, что для КНР характерно определенное нарушение экологического баланса, хроническое перенаселение и сопутствующая ему деградация природных комплексов, земельных ресурсов, глубокое изменение природной среды и распространение антропогенных ландшафтов, опустынивание (по разным данным пустыни занимают от 10,6% до 20% территории страны), повсеместное распространение «кислотных дождей», неудовлетворительная климатическая ситуация (повышение среднегодовых температур, нехватка атмосферных осадков, землетрясения, стихийные бедствия), проблемы охраны окружающей среды прибрежных и морских районов и др. Многие из названных проблем носят в Китае не только экологический, но и комплексный социально-экономический характер [4, С. 1].

КНР в числе первых превращается или уже превратился в страну максимально ориентированную на сохранение природы, среды обитания человека и природных ресурсов, желающим, способным и умеющим переориентировать в новом направлении традиционные потребности людей, а если нужно, то и ограничивать их [4, С. 2]. Косвенное подтверждение вышеуказанному тезису можно найти в ст. 51 Конституции КНР, в соответствии с которой граждане КНР при реализации своих прав и свобод не должны наносить ущерб законным правам и свободам других граждан, государства и общества. Вместе с тем, в юриспруденции права и обязанности взаимосвязаны между собой и корреспондируют друг другу. Поэтому, если в конституционных нормах закреплено право граждан на благоприятную окружающую среду, то одновременно должны быть определены обязанности граждан по охране окружающей среды. Примером такого подхода являются нормы Конституции Российской Федерации, которые могут быть восприняты китайским экологическим законодательством [4, С. 6].

Следует отметить, что в КНР концепция построения начального этапа социализма рассчитана до 2050 г. и ориентирована на то, что процес товаризации и приватизации земли, что является делом следующего тысячелетия. Китайский законодатель сохраняет верность идеологизированному принципу – запрещению купли-продажи земли [2, С. 85-89]. Право собственности на землю осуществляется Министерством земельных и природных ресурсов при Государственном совете и его региональными подразделениями при правительствах провинций, мест и повітов [5, С. 94-96]. Следует отметить, что самая густонаселенная страна мира по уровню населения чувствует острую нехватку в сельскохозяйственных землях [9].

Особенностью КНР является наличие различных форм землевладения, а именно наличие земельных участков обремененных ответственностью (Responsibility Land), нормированных земельных участков (Ration Land), частных земельных участков (Private Plots), земельных участков, которые представляются на основе договоров (Contract Land), земельных участков, которые представляются для восстановления (Reclaimed land) [10, С. 124-125]. Обратим внимание на то, что в соответствии с законодательством КНР, участок земли предоставляется с целью недропользования и относится к категории земельных участков для строительства. Для получения разрешения пользования участком недр следует получить разрешение компетентного органа управления земельными ресурсами [5, С. 94-96].

Примером регулирования экологических отношений в Японии можно назвать Закон о регулировании использования сельскохозяйственных химикатов (Япония, 1948 г., с поправками и дополнениями, принятыми в последующие годы). Регулирование обращения с токсическими веществами обеспечивается законами о контроле за токсичными веществами, которые приняты во всех экономически развитых странах (в том числе и в Японии в 1973 г.). Масштабы производства опасных промышленных отходов, а также причинения реального и потенциального вреда окружающей среде при неправомерном обращении с ними предопределили принятие во многих государствах специальных законов о хранении, использовании и удалении отходов. В Японии – это Закон об удалении отходов [1, С. 594-596].

Отметим также, что функции управления в сфере охраны окружающей среды возлагались, как правило, на государственные структуры, и иногда для выполнения этих функций в них создаются специализированные подразделения. Например, в Японии природоохранные функции выполнялись Министерством внешней торговли и промышленности, Министерством строительства. С созданием современного законодательства об охране окружающей среды были созданы специальные государственные структуры. Как правило, в этих государствах функционирует два вида органов: консультативные (совещательные) и исполнительно-распорядительные [1, С. 594]. Консультативным (совещательным) является Центральный совет по контролю за загрязнением. Главным исполнительно-распорядительным органом в области охраны окружающей среды является Агентство по охране окружающей среды. Характерным для этой группы государств является то, что основным принципом управления природоохранительной деятельностью является широкое сотрудничество государственных структур со всеми заинтересованными общественными силами, включая предприятия и общественные организации. В соответствии с этим принципом в отношениях с теми, кто должен выполнять экологические требования законодательства, государство не сразу использует свои властные полномочия, чтобы обеспечить их выполнение, а пытается достичь своих целей путем договоренностей и добровольного выполнения требований [1, С. 594-596].

В Японии минимальный срок аренды составляет 30 лет [8, С. 44]. Законодательство Японии ограничивает максимальный размер арендованных земельных участков 1 гектаром. Сельскохозяйственный земельный закон предусматривает договора с сельскохозяйственной землей, где требуют разрешения правительства. Если договор приводит к «лендлордизму», то данный документ не выдается [7, С. 125]. Регистрацию прав на недвижимость в Японии осуществляют регистрационные палаты, которыми считаются управления юстиции и региональное бюро Министерства юстиции Японии, а также их филиалы и отделения. Кадастровые данные заносятся в титульные разделы реестров недвижимости, что фактически означает объединение реестров недвижимости и поземельных книг. Срок регистрации законодательно не установлен, но на практике он составляет 4-5 дней в простых случаях и около одного месяца в сложных, когда необходим выезд на место. В Японии развит негосударственный сектор, связанный с предоставлением услуг подачи заявления про регистрацию посредниками [6, С. 36-41]. Также информация о правовом регулировании экологических отношений в Монголии недостаточна. Вместе с тем, следует выделить позитивную практику принятия такого документа как «Концепция национальной безопасности», понятие которой включает в себя и такой вид безопасности, как экологическая безопасность.

X раздел Концепции национальной безопасности Монголии определяет экологическую безопасность как положение, когда обеспечиваются условия для предотвращения негативных воздействий на среду обитания человека и экономику в результате экологических и климатических изменений и иррационального использования и недостаточной защиты природных ресурсов. Особенности климата Монголии определяют внешние факторы, которые могут неблагоприятно воздействовать на обеспечение экологической безопасности. К ним следует отнести интенсификацию опустынивания, изменения в уровне и распределении выпадения осадков, также частота засух и буранов в результате глобальных климатических сдвигов; истончение озонового слоя, повышение уровня радиации, химического загрязнения и кислотных дождей, пересекающих границу с атмосферными и водными потоками; вспышка эпидемий человеческих и животных заболеваний.

Что касается особенности путей и средств обеспечения экологической безопасности в стране, то, к примеру, Монголия должна при планировке и постройке городов и поселков избегать перенаселения, что может стать причиной экологических нарушений в любом районе; осуществлять политику, предназначенную для ограничения использования в качестве топлива

кустарников, которые эффективны в блокировании движения песков и сохранения влаги почвы; использовать возможности соседних государств для удовлетворения потребности страны в лесе; осуществлять в качестве национальной стратегической задачи комплекс мер, нацеленных на насаждение лесов, предотвращение пожаров, защиту зелеными поясами ключей и истоков рек, а также посевных площадей.

К вышеупомянутому списку также относится проведение исследований по традиционным мерам выживания, которые дают населению возможность жить в засушливых и пустынных районах; развитие национального потенциала и готовности выживать при любых возможных климатических изменениях; поощрение политики включения территории Монголии в экологические зоны под международной защитой; приобретение передовой технологии и ноу-хау, заключая или становясь участником международных договоров и соглашений, касающихся защиты окружающей среды и реабилитации, осуществляя экологические проекты в сотрудничестве с международными организациями и странами-донорами; создание системы предотвращения экологических бедствий, предназначенную дать стране возможность пережить какие-либо бедствия с наименьшим ущербом при любых условиях [3].

Подводя итоги, отметим, что обязательно следует учитывать то, что права, в том числе экологические права и обязанности должны быть взаимосвязаны между собой и корреспондировать друг другу. Поэтому, если в конституционных нормах закреплено право граждан на благоприятную окружающую среду, то одновременно должны быть определены обязанности граждан по охране окружающей среды. Примером такого подхода являются нормы Конституции Российской Федерации, которые могут быть восприняты законодателями стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Также, следует отметить, что в последующих исследованиях следует более детально изучить особенности нормирования и восстановления земельных участков в КНР.

Интересной представляется практика регулирования экологических отношений в Японии двумя группами органов: консультативными (совещательными) и исполнительно-распорядительными. Следует отметить, что нормы законодательства Японии по предупреждению «лендлордизма» – сосредоточения большого количества земельных участков в «одних руках» являются крайне важными для страны, которая постоянно ощущает нехватку в землях как для поселения своих граждан, так и для возделывания сельскохозяйственных культур.

Что касается Монголии, то следует обратить внимание на то, что область экологических отношений страны требует большей информационной осведомленности учитывая то, что сама страна является очень интересным примером для изучения, поскольку имеет уникальный климат и рельеф, а именно присутствие как плато, так и гор, наличие значительного количества рек и озёр. В то же время следует отметить, что позитивный опыт создания Концепции национальной безопасности может быть интересен для имплементации в законодательстве других стран. Примечательно, что в Концепции важное место уделяется безопасности экологии, дается её определение, выявляются факторы, которые могут негативно влиять на её состояние, а также пути и способы обеспечения данной безопасности.

Список источников:

1. Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды): Учебник для высших юридических учебных заведений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 670 с.
2. Быстров Г.Е. Правовые проблемы земельной и аграрной реформ в зарубежных странах: теория, практика, итоги, перспективы / Быстров Г.Е. – Минск: БГЭУ, 2001. – 211 с.
3. Концепция национальной безопасности Монголии /The Mongolian Journal of International Affairs, (Перевод выполнен ИДВ РАН (Скородумова В.В.). – 1995. – № 2. URL: <http://asiapacific.narod.ru/countries>
4. Лю Хун Янь. Развитие экологического права Китая и России: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 Москва, 2005. – 175 с.
5. Лю Хуэи. Правовое регулирование горных отношений в КНР : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Лю Хуэи. – М., 2003. – 190 с.
6. Недвижимость в Швеции (законодательство и сравнительный анализ): практ. пособие / [Дорошкевич В.А., Зарьков В.М., Шавров С.А., Колонтай А.Н.]; под ред. Г.В. Дудко, М.В. Ковбасы. – Минск : Оргстрой, 2001. – 416 с.
7. Правовые препятствия для эффективных сельских земельных отношения Восточной Европе и Центральной Азии. Сравнительный анализ. Технический доклад Всемирного банка № 436 / [пер. с англ.]. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2000. – 312 с.
8. Шубин Н.Ю. Становление земельного рынка в современной российской экономике: дис. ... канд. юрид. наук : 08.00.05 / Шубин Н.Ю. – М., 2004. – 133 с.

9. Candy, Zeng. Beijing vows crackdown on land grabs / China Business, August, 4, 2007. – URL: http://www.atimes.com/atimes/China_Business/1H04Cb02.html.

10. Peter Ho. Developmental Dilemmas Land Reform and Institutional Change in China. Routledge London and New York, 2005. – 344 p.

ЗАГРЯЗНЕНИЕ ПОВЕРХНОСТНЫХ ВОД В КИТАЕ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

*Гунзенова К.В.**

Бурятский государственный университет

Россия, г. Улан-Удэ

"По всему миру источники воды по-прежнему засоряются, портятся и приходят в негодность. Последствия всего этого для человечества крайне тяжелые. Недостаток воды угрожает экономическому и социальному состоянию и является потенциальным источником войн и конфликтов», - высказался на первом Азиатско-Тихоокеанском саммите воды по поводу данной проблемы Пан Ги Мун [1]. Известно, что Россия занимает третье место среди стран по размеру запасов пресной воды, однако существуют серьезные проблемы с ее экологической чистотой. Китай напротив – один из регионов мира, который уже сейчас сталкивается с острой нехваткой питьевой воды. Более 300 городов Китая ощущают острую нехватку пресной воды. Проанализируем правовые системы КНР и РФ в области защиты и охраны поверхностных вод от загрязнения, которая достигается путём сравнения и выявления плюсов и минусов каждой из правовых систем и последующей выработки рекомендации по совершенствованию правовой регламентации защиты поверхностных вод от загрязнения в РФ.

Конституционные основы регулирования охраны поверхностных вод в Китае имеют свои особенности. В частности природные ресурсы находятся в исключительной собственности государства. В то время как по Конституции РФ они могут быть «в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности» (ст. 9). При этом в РФ владение, пользование и распоряжение ресурсами, находящимися в собственности, осуществляется свободно (если не наносится ущерб окружающей среде и не нарушаются права и законные интересы других лиц) (ст. 36 Конституции РФ), между тем Конституция КНР устанавливает запрет захвата или нанесения ущерба природным ресурсам со стороны любых организаций и частных лиц.

Государство в КНР является единственным собственником природных ресурсов (поверхностных вод в частности), поэтому Конституция КНР содержит достаточное количество норм, обязывающих государственные органы «обеспечивать рациональное использование природных ресурсов...» (ст.9 Конституции КНР), «защищать и улучшать условия жизни людей и экологической среды», «предотвращать и контролировать загрязнение окружающей среды и других общественных бедствий» (ст.26 Конституции КНР). Статья 9 Конституции РФ также предусматривает, что «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Между тем, Конституция КНР не устанавливает прав и обязанностей граждан по отношению к окружающей среде, в то время как Конституцией РФ чётко определено, что каждый гражданин:

– «имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причинённого его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» (ст. 42 Конституции РФ);

– «обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам» (ст.58 Конституции РФ).

Основы законодательства РФ и КНР в сфере охраны вод. Понятие «загрязнение вод» даётся в статье 60 Закона КНР «Об охране и предотвращении загрязнения воды». Под загрязнением вод понимается «введение в водные объекты любого вещества, которое изменяет химические, физические, биологические или радиоактивные свойства воды таким способом, чтобы затронуть его эффективное использование, подвергнуть опасности здоровье человека,

* **Научный руководитель:** Хамнуев Юлий Григорьевич, к.юрид.н., зав. кафедрой международного и конституционного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

повредить экосистему или ухудшающих качество воды». В российском законодательстве легальное определение понятия «загрязнение вод» пока отсутствует, поэтому по поводу толкования этого термина существуют различные точки зрения, а это в свою очередь затрудняет сам процесс правоприменения.

В российском законодательстве граждане наделены обязанностью «сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природе и природным богатствам, соблюдать иные требования законодательства» (п. 3 ст. 11 ФЗ «Об охране окружающей среды»). Предусмотрены специальные права и обязанности, которыми обладают собственники водных объектов и водопользователи: содержать в исправном состоянии очистные сооружения, информировать государственные органы об авариях и иных чрезвычайных ситуациях на водных объектах, своевременно осуществлять мероприятия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций на водных объектах, вести учёт объёма забора водных ресурсов и сброса сточных вод, иные права; а также обязанность не допускать нарушение прав других собственников водных объектов, водопользователей, а также причинение вреда окружающей среде (ст.39 Водного Кодекса РФ).

Китайское водное право предусматривает обязанность каждого «защищать воду и ресурсы почвы», «защищать водную окружающую среду и осуществлять контроль действий иных лиц, причиняющих загрязнение или повреждение водной окружающей среде, сообщать в государственные органы об известных ему фактах загрязнения», «право требовать возмещение ущерба от опасности загрязнения воды и потребовать устранения опасности загрязнителем», обязанность лица, виновного в загрязнении, устранить последствия и компенсировать субъектам, которые пострадали от загрязнения, прямые потери (ст. ст. 3, 5 Закона КНР «Об охране и предотвращении загрязнения воды»).

Так, права и обязанности, установленные российским водным правом, адресованы «гражданам», «собственникам водных объектов» и «водопользователям», в то время как в Китае круг адресатов увеличен до «всех», то есть до каждого, находящегося на территории КНР. Такой субъект как «все» адресует каждому обязанности по охране поверхностных вод и права требовать от других соблюдения природоохранных правил, что более выгодно в процессе правоприменения, поскольку в случае нарушения законодательства иностранными гражданами либо лицами без гражданства не возникнет вопрос о необходимости детального толкования нормы. Российским законодательством не предусмотрена обязанность сообщать об известных случаях загрязнения вод иными лицами, а также осуществлять контроль актов загрязнения или принесения повреждения водной среде. Напротив обязанность сообщить властям о преступлении существует в КНР как одна из форм ответственности граждан в области охраны и защиты окружающей среды. Бесспорно, такие меры защиты водных объектов являются дополнительной гарантией от загрязнения.

Ответственность за загрязнение поверхностных вод. В соответствии с российским ФЗ «Об охране окружающей среды» за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливается имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность в соответствии с законодательством; а по Водному кодексу РФ «лица, виновные в нарушении водного законодательства несут административную, уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ». Законодательством КНР предусмотрена ответственность уголовная, административная и гражданская.

Уголовная ответственность за загрязнение вод регламентирована ст.250 УК РФ, за совершение данного преступления предусмотрены следующие виды наказаний: штраф, лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на определённый срок, исправительные работы, лишение свободы (в зависимости от тяжести преступления). В китайском уголовном законодательстве можно выделить статьи, предусматривающие ответственность за «незаконный выброс или размещение опасных отходов», «незаконный ввоз, утилизацию и размещение твердых отходов на территории КНР», «добычу полезных ископаемых способами, заведомо наносящими вред окружающей среде».

Административная ответственность в РФ регулируется главой 8 Кодекса об административных правонарушениях, предусмотрена за совершение административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования». Наказание предусмотрено в виде наложения административного штрафа или административного приостановления деятельности на определённый срок с конфискацией орудий совершения административного правонарушения и продукции незаконного природопользования. В КНР

существуют следующие виды наказаний за совершение административных правонарушений: 1) предупреждение; 2) штраф; 3) конфискация незаконно полученной выгоды; 4) принудительная остановка производства; 5) принудительное закрытие предприятия; 6) принудительное прекращение незаконной деятельности; 7) приостановление или отзыв лицензии и свидетельства о регистрации предприятия; 8) административный арест и др. Применительно к должностным лицам: выговор, строгий выговор, понижение в ранге, понижение в должности, увольнение и др.

Следует отметить, что в Китае в отличие от России действует принцип двойного наказания: штраф с организации и наказание руководителя предприятия либо ответственного лица. Такой принцип эффективно способствует борьбе с загрязнением поверхностных вод в современных условиях гонки за экономической выгодой. В китайском праве действует презумпция виновности лица в загрязнении вод, бремя доказывания своей непричастности лежит на лице, которое обвиняется в осуществлении загрязнения, в российском же наоборот - презумпция невиновности.

Меры стимулирования соблюдения законодательства. Кроме ответственности за загрязнение вод в РФ предусмотрены меры предупреждения загрязнения вод, стимулирования соблюдения законодательства. К ним относят «предоставление налоговых и иных льгот при внедрении наилучших существующих технологий, нетрадиционных видов энергии, использовании вторичных ресурсов и переработке отходов. Также при осуществлении иных эффективных мер по охране окружающей среды», поддержку «предпринимательской, инновационной и иной деятельности (в том числе экологического страхования), направленной на охрану окружающей среды» (ст.15 ФЗ РФ «Об охране окружающей среды»), поддержку «проведения научных исследований в области охраны окружающей среды», «осуществление природоохранных мероприятий, иные методы регулирования по совершенствованию и эффективному осуществлению охраны окружающей среды». К сожалению, наиболее распространённой мерой в политике борьбы с загрязнениями вод остаётся взимание платы за сброс загрязняющих веществ в водные объекты, большинство мер профилактического действия на практике не применяется.

Что касается Китайского законодательства, то оно ориентировано на первоочередность профилактики, сочетание профилактики с ликвидацией последствий, усиление контроля состояния среды. Запрещены производство оборудования и изготовление продукции, характеризующиеся высокими удельными затратами энергии и материальных ресурсов, а также технологии, сильно загрязняющие среду. Государство в Китае поощряет развитие образования в области науки охраны окружающей среды, укрепляет исследования и разработки в области науки и технологий, защиты окружающей среды, повышения научно-технического уровня охраны окружающей среды и популяризации научных знаний в области охраны окружающей среды. В Китае экономика и экология тесно связаны - планы по охране окружающей среды в обязательном порядке включаются в национальные планы экономического и социального развития (в соотв. со ст.4 Закона КНР «Об охране окружающей среды»).

Предложения по совершенствованию российского законодательства. Совершенствованию экологической политики РФ в области защиты вод от загрязнения, по нашему мнению, может способствовать: формулирование официального определения понятия «загрязнение вод»; активизация политики в области предупреждения загрязнения вод, обеспечение экономического стимулирования хозяйствующих субъектов к проведению природоохранных мероприятий и соблюдению требований экологического законодательства; формирование позитивной экологической установки в обществе – каждый должен чувствовать личную ответственность за состояние окружающей среды; у каждого должна быть возможность оказывать помощь в деле борьбы с загрязнением либо нанесением повреждения экологии поверхностным водам, и государство должно поддерживать это стремление; приоритет сохранению экологического благополучия при планировании экономического развития государства; ужесточение наказания за загрязнение вод: повысить уровень платежей (чтобы загрязнение вод в погоне за прибылью стало экономически не выгодным); введение двойного наказания: штраф с предприятия плюс личная ответственность руководителя предприятия либо ответственного за загрязнение лица.

Список источников:

1. Первые лица // Газета «Коммерсант». 05.12.2007. № 224 (3800). С. 9.
2. Конституция Российской Федерации: офиц. текст. - М.: Маркетинг, 2007. - 39 с.
3. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 №74-ФЗ (в ред. ФЗ от 27.12.2009 №365) // Собрание законодательства РФ. 05.06.2006. №23. Ст. 2381.

4. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (в ред. ФЗ от 27.12.2009 №374) // Собрание законодательства РФ. 14.01.2002. №2. Ст. 133.
5. Конституция Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Сайт «Законодательство Китая». – URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution
6. Закон КНР «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс] // Сайт Министерства экологической безопасности КНР. - URL: http://english.mep.gov.cn/Policies_Regulations
7. Закон КНР «Об охране и предотвращении загрязнения воды» [Электронный ресурс] // Сайт Министерства экологической безопасности КНР. –URL: http://english.mep.gov.cn/Policies_Regulations/laws/environmental_laws
8. Закон КНР «Об охране водных ресурсов и почв» [Электронный ресурс]. // Сайт Министерства экологической безопасности КНР. – URL: http://english.mep.gov.cn/Policies_Regulations/laws/envir_elatedlaws
9. Закон КНР «О предотвращении загрязнения твёрдыми отходами» [Электронный ресурс]. // Сайт Министерства экологической безопасности КНР. – URL: http://english.mep.gov.cn/Policies_Regulations/laws/environmental_laws

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЛЕСОВ ОТ УНИЧТОЖЕНИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, КИТАЯ И МОНГОЛИИ

*Базарова С.Ю.**

*Академия генеральной прокуратуры РФ
Россия, г. Москва*

Ухудшение экологической ситуации в мире, возрастающее негативное воздействие человека на окружающую среду привело к тому, что охрана окружающей среды становится все более острой проблемой. В экологическом равновесии и восстановлении окружающей среды огромную роль играют леса, и как свидетельствуют последние исследования, именно бореальные леса Сибири, а не тропические, являются легкими нашей планеты. Восточная Сибирь (в состав которой входит, в том числе и Забайкальский край) характеризуется лесистостью в 2,5 раза выше, чем в целом по России, и в 2,8 раза выше, чем в целом на планете. Непосредственно Забайкальский край относится к многолесным регионам страны, занимая 7 место в России по запасам леса. Площадь леса расположенного на землях лесного фонда края составляет 31,3 млн. га, с запасами древесины около 2,5 млрд. кубометров, что составляет 2,8 % от общей площади лесов, расположенных на землях лесного фонда и 3% запасов древесины в России. Площадь земель лесного фонда составляет 28 млн.га. Лесистость составляет на 66,7% хвойные породы, из которых 82 % - лиственница, занимающая 69,3% покрытых лесом площадей.

Резко-континентальный климат и высокая доля светлохвойный пород в составе древостоев обусловили высокую горимость лесов Забайкалья. По пятибалльной шкале оценки лесов по степени опасности возникновения пожаров 42 % площадей составляют леса 1-2 классов (высшей и выше средней степени опасности). Средней степени опасности составляют 37,4% лесов, и к лесам низкой и ниже средней степени опасности относятся менее 20 % лесов. Режим чрезвычайной ситуации в связи с лесными и лесостепными пожарами на территории Забайкальского края вводится ежегодно, за исключением 2009 г., когда количество выпавших осадков было аномально велико. Забайкальский край вошел в число 8 субъектов Российской Федерации с наиболее высокой горимостью лесов, на которые пришлось 92% пройденной в России огнем площади. Президентом России Д.А. Медведевым в 2009 г. была дана неудовлетворительная оценка по состоянию защиты лесов от преступных посягательств на территории Забайкальского края. По поводу состояния уголовно-правовой защиты лесов в крае негативная оценка дана и министром внутренних дел Р.Г. Нургалиевым и бывшим министром природных ресурсов А.В. Гордеевым в 2007 г. в ходе целевого совещания по вопросам защиты лесов в г. Чита.

Законодательство Российской Федерации предусматривает ответственность за уничтожение лесов вплоть до уголовной. По данным некоторых исследователей, например Э.Н. Жевлакова, причиной лесных пожаров в 90% случаев являются действия людей. Но количество возбужденных уголовных дел и привлеченных к уголовной ответственности лиц не соответствует

* **Научный руководитель:** Жевлаков Эдуард Николаевич, д.юрид.н., проф., зав.отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний иных мер уголовно-правового наказания.

реальному количеству лесных пожаров и причиненному в их результате ущербу. Принцип неотвратимости уголовной ответственности в данной сфере явно не реализован. В этой связи большой интерес представляет законодательство граничащих с Забайкальским краем государств: Китая и Монголии. Схожесть климатических условий, географическая близость определяет схожесть фауны и флоры Забайкальского края с приграничными районами КНР и МНР, но состояние защиты лесов от уничтожения значительно отличается.

Учитывая, схожесть климатических условий и возникающих проблем, опыт как положительный, так и отрицательный подлежит исследованию. Разработанность проблемы уголовно-правовой защиты лесов от уничтожения в России явно недостаточна, что иллюстрирует, например, следующий факт. Наибольшую опасность представляет пожар сосняков в степи. Пожары в степи с уничтожением и повреждением растительности до степени прекращения экологической функции ведут к опустыниванию территории. Но эти биогеоценозы остались вне уголовно-правовой защиты, ответственность за уничтожение этих экосистем не урегулирована должным образом нормативными актами России, но законодательством Китая и Монголии предусмотрена.

В своем развитии экологическая политика Китая допускала и ошибки: Китай прошел стадию планомерного поощряемого уничтожения лесов, а затем стадию активной борьбы с незаконным уничтожением и повреждением лесов. Если в начале Ханьской эпохи (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) лесистость в Китае оценивалась в 64%, то к середине XX в. только – 8,6%. В 1973 г., когда состоялось Первое всекитайское совещание по охране окружающей среды, где Китай уже фактически являлся безлесной страной. Однако в настоящее время в Китае проводится последовательная политика увеличения занятых искусственными лесами площадей и коэффициент лесистости в КНР сегодня составляет уже 16,55%, что ниже среднемирового уровня на 10,61%, но речь идет об устойчивой тенденции к улучшению.

Обращает на себя внимание то, что большая часть леса и лесоматериалов Забайкальского края (по оценкам экспертов до 2 млн. куб. м. в год стоимостью в 126 млн. долларов США) экспортируется в КНР [1], где площадь территорий под лесопосадками и озеленением только в 2002 г. увеличилась на 53,1% [2]. Вместе с тем, уничтожение лесов остается проблемой и для современного Китая. Летом 1987 г. возникший локальный пожар распространился на огромной территории в 1,33 млн. Га. Выгорела 1/6 всех лесных массивов Китая, объем сгоревшей древесины только ценных пород превышало все, что было заготовлено в этом районе за 23 года активного лесопользования. Аналогичные пожары разных масштабов стали рядовым явлением. Интересен анализ состояния уголовно-правовой охраны лесной и лесостепной флоры в республике Монголия.

Россия, имеющая значительную протяженность государственной границы с Евроазиатским геополитическим положением, на Востоке соседствует с рядом стран, относящихся к Азиатско-Тихоокеанскому региону, в частности, с Китаем и Монголией. Азиатско-Тихоокеанский регион, в последние годы, приобретает все большее политическое и экономическое значение в мире. Неизбежный процесс глобализации и необходимость установления добрососедских отношений, развития торговых и политических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона требует изучения их законодательства. В то же время приходится констатировать, что российское сравнительное правоведение уделяет недостаточное внимание изучению законодательства этих государств.

Сравнительное правоведение стран Востока, а особенно стран дальнего Востока, представляло всегда известную трудность в связи с языковым барьером, усугубленным специальной юридической терминологией, и отсутствием исследований в сфере восточной философии права [3]. Проблема защиты лесов от уничтожения, в том числе в результате пожаров, актуальна для всего региона, вне зависимости от границ государств, выработка общих принципов в сфере защиты лесов, в том числе и в уголовно-правовом поле. Обмен накопленным опытом в решении аналогичных проблем между Китаем, Монголией и Россией в сфере защиты лесов от уничтожения является актуальной, насущной проблемой.

Список источников:

1. Как не дать украсть миллиарды // «Забайкальский рабочий». №93 (24800) от 22.05.2007.
2. Бирюлин Е.В., Кранина Е.И. Экологические проблемы КНР: опыт законодательного регулирования. В 2-х частях. М.: ИДВ РАН, 2005.
3. Тумурова А.Т. «Некоторые проблемы методологии востоковедных сравнительно-правовых исследований».

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАКОННЫХ ЛЕСОЗАГОТОВОК И НЕЗАКОННОЙ ТОРГОВЛИ ДРЕВЕСИНОЙ С КИТАЕМ*

*Шкедова Л.Ю.**

*Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

Несомненно, расширение рынка заготовок древесины создает благоприятные условия для роста криминального «лесного бизнеса», который подразумевает незаконную вырубку и последующий незаконный сбыт леса. Восточная Сибирь и Дальний Восток в силу своего геополитического положения выступают активными участниками данных процессов, представляя для нас особый интерес. Рассмотрим комплекс причин нелегальных заготовок древесины и затронем проблемы, связанные с ними, а также определим возможные пути их решения. Как известно, российско-китайское взаимодействие ведется по трем основным направлениям: предотвращение нелегальных заготовок, незаконного оборота древесины и несанкционированной торговли вдоль российско-китайской границы. С одной стороны, данное направление охватывает внутрисоссийскую деятельность по снижению объемов нелегальной заготовки леса, с другой стороны, являясь международным, действует для укрепления легального ведения лесного хозяйства в России и Китае.

Правонарушения, связанные с незаконной заготовкой леса, совершаются самыми разными физическими и юридическими лицами – от больших лесозаготовительных компаний до местных жителей. Однако, главные виновники незаконных рубок в России - не отдельные браконьеры, не имеющие разрешений на рубку леса, а официально зарегистрированные лесозаготовительные предприятия, ведущие заготовку сверхустановленного лесорубочным билетом объёма, за пределами закреплённых за ними участков и вырубаящие охраняемые породы деревьев. Основными причинами нелегальных рубок являются: несовершенство лесного законодательства и отсутствие надлежащей государственной политики в деле борьбы с нелегальными рубками; низкий жизненный уровень населения и высокий уровень безработицы в лесных и сельских районах; наличие постоянного высокого спроса на недорогую древесину; неэффективная работа правоохранительных органов по пресечению и наказанию за нелегальную рубку древесины; ограниченность средств и технической базы работников лесного хозяйства; высокий уровень коррупции; отсутствие единого подхода у стран-экспортёров и стран-импортёров круглого леса к методам измерения объёмов древесины и др.

Причины нелегальных рубок имеют сложный и комплексный характер, но корни многих из них кроются именно в недостаточном государственном контроле за лесным сектором. В современном российском законодательстве и политике, проводимой в данном направлении, имеется много противоречий и пробелов. Так, например, несмотря на то, что лесная служба может сдать участок леса лесозаготовительной компании в аренду на срок до 50 лет, из-за несовершенства законодательства наиболее распространена аренда на 3-5 лет. Краткосрочная аренда приводит к тому, что лесозаготовки на арендованном участке ведутся очень интенсивно, в результате чего хищнически выбираются все доступные ресурсы. Действующее законодательство допускает беспощинную заготовку леса местным населением. Однако торговые посредники часто скупают заготовленную местными жителями древесину и таким образом уклоняются от уплаты налогов.

Обратим внимание и на то, что отечественное законодательство предусматривает достаточно либеральные меры наказания за лесной «разбой». Так, если водитель лесовоза, задержанный за транспортировку древесины без надлежаще оформленных документов пояснит, что груз был найден им у обочины дороги, то максимум, что ему грозит, – штраф в пару сотен рублей за перевозку груза без документов. Браконьер, застигнутый в тайге с бензопилой, отвечает только за то дерево за рубкой которого он был пойман. Доказать, что все остальные деревья в округе повалены им же, как правило, не удается. Это лишь некоторые примеры несовершенства и

* Доклад отмечен благодарственным письмом Центра стратегических востоковедных исследований БГУ за глубокие знания и лучшие доклады по вопросам международного сотрудничества между странами АТР.

* **Научный руководитель:** Дондокова Максара Юрьевна, преп. восточного факультета Бурятского государственного университета.

противоречивости законодательства и политики, проводимой государством в области лесного хозяйства.

Незаконным лесозаготовкам способствует и слабый контроль со стороны государства за операциями в лесном секторе. Теоретически все они (включая арендованные участки, на которых лесозаготовительные компании осуществляют промышленные заготовки) должны контролироваться лесхозами. Заготовка леса может вестись только по лесорубочному билету, выданному лесхозом, и в строго указанные в билете сроки, причём контроль должен осуществляться на всех стадиях заготовки леса – от выделения делянок до лесовосстановления. Однако лесхозы часто не исполняют свои обязанности надлежащим образом, в основном из-за отсутствия необходимого финансирования, что влечет невозможность осуществления контролирующих функций, а это приводит к увеличению масштабов нелегальных рубок. Данная ситуация объясняется тем, что в соответствии с Лесным кодексом РФ, контроль за операциями в лесном секторе, финансируется за счёт платы за пользование лесными ресурсами и других отчислений, от которых подавляющее большинство лиц, занимающихся заготовкой, леса уклоняются.

Незаконные лесозаготовки оказывают и прямое, и опосредованное негативное воздействие на природную среду. Поскольку лесозаготовительные предприятия не платят арендную плату, налоги, другие платежи, а лесхозы не обеспечены надлежащим финансированием, то проведение необходимых лесовосстановительных мероприятий сведено к минимуму. В России, из 80 млн. га эксплуатируемого лесного фонда, на территории около 20 млн. га такие мероприятия вообще не осуществляются. В результате изменяется структура породного состава лесов, сокращаются площади высококачественных древостоев, возрастает доля низкокачественных лесных насаждений. Кроме того, в результате незаконных рубок происходит деградация наиболее экологически ценных лесов, ценных, прежде всего, в плане поддержания экосистемных функций, сохранения редких видов и биоразнообразия. Проблема также заключается и в том, что незаконные порубки леса выбирают только коммерчески ценную древесину, оставляя много порубочных остатков, которые могут служить причиной возникновения пожаров и размножения вредителей.

Влияние китайского рынка на сегодняшний день чувствуется не только в приграничных регионах, как это было раньше, а по всей Сибири и Дальнему Востоку. Конечно, "китайское вторжение" беспокоит экологов, в том числе и по ряду вышеописанных факторов. Однако оно должно тревожить и ответственных бизнесменов и политиков, всех тех, кто хочет содействовать настоящему, то есть устойчивому экономическому росту в Сибири и на Дальнем Востоке. На сегодняшний день международное мнение об уровне коррупции в лесном секторе России, мягко говоря, не способствует иностранным инвестициям. Так, по данным WWF, объём нелегальных рубок в целом по России составляет свыше 30 процентов, а в отдельных регионах — до 59-70 процентов.

Эксперты данной организации подсчитали, что российские бюджеты (федеральный и региональные) ежегодно по этой причине недополучают лесных платежей от 1 до 1,5 миллиарда рублей. Еще большие суммы «уплывают» при пересечении границы в результате таможенных нарушений. Можно предположить, что совокупные потери России от незаконного и нелегального оборота в сфере заготовки, переработки и торговли лесом оцениваются более чем в 1 миллиард долларов в год. Утечка капитала исключает возможность реинвестирования в перерабатывающую промышленность и в местное производство. Незаконные рубки и торговля создают неравную конкуренцию предприятиям, которые ведут лесное хозяйство законно и которые идут на добровольную сертификацию по системе FSC. Эти явления также вредят международной репутации Российского лесного сектора и внедрению системы добровольной сертификации.

Рассмотрим ситуацию нелегального оборота древесины на территории Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Граница между Китаем и Россией составляет примерно 1000 километров - с юго-востока Приморского края на Дальнем Востоке до Читинской области и Алтайского края в Восточной Сибири. На всей ее протяженности существуют десятки путей для экспорта бревен в Китай железнодорожным транспортом и лесовозами. Местные жители отмечают почти полное отсутствие должного мониторинга или официального контроля над этой торговлей. Некоторые китайские компании уже давно пошли дальше простой торговли и напрямую осуществляют инвестиции в лесозаготовки на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Так, например, оптовые склады древесины в Лучегорске, Дальнереченске, Лесозаводске, Уссурийске, Находке и Дальнегорске (Приморский край), а также в Хабаровском крае, Еврейской автономной области,

Амурской и Читинской областях контролируются китайцами. Многие китайские экспортные фирмы числятся под вымышленными названиями, что позволяет им скрывать финансовые операции. Имеется большое количество данных, подтверждающих контроль над лесозаготовительными операциями со стороны китайских мафиозных групп.

Согласно еще одной модели нелегального экспорта в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке высококачественная древесина с целью снижения официальной контрактной стоимости маркируется как "бревна для производства целлюлозы". Это позволяет лесозаготовительной компании на территории России занизить свои доходы, тем самым добиться снижения налога на доходы, которые подлежат оплате. Импортёр или оптовик, представляющий китайскую сторону может отказаться от древесины из-за "плохого качества", намеренно вынуждая российского поставщика продавать ее как бревна на целлюлозу, которая имеет гораздо более низкую стоимость. При дальнейшей же сортировке в Китае бревна маркируются как высококачественные. Такого рода практика при экспорте бревен наиболее ценных твердолиственных пород, таких как ясень и дуб приносит китайской стороне еще больший доход.

Существует еще одна проблема: российские экспортеры, поставляющие свою продукцию в Китай через наземные границы, не могут самостоятельно проникнуть на рынок лесоматериалов и торговать напрямую с конечными потребителями. В результате россияне по отношению к китайцам, которые обладают полной торговой свободой на территории нашей страны, оказались в неравной ситуации. Китайцы, имеющие возможность создавать торговые компании в России, фактически торгуют сами с собой, то есть с собственной торговой компанией в Китае. Это обстоятельство не только омрачает партнерские отношения между Россией и Китаем, но и способствует нелегальным махинациям китайцев.

Для решения существующих проблем необходимо, во-первых, гарантировать доступность, достоверность и прозрачность таможенного контроля. Такого рода данные должны стать более открытыми для ознакомления любыми заинтересованными сторонами; должно активно проводиться сравнение достоверной статистики импорта в Китай со статистикой экспорта из России является важным; немаловажным аспектом является и наличие постоянной коммуникации между российскими и китайскими таможенными, лесными и экологическими службами для постоянного обмена данными и их сравнения. Во-вторых, нужно обеспечить достоверность документации, которая показывает всю цепь продаж. Отслеживать статистику экспорта и импорта конкретных пород для того, чтобы импорт-экспорт некоторых из них не превышал расчетную лесосеку. Маркировать конфискованную древесину ультрафиолетовой краской, чтобы предотвратить её экспорт или перепродажу. В-третьих, надо усилить таможенный контроль, который заключается в установлении 10-дневного срока задержки экспорта древесины из РФ в КНР для проверки документации, кроме того, следует обучить представителей таможни на границе определять ценные породы деревьев и качество древесины. В-четвертых, есть потребность в проведении антикоррупционных мероприятий.

Можно увеличить штрафы и уголовные наказания для бизнесменов и чиновников, участвующих в незаконных рубках и незаконной торговле древесиной. Большую роль также играет сотрудничество между российскими и китайскими антикоррупционными службами с целью оперативного обмена информацией и совместных действий. В-пятых, необходимо развивать трансграничное сотрудничество. Так, уже существует российско-китайская рабочая группа с участием региональных и национальных представителей государства, ученых и общественных организаций на уровне Правительств, для мониторинга и содействия торговле лесной продукцией. Необходимо установить ограничения на импорт в Китай, отечественного леса. Конечно, это требует много времени и усилий, тем не менее, уже сегодня в Китае есть общественность и ученые, которые начали рассматривать вопросы импорта российской древесины.

Многие экологи обсуждают возможность развития так называемой "рыночной кампании" с Китаем, ориентированной на защиту российских лесов. Такие кампании, заключавшиеся в информировании потребителей об истинной цене лесных продуктов, имели успех в других регионах, таких как Карелия и Британская Колумбия. Работая с китайским рынком, конечно, не приходится ожидать достижения высоких результатов. Однако вполне реально предположить, что, работая напрямую с импортерами древесины в Китае, можно изменить практику экспортирующих лесозаготовительных компаний в России. Например, обязать каждого импортера запрашивать копию лесорубочного билета с указанием объемов и пород, копию экологической экспертизы участка, на котором проводились рубки и другую лесорубочную документацию. Тогда

экспортирующие компании будут заинтересованы в соблюдении российского законодательства. Кроме того, в настоящее время существует масса возможностей сотрудничества между российскими и китайскими экологическими организациями.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о необходимости разработки на региональном, национальном и международном уровнях обеих стран стратегий, законодательных актов и комплекса экономических, финансовых и организационных мер, направленных на прекращение нелегальных лесозаготовок и торговли незаконно заготовленной древесиной. Совместные усилия могут в значительной степени повлиять на растущую угрозу незаконного оборота древесины и ее незаконной торговли вдоль российско-китайской границы.

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КНР: ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

*Цыпилова С.С.**

*Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

Китай относится к числу развивающихся стран, ему предстоит выполнить две задачи – развивать национальную экономику и охранять окружающую среду. Исходя из своей реальной действительности, Китай рассматривает охрану окружающей среды как одну из фундаментальных государственных политических установок в ходе модернизации страны, придает стратегическое значение достижению продолжительного развития. Китайское экологическое законодательство является комплексной отраслью, представляющей собой совокупность законодательных и иных нормативных правовых актов, содержащих правовые нормы, регулирующие отношения по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды. Система экологического законодательства Китая включает в себя: конституционные положения в этой сфере, базовый экологический закон, другие экологические законы, местные законы об охране окружающей среды, иные нормативные правовые акты в данной области, а также систему экологических стандартов [4]. Говоря о современном экологическом законодательстве Китая, мы подразумеваем право, развиваемое после образования КНР. Развитие экологического законодательства можно разделить на три этапа:

- 1) законодательство начального периода существования КНР;
- 2) законодательство периода индустриализации;
- 3) законодательство периода реформ и открытости как экологическое законодательство переходного периода развития экономики.

Первый и второй этапы являются временем постепенного развития и медленного оживления. Для третьего периода характерно интенсивное развитие экологического законодательства в КНР. Поэтому современное экологическое законодательство КНР в строгом смысле – это законодательство третьего этапа.

Рассмотрим более подробно данные этапы развития. В начальном периоде существования КНР (с 1949 года - до 1960-х гг.) был принят ряд документов, регулирующих вопросы рационального использования и охраны природных ресурсов, а также улучшения окружающей среды. К ним относятся: «Временные правила разработки полезных ископаемых в КНР» (апрель 1951 г.), «Государственный закон о реквизиции земли в КНР» (декабрь 1953 г.), «Решение Госсовета о некоторых вопросах, касающихся строительства новых промышленных районов и новых промышленных городов в КНР» (май 1956 г.), «Правила охраны лесов в КНР» (май 1963 г.) и т.д. [1, С. 67]. В целом экологическое законодательство этого времени имеет следующие особенности:

- 1) в этот период Китай из полуфеодальной и полуколониальной страны только что превратился в суверенное государство, перед которым стоял ряд экономических, социальных и др. проблем. Развитие экологического законодательства в целом проходило медленно, а его содержание и форма в основном соответствовали экологическому законодательству СССР;

* **Научный руководитель:** Цыреторов Станислав Валерьевич, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

2) экологическое законодательство было направлено преимущественно на регулирование использования природных ресурсов. Значение охраны окружающей среды и особенно предотвращения ее загрязнения недооценивалось государством;

3) уровень принимаемых экологических законов в общей системе законодательства был сравнительно низок. В основном они представляли собой административные правила и акты;

4) экологические законы в основном были разобщены, содержали лишь общие принципы, были весьма абстрактны. В этот период было очень мало нормативных актов и законов с прописанной процедурой применения. Слабыми были меры по предотвращению загрязнения природы.

Следующий этап – экологическое законодательство периода индустриализации. В 60-70-е гг. XX в. под воздействием общемирового подъема движения в защиту окружающей среды, после проведения Конференции ООН по окружающей человека среде (Стокгольм, 1972 г.), в работе которой принимала участие и китайская делегация, а также с учетом непрерывного обострения экологических проблем в стране, начинается постепенное развитие экологического права в Китае в современном понимании этого слова. В начале 70-х гг. в Китае приняты некоторые административные документы, направленные на решение экологических проблем отдельных районов.

Китай в 1973 г. провел общегосударственное совещание по проблемам окружающей среды, на котором были приняты «Некоторые правила по охране (защите) и улучшению окружающей среды в КНР». Этот документ является первым комплексным административным актом в области охраны окружающей среды. Содержание этого документа было важным для развития современного экологического права Китая. В январе 1974 г. Госсовет КНР опубликовал «Временные правила предотвращения загрязнения прибрежных зон в КНР», ставшие первым официальным документом в Китае, направленным на борьбу с загрязнением. Были также опубликованы «Опытные критерии вредных выбросов промышленности» (1973 г.) и другие стандарты охраны окружающей среды [1, С. 69]. В целом экологическое законодательство на этом этапе имеет следующие особенности:

1) выработан комплексный политический курс на охрану окружающей среды, ее принципы, что создало широкую базу для развития экологического права Китая. Однако на этом этапе не доставало научных исследований;

2) экологическое право не имело конституционной базы, эффективность принимаемых экологических законов и их роль в общей системе законодательства были очень низки;

3) экологическое право в основном состояло из законов, направленных на предотвращение загрязнения, а законов по охране природы и природных ресурсов было немного. В предотвращении загрязнения основная роль отводится административным методам, а правовые и экономические рычаги практически не задействованы. В этот период содержание экологических законов носит общий характер, на уровне декларации принципов. Возможность практического применения была небольшой; очень мало нормативных актов предусматривало прописанный механизм осуществления. Экологическое законодательство экономики переходного периода (с 1978 г. по настоящее время) является временем быстрого развития экологического права Китая. В это время произошло два подъема в развитии экологического права Китая [1, С. 69].

Первый подъем приходится на конец 80-х гг. и в основном вызван опубликованием опытного варианта «Закона об охране окружающей среды КНР». В Конституции КНР в редакции 1978 г. предусматривалось, что государство охраняет окружающую среду и природные ресурсы, предотвращает загрязнение и его последствия. Тем самым были определены базовые рамки и содержание экологического права. Охрана окружающей среды была закреплена на конституционном уровне. В том же году была утверждена ЦК КПК «Сводка основных направлений работы по охране окружающей среды», сделав одним из приоритетов этой работы ускорение процесса создания надлежащей правовой системы. Именно это способствовало быстрому развитию экологического права в КНР. В этот период были приняты следующие законы: «Закон о защите морских экосистем КНР» (август 1982 г.), «Закон о предотвращении загрязнения вод КНР» (май 1984 г.), «Закон о степях КНР» (июнь 1985 г.) и другие законы о предотвращении загрязнения и охране окружающей среды, а также серия административных актов.

Принятый в декабре 1989 г. «Кодекс об охране окружающей среды» представлял собой новую редакцию «Закона об охране окружающей среды» и стал пиком в развитии экологического права в КНР. На этом этапе в основном сложилась система экологического права в КНР.

Экологическое право начало играть роль основного стержня и гарантии деятельности по охране окружающей среды. Оно стало новейшей, наиболее активно развивающейся отраслью китайской социалистической правовой системы.

Второй подъем экологического права Китая приходится на 90-е гг. и начинается с 1994 г. Прошедшая в июне 1992 г. конференция ООН по окружающей среде и развитию ознаменовала в Китае вступление страны в мировое экологическое движение, экологического права – в период «устойчивого развития». В том же году ЦК КПК и Госсовет КНР определили 10 основных направлений политики КНР в области окружающей среды и развития, указав на необходимость изменения стратегии развития, перехода к стратегии устойчивого развития, считая это разумной и правильной моделью ускоренного экономического развития КНР и решения экологических проблем. В марте 1994 г. Госсовет КНР принял «Повестку дня КНР в XXI», в которой работа по выработке новых экологических законов была включена в план первоочередных задач [1, С. 72].

В марте 1993 года ВСНП создал в своей структуре Комитет по охране окружающей среды и природных ресурсов. С 1994 г., широко развернулась законотворческая деятельность Комитета. Эта работа проводилась как в формах подготовки новых законопроектов, так и внесения изменений и дополнений в действующие законы. В целом второй подъем законотворческой деятельности в основном состоял в изменении и дополнении действующих законов. Одновременно в центре внимания государства были вопросы административного управления природными ресурсами. По сравнению с другими развивающимися и даже некоторыми развитыми странами Китай достиг существенных успехов в создании законодательной и исполнительной базы экологического регулирования [3].

В ходе строительства и совершенствования правовой системы в области охраны окружающей среды Китай придает одинаково важное значение как законодательной работе, так и исполнению законов на практике. Проводятся ревизии исполнения действующих законов, по всей строгости караются действия, приводящие к загрязнению и причинению ущерба среде. Исключительное внимание уделяется сигналам о плохом состоянии окружающей среды, поступающим от населения и средств массовой информации. Для усиления контроля созданы каналы поступления такого рода сигналов от населения, усиливается роль средств массовой информации в разоблачении правонарушений в области окружающей среды.

Следует отметить, что в Китае правовое строительство в сфере охраны среды требует дальнейшего совершенствования. Все еще существуют «белые пятна» в законодательстве, содержание некоторых нормативных актов требует дополнения и пересмотра, далеко не все законы соблюдаются надлежащим образом, не искоренены явления халатного отношения к законам и пр. Поэтому усиление правового строительства в экологической сфере по-прежнему остается важной стратегической задачей [5].

Важной задачей является укрепление проведения в жизнь экологического права, основываясь на усилении экологического мониторинга и управления. Также наблюдается тенденция создания системы экологического законодательства в соответствии с особенностями социалистической рыночной экономики: включение экологической составляющей в различные экономические анализы и экономическую политику, эффективное использование экономических и рыночных приемов для стимулирования устойчивого развития. Экологическое законодательство Китая взаимосвязано с нормами других отраслей права, содержащими экологические требования (гражданским, уголовным, административным и иными отраслями), а также международным правом окружающей среды, что необходимо учитывать в процессе его совершенствования.

Таким образом, экологическая составляющая природопользования в Китае долгое время не бралась в расчет, в результате чего Китай находится сейчас в состоянии всеобъемлющего природного кризиса. Экологические проблемы носят комплексный характер и затрагивают все основные компоненты биосферы. Состояние всех жизненно важных составляющих среды обитания крайне неудовлетворительное. Загрязнения в большинстве случаев вызваны антропогенной деятельностью. Для преодоления проблем необходимо принимать ряд практических и долгосрочных мер [2, С. 159]. Современное экологическое законодательство КНР прошло быстрый и достаточно успешный путь в своем развитии. Последовательно пройдя в своем развитии описанные выше этапы, экологическое право КНР в настоящий момент формируется в виде целостной, научной, рациональной системы законов и уже является важнейшей базой охраны окружающей среды и устойчивого развития Китая, представляя собой также и наиболее динамично развивающуюся отрасль права КНР.

Список источников:

1. Лю Хун Янь. Современное китайское экологическое законодательство и тенденции его развития/ Лю Хун Янь// Государство и право.- 2005. -№ 2- С.67-75.
2. Приходько Н. Экологические проблемы КНР и международное сотрудничество в области охраны окружающей среды/Н. Приходько, В. Черная, Чан Янь // Проблемы Дальнего Востока. – 2009.- №1.
3. URL: http://russian.cctv.com/20090820/103763_1.shtml. Russian. CCTV. Com - 20.03.2010.
4. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2008-06/17/content_15840080_4.html Russian.China.org.cn – 20.03.2010.
5. URL: <http://www.atominfo.ru/news/air1916.htm>. AtomInfo.Ru. 22.03.2010.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УК МОНГОЛИИ И РОССИИ*

*Дамбаева А.В.
Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

В УК РФ и УК Монголии указано, что задачей уголовного закона наряду с охраной прав и свобод человека и гражданина, собственности и общественного порядка, является охрана окружающей среды. Уголовный кодекс Монголии предусматривает 10 составов общественно опасных деяний, которые сформулированы в отдельной главе «Экологические преступления» (гл. 7):

- нарушение правил использования недр, и сдачи государству золота, других драгоценных металлов и драгоценных камней (ст. 181);
- нарушение законодательства о землепользовании (ст.182);
- умышленное уничтожение, повреждение и порча природных объектов (ст. 183);
- нарушение правил использования и охраны вод (ст. 184);
- умышленный поджог лесных и степных угодий (ст. 185);
- лесные и степные пожары, возникшие в результате неосторожного обращения с огнем и иными источниками повышенной опасности (ст.186);
- незаконная порубка (вырубка) деревьев и кустарников (ст. 187);
- незаконная охота (ст. 188);
- загрязнение атмосферы (ст. 190);
- нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 191).

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает 17 составов общественно опасных деяний, которые также сформулированы в отдельной главе «Экологические преступления» (гл. 26). Условно их можно классифицировать по нескольким группам - соответственно объектам охраны окружающей среды. Преступления общего характера – против охраны окружающей среды. Это – нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами, нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими или другими биологическими агентами или токсинами, нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 246–248, 262).

Посягательства на общественные отношения в области рационального использования и сбережения земли и ее недр. Это – порча земли, нарушение правил охраны и использования недр (ст. 254, 255). Охрана водных отношений. Это – загрязнение вод, загрязнение морской среды, нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации (ст. 250, 252, 253). Защита растительного мира (флоры). Это – нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений, незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, незаконная рубка лесных насаждений, уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 249, 256, 260, 261).

* По итогам конференции доклад признан лучшим в секции «Уголовно-правовые и гражданско-правовые проблемы сравнительного правоведения».

Наконец, преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны животного мира и атмосферного воздуха. Это – нарушение ветеринарных правил, загрязнение атмосферы, незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, нарушение правил охраны водных биологических ресурсов, незаконная охота, уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу РФ (ст. 249, 251, 256-259). За совершение экологических преступлений УК Монголии предусматривает следующие виды наказаний:

- штраф. Наказание в виде штрафа предусмотрено почти за все экологические преступления. Его размер зависит от характера совершенного преступления. Минимальный размер штрафа – 10000 тугриков, максимальный – 150000 тугриков;

- исправительные работы;
- лишение свободы на определенный срок;
- лишение свободы на определенный срок с конфискацией.

Вместе с тем Уголовный кодекс России предусматривает ещё и такие виды наказаний как:

- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;

- обязательные работы;
- ограничение свободы;
- арест.

Как в Монголии, так и в России субъектами уголовного наказания за экологические преступления могут быть только физические лица, достигшие 16-летнего возраста. Таким образом, можно сделать вывод о том, что УК Монголии не играет необходимой роли, поскольку объем защиты уголовным законодательством узок, а тяжесть наказания преступлений против окружающей среды недостаточна. Для преодоления этой проблемы, необходимо, по нашему мнению, внести изменения в соответствующие статьи УК Монголии.

В заключение отметим, что экологические проблемы трудно решить с помощью лишь уголовной репрессии: вековой опыт показывает, что ключ к их решению лежит в плоскости концептуального, политического, воспитательного, нравственного характера, а затем – юридического, уголовного. Установление в законе и применение на практике уголовной ответственности способствует их предупреждению, когда иные, более мягкие меры воздействия оказываются недостаточными, нерезультативными.

ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И МОНГОЛИИ

Ваулина Е.А.
Восточно-Сибирский институт МВД РФ
Россия, г. Иркутск*

Преступность в России за последние несколько лет стала явлением общенационального значения. Данные уголовной статистики свидетельствуют о росте преступлений, и если раньше борьба с криминальными явлениями рассматривалась как важная, то сейчас она, наряду с экономическим кризисом, выходит на одно из первых мест среди проблем, глубоко беспокоящих общество. Как справедливо указывает А.Я. Сухарев: «Нынешняя криминогенная ситуация в России – качественный феномен как по масштабам преступных явлений, так и по степени разрушительного влияния на жизнеспособность общества, функционирование и безопасность государства, права и свободы граждан».

Б.Д. Завидов указывает на то, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ условно дифференцирует участников уголовного судопроизводства на отдельные категории: суд (гл. 5); участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения (гл. 6); участники уголовного судопроизводства со стороны защиты (гл. 7); иные участники уголовного судопроизводства (гл. 8). Потерпевший относится ко второй из них. Тем самым значимость статуса потерпевшего

* **Научный руководитель:** Шашин Даниил Георгиевич, к.юрид.н., ст.преп. кафедры уголовного процесса юридического факультета Восточно-Сибирского института МВД РФ.

усиливается. Для сравнения - в УПК РСФСР 1960 г. потерпевший мог поддерживать обвинение только по делам частного обвинения (ч. 3 ст. 53) и поэтому считался «рядовым» участником процесса, как обвиняемый и (или) подозреваемый (гл. 3). Вместе с тем, по смыслу ст. 22 УПК РФ право потерпевшего на участие в уголовном судопроизводстве носит несколько «усеченный» характер, ибо, исходя из буквального ее толкования, потерпевший вправе преследовать лишь обвиняемого, но не подозреваемого. Указанные права потерпевшего носят расширенный характер по делам частного-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20, ст. 140 и 147 УПК РФ).

Законодатель закрепил в УПК РФ новый подход к статусу потерпевшего. Институт потерпевшего, опирающийся на положение ст. 52 Конституции РФ о гарантиях таким лицам в деле осуществления правосудия, охраны их прав, равного доступа к осуществлению такого правосудия и возмещения ущерба, претерпел в Кодексе существенное изменение. По смыслу ст. 42 потерпевшим в уголовном процессе может быть не только физическое лицо, которому причинен преступлением физический, моральный и имущественный вред (как это было в ч. 1 ст. 53 УПК РСФСР), но и юридическое лицо. При этом юридическое лицо будет считаться потерпевшим лишь в том случае, когда преступлением причинен вред только его имуществу или деловой репутации. Физическое лицо может быть признано потерпевшим независимо от того, является ли он гражданином России или лицом без гражданства. Факт причинения вреда физическому лицу есть основание для признания его потерпевшим (вред физический, имущественный и моральный).

Что касается определения «потерпевший» по законодательству Монголии, в УПК Монголии понятие «потерпевший» рассматривает более узко. Потерпевшим признается только физическое лицо, которому был нанесен моральный и материальный вред. Правомочия потерпевшего стали значительно шире и достигают 22 пункта в ч. 2 ст. 42 УПК Монголии.

В уголовно-процессуальном законодательстве России потерпевший может самостоятельно представлять доказательства, выступать в судебных прениях, поддерживать обвинение, подавать замечания на протокол судебного заседания после его ознакомления, если таковые имеются. Также потерпевший в российском законодательстве, в отличие от потерпевшего в законодательстве Монголии, может приносить жалобы на действия или бездействия и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с ч.3 ст.11 УПК РФ.

В соответствии с монгольским уголовно-процессуальным законодательством потерпевший не может участвовать в следственных действиях, например, потерпевший может снимать копии только с решения суда об оправдании подсудимого, может подавать апелляционную или кассационную жалобу. Потерпевший же в российском законодательстве имеет право знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме, снимать копии с его материалов, в том числе с помощью технических средств. Также получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, признании лица потерпевшим или об отказе в этом, о прекращении уголовного дела, приостановлении производства по делу, копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций. В том числе необходимо отметить, что если потерпевший не явился без уважительных причин по вызову, дознаватель, следователь, прокурор или судья выносят постановление и принуждают потерпевшего явиться.

Необходимо указать, что уголовно-процессуальное законодательство Монголии не отличается принципиально от российского законодательства. УПК РФ шире рассматривает как права потерпевшего, так и возлагает на определенный круг должностных лиц обязанности, которые могут положительно сказаться на исходе дела для потерпевшего, в частности это касается вопроса о возмещении вреда в период следствия и обеспечения исковых требований потерпевшего путем наложения ареста на имущество лица, совершившего противоправное деяние, признаваемое преступлением.

Одним из пробелов уголовно-процессуального закона Монголии является то, что потерпевший может знакомиться со всеми материалами дела только по завершении уголовного дела (ст. 42.3.7 УПК Монголии), тем самым он не может внести какие-либо коррективы в момент расследования дела, то есть подавать ходатайства о проведении каких-либо процессуальных действий. Тогда как потерпевший в России имеет право, например, знакомиться с постановлением о назначении экспертизы, о чем составляется протокол и дается возможность потерпевшему дополнять своими вопросами и замечаниями указанное постановление.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ И ЯПОНИИ

*Бадмацыренов Б.Ч.
Бурятский государственный университет,
Россия, г. Улан-Удэ*

В каждой стране проблема предупреждения преступности важна, независимо от системы и мер предупреждения, от различий в законодательстве конкретных стран. Без принятия конкретных мер к предупреждению преступности борьба с ней становится невозможной, более того – неэффективной. В настоящее время отнюдь не общепризнанным, имеющим не только сторонников, но и противников оказалось бесспорное, «выстраданное» на протяжении веков всей мировой цивилизацией концептуальное положение о приоритетности предупреждения в ряду основных направлений борьбы с преступностью. Не только в научных и публицистических дискуссиях, но, например, и в ходе законопроектных работ, сводится на нет воспитательно-предупредительный потенциал судебной власти, уголовного судопроизводства, принижается роль превентивных компонентов правоохраны в целом.

Рассмотрим общую характеристику предупреждения преступности в России и Японии, попытаемся раскрыть, через какие методы и средства и как проявляется предупреждение преступности. Прежде всего, необходимо отметить, что если российские криминологи обращают внимание в первую очередь на проблемы уголовного права и уголовно-правовой политики, предметом которой является борьба с преступностью уголовно-правовыми средствами, то японские, напротив, на более широкие проблемы социальной политики борьбы с преступностью, что предполагает использование всех средств, имеющихся в распоряжении государства и общества.

Объекты уголовной политики – это не только преступления в их уголовно-правовом измерении, но и все антисоциальные явления, наносящие ущерб правовым интересам, охраняемым уголовным законом. Субъекты – государство и муниципии. При этом к уголовной политике относится лишь целенаправленная деятельность, непосредственной задачей которой является контроль над преступностью. В настоящее время в японской специальной литературе высказывается мнение о необходимости включения в понятие уголовной политики также и мероприятий по предупреждению преступности, не связанных с применением принудительных мер, т.е. необходимость отнести к объектам уголовной политики граждан и общественные формирования, действующие в области контроля над преступностью на локальном уровне. Это обусловлено традиционной спецификой организации контроля над преступностью в Японии с широким привлечением к этой деятельности населения и возрастающей потребностью активизации усилий, направленных на привлечение населения, в условиях модернизации японского общества.

Уголовная политика в Японии в широком значении рассматривается как общесоциальная политика, включающая политику в области занятости, образования, жилищного строительства. Более того, в самом широком смысле уголовной политикой называют государственную политику в целом, которая вообще не ставит задачи предупреждения преступности, однако объективно оказывает влияние на ее динамику и тенденции. В соответствии с таким пониманием уголовной политики задачи науки уголовной политики не ограничиваются исследованием эффективности отдельных мероприятий по предупреждению преступности, а обязательно включают в себя социологическое изучение направленности практической уголовной политики в историческом и международном планах, а также анализ взаимосвязи государственного строя и уголовной политики.

В настоящее время в Японии существуют такие учреждения, как Комплексный юридический НИИ (научно-исследовательский институт) министерства юстиции и НИИ полиции при Главном полицейском управлении, которые занимаются исследованием проблем предупреждения преступности в Японии. Общая цель НИИ полиции состоит в постановке всей полицейской деятельности на научную основу. В этом НИИ исследования ведутся, в частности, в целях совершенствования профилактики преступлений, повышения качества работы с несовершеннолетними, улучшения организации дорожного движения и борьбы с дорожно-транспортными происшествиями, развития научно-технических методов раскрытия преступлений. В НИИ изучается психологический аспект преступной личности, в нем вырабатываются оценки

криминогенной ситуации, прогнозы ее изменений и т.п. Полицейский НИИ также издает свои труды.

Разнообразная научная работа ведется на юридических факультетах государственных, муниципальных и частных университетов, в многочисленных научно-юридических обществах. Обращают на себя внимание малые размеры этих учреждений и организаций, крайняя простота организационного аспекта их деятельности, что весьма благотворно влияет на творческую отдачу. Также в Японии действует созданный в июне 1961 г. Институт ООН по предупреждению преступности для стран Азии и Дальнего Востока. Он предназначен, в частности, для исследования проблем предупреждения преступности. В Японии существуют такие системы предупреждения преступности, как:

1. Система предупреждения преступности в широком смысле, которое охватывает практически все области социальной жизни;

2. Система институализированного контроля на государственном и муниципальном уровне и неформального контроля (поскольку меры неформального контроля объективно складываются в систему);

3. Система раннего предупреждения и предупреждения повторной преступности.

Особенности уголовной политики Японии, которая является частью социальной политики, характеризуются тем, что акценты в предупреждении преступности смещены из области «государственно-правового» в область «социального». Ее особенностью является не столько тонкая юридическая проработка отдельных институтов уголовного права, сколько соответствие уголовно-правовых норм ожиданиям и стереотипам, которые выработались в сознании японца.

Как отмечает большинство исследователей, правильно сконструированное законодательство и его разумное применение имеют чрезвычайно важное значение для уголовной политики. Одним из примеров эффективности законодательства в деле предупреждения преступности в Японии может служить самое жесткое среди основных развитых капиталистических стран правовое регулирование обладания огнестрельным оружием. В стране в 90-х гг. убийства с применением огнестрельного оружия составили всего 4,7%, разбойные нападения – 1,3, причинение телесных повреждений – 0,1%.

Суть криминологической политики в области предупреждения преступлений, осуществляемой в современной Японии, состоит в профилактике преступности – как первичной, так и повторной; это соответствует тому курсу уголовной политики, который проводится властями. Для предупреждения первичной преступности, в частности выявляются, и подвергаются индивидуальному воспитательному воздействию трудные подростки в школе; ведется широкая пропаганда законопослушания, проводимая силами полиции, школы, общественных организаций; принимаются меры для устранения условий совершения преступлений. Основные контуры уголовной политики в Японии в сфере предупреждения преступности можно очертить следующим образом.

В области воспитания и обеспечения удовлетворенности населения государство и общество воспитали (опираясь на национальные традиции и используя национально-психологические черты) и продолжают воспитывать законопослушных, дисциплинированных граждан, склонных ставить свой труд и свое благосостояние в жесткую взаимозависимость, а также предоставили и продолжают предоставлять членам общества удовлетворяющие их материальные и духовные блага. Специализированные органы и организации участвуют в воспитательной работе, осуществляя ее в порученной им узкой части спектра, и удовлетворяют одну из важнейших потребностей населения – потребность в безопасности.

В области социального контроля и изоляции общественно опасных лиц локальное общество, окружение по месту работы или учебы, иная контактирующая среда находят способы для того, чтобы показать лицам, внушающим опасение, свое негативное отношение к перспективе их перехода от возможности криминального поведения к реальному поведению такого рода, делая им, таким образом, предупреждение вплоть до демонстрации отчуждения (подобие неформальной превентивной изоляции) и продолжая этим давние национальные традиции в адаптированном к современности виде. Что касается специфических мер контроля и изоляции, в соответствии с законом применяемых правоохранительными органами при участии специализированных общественных организаций, то они являются особой частью соответствующей всеобщей системы.

В области самозащиты также соединяются общее и специальное начала. Например, правоохранительные органы предметно инструктируют граждан о способах самозащиты от преступных посягательств, а государство и общество, взятые в целом, воспитывают людей в духе

самоуважения и готовности постоять за свои материальные и духовные ценности. Главный фактор эффективности контроля над преступностью в современной Японии – это интенсивная воспитательная работа. В практической работе по сохранению молодежи и подростков в рамках законопослушного поведения правоохранительные органы Японии используют комплексное понятие «делинквентные несовершеннолетние». Цель обращения с «делинквентными несовершеннолетними» состоит в том, чтобы как можно больше применять к ним воспитательные меры в обществе.

Взаимодействие японского государства с обществом в области предупреждения преступности носит весьма разнообразный характер. Формы и методы этого сотрудничества постоянно обновляются. Обращены к гражданам и предназначены для пробуждения их активности размещенные в людных местах табло с информацией о количестве дорожно-транспортных происшествий и их жертв; щиты-оповещения, оперативно выставляемые в местах недавних происшествий такого рода; водруженные для всеобщего обозрения крупно исполненные схемы жилых домов с указанием возможных путей проникновения преступников и т.д. Появляется немало изданий, предназначенных для стимулирования самозащиты граждан и обучения их способам самозащиты.

Так, выпущено в свет подготовленное полицией пособие для изучения и использования гражданами Закона о борьбе с организованной преступностью. В этой публикации начальник уголовного департамента Главного полицейского управления выразил надежду, что «читатели уяснят закон о мерах против *борёкудан* и станут использовать его активно и в полной мере, благодаря чему смогут избежать неправомерного ущерба, наносимого действиями членов организованных преступных групп, и будут вести спокойную и безопасную гражданскую жизнь и предпринимательскую деятельность».

Меры предупреждения первичной преступности в Японии могут быть разделены на обращенные к обществу в целом или к его отдельным группам, но не индивидуализированные, и на адресованные конкретным лицам, в отношении которых можно обоснованно предполагать, что они могут совершить преступление в силу личностной характеристики, условий жизни, окружающей обстановки и т.п. В рамках профилактики общего назначения ведется широкая пропаганда законопослушания, проводимая силами полиции, школы, общественных организаций, чему способствует издание самой разнообразной юридической литературы (включая хорошо прокомментированные законы) большими тиражами.

Принимаются меры для устранения условий, способствующих совершению преступлений: под особый контроль берутся не освещенные в ночное время места, пункты скопления празднующей молодежи, усиливаются охрана финансовых учреждений, а также полицейский контроль над предприятиями, отнесенными к объектам такого контроля как местам потенциального возникновения преступности (в связи с наличием взрывчатых или отравляющих веществ, возможностью ущерба нравственности из-за характера деятельности – фотосъемок обнаженной натуры и т.п., обслуживанием посетителей в позднее время, наличием условий для сбыта краденого и т.п.).

Для привлечения населения к деятельности по предупреждению преступности Главное полицейское управление, министерство юстиции, другие государственные и муниципальные органы ведут широкую и активную пропагандистскую работу. В частности, по всей стране ежегодно проводятся месячные кампании, направленные на повышение правовой грамотности населения и усиление общественной поддержки государственной политики в области борьбы с преступностью. Ежегодно выпускается в свет «Белую книгу о преступности» и «Белую книгу о полиции» с подробным освещением соответствующей проблематики, государство поддерживает с обществом откровенный диалог об успехах, недостатках и трудностях национальной политики на этом сложном направлении.

Многое из сказанного применяется в индивидуальной работе по предупреждению первичной преступности, когда сотрудники из полицейской будки берут под особый контроль тех, от кого есть основания ожидать отхода от правопослушного образа жизни, выявляются и подвергаются индивидуальному воспитательному воздействию трудные подростки в школе и проводятся другие подобные мероприятия. В заключении следует отметить, что криминологическое предупреждение преступлений представляет собой наиболее действенный способ борьбы с преступностью, поскольку оно:

- обеспечивает выявление и устранение ее корней, истоков, выявляет возможность совершать преступления;

- воздействует на криминогенные факторы, когда они еще не набрали силы и легче поддаются устранению;
- позволяет, используя разнообразные средства, прерывать замышляемую преступную деятельность;
- препятствует наступлению вредных последствий;
- решает задачи борьбы с преступностью наиболее гуманными способами с наименьшими издержками, без включения на полную силу сложного механизма уголовной юстиции, без применения такой формы государственного принуждения, как уголовное наказание.

В целом изучение моделей, форм и методов предупреждения преступлений, используемых как в России, так и в Японии, позволяет сделать вывод о постоянном движении к реализации в этой деятельности принципов системности, адекватного обеспечения, гуманизма и участия всех членов общества. Также обращает внимание и тот факт, что в разных странах существуют различные системы, меры, а также средства предупреждения преступности.

Список источников:

1. Ананич В.А., Серебрякова И.М. Предупреждение преступности: зарубежный опыт, международное сотрудничество. - М., 2004.
2. Белявская О.А. Уголовная политика Японии. - М., 1999.
3. Садиков В.Н. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. – Проспект, 2002.
4. Крашенинникова Н.А. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран Н.А. Крашенинникова. – Зерцало, 2000.

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РФ И КНР

*Санжиев Д.Т.**

*Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

Общеизвестно, что назначение уголовного права выражается в охране общественных отношений от причинения им существенного вреда. Эта задача осуществляется в процессе регулирования уголовно-правовых отношений. Всегда одним из субъектов уголовно-правового отношения выступает лицо, совершившее преступление, которое обязано нести уголовную ответственность. При этом оно имеет право на то, чтобы ответственность наступила именно за то деяние, которое оно совершило, чтобы этому деянию была дана правильная юридическая оценка, а наказание соответствовало закону.

Характер и объем наказания, которое настигает преступника, важны одновременно и для самого осужденного, и для потерпевшего, для семьи и друзей потерпевшего, для общественности, все члены которой являются потенциальными жертвами или субъектами преступления. Вот почему необходимо исследовать и совершенствовать систему уголовных наказаний, приводить ее к такому состоянию, при котором возмездие, исправление осужденного, восстановление социальной справедливости достигались бы с наилучшим эффектом. Для этого необходимо прибегнуть к опыту других стран, анализировать, заимствовать или отказываться. Поэтому в своей статье я хотел бы сделать обзор и провести сравнительный анализ систем уголовных наказаний в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, государств, развитие правовых наук которых насчитывает многовековой опыт.

Система уголовных наказаний – это установленный уголовным законодательством и обязательный для суда исчерпывающий перечень видов наказаний, расположенный в определенном порядке по степени их тяжести [1]. По порядку (способу) их назначения наказания можно классифицировать на те, которые используются в качестве основного и те, которые являются дополнительными. В РФ предусмотрены три категории наказаний [ст. 45 УК РФ]:

1) Основные наказания – т.е. наказания, которые назначаются только самостоятельно и не могут быть совмещены с другими видами основных наказаний.

* **Научный руководитель:** Тышкенова Айгуль Григорьевна, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

2) **Дополнительные наказания** – это наказания, которые назначаются лишь в дополнение к основным и самостоятельно назначаться не могут. Их цель - усилить, и максимально индивидуализировать наказание, исходя из характера и степени общественной опасности преступления.

3) **Наказания, которые могут применяться в качестве как основных, так и дополнительных.**

В отличие от УК РФ, Уголовный Кодекс Китайской Народной Республики предусматривает лишь две категории: основные наказания, назначаемые только самостоятельно и дополнительные, которые могут быть применены как в качестве основных, так и дополнительных [ст. 32, ст. 33, ст. 34 УК КНР]. Уголовный кодекс КНР включает пять видов основных наказаний, в то время как УК РФ насчитывает восемь. Общими для обоих кодексов являются 4 вида наказания:

- **Арест**, назначаемый на срок от одного до шести месяцев. Однако арест применяющийся законодательством РФ характеризуется наибольшей жесткостью, поскольку заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества [ч.1, ст. 54 УК РФ]. В КНР в период отбывания наказания, осужденный к краткосрочному аресту может один-два дня в месяц пребывать дома; работающим может выдаваться соответствующее вознаграждение [ст. 45 УК КНР].

- **Лишение свободы на определенный срок** заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в исправительную колонию или на принудительное лечение. Такая мера наказания также имеет более строгий характер в РФ, поскольку срок лишения свободы может варьироваться в размере от двух месяцев до двадцати лет, тогда как в КНР от шести месяцев до пятнадцати лет.

- **Пожизненное (бессрочное) лишение свободы** в обоих государствах устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против общественной безопасности. В данном виде наказания РФ и КНР применяют идентичный подход.

- **Смертная казнь** применяется только к осужденным за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь. В РФ смертная казнь может быть применена только к лицам мужского пола в возрасте от 18 до 65 лет. В КНР круг подобных осужденных значительно шире – он включает в себя лиц любого пола, достигших 18 лет, кроме женщин, находящихся во время судебного разбирательства в состоянии беременности. Кроме того лицу приговоренному к высшей мере наказания, может быть предоставлена отсрочка сроком до двух лет, в течении которой осужденному, проявившему себя как раскаявшегося и изменившегося к лучшему, смертная казнь может быть заменена срочным или бессрочным лишением свободы. Тем не менее, в РФ позиция законодателя в отношении высшей меры наказания является более гуманной, так как на территории РФ в настоящее время действует мораторий на смертную казнь [2].

Уголовный кодекс КНР предусматривает еще одну меру основного наказания, не предусмотренную российским уголовным законодательством – **надзор** [ст. 38, ст. 39 УК КНР]. Срок надзора исчисляется от трех месяцев до двух лет. Лица, осужденные к надзору, в течение установленных сроков должны выполнять следующие требования:

- 1) Соблюдать законы, административные правила, подчиняться надзору;
- 2) Без санкции органов не выступать публично, не публиковаться, не участвовать в собраниях, не создавать организаций, не путешествовать, не демонстрировать свободу прав;
- 3) В соответствии с правилами контролирующего органа докладывать о своей деятельности;
- 4) Соблюдать правила контролирующего органа относительно приема гостей;
- 5) Покидать уезд, город постоянного места жительства или менять место жительства только с санкции контролирующего органа.

Несомненно, что данный вид наказания не нашел бы применения в системе уголовных наказаний РФ, поскольку ущемляет право гражданина на свободу слова [ч. 1 ст. 29 Конституции РФ], неприкосновенность частной жизни [ч. 1 ст. 22 Конституции РФ], нарушает некоторые акты международного права ратифицированные РФ и т.д. Рассмотрев основные виды наказаний, целесообразно проанализировать систему дополнительных наказаний. УК РФ включает в себя три вида дополнительных наказаний, уголовное законодательство КНР предусматривает столько же.

Однако схожим по своему значению является только **штраф**, размер которого назначается в определенной сумме в соответствии с обстоятельствами дела. В РФ имеется верхний предел штрафа, который не может превышать одного миллиона рублей, а также размер штрафа может

быть эквивалентен заработку осужденного за срок до пяти лет [ч.2 ст. 46 УК РФ]. В КНР подобного предела не существует, что делает штраф, назначаемый в РФ более гуманным, однако менее гибким. К дополнительным наказаниям, не практикуемым уголовным законодательством РФ, однако, применяемыми в КНР, относятся **лишение политических прав** и **конфискация имущества**. **Лишение политических прав** [ст. 46 УК КНР] состоит в лишении следующих прав: права избирать и права быть избранным; права публично выступать, публиковаться, участвовать в собраниях, путешествовать, демонстрировать свободу прав; права занимать должности в государственных органах; права занимать руководящие должности в государственных компаниях, предприятиях, организациях, народных коллективах.

Срок лишения политических прав устанавливается от одного года до пяти лет. Для осужденных к надзору и дополнительно к лишению политических прав сроки лишения политических прав и надзора равны и начинают течь одновременно. Осужденные к смертной казни, бессрочному лишению свободы должны быть пожизненно лишены политических прав. Данный вид наказания частично пересекается с **лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью** [ст. 47 УК РФ] практикуемым в законодательстве РФ. Лицо аналогично не может быть назначено на должности государственного служащего или занимать должности в органах местного самоуправления.

Хотя лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не несет в себе такого сильного политического контекста. Не практикуемая же в РФ **конфискация имущества** состоит в изъятии части либо всего имущества, являющегося личной собственностью осужденного. В случае полной конфискации имущества семье преступного элемента оставляется имущество, необходимое на проживание. Не подлежат конфискации предметы, принадлежащие семье осужденного либо необходимые самому осужденному. В отличие от УК РФ, Уголовный кодекс КНР не предусматривает таких видов наказания, назначаемых только дополнительно, как **лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград**.

Таким образом, система уголовных наказаний в РФ включает в себя 12 видов мер, что в полтора раза больше чем в УК КНР. Это обеспечивает наибольшую возможность индивидуализации наказания с учетом личности подсудимого и обстоятельств дела, и, следовательно, достижение цели наказания на наш взгляд осуществляется успешнее. Наказания в РФ не имеют политического контекста, как система наказаний в КНР, где лишение осужденного политических прав является приемлемой практикой. В отличие от РФ, в КНР наказание является не только орудием предупреждения преступления, но и выступает в роли политического инструмента. Весьма трудно сопоставлять степень жесткости систем наказаний в странах, где виды применяемых к подсудимым мер столь сильно разнятся, однако на основании изученного материала, следует сделать вывод, что система наказаний в уголовном праве РФ несколько гуманнее.

Такой вывод имеет под собой следующие основания: а) при сопоставлении степени суровости мер наказания, следует делать наибольший акцент именно на основных категориях наказаний, поскольку они несут на себе основную воспитательную и карательную функции; б) в РФ перечень основных наказаний несколько шире, чем в КНР, что обеспечивает наилучшую взаимозаменяемость наказаний, что в совокупности с принципом гуманизма в уголовном праве РФ обеспечивает подсудимому наиболее мягкий вид наказания из тех, которым он может быть подвергнут; в) на территории РФ в данный момент не применяется высшая мера наказания в виде смертной казни, а круг осужденных, которые могут быть приговорены к пожизненному лишению свободы несколько уже.

О наибольшей суровости системы наказаний в УК КНР, относительно таковой в РФ, свидетельствует также наличие такой меры уголовного наказания как конфискация имущества, которая в условиях тяжелой экономической обстановки, может быть расценена как достаточно суровая. Однако, несмотря на свою строгость, некоторые факты говорят о том, что система наказаний в КНР несколько больше направлена именно на исправление осужденного, чем на возмездие или общую превенцию, в отличие от УК РФ. В пользу этого говорит наличие в УК КНР такого вида наказания как надзор, который не лишая свободы осужденного, при этом фактически под угрозой более сурового наказания, контролирует ведение осужденным законопослушного образа жизни. Также фактором способствующим исправлению осужденного служит возможность предоставления отсрочки смертной казни, для раскаяния и перевоспитания осужденного, в течение которой смертная казнь может быть заменена на более мягкий вид наказания.

Список источников:

1. Уголовное право России. Общая и Особенная части. /Под ред. В.П. Ревина. - М.: Юрид. лит., 2000.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2009г. №1344-О-Р
3. Конституция РФ.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации N 63-ФЗ от 13.06.96.
5. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики, принятый на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997.
6. Цзян Хуэйлинь. Основные черты Уголовного Кодекса Китайской Народной Республики, Москва, 1999.
7. Цуй Мань. Система наказаний в уголовном праве Китая.
8. Большой юридический словарь под ред. проф. А.Я. Сухарева. – Москва: ИНФРА-М, 2009.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В КНР: ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Раднаева А.Ю.

*Чанчуньский политехнический университет
Китай, г. Чаньчунь*

Несмотря на то, что одной из главных, общепризнанных ценностей XXI в. является неприкосновенность человеческой жизни, а смертная казнь выходит за рамки прав любого гуманного человека и позиций международных организаций, она все же остается широко распространенным видом наказания. В настоящее время ее актуальность также связана с тем, что сейчас многие государства идут на смягчение законодательства, отменяя при этом и смертную казнь. В связи с этим возникает вопрос допустимости и правомерности применения смертной казни, а также о ее необходимости и целесообразности. В чем заключается необходимость и целесообразность применения смертной казни? Допустима и правомерна ли она вообще?

Для ответа на эти вопросы рассмотрим проблемы применения смертной казни на примере Китайской Народной Республики. Выбор этой страны не случаен. КНР является не только одной из стран, допускающих применение смертной казни, но и страной-чемпионом, традиционно лидирующей по количеству смертных приговоров. В 2003 году организация «Международная амнистия» вывела официальную статистику: ежегодно в КНР совершается около 1639 смертных приговоров. Однако еще одной проблемой является засекреченность реального количества приведенных в исполнение приговоров. Показатель в 10 тысяч казней в год организация считает близким к действительности, что в 5 раз больше, чем в остальных странах вместе взятых [1]. Институт смертной казни в Срединной империи представляет собой поистине уникальное явление. Система наказаний по степени изощренности и жестокости пыток могла бы соперничать разве что со средневековой испанской инквизицией. Отношение к смерти и смертной казни было иным, чем сейчас. Казни совершались публично, они не производили потрясений и не вызывали протестов, трупы и части тела казненных выставлялись для устрашения, а роль палачей считалась даже почетной [4].

Всего видов наказаний насчитывалось более тридцати. В основном казни делились на 3 «рода»: легкая, средняя и казни «большой тяжести». К легким относились удушение и отсечение головы. Средней тяжести – медленное удушение в особых клетках за 2 часа, забивание бамбуковыми палочками, закапывание в землю, сваривание в котле, сдирание кожи. Казни «большой тяжести» - закапывание по шею в землю и надевание на голову корзины с ядовитыми пресмыкающимися, надевание клетки с крысами, а также казнь «1000 кусочков» - постепенное отрезание кусков тела казненного [4]. Исполнения смертных приговоров в основном велись без суда и следствия. Мощной регулятивной силой пользовались все те же обычаи и традиционные понимания миропорядка, нормотворческой функцией также наделялись любые волеизъявления императоров. В современном Китае условия и процедура применения и исполнения смертной казни регламентируется УК КНР 1997 г., а именно четырьмя статьями главы III.

Статья 49, устанавливающая запрет применения казни в отношении женщин, находящихся в состоянии беременности, и несовершеннолетних (впервые введена только в УК 1997 г.) - результат требований Международного Пакта о гражданских и политических правах, подписанного Китаем. Данный Пакт – закрепление развития признания прав человека как необходимая основа свободы и справедливости во всем мире, основанный на Всеобщей

Декларации Прав человека. Помимо КНР, этот международный договор имеет обязательную силу еще для 164 стран-участниц [7].

«Великому кормчему» Мао Цзэдуну принадлежит идея отсрочки исполнения наказания (ст.48 п.2), выдвинутая на Третьем Всекитайском собрании народных представителей по вопросам общественной безопасности в 1951 году и в дальнейшем закреплённая в первом УК 1979 года [8]. Вообще, система отсрочки исполнения наказания существует только в этой стране, представляя собой китайскую национальную специфику, и имеет ряд уникальных свойств, представляющих интерес с точки зрения науки уголовного права и процесса. Начнем с того, что этому виду присущ как отдельный самостоятельный характер в исполнительской системе наказания наряду с немедленным исполнением смертной казни, так и переходный характер, т.е. исходящий от вышеуказанного вида применения. По уголовному праву КНР, эта система была введена по нескольким причинам: осуществление строгого контроля, политика «осторожного» применения смертной казни, уменьшение количества осужденных, исправление преступников.

Рассмотрим также условия отсроченного исполнения наказания. Согласно уголовному праву КНР, объектом может быть только тот преступный элемент, преступление которого должно караться смертной казнью, т.е. только в том случае, если преступление относится к тягчайшим. А также в том случае, если преступление по закону должно караться смертной казнью, но необходимость немедленного ее исполнения отсутствует [10]. Но какие же именно преступления относятся к этому типу? Это является еще одной проблемой, т.к. в уголовном праве это четкое определение отсутствует. При анализе судебных решений в уголовно-процессуальной сфере следует, что это преступления, имеющие какие-либо смягчающие обстоятельства: явка с повинной, тяжелые жизненные обстоятельства и т.д. [10].

КНР также имеет самый обширный в мире перечень составов преступлений, к которым может быть применена смертная казнь. В Особой части УК КНР можно найти 42 положения и 69 составов преступлений. Примечательно, что только 32% преступлений относятся к насильственным, остальные же 69% - к ненасильственным (в основном экономические и нарушающие права собственности). Рассмотрим обобщенный перечень преступлений по классификациям, а также их процентное соотношение: 23,5% - преступления, грозящие современному укладу рыночной экономики социалистического типа (16 статей); 17,7% - преступления за нарушения воинских обязанностей (12 статей); 10,3% - преступления, грозящие национальной безопасностью (7 статей); 11,8% - преступления, наносящие ущерб общественной безопасности (8 статей); 7,4% - преступления, нарушающие права человека (5 статей); 2,9% - преступления, нарушающие права собственности (2 статьи); 2,9% - преступления, нарушающие интересы государства (2 статьи); 2,9% - преступления за злоупотребление служебных полномочий (коррупция) (2 статьи).

Отсюда становится ясна причина такого количества казненных. По отношению к ним в КНР используются два способа применения смертной казни: расстрел и введение смертельной инъекции (УПК КНР от 1998 г. ст. 212, п.2), которые могут исполняться только согласно решению Верховного Народного Суда (УПК КНР от 1998 г, 345 ст.). Ответственность за исполнение несет Вооруженная Полиция КНР. Расстрел проводится либо одним лицом – смерть наступает быстро, либо стрелковым подразделением – когда вероятность попадания ниже и немедленная смерть не наступает. Расстрел совершается непублично, на казненного вешается деревянная или бумажная табличка с его именем и преступлением, за которое тот наказан, сопровождается на указанное в протоколе место, казненный встает на колени (в некоторых случаях завязываются глаза) и затем приговор вступает в силу. Смертельная инъекция проводится путем внутривенного введения комбинации веществ, вызывающих потерю сознания, прекращение дыхания, остановку дыхания и смерть. Помимо установленного места для исполнения приговоров, суды маленьких городов и деревень могут вызвать соответствующие исполнительные органы, где в специальном автомобиле исполняется наказание.

28 марта 1997 г. Народный Суд средней инстанции г. Куньмин впервые в стране назначил для исполнения инъекционный метод. Однако, несмотря на очевидные преимущества применения инъекций, усилия общественных организаций, коэффициент применения смертельных инъекций в Китае все же остается самым низким во всем мире. Наказывают посредством смертельных инъекций сегодня только в некоторых городах и провинциях (Куньмин, Чанша, Чэнду, Чунцин, Гуанчжоу, Ханьчжоу, Пекин, Шанхай, Шэньян, Ухань, Чунцин, Циндао и др.) [11]. Власти страны обосновывают широкое применение расстрела в его устрашающем характере, а также в дороговизне и несовершенстве технологии процедуры введения инъекций [10] Дав краткий обзор

современного положения смертной казни в КНР, отмечу некоторые недостатки существующей системы наказания.

Во-первых, я считаю, что перечень преступлений, карающихся смертной казнью (утвержденный в Особенной части УК), слишком широк и требует обязательного пересмотра, особенно в отношении ненасильственных преступлений. Во-вторых, необходим жесткий контроль со стороны властей для уменьшения числа вынесенных смертных приговоров. В-третьих, по моему мнению, смертная казнь неприменима для пожилых людей, матерей новорожденных, а также для лиц с психическими расстройствами. В-четвертых, несовершенной является система отсроченного исполнения наказания ввиду отсутствия четкой типологии преступлений, за совершение которых она может применяться. И в-пятых, я думаю, что в случае невозможности полной отмены смертной казни необходимо установить единственный, более гуманный способ применения смертной казни - введение смертельной инъекции. На наш взгляд, полная отмена смертной казни на данном этапе развития общества и государства невозможна. Сегодня этой мысли придерживаются большинство не только ученых и юристов, но и граждан. Приведу одно из рассуждений Чжан Цзюня - видного китайского ученого, Заместителя Председателя уголовно-правового исследовательского института Китая. Чжан Цзюнь считает, что на сегодня для страны важно провести реформу системы наказаний, установить наказание в виде долгосрочного лишения свободы сроком от 20, 30 лет и выше, тем самым постепенно сокращая применение смертной казни [9].

Соглашаясь с его логичной и справедливой позицией, считаю, что условиях слабости действия нравственных норм, хрупкости демократических институтов и традиций отказ от смертной казни не обоснован. Важно, чтобы процесс ее отмены протекал естественно, тогда у общества не возникнет желания применять данный вид наказания, идущий вразрез с гуманистическими ценностями современного человечества. Поскольку смертная казнь не только институт уголовного права, но и феномен социокультурный, отношение к этому институту формируется на основе взаимодействия многих социальных факторов. Согласно статистике, в разных странах общественное мнение в целом идет в пользу сторонников применения этой меры наказания. КНР, впрочем, как и Россия, тоже не является исключением. Согласно данным одного из исследований в Китае в 1995 году, сторонники за отмену смертной казни составили 0,78%, против отмены – 99%. В 2002 году, семь лет спустя, сторонников применения оказалось чуть меньше – около 88%.

В Тайване, где полностью отменена смертная казнь, по данным Интернет-сайта, общественное мнение не одобряет такую политику: 71,1% респондентов высказались за смертную казнь. Подобные ригористические установки общественности не являются неожиданными, ибо испокон веков люди убеждены, что без жестокости нельзя справиться с преступностью. Также этот факт отражает потребность людей в государственной защите и безопасности. Поэтому ни в психологическом, ни в культурном плане китайское общество пока не готово к отмене смертной казни. Таким образом, в процессе анализа этой проблемы, знакомясь с различными мнениями и аргументами на разных языках, мысленно соглашаясь с одними и дискутируя с другими, мое отношение к смертной казни стало постепенно меняться. Сейчас я не ярый противник смертной казни, но и не ярый сторонник. Так как преступность имеет многосторонний и сложный характер, обусловленный множеством причинных комплексов, то и меры по борьбе должны быть тоже комплексными. Вопрос о целесообразности и нецелесообразности смертной казни будет оставаться открытым до тех пор, пока она будет существовать в законодательном виде, не встречаясь в практическом применении.

Считаю, что пока еще совершаются хладнокровные, ужасные и циничные преступления, смертная казнь должна быть сохранена, но за определенный круг преступлений и применительно только к психически здоровым лицам. Очевидно, что систему наказания в КНР необходимо совершенствовать - в любом смысле она является слишком жестокой. Смертная казнь порождает жестокость и лишь подогревает иллюзии, будто с преступностью можно справиться только мерами устрашения. Жестокость нельзя победить жестокостью. Надеемся, что в скором будущем Китайскую Народную Республику ожидают положительные изменения, а также надеюсь на гуманизацию общества в целом, не только власти, ведь только в гуманном обществе не будут совершаться такие преступления, которые бы потребовали бы применения столь чудовищного наказания, вызывающего ответную агрессию у граждан.

Список источников:

1. URL: www.amnesty.org/en/region/china
2. Гернет М.Н «Смертная казнь», М., 1913
3. 柏桦、中国古代刑法政治观，北京，2008
4. 秦瑞玠，大清新刑律释义，上海，1916
5. 中国人民共和国刑法典，北京，1997
6. Международный пакт о гражданских и политических правах, 1996, Женева
7. 莫志斌，毛泽东管理思想与管理方法，2008
8. 浩瀚，增设长期刑不如严格无期徒刑，2008
9. 刑法，马克昌，北京，2008
10. 中华人民供各国刑法诉讼法，北京
11. Анашкин Г.З. Смертная казнь в капиталистических государствах, М., 1971
12. URL: <http://www.tianya.cn/publicforum/content/law/1/131777.shtml>

ИНСТИТУТ ЭКСТРАДИЦИИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ И КНР

*Дактаева Е.К.**

*Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

В современном мире проблема преступности представляет опасность не только для отдельных государств, но и для всего человечества. Факт неразвитого правового сотрудничества между государствами по уголовным делам на должном уровне, успешно используется преступностью, для того, что бы совершать преступления в одном государстве, впоследствии скрыться на территории другого государства и тем самым избежать уголовного наказания, а в некоторых случаях продолжать преступную деятельность. Ситуация осложнена еще тем, что растет число преступлений, которые подрывают основы не только национальной, но и международной безопасности.

В настоящее время экстрадиция – важный институт в укреплении и развитии международного сотрудничества между государствами. Не меньшее влияние возможности экстрадиции оказывают и на охрану законных интересов, прав и свобод личности, общества и государства, на укрепление международного правопорядка и борьбу с преступностью. В то же время, институт экстрадиции еще недостаточно изучен. В основном, данная сфера отношений рассматривается только как выдача, однако, как справедливо подчеркивают многие авторы, вопросами выдачи экстрадиционная деятельность не исчерпывается [1]. Экстрадиция понимается как «передача лица государством, на территории которого данное лицо находится, другому государству для привлечения его к уголовной ответственности или для приведения приговора в исполнение [2].

Во многом под влиянием этого подхода в юридическом обиходе закрепилось определение экстрадиции как «отдельного института выдачи подозреваемых в совершении преступлений и осужденных преступников» [3]. В то же время, экстрадиция и выдача – не тождественные понятия. Экстрадицию нельзя сводить к выдаче и объяснять ее выдачей, прежде всего потому, что в современных условиях выдачей преступников экстрадиция не ограничивается. Как известно, процедура экстрадиции может завершаться и отказом в выдаче. Кроме того, нормы российского уголовно-процессуального законодательства выделяют как выдачу для уголовного преследования, так и передачу лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания. Таким образом, передача и выдача – это разные понятия, и, соответственно, экстрадиция – это не только выдача. Не всякая процедура экстрадиции обязательно заканчивается выдачей запрашиваемых лиц.

В этих случаях процедура экстрадиции налицо, но реальная выдача отсутствует. Следовательно, экстрадиция не равнозначна выдаче еще и по той причине, что она может завершаться как выдачей, так и отказом в выдаче. Выдача представляет собой лишь форму реализации процедуры экстрадиции. Анализ законодательных и иных нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы экстрадиции, а также данные практики позволяют выделить

* **Научный руководитель:** Цыреторов Станислав Валерьевич, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

следующие формы реализации экстрадиции: выдача; отказ в выдаче; отсрочка выдачи; временная выдача; экстрадиционный транзит [4]; передача.

Все они связаны с экстрадицией, охватываются ее нормами, но к выдаче преступников не сводятся. Поэтому экстрадиция – это отдельный комплексный и самостоятельный институт права. Именно поэтому институт выдачи «представляет собой достаточно разработанный материал» [5], тогда как институт экстрадиции как самостоятельный институт права – это относительно новое явление в международной практике государств и новообразование в праве. Он представляет собой совокупность нормативных предписаний, регламентирующих передачу лица, совершившего преступление, одним (запрашиваемым) государством другому (запрашивающему) государству для привлечения к уголовной ответственности и (или) отбывания наказания. Нормативная база института экстрадиции имеет двухуровневую структуру: внутригосударственное (в частности, конституционное, уголовное, уголовно-процессуальное); международное законодательство (в частности, многосторонние и двусторонние межгосударственные соглашения).

Согласно ч. 1 ст. 61 Конституции РФ [6]: «Гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству». Конкретизируя это предписание, ч. 1 ст. 13 УК устанавливает: «Граждане Российской Федерации, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству» [7]. Однако в соответствии ч. 2 ст. 13 УК РФ «Иностранцы граждане и лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Российской Федерации».

Уголовным законодательством, а именно УК КНР в ст. 9 предусмотрено, что: «к лицам, совершившим преступления, в отношении которых Китайская Народная Республика заключила международные договоры или присоединилась к ним, в пределах осуществления уголовной подсудности по этим договорам применяется настоящий Кодекс». Ст. 10 УК КНР предусматривает, что: «к лицам, совершившим преступления за пределами Китайской Народной Республики и подлежащим уголовной ответственности согласно положениям настоящего Кодекса, наказание может быть назначено в соответствии с положениями настоящего Кодекса, даже если эти лица привлекались к ответственности за границей. Однако, если лицо за границей подверглось наказанию, оно может быть освобождено от наказания или ему может быть назначено наказание ниже низшего предела, предусмотренного настоящим Кодексом за данное преступление» [8].

Подробная детализация решения данного вопроса содержится в соответствующих двусторонних международных договорах РФ, посвященным вопросам экстрадиции либо правовой помощи. Прежде всего, это является Договор о правовой помощи по гражданским и уголовным делам между Российской Федерацией и КНР 1992 г., и Договор о выдаче между Российской Федерацией и КНР 1995 г. и др. Как свидетельствует анализ международно-правовых актов, единственным основанием выдачи выступает совершение иностранным гражданином или лицом без гражданства экстрадиционного, то есть влекущего выдачу, преступления.

Правило двойной преступности, означает, во-первых, что выдача лица по определению предполагает наличие преступления как необходимого основания уголовной ответственности: если такового нет, хотя бы у одной из сторон, лишаются своего правового основания, либо запрос о выдаче, либо его удовлетворение [9]. Согласно Конституции РФ (ч. 2 ст. 63), в Российской Федерации не допускается выдача другим государствам лиц за действия (или бездействие), не признаваемые в Российской Федерации преступлением.

Во-вторых, деяние должно быть квалифицировано как преступление в законодательствах обеих сторон – и запрашивающего, и запрашиваемого государств. В связи с применением данного правила на практике возникает ряд закономерных вопросов: должна ли тождественность преступлений касаться лишь их наименований по законодательству обеих сторон, или необходимо точное совпадение по всему кругу вопросов, обуславливающих преступность и наказуемость деяния. Господствующим в международном праве является мнение о том, что для констатации двойной преступности требуется совпадение деяний, а не их наименований [10], причем речь идет не о формально-юридической, а именно о содержательной тождественности, т.е. о совпадении составов преступлений по существу, а не об идентичности всех признаков этих составов и тем более – наименований и категоризации описываемых в законе преступлений [11].

По мнению А.И. Бойцова, «никто не может быть экстрадирован иначе, как на основании того, что инкриминируемое ему деяние считалось преступным в силу закона, действовавшего в

момент его совершения», и «двойная криминальность должна не только иметь место на момент совершения соответствующего общественно опасного деяния, но и сохранять свою юридическую значимость на момент принятия решения о выдаче» [12]. Таким образом, главное – не в деталях квалификации деяния, а в том, что оно в принципе признается преступным в обоих государствах [13]. Согласно п. 3 ст. 2 Договора между РФ и КНР о выдаче 1995 г., при определении того, является ли деяние преступлением по законодательству договаривающихся сторон, не имеет значения его юридическая квалификация и терминологическое обозначение [14].

Правило «минимального срока наказания» (или принцип экстрадиционности преступления [15]) означает, что стороны обязуются выдавать запрашиваемых лиц за все деяния, наказуемые лишением свободы не ниже определенного срока [16]. Реализация этого принципа в УПК РФ нашла выражение в ч. 3 п. 4 ст. 460, в которой содержится требование о том, что запрос о выдаче лица должен в обязательном порядке содержать указание на санкции. В ч. 1 ст. 2 Договора о выдаче между РФ и КНР от 26 июня 1995 г. говорится, что «под «преступлениями, влекущими выдачу, понимаются деяния, которые согласно законодательству обеих Договаривающихся Сторон являются преступлениями и за совершение которых предусматривается: тюремное заключение на срок не менее одного года или более тяжкое наказание по законодательству Китайской Народной Республики; наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или другое более тяжкое наказание по законодательству Российской Федерации».

Правовое регулирование экстрадиции осуществляется на основе национального законодательства и международных договоров Российской Федерации, которые, как известно, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции являются частью правовой системы России. В частности, в соответствии со ст. 63 Конституции выдача лиц, обвиняемых в совершении преступления, а также передача осужденных для отбывания наказания в других государствах осуществляются на основе федерального закона или международного договора Российской Федерации. Ст. 13 Уголовного кодекса РФ определяет, что иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Российской Федерации.

Впервые в развитии российского уголовно-процессуального законодательства в УПК РФ включены нормы, определяющие основания, условия и порядок выдачи, объединенные в самостоятельную главу 54. В соответствии со ст. 15 Конституции и ст. 460 УПК порядок выдачи регулируется также международными договорами РФ. Будучи участником многих конвенций и договоров, все положения которых невозможно закрепить в национальном законодательстве Российской Федерации, при решении конкретных вопросов приходится учитывать положения многих международных конвенций и двусторонних договоров. Глава 54 УПК РФ соответствует основным международным принципам осуществления выдачи (экстрадиции) преступников. В частности, ст. 464 УПК РФ, посвященная отказу в выдаче, состоит из двух частей: 1) когда выдача не допускается; 2) когда в выдаче может быть отказано.

В первом случае нормы императивно запрещают возможность выдачи, во втором - право принятия окончательного решения возлагается на компетентный орган Российской Федерации (Генеральную прокуратуру РФ). Кроме указанного выше основания, экстрадиция предполагает выполнение целого ряда условий: преступление совершено на территории запрашивающего государства, либо направлено против интересов этого государства, либо преступник является гражданином этого государства; лицо, совершившее преступление, находится на территории запрашиваемого государства; запрашиваемое и запрашивающее государства, как правило, являются участниками соответствующего международного договора о выдаче; соблюдается принцип *non bis in idem*, запрещающий дважды привлекать к ответственности за одно и то же преступление; не истекли сроки давности привлечения к ответственности за совершенное преступление; предоставление запрашиваемому государству, законодательство которого в отличие от законодательства запрашивающего государства не предусматривает за совершенное преступление смертную казнь, достаточных гарантий того, что этот вид наказания к выданному лицу применен не будет; преступление не преследуется в порядке частного обвинения (по заявлению потерпевшего) и т.д.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что задачи, цели и функции института экстрадиции не повторяют и не поглощаются задачами, целями и функциями института выдачи. Нормы института экстрадиции охватывают более широкий круг вопросов, чем у выдачи. Выдача

представляет собой лишь форму реализации процедуры экстрадиции. В последнее время все чаще актуальность приобретает более широкий взгляд на институт экстрадиции. В современных условиях институт экстрадиции складывается как самостоятельный и важный институт права. Его нормы, процедуры, концепции и принципы играют важную роль в развитии правовой помощи и сотрудничества между государствами, в обеспечении правовых гарантий соблюдения прав и свобод, в решении задач борьбы с преступностью, терроризмом и другими негативными проявлениями в любом уголке земного шара.

Список источников:

1. Романов А.К., Лысягин О.Б. Институт экстрадиции: понятие, концепции, практика//Право и политика. 2005. № 3.
2. Международное публичное право: Учебник / Ануфриева Л.П. и др.; отв.ред. К.А. Бекяшев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Издательство Проспект, 2004. – С.737.
3. Васильев Ю.Г. Институт выдачи преступников (экстрадиции) как отдельный институт права // Государство и право. 2003. № 3. – С. 69; Тесленко А.М. Об институте выдачи // Российский юридический журнал. 2003. № 1. – С. 98 и др.
4. Данилов Е.П. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейные материалы. Судебная и адвокатская практика. Образцы документов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, 2004. – С. 24.
5. Васильев Ю.Г. Институт выдачи преступников (экстрадиции) в современном международном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М.: 2003. – С. 68.
6. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года//Российская газета. 25 декабря 1993 года.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
8. URL: <http://www.china.org.cn/>
9. Бойцов А.И. Выдача преступников. – СПб.: Издательство Р. Асланова "Юридический центр Пресс", 2004. С. 402.
10. Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. М., 1972. С. 128.
11. Бойцов А.И. Выдача преступников. С. 418-419.
12. Бойцов А.И. Выдача преступников. С. 427, 429.
13. Минкова Ю.В. Принципы института выдачи (экстрадиции) в международном праве. С. 11.
14. Бюллетень международных договоров. 1999. № 6.
15. Минкова Ю.В. Принципы института выдачи (экстрадиции) в международном праве. С. 8-9.
16. Бойцов А.И. Выдача преступников. С. 454.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ*

*Шакирова Р.Д.**

*Байкальский экономико-правовой институт
Россия, г. Улан-Удэ*

В настоящее время наиболее опасной и разрушительной и для России и для КНР, несомненно, является организованная преступность. Она оказывает вполне негативное воздействие не только на экономические, но и на социальные, морально-психологические, социокультурные и иные процессы в обществе. Ежегодные доходы от организованной преступности в конце XX в. составили около 300 млрд долл.

Развитие организованной преступности в **Китайской Народной Республике** хотя и имеет свои исторические корни, вместе с тем в определенной мере повторило путь большинства стран мира. В ее развитии не малую роль сыграли такие общемировые процессы, как нарушение стабильности в экономике и социальной сфере государства, разложение бюрократических структур государства, нарушение принципов социальной справедливости, девальвация нравственных ценностей, накопление огромных ценностей в теневой экономике и активный выход

* По итогам конференции доклад признан лучшим в секции «Уголовно-правовые и гражданско-правовые проблемы сравнительного правоведения».

* **Научный руководитель:** Трапаидзе М.Г., преп. кафедры уголовно-правовых дисциплин Байкальского экономико-правового института.

ее из тени и др. Специфические же национальные корни организованной преступности в КНР связаны с давней историей существования в этой стране таких сообществ, как «триады», послужившие основой для формирования организованных преступно-мафиозных организаций.

Активное развитие организованной преступности в КНР началось с периода реформирования Китайской экономики с середины 70-х гг. XX в. В настоящее время организованная преступность представляет для КНР такую же опасность, как и во многих странах мира. Именно организованная преступность стала одним из важных факторов, социально-экономической нестабильности, ухудшения криминальной ситуации в стране. Поэтому борьба с организованной преступностью в КНР стала одной из важных задач правоохранительных органов страны. В КНР на законодательном уровне к основному инструменту борьбы с анализируемым явлением относится указ об организованной преступности и особо тяжких преступлениях, который позволяет выносить жесткие приговоры, осуществлять конфискацию контрабандных товаров и денежных средств. В 1997 г. впервые ряд положений, касающихся понятия «преступное сообщество», ответственность главного преступника за организацию и руководство преступным сообществом, были включены в УК КНР [1, С. 27].

Не только зарубежные, но и китайские исследователи отмечают рост оргпреступности в различных сферах КНР, в частности в организации наркотрафика, торговли оружием, нелегальной миграции, похищения людей, вымогательства, убийств, ограблений, краж и т.п. Так, в 1999 г. правоохранительными органами КНР было раскрыто 900 преступлений, связанных с розыском женщин и детей, похищенных с целью выкупа, арестовано 2000 лиц, подозреваемых в их совершении, освобождены 934 жертвы. Одним из таких известных дел является пресечение деятельности межрегиональной преступной группировки, возглавляемой Е. Ченцзяном. В 2001 г. судебными органами Китая было рассмотрено 350 дел о деятельности преступных организаций мафиозного характера, по которым проходило 1953 человека. Эти показатели возросли по сравнению с предыдущим годом в 6,3 и 3,8 раза соответственно [4, С. 336-445].

В **России** официальное признание факта существования организованной преступности произошло в 1989 г. с принятием Верховным Советом СССР Постановления от 4 августа 1989 г. «О решительном усилении борьбы с преступностью», в котором отмечалось, что «в стране резко возросла преступность, в том числе организованная». Последующее нормотворческое развитие способствовало включению в новый Уголовный кодекс ряда положений, регламентирующих вопросы борьбы с организованной преступностью. Так, в ч. 3 ст. 35 Общей части УК РФ 1996 г. указывается, что преступление признается совершенным организованной преступной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. При этом свыше 70 составов преступлений Особенной части (п. «ж» ч. 2 ст. 105; п. «г» ч. 2 ст. 112; п. «е» ч. 2 ст. 117 и др.) содержат в качестве квалифицирующего признака – совершение преступления организованной преступной группой.

В количественном отношении, согласно официальной статистике, на долю организованной преступности в России приходится немногим более 1% всех зарегистрированных преступлений и выявленных преступников. Вместе с тем, как отмечают многие российские исследователи, для нее характерен высокий уровень латентности (вследствии высокого криминального профессионализма, конспиративности действий, возможности прикрытия своей деятельности со стороны коррумпированных чиновников и пр.). Помимо этого для противоправных действий преступных организаций характерны использование взрывов, других общеопасных способов совершения преступлений. По различным экспертным оценкам, организованными преступными группировками в России контролируются до 50% частных и около 60% государственных предприятий [7, С. 156].

Динамика преступности (выявлено преступлений, совершенных организованными преступными группами либо преступными сообществами) в Российской Федерации в 1994-2009 гг.

Годы	1993	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Выявлено преступлений, совершенных ОПГ	3515	36016	33452	26030	25671	28161	28611
В % к 1994 г.	100	1025	952	741	730	801	814

С 1993 по 2008 гг. в России наметился стремительный рост (814%) регистрируемых преступлений, совершенных организованными преступными группами либо преступными сообществами (см. табл). Пик приходится на 2003 г., когда было совершено 36016 таких

преступлений. К 2006 г. их количество снизилось до 25671 преступления, однако ряд исследователей связывают это не с фактическим снижением данной категории преступлений, а с очередными структурными перестройками российских правоохранительных органов. В 2007 г. по сравнению с предыдущим периодом вновь наметился рост (на 9,7 %) этой категории преступлений. Дальнейший рост (на 1,6 % по сравнению с предыдущим годом) сохранялся и в 2008 г. - 28611 преступлений. В то же время количество зарегистрированных преступлений по ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества/преступной организации) в течении последних шести лет было неравномерным. С 2002 г. по 2004 г. этот показатель снизился с 162 до 118, а в последующие годы наметилась тенденция роста: в 2005 г. – 120, в 2006 г. – 141, в 2007 г. – 224, в 2008 г. – 244 преступлений. Вместе с тем, их количество остается незначительным [7, С. 157].

По оценкам экспертов МВД РФ, в России действует свыше 400 оргпреступных формирований (ОПФ) общей численностью более 10 тыс. человек. Преступные сообщества активно распространяют свое влияние за рамки национальных границ, завоевывая финансово-экономические позиции в зарубежных странах. Так, около 200 преступных групп и сообществ имеют международные связи более чем в 50 странах мира. Под их контролем находится не меньше 500 крупных хозяйствующих субъектов [3, С. 10].

Таким образом, криминальный бизнес прочно связал организованную преступность региона со многими странами АТР. Ежедневно ликвидируется от 20 до 30 преступных групп, имеющих международные связи. Вместе с тем, следует отметить, что значительная часть совершенных преступлений носит высоколатентный характер. Еще более латентна деятельность организованной преступности, для которой характерны сплоченность, собранность, жесткая конспирация. При этом коррумпированные должностные лица оказывают содействие каждому третьему преступному формированию. Это также связано с несовершенством самих криминалистических учетов информационных центров органов внутренних дел и неопределенностью критериев, по которым следует относить преступления к деятельности организованной преступности, с зависимостью показателей от возможностей процессуального доказывания преступной деятельности и т.п.

Список источников:

1. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Под ред. Ф.М. Коробеева, пер. с китайского Д. В. Вичикова – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
2. 2.Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, практика, опыт, проблемы. М., 2001.
3. Владимир Д. Как защитить свидетеля // Российская газета.-2005.-24 марта.
4. Иванов А.Я., Корчагин А.Г. Сравнительное уголовное право. Учебник. Владивосток, 2002.
5. Лунеев В.В. Преступность XX в. мировые, региональные и российские тенденции. М., 2003.
6. Малиновский А.А. Уголовное право зарубежных государств. М., 2003.
7. Россия в цифрах. 2009: Крат. стат. сб./ Росстат – М., 2009.

**СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СТРАН АТР
В БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Берёзкина Е.А., Шаликова Н.И.
Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

Дальневосточный регион, являясь тихоокеанским фасадом России, соседствует с США, Японией, Китаем, республикой Корея, имеет важное значение, поскольку здесь реализуются долговременные специфические геостратегические цели российского государства. Здесь сосредоточены значительные сырьевые, энергетические ресурсы, необходимые для экономики соседних стран. Данное обстоятельство способствует процессу расширения экономических, научных, культурных и иных международных связей дальневосточных субъектов Российской Федерации с приграничными странами. Вместе с тем, в условиях системного экономического кризиса в стране, повлекшего ухудшение социально-экономического положения значительной

* **Научный руководитель:** Цыреторов Станислав Валерьевич, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

части населения, несовершенства российского законодательства в последние десятилетия прогрессировал процесс интернационализации преступности [1].

Транснациональная организованная преступность (далее - ТОП) – одна из острых и сложных проблем, вставших перед нашим обществом на рубеже тысячелетий. Она оказывает мощное влияние на все сферы общественной жизни, не только нарушает нормальное функционирование социальных и экономических институтов страны, является реальной силой, подрывающей безопасность государства и общества, но и представляет собой новую серьезную угрозу существованию всего мирового сообщества. Правоохранительным органам чрезвычайно трудно проникнуть в хорошо организованные и оснащенные транснациональные криминальные группировки, использующие насилие и подкуп, действующие в пространстве, охватываемом юрисдикцией различных государств. Стремление к сверхнаживе с использованием любых средств привело к расширению таких взаимосвязанных видов транснациональной преступности, как нелегальная миграция, наркобизнес, незаконный оборот оружия, терроризм.

Говоря о проблеме борьбы с указанными видами преступности, следует подчеркнуть, что правоохранительные органы российского Дальнего Востока и сопредельных стран Азиатско-Тихоокеанского региона отмечают устойчивую тенденцию роста этого явления. Сотни граждан КНР, КНДР и Ирана незаконно устремляются в индустриально развитые страны не только данного региона, но и в Европу, используя в качестве транзитного узла территорию Приморья, Хабаровского края, других субъектов Дальневосточного Федерального округа. Пальма первенства принадлежит представителям Китая. Так, по данным обзора, подготовленного Департаментом по иммиграции и международным связям Австралии, на 30 июня 2009 г. в этой стране с просроченной визой находилось 53 тыс. иностранцев. При этом с 2005 по 2009 гг. количество задержанных за нарушение режима пребывания лиц увеличилось более, чем в два раза. Около семи процентов всех незаконно находящихся в Австралии иностранцев были гражданами КНР. О значительном увеличении незаконных иммигрантов из Китая свидетельствовали многие представители правоохранительных органов ряда стран АТР на состоявшемся в Сеуле в апреле 2000 г. региональном международном совещании, посвященном проблемам борьбы с организованной преступностью. Прибывающие в Россию, Японию, Республику Корея, США иностранцы активно включаются в организованную преступную деятельность.

Ежегодно российскими правоохранительными органами Дальнего Востока регистрируется свыше тысячи преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, около 500 преступлений – в отношении иностранцев, из них почти половина совершается гражданами КНР. В определенной мере этому способствует рост нарушений режима въезда-выезда, правил пребывания и передвижения иностранцев. В Приморье, Хабаровском крае, Амурской и Еврейской автономной областях в 2009 г. только со стороны китайских граждан зафиксировано свыше 20 тыс. таких фактов. По данным Министерства общественной безопасности КНР, официально переданным российским правоохранительным органам, на территории Дальневосточного региона России скрывается свыше 100 китайцев, находящихся в розыске за совершение уголовных преступлений у себя на родине.

Мероприятия, проведенные органами безопасности совместно с органами ФПС и МВД РФ, а в отдельных случаях с привлечением возможностей партнеров из КНР, позволили вскрыть и пресечь попытки организованного нарушения государственной границы группами китайцев и корейцев. В ряде случаев численность таких групп достигала нескольких десятков человек. Только в течение 2008 г. - первой половины 2009 г. за нарушение государственной границы на участках Тихоокеанского и Дальневосточного региональных управлений ФПС России было задержано свыше 500 граждан КНР. В этой связи в г. Уссурийске, Благовещенске и Хабаровске проведены встречи российских и китайских пограничников, где достигнута договоренность об усилении режимных мер и обмене информацией [2].

Вместе с тем, незаконная миграция не единственная форма международной организованной преступности. Особо следует отметить проблему наркобизнеса в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Несмотря на то, что в последнее десятилетие наметилась тенденция сдерживания масштабов культивирования распространенного в Центральной и Юго-Восточной Азии опийного мака и незаконного производства опия, в первую очередь, в таких странах, как Пакистан, Лаос, Вьетнам, Индия, Иран и Китай, коренного перелома не наступило. К 2009 г. производство опия в мире составило 4 800 тонн (около 480 тонн героина). При этом на долю Афганистана и Мьянмы, являющихся основными поставщиками данного наркотика в страны АТР, приходится до 90%. Следует отметить, что приводимые цифры имеют оценочный характер.

Данные из другого источника свидетельствуют не о снижении, а о постоянном росте производства опия, при этом цифры явно не совпадают с вышеуказанными. Так, согласно сведениям Агентства по борьбе с наркотиками Министерства юстиции США последнее десятилетие характеризуется расширением культивирования опия в Афганистане. Если в 1999 г. площадь посевов опионого мака составляла в этой стране 19 470 га, на которой выращивалось около 570 т опия, то в 2009 г. уже на 51 500 га выращивалось 1 670 т. В определенной степени это влияет на рост незаконного оборота наркотиков на Дальнем Востоке, который все быстрее переходит под контроль организованных преступных группировок.

Во взаимодействии с органами внутренних дел, таможни и органами ФПС ФСБ Дальневосточного региона выявлено более 100 таких групп не только с межрегиональными связями, но и со связями в государствах ближнего (Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан), а также дальнего (КНР, Япония, КНДР, Республика Иран) зарубежья. Только в 2000 г. из незаконного оборота ими изъято свыше 11 тонн наркотических, психотропных и сильнодействующих веществ, что составляет более 20% всех изъятых в России наркотиков. Весома роль в этом процессе органов безопасности Дальнего Востока.

За последние три года изъято более 15 кг героина. Характерно, что свыше 60% изъятого в Японии опия – результат совместно проведенных приморскими и японскими правоохранительными органами контролируемых поставок, когда были задержаны две международные преступные группы. Такие операции в последнее время осуществляются практически ежегодно. Наиболее остро в АТР проблема незаконного оборота наркотиков стоит перед китайскими властями. В течение 1999-2009 г.г. правоохранительными органами этой страны изъято примерно 39,67 т героина, 16,894 т опия, 15,079 т марихуаны и 23,375 т метамfetамfина. По международным оценкам, из незаконного оборота изымается не более 10% наркотиков. Часть этого зелья направляется в Россию. Показательным является пресечение Хабаровской таможней попытки контрабандного ввоза из Китая 840 кг эфедрина.

Следующей разновидностью преступлений международного характера в АТР является незаконный оборот оружия. На российском Дальнем Востоке в течение последних полутора лет правоохранительными органами региона, не считая органов военной и транспортной прокуратуры, было зарегистрировано свыше полутора тысяч преступлений, совершенных с применением оружия, а также более 9 800 преступлений, связанных с его незаконным изготовлением, хищением и транспортировкой. Около 80% таких преступлений регистрируется в Хабаровском и Приморском краях, Республике Саха (Якутия) и Амурской области. При этом наметилась устойчивая тенденция роста количества изымаемого оружия и взрывных устройств. Так, в Хабаровском крае за этот же период было изъято более 1 140 единиц огнестрельного оружия, около 8 тыс. ед. боеприпасов, 41 взрывное устройство. В ходе проведенной операции, в которой приняли участие сотрудники Управлений ФСБ по Хабаровскому краю и Дальневосточному военному округу, совместно с пограничниками и прокуратурой Хабаровского гарнизона, была пресечена деятельность организованной преступной группы, в которую входили военнослужащие одной из воинских частей. В результате было изъято 19,2 кг тротила.

Обеспокоенность ростом количества преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия, высказывают японские партнеры. Возрастает количество изъятых в Японии пистолетов, ввозимых не только из США, Филиппин, КНР, Бразилии и Бельгии, но и из России. Только за 6 месяцев 2008 г. правоохранительными органами этой страны было конфисковано 75 российских пистолетов. К примеру, 6 апреля текущего года в порту Отару на российском судне “Островский” было обнаружено 23 пистолета “Макаров” и свыше 70 боеприпасов к ним [3].

По нашему мнению, рост незаконного оборота оружия, наряду со слабо контролируемой внешней и внутренней миграцией, снижением действенности административно-правовых режимов, является фактором, способствующим совершению преступлений террористического характера. В последние годы все шире распространяются идеи исламского фундаментализма, который представляет реальную угрозу национальной безопасности, как России, так и другим странам АТР. Не случайно этот вопрос неоднократно обсуждался в Генеральной прокуратуре России с участием руководителей всех правоохранительных структур страны.

События 11 сентября 2001 г. в США – беспрецедентный по своей жестокости теракт. Цепь катастроф, вызвавших массовую гибель людей в Нью-Йорке, Вашингтоне и юго-западной Пенсильвании в результате захвата пассажирских самолётов и тарана ими зданий Всемирного торгового центра и Пентагона. В результате террористического акта погибло 2973 человека из 90

стран мира, не считая 19 террористов, в том числе 246 тех, кто летел на самолётах, 2602 - в башнях Всемирного торгового центра (из них 343 пожарных и 60 полицейских) и 125 – в Пентагоне; кроме того, 24 человека считаются пропавшими без вести. Кроме 110-этажных башен-близнецов, пять других зданий ВТЦ (включая здание 7 ВТЦ), отель Марриотт, четыре станции подземки, а также здание греческой православной церкви св. Николая, были разрушены либо сильно повреждены. В целом на Манхэттене пострадали 25 зданий, все 7 зданий Всемирного торгового Центра пришлось сравнять с землёй. Позже здание Deutsche Bank Building, стоявшее напротив ВТЦ, также пришлось разрушить, из-за непригодной для существования, токсичной среды внутри офисной башни.

23 октября 2002 г. в 21:05 вооруженными чеченцами (41 человек) был совершен захват заложников в Театральном центре на Дубровке во время представления мюзикла "Норд-Ост". Драма продолжалась трое суток. В ночь с пятницы на субботу 26 октября операция по спасению заложников завершилась. Во время спецоперации был применен усыпляющий газ. Всего погибло 129 заложников.

Теракт в московском метро произошел утром 6 февраля 2004 г. Взрывное устройство было приведено в действие во втором вагоне поезда в перегоне между станциями «Павелецкая» и «Автозаводская». По официальным данным, погибли 40 человек, более сотни получили ранения.

1 сентября 2004 г. в России произошел чудовищный по своей жестокости теракт, боль от которого не пройдет никогда. В среду, 1 сентября около 8 утра боевики захватили среднюю школу номер 1 в Беслане. Террористы отказались от переговоров, заминировали несколько помещений захваченной школы, а также выставили на крыше здания снайпера. Утром 2 сентября было объявлено, что в заложниках находится 354 человека. 3 сентября в 7 утра террористы, удерживавшие заложников в здании школы, вновь открыли неспровоцированный огонь. В результате захвата заложников в Беслане погибли 338 человек, более 700 были ранены [4].

29 марта 2010 г. в 07:57 на станции «Лубянка» и в 08:36 на станции «Парк Культуры» Сокольнической линии московского метрополитена произошли два взрыва, совершенные террористками-смертницами. В результате чего, по данным на 01 апреля 2010 г. погибло 40 человек. В данный момент ведется расследование [5].

Все эти события не только наглядно демонстрируют реальность этой угрозы, но и необходимость более тесного международного сотрудничества. После недавних событий в московском метро, по заявлению в Маниле главы МИД РФ Сергея Лаврова, на региональном форуме по безопасности (АРФ). Россия призвала страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) систематизировать усилия по борьбе с терроризмом. «Мы выступаем за то, чтобы борьба с международным терроризмом приобрела в деятельности АРФ системный характер», - сказал министр, выступая перед участниками форума, в котором принимают участие главы внешнеполитических ведомств свыше 20 государств. Лавров сообщил, что России представлены на одобрение «Рамочные договоренности участников форума по сотрудничеству в области противодействия терроризму и транснациональной преступности». «Теперь дело за тем, чтобы обеспечить их практическую реализацию», - подчеркнул Лавров. По его словам, система безопасности в регионе «должна быть целостной и неделимой, результатом коллективных усилий всех членов регионального сообщества».

Министр исключает формирование каких бы то ни было «альтернативных» структур и «узких» форматов, которые, как свидетельствует практика, вряд ли способны принести искомый результат. Вопросы борьбы с новыми вызовами и угрозами в АТР, по словам Лаврова, это целый комплекс задач, которые не могут рассматриваться изолированно друг от друга. «Разблокировать существующие конфликты и исключить возникновение новых силовыми средствами невозможно. Здесь требуются творческие подходы, лишённые идеологической зашоренности и основанные на здравом смысле и коллективном анализе существующих проблем», - сказал глава МИД РФ. Одной из главных задач он назвал необходимость сделать все возможное, чтобы содействовать сближению народов на основе взаимного уважения, равноправного сотрудничества и взаимопонимания, развития межцивилизационного и межкультурного диалога. «В силу своего геополитического положения, многонационального и межконфессионального характера Россия намерена активно способствовать налаживанию в рамках АРФ такого диалога, продвижению идей толерантности», - заявил Лавров [6].

Однако сотрудничество РФ и стран АТР в сфере борьбы с транснациональной преступностью не может сводиться лишь к борьбе с терроризмом, как одним из наиболее опасных и разрушительных по своим масштабам видом транснациональной преступности. Борьба в этой сфере должна быть всесторонней, поскольку все виды транснациональной

преступности взаимосвязаны и порождают друг друга. Несмотря на то, что в целом правоохранительные органы российского Дальнего Востока получили достаточно развитую правовую основу сотрудничества в сфере борьбы с проявлениями ТОП с партнерами из США, КНР и Республики Корея в форме международных правовых актов (конвенций, двусторонних договоров и соглашений), а также нормативных актов в национальном законодательстве, уровень их сотрудничества не соответствует криминальным реалиям, складывающимся в регионе. Для повышения эффективности международного сотрудничества правоохранительных органов РФ и стран АТР в борьбе с ТОП на региональном уровне нами предлагается:

1) расширить **практику прямых международных контактов** российских правоохранительных органов Дальнего Востока с зарубежными партнерами стран АТР, прежде всего Китая, Японии и Республики Корея, обмена накопленным практическим и теоретическим опытом, получения от партнеров информации об особенностях их внутреннего уголовного и процессуального законодательства путем проведения встреч, семинаров, конференций, систематического взаимного направления информационных материалов;

2) разработать механизм упрощения процедуры взаимной юридической помощи и выдачи преступников, сокращения сроков, связанных с исполнением запросов. В этих же целях ввести в практику взаимодействия правоохранительных органов стран АТР **использование высоких технологий**;

3) активизировать совместную оперативно-розыскную работу, расширить практику использования таких активных форм, как проведение «контролируемых поставок» и «оперативного внедрения»;

4) с учетом обозначенных в настоящей работе тенденций развития транснациональной организованной преступности разработать **региональные международные программы** по борьбе с ТОП, участниками которых должны стать правоохранительные органы ДФО и КНР, а также Японии и Республики Корея.

Список источников:

1. Материалы международной конференции «Мировое сообщество против глобализации преступности», г. Москва, 23-24 октября 2001 г. [электронный ресурс]: Режим ввода (10.04.2010), http://dpr.ru/pravo/pravo_1_2.htm
2. Сайт Владивостокского центра исследования организованной преступности [электронный ресурс]: (10.04.2010) // URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1093&more=88&c=1&tb=1&pb=1> –
3. Сайт Национального портала противодействия терроризму «Россия Антитеррор» [электронный ресурс]: (10.04.2010) // URL: <http://www.antiterror.ru>
4. Сайт РИА «Новости» // URL: <http://www.rian.ru/>

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РФ И КНР

*Аригунов Б.В.**

*Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

Во многих странах мира организованная преступность распространена настолько широко, что уже разрушительным образом воздействует на внутренние демократические процессы. Учитывая это обстоятельство, трудно говорить о каких-либо оптимистических выводах, которые можно было бы извлечь из международного опыта в данной области. И все-таки обзор деятельности, проводимой различными странами мира в их борьбе с организованной преступностью и политической коррупцией, представляется полезным.

К пониманию сути организованной преступности в Китайской Народной Республике (КНР), её наличию в стране и её современному состоянию со стороны руководителей страны, правоохранительных органов и учёных юристов, сложилось особое отношение [1]. С момента победы социалистического строя в Китае и почти полного уничтожения, в процессе революционных преобразований действовавших в стране при Гоминьданском режиме

* **Научный руководитель:** Цыреторов Станислав Валерьевич, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

организованных преступных групп и сообществ в виде «Триад» и вплоть до середины 80-ых гг. прошлого столетия среди партийных и государственных чиновников разного уровня, работников правоохранительных органов и ученых юристов бытовало мнение об отсутствии в стране организованной преступности как чрезвычайного негативного социального явления, требующего особо важного внимания к нему, его изучения и разработки мер борьбы с ним [3].

Несомненно, в формировании такого взгляда на характер преступности в КНР свою роль, как в своё время в СССР, прежде всего, сыграли идеологические соображения, в соответствии с которыми в социалистическом обществе нет и не может быть организованной преступности. Между тем она существовала, в том числе и в виде «Триад» и других групп мафиозного типа. Имела место и коррупция среди государственных и партийных работников, которые нередко прикрывали эти организации и даже участвовали в их преступной деятельности, что отмечалось в Китайской юридической литературе.

С началом реформирования Китайской экономики в 70-ых гг. XX в. в результате нарушения стабильности в экономической и социальной жизни КНР начало более активно проявляться влияние организованных преступных групп, в том числе и возродившихся «Триад» и других групп мафиозного характера, во многих сферах жизни страны. Следом, как в самих правоохранительных органах, так и в юридической литературе и в печати, стали констатировать факт не только существования, но и усиление организованной преступности.

Только с начала 80-ых гг. прошлого века, когда правоохранительные органы стали фиксировать значительный рост организованных групп, а Китайское руководство начало осознавать опасность социального феномена для страны в юридической литературе появилась информация о наличии организованной преступности в стране. В этот же период в ходе проведения реформ стало более четко проявляться отставание общего социального развития, способов хозяйствования и финансовой деятельности от современных условий, а также действие иных негативных факторов переходного периода, что привело к значительному росту преступности.

Из основных источников информации видно, что игнорировать факт наличия организованной преступности в стране и полностью его подавить, невозможно. Необходимо было осознать в первую очередь опасность данного явления для страны и продумать эффективные меры борьбы с ним, что повлекло за собой начало активного изучения китайскими учёными феномена организованной преступности. Особенно интенсивно началась работа по выявлению криминологических и значимых криминалистических особенностей вышеуказанной преступности [3].

Актуальность данной темы определяется важностью успешной борьбы с коррупцией и организованной преступностью для сохранения социальной стабильности и создания условий для углубления политики реформ в РФ и КНР. Необходимо рассматривать развитие коррупции и организованной преступности, как в России, так и в Китае в их неразрывном единстве, а также формировать комплексный подход к борьбе с данными негативными явлениями. Следовательно, тема борьбы в РФ и КНР с коррупцией и организованной преступностью постоянно находится в поле зрения зарубежных ученых и экспертов. В качестве объекта исследования, выделены тенденции и динамика развития явлений организованной преступности и коррупции в России и Китае, а также эволюция политики государств в отношении борьбы с ними.

Развитие явлений коррупции и организованной преступности в Китае рассматривается в тесном взаимодействии и единстве, что позволяет сформировать более объективную картину реальной ситуации в этой области и дать достаточно взвешенные оценки возможностей преодоления этих негативов. В исследовании выявлена тенденция к созданию системы мер в борьбе с коррупцией и организованной преступностью, развивавшаяся на протяжении исторического периода реформ и открытости от отдельных мероприятий к всестороннему охвату на основе комплексного подхода.

Под понятием «коррупции» следует понимать противоправные деяния с использованием служебного положения для извлечения выгоды в личных целях, то есть такое поведение лиц, уполномоченных на выполнение функций в государственных органах или лиц, приравненных к ним, которое ведет к нарушению обязанностей с использованием собственного статуса и связанных с ним возможностей, что является целью незаконного получения любых имущественных и неимущественных благ, а также привилегий для себя и других. Под организованной преступной группировкой (ОПГ) понимается неформальное объединение

(система), способное к адаптации, самоорганизации и совершенствованию, функции которой определяется в основном корыстными целями преступников.

Относительно проблемы поиска эффективных путей пресечения коррупции в любой стране мира, значительное число российских ученых предлагает применять комплексный подход, при котором мероприятия, направленные на противодействие коррупции, включают в себя не только репрессивные и контрольные меры, но и развитие правовой культуры, формирование идеалов честности, неподкупности, уважения авторитета закона в общественном сознании. Многие авторы видят магистральный путь борьбы с коррупцией и организованной преступностью в развитии гражданского общества.

Западные исследователи разделяют точку зрения российских коллег на масштабы распространения коррупционных явлений и важность борьбы с ними в современном Китае. При этом размах коррупции рассматривается ими как следствие незавершенности экономических преобразований в КНР. В фокусе внимания зарубежных исследователей находится проблема влияния коррупции на различные стороны жизни общества (в налоговой сфере, в создании и развитии частных компаний, в экономическом законодательстве). Большое внимание уделяется коррупционной составляющей социальных протестов в современном Китае [2].

В работах китайских исследователей рост коррупции рассматривается как основной политический фактор, оказывающий негативное воздействие на внутривнутриполитическую ситуацию. Вместе с тем, в научных кругах Китая постепенно формируется понимание того, что коррупция и организованная преступность – это две стороны одной проблемы, что следует изучать целесообразно в единстве.

Борьбе с коррупцией уделяется большое внимание и в практике борьбы с коррупцией и оргпреступностью все большее место занимает комплексный подход, основными составляющими которого становятся профилактика явлений разложения, развитие законодательной базы и усиление идеологической и воспитательной работы в КНР. Отмечается бурный рост и развитие ОП с началом периода реформ и открытости. Указывается, что с момента начала реформ ОПГ КНР каждые 10 лет выходят на качественно новый уровень [3].

Основными причинами, способствующими росту организованной преступности в Китае, являются углубление общественного неравенства, стремление к богатству как один из основных мотивов социальной деятельности человека, наличие в Китае развитой криминальной субкультуры, коррупционная деятельность, ослабляющая механизм социального контроля и создающая предпосылки для распространения организованной преступности. Наиболее эффективным методом борьбы с ОП считается реализация комплексного подхода к управлению общественной безопасностью (*шэ хуй чжэиань цзунхэ чжэили*). Его основными составляющими является развитие и совершенствование системы законов, повышение культурного и образовательного уровня населения, усиление всесторонней борьбы с коррупцией, а также усиления карательно-репрессивных мероприятий в отношении организованных преступных группировок.

Отмечается бурный рост явлений коррупции в КНР, вызванный крупномасштабными изменениями во всех областях жизни общества. Сложная коррупционная ситуация в период начала реформ во многом была вызвана разрушением государственных основ в годы «культурной революции». В развитии организованной преступности в КНР с конца 70-х гг. прошлого века по настоящее время можно выделить три основных этапа:

1. *конец 1970-х – конец 1980-х гг.* – бурный рост криминальной активности, начало формирования преступных сообществ, имеющих признаки ОПГ;

2. *начало 1990-х гг. – конец XX в.* – формирование и широкое распространение преступных сообществ, имеющих признаки организованной преступной группировки (ОПГ) и их перерастание в ОПС;

3. *после 2000 г.* – период роста и развития китайских ОПГ, начало их включения в транснациональную преступность [3].

Таким образом, организованная преступность выходит на более высокий уровень развития, который характеризуется рядом новых признаков ОПГ. Территориально сферой деятельности преступных сообществ все чаще становятся несколько уездов и городов; количество активных участников ОПГ доходит до нескольких сотен человек. Широкое распространение получают ОПГ с четкой иерархической структурой. Все больше преступных сообществ Китая используют методы управления, применяемые на современных предприятиях.

Происходит улучшение технического оснащения ОПГ. Оформляются черты слияния бизнеса и криминала (завершение формирования теневого капитала). Наблюдается и тревожный фактор сращивания криминала и власти. С одной стороны, все большее число китайских чиновников оказывается причастными к деятельности ОПГ, с другой - лидеры китайских ОПГ добиваются все более высоких постов во властных структурах. Так, на рубеже веков активизируется процесс превращения китайских ОПГ в мафиозные структуры в полном смысле этого слова.

В начале XXI в. (с декабря 2000 г. по март 2003 г.) власти КНР проявляли серьезную озабоченность ростом организованной преступности, что нашло свое отражение в проведении кампании «наносить удар по преступности, выкорчевывать порок». Целью данной кампании провозглашалась борьба с организованной преступностью и люмпенскими преступными элементами [2].

Дэн Сяопин рассматривал проблемы борьбы с коррупцией и преступностью сквозь призму задачи сохранения социальной стабильности в стране. Он отмечал, что бюрократизм, привилегии и разложение кадров серьезно подрывают социальную стабильность, также призывал систематически проводить упорядочение партийных рядов с целью их очищения от «разложившихся элементов». Дэн Сяопин видел магистральный путь борьбы с коррупцией в скорейшем становлении системы законности и правопорядка. В этой связи он придавал важную роль деятельности ЦКПД как механизма контроля за соблюдением дисциплины и закона членами партии. В области борьбы с преступностью Дэн Сяопин указывал на необходимость принятия жестких репрессивных мер по подавлению криминальной активности, однако видел коренное решение проблемы в обеспечении роста экономики и как следствие в улучшении условий жизни народа и повышении культурного уровня населения [1].

Цзян Цзэминь положил начало формированию комплексного подхода к борьбе с коррупцией, который характеризуется сочетанием карательных мер с воспитательной и образовательной работой, «сурового удара» – с профилактическими мероприятиями, с созданием системы контроля, проведением активной кадровой политики и усилением законотворческой деятельности и партийного нормотворчества [4]. Ху Цзиньтао видит в эффективной борьбе с коррупцией гарантию сохранения политической и социальной стабильности в стране. В области борьбы с преступностью Ху Цзиньтао отмечает наличие тенденции к улучшению ситуации и призывает основное внимание уделять профилактическим мерам, распространению юридических знаний и нравственному воспитанию. Им также подчеркивается важность широкого вовлечения масс в поддержание общественного порядка [6].

Позиция лидеров КНР по изучаемым проблемам изменялась в зависимости от китайских реалий. В целом, руководители КНР второго, третьего и четвертого поколения формировали и развивали системный подход к борьбе с коррупцией и организованной преступностью, что нашло свое отражение в государственной политике. В РФ также стали применять системный подход к данной проблеме. Уже давно не секрет, что некоторая часть государственного аппарата является составной частью ОПГ. Комплексный подход к профилактике и борьбе с коррупцией и организованной преступностью включает в себя меры в различных областях. Разрабатываются и ужесточаются нормы уголовного законодательства. В его рамках постепенно реализуется подход к борьбе с коррупцией и организованной преступностью как к взаимосвязанным явлениям. Данная позиция значительно повышает практическую эффективность уголовного и уголовно-процессуального права в области преодоления негативных тенденций коррупции и организованной преступности.

Список источников:

1. Ахметшин Н.Х. История уголовного права КНР / Н.Х. Ахметшин. - М., 2005, 344 с.
2. Политическая система и право КНР в процессе реформ (1978-2005) / Коллективная монография, под рук. Л.М. Гудошников.-М., 2007.
3. Беляков А.В. Борьба с коррупцией и организованной преступностью В КНР в период реформ и открытости (1978-2005) / Монография А.В. Беляков. - М., 2006.
4. Син Янь. Организованная преступная деятельность в Китайской Народной Республике и методические основы её расследования/ Монография Син Янь. – М., 2005.
5. URL: http://www.iile.ru/scientific_center.html
6. URL: <http://www.china.org.cn/>

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КНР И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Некрасов В.Н.
Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова
Россия, г. Вологда*

Известно, что национальная система уголовного права – это результат исторического развития страны, отражающий особенности экономики, политической системы, культурных традиций, стереотипов и массового сознания. По мнению профессора Р. Бланпена, анализ правового регулирования иностранных систем позволяет рассматривать собственный национальный опыт в аспекте международной практики, что заставляет анализировать и оценивать данную проблему под другим углом, в новом аспекте, с обогащенным пониманием ее сути [8, С. 4]. Кроме того, как отмечают К. Цвайгерт и Х. Кетц, «одни и те же юридические проблемы одинаково или в значительной мере сходно решаются во всех развитых правовых системах мира» [10, С. 18].

В ходе исследования попытаемся осознать сходство и различия уголовного законодательства России и Китая, регулирующего институт неоконченного преступления, изучить и оценить возможности использования опыта законотворчества каждой из стран в рассматриваемой сфере [3]. Институт неоконченного преступления является единственным правовым средством по пресечению подготавливаемых преступлений, хотя на практике он применяется далеко не всегда, чему способствуют трудности, возникающие в ходе предварительного расследования и при отправлении правосудия.

В Российском и Китайском уголовном законодательстве, регулирующем Институт неоконченного преступления, имеются как сходные, так и различные черты. Так, и отечественное уголовное право и уголовное право Китая выделяют приготовление к преступлению и покушение на преступление. Более того, в отличие от большинства уголовных законов зарубежных государств в УК обоих стран установлена уголовная ответственность не только за покушение на преступление, но и за приготовление к преступлению.

Однако, согласно УК РФ (ст. 30) «...приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам...». Между тем, в УК КНР (ст. 22) приготовление к преступлению определяется как «...приискание орудий, создание условий для совершения преступления...». Таким образом, в УК РФ перечислен более широкий перечень форм, в которых реализуется приготовление, а также введен признак недоведения приготовления до конца по причинам и обстоятельствам, не зависящим от самого лица. По нашему мнению, представляется верным введение в УК РФ данного признака, так как его отсутствие в прежнем уголовном законодательстве (УК РСФСР 1960 г.) вызывало определенные сложности при практическом разрешении уголовных дел [9].

Кроме того, ч. 2 ст. 30 УК РФ устанавливает ответственность за приготовление только к тяжкому или особо тяжкому преступлению. В то время как в соответствии со ст. 22 УК КНР за приготовление к преступлению можно назначить наказание более мягкое, чем за оконченное преступление, наказание ниже низшего предела либо освободить от наказания. Таким образом, в уголовном законодательстве Китая с одной стороны отсутствует обязательное снижение срока и размера наказания за приготовление к преступлению, а с другой существует возможность полного освобождения от уголовного наказания за приготовление. Существование в уголовном праве Китая возможности освобождения от наказания за приготовление к преступлению, а тем более возможность назначения наказания ниже низшего предела свидетельствует о большем гуманизме УК КНР. В тоже время следует отметить, что в большинстве уголовных кодексов зарубежных

* **Научный руководитель:** Кругликов Лев Леонидович, д-р юрид.н., проф., зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

стран наказание за приготовление распространяется лишь на некоторые исключительные преступления.

Кроме того, в УК КНР закреплена возможность назначения наказания ниже низшего предела за приготовление к преступлению, на что, по нашему мнению, российскому законодателю также следует обратить внимание. Ныне действующая статья, посвященная назначению наказания за приготовление к преступлению (ст. 66 УК РФ) при практическом использовании имеет некоторые недостатки. Так российский законодатель никак не отвечает на вопрос о том, можно ли применять более мягкие наказания, не предусмотренные санкциями соответствующих статей, в случае если максимальный размер санкции ровно в два раза меньше минимального. По мнению В. Питецкого «необходимо дополнить ст. 66 УК РФ указанием на то, что при назначении наказания за неоконченное преступление ограничивается не только его верхний, но и нижний предел [6, с.61]».

Отечественный законодатель (ч. 3 ст. 30 УК РФ) определяет покушение как умышленное действие или бездействие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам. В свою очередь в уголовном законе КНР (ст. 23 УК КНР) покушением на преступление признается действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не доведено до конца по причинам, не зависящим от воли преступника. Примечательно, что в УК РФ покушение характеризуется как действие также как и бездействие. Такая позиция российского законодателя нам представляется правильной, поскольку покушение может реализоваться в бездействии, например при убийстве, когда жертву, находящуюся в беспомощном состоянии, лишают воды и пищи.

Следует отметить, что уголовное законодательство обеих стран не подразделяет покушение на виды. В то время как, ряд российских юристов считает необходимым закрепить в уголовном законе такие виды покушения на преступление как оконченное и неоконченное покушение [5, С. 2]. Считаем, что подобные призывы имеют под собой почву так как, деление покушения на оконченное и неоконченное имеет существенное практическое значение. Во-первых, оконченное покушение обладает большей опасностью по сравнению с неоконченным покушением. Этот вид покушения наиболее близок к оконченному преступлению и, как правило, должен привлекать более суровое наказание. Во-вторых, это деление имеет практическое значение для решения вопроса о добровольном отказе от преступления.

Уголовное законодательство России добровольным отказом от преступления признает прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. Согласно УК КНР добровольным отказом в ходе преступления признается добровольное прекращение его совершения либо добровольное, эффективное предотвращение наступления последствий преступления. Следует отметить, что достоинством китайской конструкции добровольного отказа от преступления является то, что непосредственно в ст. 24 УК КНР предусмотрены два его вида: добровольный отказ от совершения преступления и эффективное предотвращение наступления последствий преступления [11, С. 63]. В то же время, по нашему мнению, в существующей формулировке добровольного отказа от совершения преступления, закрепленной в УК КНР, не хватает указания на понятие добровольности и окончательности отказа.

В соответствии со ст. 31 УК РФ добровольный отказ освобождает лицо от уголовной ответственности. Однако закон устанавливает правило о добровольном отказе лица, подлежащему уголовной ответственности, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления (ч. 3 ст. 31). В ч. 2 ст. 21 УК КНР сказано, что за добровольный отказ от совершения преступления следует освободить от наказания либо назначить наказание ниже низшего предела. В действительности при добровольном отказе от преступления лицо не совершает ни оконченного преступления, ни приготовления к нему, ни покушения на него. В связи с чем, добровольно отказавшееся от совершения преступления лицо вообще не должно привлекаться к уголовной ответственности именно в виду отсутствия состава преступления.

Проведенное сравнительно-правовое исследование Института неоконченного преступления в КНР и России показало, что в уголовных законах обеих стран в значительной мере сходно решаются некоторые вопросы регламентации уголовной ответственности за неоконченное преступление. Однако в обоих кодексах Институт неоконченного преступления нуждается в совершенствовании. Мы считаем, что законодателю России и Китая стоит обратить внимание на

возможность использования опыта законотворчества каждой из стран при дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства о неоконченном преступлении.

Список источников:

1. *Иванов В.Д.* Ответственность за покушение на преступление. Караганда, 1974.
2. Курс уголовного права. Общая часть. Т. I / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999.
3. *Лозовицкая Г.П.* Сравнительно-правовой анализ преступлений против правосудия по законодательству государств ближнего зарубежья // Российский следователь, 2009, № 1.
4. *Малиновский А.А.* Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002.
5. *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении. М., 1961.
6. *Питецкий В.* Назначение наказания за неоконченное преступление. Уголовное право, 2001, № 4.
7. Современное уголовное законодательство КНР. Уголовный кодекс КНР / Х.М. Ахметшин, Н.Х. Ахметшин, А.А. Петухов. – М.: Изд. Дом "Муравей", 2000.
8. Сравнительное трудовое право и трудовые отношения в экономиках промышленно развитых стран / Под ред. Р. Блэнплайн и С. Энджелс. Гаага, 2001, С. 4.
9. Уголовное право России. Часть общая: Учебник для вузов (2-е издание, переработанное и дополненное) / под ред. Л.Л. Кругликова. М.: "Волтерс Клувер", 2005.
10. *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1 / Пер. с нем. М., 1995.
11. *Цзян Хуэйлинь.* Основные черты Уголовного Кодекса Китайской Народной Республики // дис. канд. юрид. наук: М., 1999.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В РОССИИ И КИТАЕ

*Базарова Э.С.**

*Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

Система Прокуратуры России и прокуратуры Китайской Народной Республики имеют общие корни: обе были построены на идеологии марксизма-ленинизма. При этом модель уголовного процесса Китая во многом схожа с моделью советского уголовного процесса. Система уголовного правосудия в России, также как и в Китае все больше приобретает черты состязательности. В рамках состязательного процесса, когда в обязанности суда не входит доказывание вины подсудимого, государственное обвинение становится одним из важнейших факторов обеспечения неотвратимости наказания за совершенное преступление, заключительным, а поэтому главным звеном в работе по изобличению преступника и привлечения его к ответственности.

В условиях состязательности по делам о коррупционных преступлениях поддержание государственного обвинения в России представляет особую сложность. Это обусловлено и объективными причинами: незаконные действия коррупционера в большинстве случаев тщательно скрываются, практически всегда совершаются без свидетелей, к ним причастны иные заинтересованные лица, которым также невыгодно разглашение сведений о совершенном преступлении. Активное противодействие расследованию и разбирательству в суде с использованием административных ресурсов и высококвалифицированной защиты сокращает возможности доказывания. Положительный опыт борьбы с коррупцией сложился в Китае. За 30 лет реформ к уголовной ответственности в КНР за взяточничество привлечено около миллиона сотрудников партийно-государственного аппарата. Рассмотрим некоторые вопросы поддержания государственного обвинения по делам о коррупционных преступлениях в России и Китае.

Уголовный кодекс РФ не содержит легального определения понятия коррупционных преступлений. В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» к коррупции относятся: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным

* **Научный руководитель:** Гармаев Юрий Петрович, д.юрид.н., проф., зав. лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета.

интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение этих деяний от имени или в интересах юридического лица. Согласно приказу Генерального прокурора РФ от 06.02.2009 № 31 к преступлениям коррупционной направленности отнесены преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 159; ч. 3, 4 ст. 160; п. «б» ч.3 ст. 170, ч.4 ст. 174; п. «б» ч.3, ч. 4 ст. 174¹; ч. 2, 3 ст. 178; п. «б» ч. 2, ч. 4 ст. 188; ч. 2 ст. 198, ст. 201; ч. 3 ст. 210; ч. 2 ст. 285; ст. 285¹; ст. 285²; ст. 286; ст. 288; ст. 289, ст. 290; ст. 291; ст. 292; ч. 3 ст. 294 УК РФ

Коррупционными могут быть признаны преступления, обладающие тремя обязательными признаками: 1) специальный субъект преступления (должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации); 2) определенный способ совершения преступления, который связан с использованием должностного (служебного) положения (полномочий) вопреки охраняемым законом интересам общества и государства; 3) определенная цель — получение имущественной выгоды для себя или для третьих лиц. Это касается преступлений, посягающих на интересы службы как на основной объект, и преступлений, в которых интересы службы выступают в качестве дополнительного объекта преступления. В соответствии со ст. 382 УК КНР к коррупции отнесены: присвоение, воровство, получение мошенническим путем или незаконное завладение иными способами общественным имуществом государственными служащими с использованием своих служебных преимуществ; присвоение, воровство, получение мошенническим путем или незаконное завладение иными способами государственным имуществом лицами, которым государственными органами, государственными компаниями, предприятиями, организациями, народными объединениями поручено управление и хозяйственное распоряжение государственным имуществом, с использованием своих служебных преимуществ.

Статьей 18 УПК КНР предусмотрено, что народная прокуратура обладает исключительными полномочиями возбуждать уголовные дела и проводить предварительное следствие по делам о преступлениях, связанных с коррупцией, взяточничеством и другими должностными преступлениями. С этой целью в прокуратуре Китая создано и успешно функционирует специальное подразделение - Управление по борьбе с коррупцией. Функция поддержания государственного обвинения органами прокуратуры закреплена в ст. 6 Закона КНР о государственных прокурорах. Одним из шагов на пути к состязательной модели судопроизводства в КНР является создание особой формы передачи материалов уголовного дела в суд. В новой редакции УПК КНР аннулирована обязанность прокурора передать в суд все дело целиком; прокурор направляет обвинительное заключение, с приложением перечня доказательств, списка свидетелей и копий или фотоснимков главных доказательств. Указанное сдерживает суд в формировании предварительного мнения об уголовном деле. Высказываются даже предложения экстраполировать данную норму права в отечественное законодательство с целью исключения обвинительного уклона в деятельности суда.

Практически по всем коррупционным делам при поддержании государственного обвинения прокуроры в Китае в качестве доказательства обвинения используют факты жизни коррупционера не по средствам. Для этого они устанавливают все источники доходов семьи коррупционера (заработная плата и иные доходы всех членов семьи) и подтвержденные расходы. Достаточно в этой связи вспомнить дело Ху Чанцина. В феврале 2000 г. народный суд средней ступени города Наньчан (провинция Цзянси) приговорил бывшего вице-губернатора этой провинции к смертной казни, признав его виновным в получении 87 взяток на сумму около 5,5 млн юаней (более 650 тыс. долл.). В судебном заседании последний не смог объяснить происхождение собственности, оцененной в 1,62 млн юаней (почти 200 тыс. долл.).

В России государственные обвинители такие доказательства используют не всегда. Этот прием может быть эффективным не только как поиск доказательств, но и как колоритный фон для всего судебного разбирательства, характеризующий как самого субъекта, так и обстановку вокруг него, а также – ту общественную опасность, которую несет в себе коррупция. Прокурор должен обратить внимание, не слишком ли односторонне исследована следствием личность коррупционера. Как правило, к делу приобщаются формальные характеристики с места службы и жительства, часто исключительно положительные и это - понятно, поскольку лица характеризуются высоким уровнем образования, жизненным опытом, организаторскими и ораторскими способностями, умением работать с коллективом.

За рамками следствия остаются поведение в быту, характер взаимоотношений с подчиненными, руководством, коррупционерами связи субъекта, характерное время препровождения, отклонения от законопослушного и морального поведения, хобби (часто весьма дорогостоящие) и прочие обстоятельства, дающие объективную оценку личности. Если такой пробел имеется, государственный обвинитель включает в план его восполнение в ходе судебного разбирательства. Особое внимание следует уделять состоянию здоровья обвиняемых, поскольку часто за совершение коррупционных преступлений ниже низшего предела назначается наказание именно в связи с заболеваниями подсудимого, которые подтверждены документами, представленными защитой в ходе судебного заседания.

Очень важным доказательственным материалом по делам о коррупционных преступлениях являются документы. При ознакомлении с материалами прокурор должен внимательно изучить их и определить, какие из документов имеют первостепенное значение и являются бесспорными доказательствами, а какие могут быть в судебном заседании интерпретированы защитой в свою пользу. Это поможет выработать тактику предъявления доказательств в судебном процессе. Анализ документов помогает дать ответы на целый ряд вопросов, важных для выяснения обстановки совершения преступления, его причин и условий. При доказывании коррупционных преступлений государственный обвинитель может использовать и такие доказательства, как улики поведения. Все чаще на это обращает внимание именно суд.

Улики – это установленные посредством различных источников доказательств факты, каждый из которых допускает предположение о его причинной связи с расследуемым преступлением и которые в совокупности своей служат косвенными доказательствами события преступления и виновности обвиняемого. В уголовно-процессуальной и криминалистической литературе улики подразделяются на: а) доказательства события преступления; б) доказательства, устанавливающие субъект и субъективную сторону преступления; в) доказательства иных обстоятельств. *Улики поведения* – это возможные изменения в поведении человека, не вызванные какими-либо внешними обстоятельствами. Так, суд расценил как улику следующее: Н. при задержании с поличным после получения предмета взятки стал уходить от взяткодателя, затем, заподозрив наблюдение, пробежал мимо своей автомашины, упал и пытался сбросить деньги в снег. Таким поведением Н. подтвердил свое противоправное поведение, хотя на следствии и в суде объяснял получение денег от взяткодателя возвратом долга. Еще один важный момент при поддержании государственного обвинения – преодоление противодействия со стороны защиты. По делам о коррупционных преступлениях степень противодействия со стороны адвокатов считается наиболее высокой.

В КНР участие адвоката в уголовном деле допускается только с момента предъявления обвинения органами прокуратуры. После вынесения постановления о предъявлении обвинения прокурор направляет уголовное дело в суд. При этом народная прокуратура лишь уведомляет подозреваемого в совершении преступления о его праве на защитника. То есть адвокат приступает к защите на достаточно поздних этапах, когда основная, подавляющая часть доказательств уже добыта. В этих условиях защитник не может оказать серьезное противодействие в поддержании государственного обвинения. В Китае и прокуратура, и суд, тесно сотрудничают в качестве правоохранительных органов. Органы прокуратуры КНР, в отличие от России продолжают осуществлять полномочия по надзору за судами. Положение китайской прокуратуры как надзорного органа препятствует должной реализации идеи состязательности судопроизводства.

Из вышесказанного отметим, что в Китае, как известно, предусмотрены самые суровые наказания за коррупционные преступления, включающие в себя смертную казнь. С 2000 г. в КНР расстреляны за коррупцию около 10 тысяч чиновников, еще 120 тысяч получили по 10-20 лет заключения. В последние годы под давлением мирового сообщества в Китае практически не применяют смертную казнь по экономическим преступлениям, ограничиваясь пожизненным заключением и колоссальными штрафами. В России за коррупционные преступления также налагают штрафы, как правило, назначают условное осуждение виновным. В криминологии по-разному оценивают превентивное влияние наказания. Однако еще в XIX в. Марк Твен сказал: «Существует несколько хороших способов побороть искушение, но самый надежный из них – трусость».

Список источников:

1. Барабанов П.К. Процессуальные средства преодоления обвинительного уклона в деятельности суда / Барабанов П.К. // [Электронный ресурс]. Справочная система "КонсультантПлюс": Технология 3000: Информационный банк: Комментарии Законодательства. М., 2010.
2. Противодействие коррупции: прокурорский надзор, уголовно-правовая характеристика, уголовное преследование / Под ред. Н. П. Дудина. – СПб.: СПб. юрид. ин - т. (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2009 г. - 664 с.

**СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
(на примере Японии, Южной Кореи и Сингапура)***

*Шагдырова А.Б.**

Бурятский государственный университет

Россия, г. Улан-Удэ

В своей книге «В высших сферах» Артур Хейли писал: «Любая война - это всего лишь ссора двух маленьких людей, увеличенная в миллион раз. И для того, чтобы устранить войны, понадобилось бы устранить малейшие проявления человеческого тщеславия, зависти и злобы. А это невозможно». К сожалению, это выражение применимо и для феномена всех времен, известного под общим названием - «коррупция». Так как именно она, как ни какое другое политическое явление, вызвано человеческими пороками, такими как – жадность, меркантилизм, зависть. Из истории видно, что коррупция сопровождает человечество с древнейших времён. Наказание за взяточничество предусматривалось ещё законами Хаммурапи (4 тыс. лет назад), устанавливалось египетскими фараонами. Пагубное воздействие этого явления ощущается в любой стране, независимо от государственного устройства или традиций. Резкий всплеск коррупции был отмечен в период становления рыночных отношений в XIX в. Одновременно появились и первые попытки противодействия ей на законодательном уровне. Но существенного изменения антикоррупционной ситуации ни в мире, ни в отдельных государствах не произошло. Только во второй половине XX столетия, когда борьба с коррупцией в ряде стран была возведена в ранг государственной политики, удалось добиться минимизации её влияния на все сферы жизнедеятельности общества.

Что касается РФ, несмотря на предпринимаемые меры, коррупция, являясь следствием избыточного администрирования со стороны государства, по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации. В связи с этим разработка мер по противодействию коррупции, прежде всего в целях устранения ее коренных причин, и реализация таких мер в рамках обеспечения развития страны в целом становятся настоятельной необходимостью [3].

Чужих кризисов в глобальном мире не бывает, тем более, что они настигают близких соседей. Стран, где коррупции не было бы вовсе, наверное, нет. В этой связи особый интерес представляют государства, достигшие определенного успеха в борьбе с коррупцией. Идея выделения антикоррупционных программ, доказавших на практике свою эффективность, представляет огромные перспективы для заимствования положительного опыта зарубежных стран. В данной статье автор приводит пример борьбы с коррупцией в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония, Южная Корея, Сингапур), краткий анализ законодательства указанных стран, и то, какие результаты приносят применяемые меры.

Должностные преступления в УК Японии представлены в главе 25, под названием – «Преступления против взяточничества». Такое заглавие обусловлено, скорее всего, тем, что шесть

* По итогам конференции доклад признан лучшим в секции «Уголовно-правовые и гражданско-правовые проблемы сравнительного правоведения».

* **Научный руководитель:** Гармаев Юрий Петрович, д.юрид.н., проф., зав. лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета.

из десяти статей формулируют составы взяточничества. В эту главу входят: злоупотребление властью, насилие либо оскорбительное или дурное обращение со стороны особо публичного должностного лица, получение или требование взятки, соглашение на получение взятки, дача взятки и дача взятки за содействие [2]. Уголовно-правовые запреты и гарантии защиты должностных лиц закреплены в УК Японии в ст.95 (препятствие исполнению публичных обязанностей и принуждение к выполнению служебных обязанностей); ст. 96 (нарушение наложенных публичным должностным лицом печатей и знаков наложения ареста); ст. 96-II (уклонение от принудительного взыскания); ст.258 (повреждение официально используемого документа) [2].

Гарантируя защиту должностным лицам, японское законодательство строго регулирует их обязанности. Действующий УК относит должностные преступления к преступным деяниям против правовых благ отдельного лица, хотя теория рассматривает их как посягательства на деятельность государства. Однако стоит заметить, что, несмотря на важность борьбы с коррупцией, установлены твердые правовые гарантии защиты от ложных обвинений во взяточничестве – активный подкуп карается так же строго, как и принятие, должностным лицом (даже в будущем) взятки (ст.198 УК Японии) – лишение свободы с принудительным физическим трудом на срок до трех лет или денежный штраф на сумму до двух миллионов пятьсот тысяч иен. В отличие от УК РФ положения о подкупе относятся только к подкупу должностного лица или посредника, ответственность за так называемый «коммерческий подкуп» предусматривается в соответствующих специальных законах [5].

Следует отметить, что опыт борьбы с коррупцией в Японии свидетельствует о том, что отсутствие единого кодифицированного акта не препятствует эффективному решению этой проблемы. Нормы антикоррупционного характера содержатся во многих национальных законах. Особое значение законодательство Японии придаёт запретам в отношении политиков, государственных и муниципальных служащих. Они, в частности, касаются многочисленных мер, которые политически нейтрализуют японского чиновника в отношении частного бизнеса, как во время службы, так и после ухода с должности [8]. Законодательство Японии квалифицирует как преступление действия политиков, лоббирующих за вознаграждение от заинтересованного лица выгодное для него решение путём воздействия на государственных и муниципальных служащих, а также служащих юридических лиц с 50-процентным капиталом государства или органов местного самоуправления.

Как и во многих странах, в Японии одним из важнейших направлений борьбы с коррупцией является кадровая политика. Государственное администрирование построено здесь на принципе меритократии, ориентировано на службу. Японским чиновникам гарантирована достойная оплата труда. Большое внимание законодательство Японии уделяет этичному поведению политиков и служащих. С апреля 2000 г. в стране действует Закон «Об этике государственных служащих», а также утверждённые правительственным указом этические правила государственного служащего и нормы административных наказаний за их нарушение. В этических правилах государственного служащего даётся развёрнутое определение «заинтересованного лица» и подробный перечень неэтичных действий, что исключает произвольное толкование норм Закона.

В 2001 г. в Японии вступил в силу Закон «О раскрытии информации». Этот акт гарантирует гражданам право на доступ к официальной информации, имеющейся у правительственных учреждений, и возможность подать апелляцию в Совет по контролю за раскрытием информации в том случае, если правительство откажется её обнародовать. В соответствии с законом, ведётся реестр лиц, против которых выдвинуты обвинения в коррупции или причастности к организованной преступности. Этот факт доводится до сведения общественности через средства массовой информации, может повлечь за собой установление контроля за поведением конкретного лица, применение к нему ряда правоограничений.

Японское законодательство устанавливает строгие ограничения в отношении финансирования избирательных кампаний, партий и иных политических организаций. Прежде всего, это касается порядка пожертвований в пользу кандидатов на выборах, политических фондов. Нарушение положений Закона влечёт за собой применение санкций, распространяющихся на ответственных лиц как предоставляющей, так и получающей пожертвования стороны, а также на посредников. Антикоррупционная политика Японии предполагает подотчётность политического руководства, реформу финансирования политических партий и избирательных кампаний; поддержание престижа государственной службы; обеспечение гражданских свобод.

Приоритетным направлением антикоррупционной государственной политики Республики Корея является внедрение «культуры прозрачности». На практике она реализуется посредством программы «OPEN» – онлайн-системы контроля за рассмотрением заявлений граждан чиновниками городской администрации, которая произвела настоящую сенсацию среди национальных антикоррупционных программ. Свободный доступ к информации о состоянии дел исключает необходимость личных контактов с чиновниками или предложения им взяток за ускоренное принятие решений. В результате реализации этой программы коррупция среди чиновников в столице уменьшилась в 6 раз [9].

Эталонным считается Закон Республики Корея «О борьбе с коррупцией», вступивший в силу 1 января 2002 г. и получивший широкое международное признание. В соответствии с ним право начинать расследование о коррупции фактически предоставлено любому совершеннолетнему гражданину страны. Комитету по аудиту и инспекции (так называется в стране главный антикоррупционный орган) вменено в обязанность начинать расследования соответствующих обвинений по любому заявлению граждан.

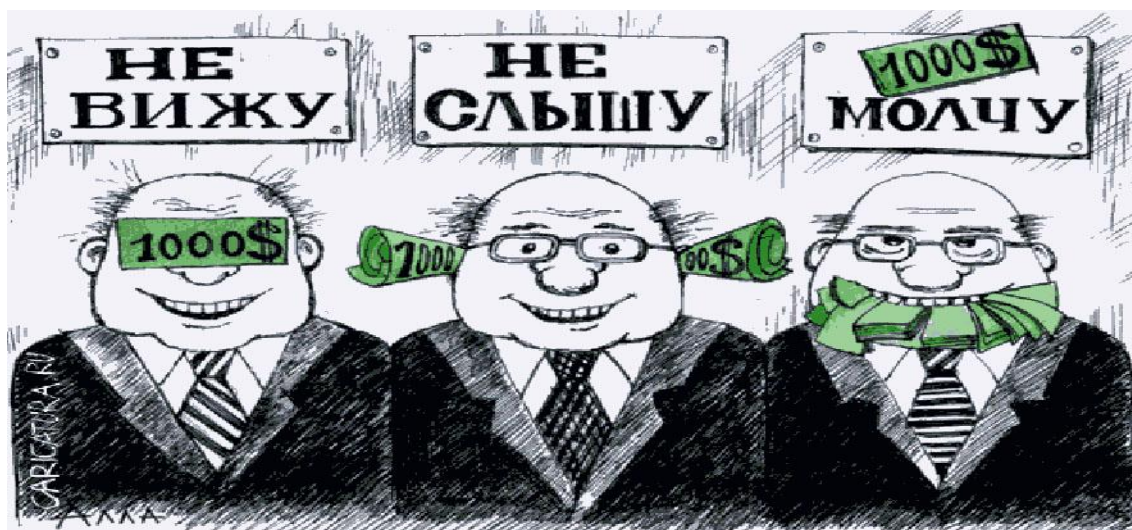
Заслуживает внимания и антикоррупционная политика Сингапура. Её центральным звеном является постоянно действующий специализированный орган по борьбе с коррупцией – Бюро по расследованию случаев коррупции, обладающее политической и функциональной самостоятельностью. Этот независимый орган расследует и стремится предотвращать коррупцию в государственном и частном секторе экономики страны. Бюро проверяет факты злоупотреблений государственных чиновников и сообщает о них соответствующим органам для принятия дисциплинарных мер, а также изучает методы работы потенциально подверженных коррупции государственных органов для обнаружения слабых звеньев в системе управления.

Главная идея антикоррупционной политики Сингапура заключается в «стремлении минимизировать или исключить условия, создающие как стимул, так и возможность склонения личности к совершению коррумпированных действий» [10]. Это достигается за счёт целого ряда антикоррупционных принципов, в частности:

- оплата труда государственных служащих согласно формуле, привязанной к средней заработной плате успешно работающих в частном секторе лиц;
- контролируемая ежегодная отчётность государственных должностных лиц об их имуществе, активах и долгах, при этом прокурор вправе проверять любые банковские, акционерные и расчётные счета лиц, подозреваемых в нарушении Акта о предотвращении коррупции;
- большая строгость в делах о коррупции в отношении высокопоставленных чиновников для поддержания морального авторитета неподкупных политических лидеров;
- ликвидация излишних административных барьеров для развития экономики.

Таким образом, в трёх наиболее динамично развивающихся странах Азии, несмотря на национальную специфику, реализуются комплексные антикоррупционные программы, предусматривающие наряду с репрессивными профилактические меры предупреждения коррупции. Также отметим, что в настоящее время общепризнанно, что ни отдельные страны, ни международные организации не могут справиться с коррупцией самостоятельно, без помощи друг друга. Победить коррупцию в отдельной стране почти невозможно, так как сопротивление бюрократии оказывается слишком сильным. Даже если и существует политическая воля к подавлению коррупции, недостаток практического опыта, информации и финансовых ресурсов снижает ее эффективность.

Интернациональные организации – такие как Организация Объединенных Наций, Европейский Союз, Всемирный Банк и др. – активно стимулируют борьбу с коррупцией, но и они с их опытными штатами, информированностью и большими финансами не могут успешно противостоять коррупции в какой-либо стране, если ее правительство и граждане не проявляют воли и решимости к борьбе. Вот почему данная проблема может быть разрешена только в тесном сотрудничестве между отдельными странами и международными организациями. Также, по нашему мнению, необходимо отметить, что положительный опыт такой борьбы обязательно должен апробироваться и применяться в России, ведь от того, в какой срок будет решен этот сложный и спорный вопрос, во многом зависит культурное, социальное, экономическое и политическое развитие всего мирового сообщества, в том числе и России. В конечном итоге, от этого в решающей степени зависит соблюдение и реализация основных прав и свобод человека и гражданина, а также прогрессивных принципов правового государства – законности и справедливости.

Список источников:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Уголовный Кодекс Японии. СПб., 2002.
3. Из обращения Президента РФ Д.А. Медведева.
4. Баранник И.Н. Сотрудничество правоохранительных органов стран АТР в борьбе с транснациональной преступностью – объективная закономерность // Международная конференция «Мировое сообщество против глобализации преступности». М., 2001.
5. Еремин В.Н. Характеристика источников уголовного права Японии // Уголовное право зарубежных стран. Общая часть. М., 1990.
6. Натаров В. Канэмару – «серый кардинал» правящей партии // Литературная газета 1996.- №14.
7. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М., «Логос», 2003.
8. Сатаров Г.С., Пархоменко С.А. Разнообразие стран и разнообразие коррупции (Анализ сравнительных исследований). М., 2001.
9. Чиркова Е.Е. География коррупции. 2000.
10. Хонг Марк. Сингапур – страна, победившая коррупцию. [Электронный ресурс] // URL: http://world.ng.ru/azimuth/2000_05_18/6sing.htm/
11. Transparency International Annual Report, 2000.

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РФ В СРАВНЕНИИ С ЯПОНИЕЙ

*Орлов Н.Г.**

Бурятский государственный университет

Россия, г. Улан-Удэ

Среди глобальных проблем современности, от решения которых зависит дальнейшее развитие мирового сообщества в новом столетии, одной из самых острых и «кровооточающих» является проблема коррупции. Коррупция в условиях глобализации приобретает новое качество, выражающееся, в частности, в ее транснациональных формах, является серьезнейшим противоречием глобализации, одним из вызовов мировому развитию. Это эпидемия, которой подвержены все современные общества: «Коррупция ослабляет демократию и правопорядок, что ведет к нарушениям прав человека, искажает рыночные механизмы, ухудшает качество жизни людей, способствует организованной преступности, терроризму и другим угрозам международной безопасности. Это опаснейшее явление, которое присутствует во всех странах – больших и малых, богатых и бедных...» [3]. По оценкам Всемирного банка, ущерб мирового сообщества от коррупции составляет 80 млрд. долл. в год. Данная оценка не учитывает косвенных потерь, которые, вне всякого сомнения, превышают приведенные цифры.

Масштаб угрозы, представляющей коррупцией обусловил степень озабоченности мирового сообщества данной проблемой. Это нашло выражение во многих международных

* **Научный руководитель:** Эрхитуева Татьяна Ильинична, к.юрид.н., зам.дек. по заочному отделению юридического факультета Бурятского государственного университета

антикоррупционных актах, в частности, в Конвенции ООН 31 октября 2003 г. против коррупции [1]. Для Российской Федерации проблема коррупции и борьбы с ней является особо актуальной. Системный кризис, по целому ряду показателей отбросивший страну на десятилетия назад, не мог не сказаться на масштабах коррупции. Многочисленные исследования показывают, что в той или иной степени коррупцией поражены все системы социального управления, причем не только в «публичной», но и в негосударственной сфере. Актуальным для России остается вопрос о выработке и претворении в жизнь эффективной антикоррупционной стратегии, включающей в себя, помимо средств уголовной репрессии, комплекс мер по предупреждению коррупции.

Нуждаются в совершенствовании и уголовно-правовые средства противодействия коррупции, потенциал которых, как представляется, далеко не исчерпан. Одним из направлений такой работы должно стать приведение российского уголовного законодательства в соответствие с международными стандартами, выработанными международно-правовыми документами. Россия как государство, претендующее на глобальную роль в мировом сообществе, не может стоять в стороне от мировой антикоррупционной политики. О необходимости более совершенной борьбы с коррупцией высказался президент РФ в своем ежегодном послании Федеральному Собранию, где назвал данную проблему одной из главных барьеров на пути нашего развития. «Очевидно, что борьба с ней должна вестись по всем направлениям: от совершенствования законодательства, работы правоохранительной и судебной систем - до воспитания в гражданах нетерпимости к любым, в том числе бытовым проявлениям этого социального зла» [2]. Искоренение этого социального «недуга» возможно только путем ликвидации причин, которые его порождают.

Так среди причин наиболее зависимых от воли общества можно выделить: 1) ограничение внешней среды (Чем меньше от чиновника что-либо зависит, тем лучше государству. Но все больше и больше вопросов отдается на решение должностным лицам. Именно подобное развитие государства стимулирует рост коррупции. Чем больше контролирующих, визирующих, разрешающих органов – тем больше объем взяточничества.); 2) моральные ценности и ограничения (В России ни взяточник и ни взяточдатель не считают, что они совершают аморальный поступок. Более того, это сейчас в обществе считается нормальным. Мы должны привить гражданам такие моральные устои, при которых они осознавали аморальность коррумпированного поведения.); 3) максимизация собственной выгоды (Коррупция государственных служащих является неизбежным побочным продуктом больших правительств, но они с меньшей вероятностью поддадутся таким «соблазнам», если работа пропорционально их обязанностям и возможностям высоко оплачивается). Однако главными причинами широкого распространения коррупции в России на сегодняшний день являются:

1) неэффективность государственного управления, (чем сложнее и неповоротливее система управления, чем больше несоответствие между ней и проблемами, которые она должна решать, тем легче в ней «угнездиться» коррупции). Главная причина низкой эффективности системы управления страной в том, что исполнительная власть осталась по существу нереструктурированной: почти в неизменном виде сохранились принципы ее организации, методы управления, стереотипы деятельности государственных служащих, сформировавшиеся в условиях совершенно иного механизма властвования, предполагавшего не правовые способы воздействия как на объекты управления, так и внутри самой системы управления.

2) неразвитость гражданского общества. Деформированная социальная стратификация, высокий уровень бедности, отсутствие сильного среднего класса, низкий уровень правовой культуры, примирительное отношение людей к попранию своих прав и свобод, деформация моральных ценностей - все это способствует развитию и укоренению теневых общественных отношений.

3) несовершенное законодательство. Несмотря на неоднократные попытки систематизации правовых и организационных мер борьбы с противоправными деяниями, совершаемыми с должностными и иными лицами, выполняющими управленческие функции, своего служебного положения в целях получения незаконного вознаграждения, в законодательстве Российской Федерации до сих пор отсутствует правовое определение понятия и признаков коррупции, коррупционного преступления и коррупционного правонарушения. Не определен круг предусмотренных законодательством норм ответственности за преступления и правонарушения, охватываемые понятием коррупции. До сих пор в законодательстве не установлен объем допустимых мер контроля и правового воздействия, необходимых и достаточных для пресечения и предупреждения коррупционной деятельности. Не закреплены полномочия институтов государственной власти и общества по обеспечению функционирования системы

антикоррупционного воздействия и т.д. Таким образом, отсутствие системного законодательства по борьбе с коррупцией не позволяет повысить эффективность мер антикоррупционного воздействия [3].

Отечественные исследователи отмечают, что в российском уголовном праве отсутствуют такие составы преступлений, как коррупционный лоббизм, коррупционный фаворитизм, внесение тайных взносов на политические цели, внесение взносов в избирательные фонды с целью получения впоследствии государственных должностей и т.д. Также представляет интересным опыт по борьбе с коррупцией в иностранных государствах. Япония очень экономически развитая страна, и это во многом обеспечивается благодаря эффективной антикоррупционной политике. Японский опыт борьбы с коррупцией доказывает, что отсутствие единого кодифицированного акта, направленного на борьбу с коррупцией, не препятствует эффективному решению рассматриваемой проблемы.

Нормы антикоррупционного характера могут содержаться во многих национальных законах. Особое значение японский законодатель придает установлению запретов по отношению к политикам, государственным и муниципальным служащим. Они, в частности, касаются многочисленных мер, которые политически нейтрализуют японского чиновника в отношении частного бизнеса, как во время службы, так и после ухода с должности. Японский законодатель устанавливает строгие ограничения финансирования избирательных кампаний, партий и иных политических организаций, вводит жестко регламентированный порядок осуществления пожертвований в пользу кандидатов на выборах, политических фондов, устанавливает порядок отчетности по поступающим к ним и расходным средствам. Нарушение положений закона влечет применение санкций, распространяющих свое действие на ответственное лицо как представляющее, так и получающее политические пожертвования стороны, а также и на посредников между ними.

Японский законодатель квалифицирует как уголовное преступление действия политиков, пробивающих за вознаграждение от заинтересованного лица выгодное для него решение путем воздействия на государственных, муниципальных служащих, а также служащих юридических лиц с 50% капиталом государства или местного самоуправления. В Японии, как и во многих странах, одним из главнейших направлений борьбы с коррупцией является кадровая политика. Государственное администрирование построено здесь на принципе меритократии и ориентировано на службу. Японским чиновникам гарантирована достойная оплата труда.

Большое внимание японский законодатель уделяет этичному поведению политиков и служащих. С апреля 2000 г. в стране действует Закон «Об этике государственных служащих», а так же утвержденные правительственным указом этические правила государственного служащего и нормы административных наказаний за их нарушение. В этических правилах государственного служащего даются развернутое определение «заинтересованного лица» и подробный перечень неэтичных действий, что исключает произвольное толкование требований закона. В апреле 2001 г. в Японии вступил в силу Закон «О раскрытии информации», который гарантирует гражданам право на доступ к официальной информации, имеющейся у правительственных учреждений, и возможность подать апелляцию в Совет по контролю за раскрытием информации в том случае, если правительство решит не раскрывать определенную информацию. Эти условия позволили общественным группам разоблачить несколько случаев коррупции.

В России подобного рода нормативно-правовой акт был принят в 2008 г. [3], который напрямую закрепил обязанность государственных и муниципальных служащих, которыми являются и сотрудники органов внутренних дел, представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей (статья 8). Таким образом, в Японии приоритетными в сфере борьбы с коррупцией стали: 1) меры политической экономии (подотчетность политического руководства, реформа финансирования политических партий и кампаний); 2) реформа государственной службы (достойная оплата труда, система стимулов, принцип меритократии); 3) обеспечение гражданских свобод (система социально-правового контроля и морального воздействия на политиков со стороны гражданского общества).

В Японии выявлены особенности антикоррупционной политики, которые позволяют им успешно осуществлять мероприятия по борьбе с коррупционными преступлениями, а также выяснения направлений, по которым (не механически, а в рамках отечественных правотворческих традиций, в первую очередь с учетом сложившейся системы уголовно-правовых норм и принятой

законодательной техники) определенный опыт зарубежного законодателя можно было бы перенести на российскую почву, что является весьма насущной задачей.

Коррупция чиновников и политических деятелей резко негативно воспринимается и властями и общественностью Японии. В Японии осуществляется: раскрытие информации о деятельности властных структур, так же введен институт независимого омбудсмана для контроля за чиновниками, с тем, чтобы строго наказывать за преступления рассматриваемого рода (аннулировать избрание депутатов, пожизненно запрещать выдвижение в качестве кандидатов, наказывать причастных лиц из избирательной команды), так же японскими исследователями предлагается перейти на финансирование избирательных кампаний полностью на государственной основе. Несмотря на важность борьбы с коррупцией, установлены твердые правовые гарантии защиты от ложных обвинений во взяточничестве – активный подкуп карается также строго, как и принятие должностным лицом (даже будущим) взятки – каторга до трех лет или денежный штраф.

В отличие от УК РФ положения о подкупе относятся только к подкупу должностного лица, ответственность за так называемый «коммерческий подкуп» предусматривается в специальных законах. УК Японии ст. 172 строго карает «ложный донос или жалобу» - каторга на срок от 3 месяцев до десяти лет. Так как господствующее в Японии учение и судебная практика стоят на той точки зрения, что это преступное деяние направлено не против отдельных лиц, которым предъявляется ложное обвинение, а против судебной деятельности государства. Честь должностных лиц защищает ст. 230 УК Японии («опозоривание» путем публичного разглашения какого-либо факта, в том числе даже и достоверного). Однако если судом установлено, что позорящий факт верен и его оглашение совершено в публичных интересах, следует освобождение от уголовной ответственности. Уголовно-правовые гарантии защиты должностных лиц закреплены в ст. 95 УК Японии (употребление насилия или применение угрозы в отношении должностного лица с целью побудить его к выполнению или невыполнению служебного действия или отказу от должности - каторга или тюремное заключение на срок до 3 лет); ст. 96 УК Японии (срыв печати, наложенной должностным лицом или знаков наложения ареста или запрещения - каторга на срок до 2 лет или денежный штраф) и т.д.

Гарантируя защиту должностным лицам, японское законодательство строго регулирует их обязанности. Действующий УК Японии относит «должностные преступления» к преступным деяниям против правовых благ отдельного лица (гл. 25 УК Японии), хотя теория рассматривает их как посягательства на деятельность государства (Кинсаку Сайто). Изучение зарубежного опыта борьбы с преступностью всегда полезно, а для России с ее сегодняшней криминогенной ситуацией - в особенности. Можно предположить, что особенно приемлемым в российском случае оказался бы именно японский опыт. Во-первых, потому, что Японии довелось и самой пережить бум преступности в сложной социально-экономической, внутривластной и национально-психологической обстановке, сложившейся в первый послевоенный период, а во-вторых, потому, что в менталитете японцев и россиян есть немало сходных моментов.

Составители «Белой книги» видят причину печальной перемены динамики должностной и корыстной преступности в том, что перестали действовать традиционные японские меры подавления преступности («снижение эффективности специфически японских социальных регуляторов»). Среди причин - снижение моральных установок, гедонистские ориентации, крен в сторону денежного выражения ценностей. Есть основания надеяться, что японская сторона окажет России помощь в освоении ее опыта. Проведенный анализ особенностей борьбы с коррупционными преступлениями в Японии, позволяет сформировать представление об основах передовой национальной антикоррупционной стратегии, развитие которых необходимо в России.

Во-первых, сильная политическая воля высшего руководства государства к борьбе с коррупцией и сформированная на ее основе единая государственная политика в области борьбы с коррупцией, включающая комплекс мер государственного, политического, экономического, социального и правового характера. Во-вторых, организованный социальный контроль со стороны гражданского общества за всей системой государственного администрирования (непременным условием для этого является создание атмосферы прозрачности) и обеспеченная возможность возбуждения в этих рамках уголовного преследования правонарушителей. В-третьих, жесткая подотчетность лиц, наделенных властными полномочиями, перед реально независимым органом, осуществляющим мониторинг чистоты деятельности государственных служащих, а так же наделенным полномочиями по привлечению к ответственности должностных лиц вне зависимости от их положения в иерархической структуре власти. Эти положения, как представляется, являют

собой фундамент успешной национальной антикоррупционной политики. В заключении хотелось бы сказать, что коррупция имеет своего постоянного спутника, это нестабильность, слабость государственной экономики, а так же экономические кризисы, которые способствуют развитию коррупции. Конечно, коррупцию до основания искоренить не удастся, это очевидно, но вместе с тем мы должны стремиться к минимизации этого «социального зла», чтобы государство развивалось более быстрыми темпами, и наше общество процветало.

Список источников:

1. *Дмитрий Медведев приступил к реформированию судебной системы и борьбе с коррупцией* // Ведомости.-2008.-21 мая.
2. *Конвенция ООН против коррупции* // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. С. 7 – 54.
3. О противодействии коррупции: федер. закон Рос. Федерации от 25 декабря 2008г. № 273-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 декабря 2008г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 22 декабря 2008г. // Рос. газ. № 266. 30.12.2008.
4. *Послание Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=law;n=93657>
5. *Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о разработке Конвенции против коррупции* // Документы ООН. A/RES/55/61.
6. *Совещание по противодействию коррупции* // Газета.-2008.-20 мая.
7. Сайт Антикоррупционного комитета // URL: www.anti-corr.ru
8. Сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: www.gks.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В РОССИИ И КИТАЕ

*Васильев В.Г.**

*Институт прокуратуры
Саратовской государственной академии права»
Россия, г. Саратов*

Уголовное законодательство большинства стран содержит нормы в особенной части, направленные на охрану общественных отношений в сфере реализации государственной власти. В данную группу входят несколько составов преступлений, в том числе взяточничество, которое охватывает два самостоятельных состава – получение и дачу взятки. Такие деяния опасны тем, что они нарушают нормальную деятельность органов публичной власти, создают у значительного числа людей представление о возможности решить вопросы, получить желаемое за счет подкупа должностных лиц.

В настоящее время повышенный интерес представляют сравнительно- правовые исследования, особенно азиатских стран, которые, демонстрируя высокие темпы экономического роста, постепенно выходят на более высокие позиции в мировой системе. Кроме этого, опыт азиатских стран может предложить иные методы борьбы с преступностью, чем США и страны Европы, на которые традиционно ориентируется большинство государств. Необходимо также учитывать, что многие азиатские страны, например Китай, ближе к России по духу, что увеличивает вероятность более удачного заимствования. Данная статья посвящается сравнению уголовной ответственности за взяточничество по законодательству России и Китая.

Уголовный кодекс РФ в главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» содержит нормы об ответственности за взяточничество. Уголовный кодекс КНР поместил нормы об ответственности за взяточничество в отдельную главу «Коррупция и взяточничество». По мнению ученых, выделение самостоятельной главы о коррупции и взяточничестве и её строение имеют большое значение для борьбы с данными видами опасных и распространенных преступлений [4, С. 251].

* **Научный руководитель:** Гармаев Юрий Петрович, д.юрисд.н., проф., зав. лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета.

В первую очередь рассмотрим состав получения взятки. Обязательным признаком получения взятки является ее предмет. Согласно ст. 290 УК РФ взятка может выражаться в виде: 1) денег, 2) ценных бумаг, 3) иного имущества (автомобили, земельные участки и т.д.), 4) выгод имущественного характера (оказываемых должностному лицу безвозмездно, но в других случаях подлежащих оплате услуг имущественного характера – предоставление туристических путевок, ремонт квартиры (и т.д.). Позиция *китайского законодателя* сходна с российским. Предметом взятки по УК КНР (ст. 385) может выступать: 1) имущество третьих лиц, 2) выгоды, причитающиеся третьим лицам, 3) именованное комиссионное или агентское вознаграждение [3].

Объективная сторона преступления по получению взятки согласно ст. 290 УК РФ состоит в получении взятки лично или через посредника [2]. При этом должностное лицо обязано совершить определенные действия в пользу взяткодателя: 1) действия (бездействие), если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица; 2) действия (бездействие), если лицо в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию); 3) общее покровительство взяткодателя со стороны должностного лица; 4) попустительство взяткодателя по службе со стороны должностного лица. Но данные действия находятся за пределами объективной стороны, так что их фактического совершения не требуется для квалификации действий взяткополучателя. Состав этого преступления является формальным, то есть оно будет оконченным с момента фактического принятия должностным лицом хотя бы части заранее оговоренной взятки.

Объективная сторона аналогичного преступления согласно ч. 1 ст. 385 и ч.1 ст. 387 УК КНР состоит в требовании и получении взятки государственными служащими или юридическими лицами от других лиц или в незаконном получении выгоды, причитающейся третьим лицам, с использованием своего служебного положения (для юридических лиц без такового) [3]. Согласно ч. 2 ст. 385 и ч. 2 ст. 387 УК КНР взяткой является также незаконное получение именованного комиссионного или агентского вознаграждения государственными служащими и юридическими лицами в процессе осуществления хозяйственно-экономической деятельности [3], что характеризует более широкое понимание объективной стороны данного состава китайским законодателем, чем российским.

Ещё одна норма посвящена составу получения взятки – ст. 388 УК КНР. Она закрепляет самостоятельный вид данного преступления, особенность которого заключается в том, что государственный служащий при получении взятки может не только использовать свои служебные полномочия, но и действовать противоправно благодаря служебному положению, а также использовать полномочия других государственных служащих. Данный состав наиболее сходен с составом, предусмотренным ч.1 ст. 290 УК РФ. Все вышеуказанные составы получения взятки являются формальными.

Субъектом получения взятки согласно уголовному законодательству России является должностное лицо (специальный субъект). В соответствии со ст. 285 УК РФ должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации [2].

В УК КНР также определен специальный субъект получения взятки — государственный служащий. Законодательное определение государственного служащего содержится в ст. 93 УК КНР: настоящий кодекс называет таковыми лица, выполняющие служебные обязанности в государственных органах [3]. Согласно ч. 2 ст. 93 УК КНР к ним также относятся служащие, посвятившие себя государственной службе в государственных компаниях, предприятиях, организациях, народных коллективах; служащие государственных учреждений, компаний, предприятий, организаций, которых назначают на работу в негосударственные компании, предприятия, организации, общественные объединения, а равно и прочие служащие, которые согласно закону посвятили себя государственной службе [3]. Китайское законодательное определение специального субъекта должностных преступлений — государственного служащего принципиально отличается от российского законодательного определения субъекта состава получения взятки — должностного лица. «В качестве основного критерия определения столь сложного понятия китайский законодатель, в отличие от российского, использует не содержательный критерий — функции, а формальный критерий — занятие должности, на которой

лицо посвящает себя государственной службе. Такой критерий не говорит ничего о содержании деятельности работника» [4, 251]. Кроме того, уголовный закон Китая не дает определения государственной службы. Выходит, что одно искомое понятие — государственный служащий — определяется через другое — государственная служба. Представляется, что такое определение позволяет относить к субъектам получения взятки довольно широкий круг лиц.

К юридическим лицам – субъектам получения взятки согласно ст. 387 УК КНР относятся государственные органы, компании, предприятия, непроизводственные единицы, народные организации [3]. Субъективная сторона получения взятки по законодательству как России, так и Китая представлена прямым умыслом и корыстным мотивом, который вытекает из существа данного преступления. По УК РФ наказанием за получение взятки является штраф в определенном размере, либо лишение свободы на срок до 5 лет (при отягчающих обстоятельствах до 12 лет) с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет (ст. 290 УК РФ) [2].

По уголовному законодательству Китая наказание дифференцировано в зависимости от суммы полученной взятки и наличия смягчающих и отягчающих обстоятельств. К преступникам (государственным служащим) может применяться административное взыскание, краткосрочный арест, лишение свободы на срок от 2 до 10 лет и более, пожизненное лишение свободы и конфискация имущества как дополнительное наказание, а также смертная казнь (ст. 383 УК КНР) [3]. Виновные юридические лица согласно ст. 387 УК КНР наказываются штрафом, а их руководящие или ответственные лица - лишением свободы на срок до 5 лет или арестом [3]. Положительными моментами по сравнению с УК РФ является: 1) дифференциация наказания в зависимости от суммы полученной взятки, так как в УК РФ используется лишь понятие «крупный размер», образующее квалифицированный состав; 2) возможность привлечения юридических лиц к уголовной ответственности. В российском законодательстве, а именно в ст. 2.1 КоАП РФ эта проблема лишь по некоторым деяниям решается посредством привлечения должностного лица к уголовной ответственности а юридического лица – к административной за одно и то же преступление [0]; 3) конфискация имущества, которая предусмотрена в качестве наказания в общей части УК РФ, в том числе и за получение взятки, но она не предусмотрена соответствующей статьей особенной части, что говорит о неопределенности в возможности ее применения. Но вместе с тем, УК КНР не определяет минимальный и максимальный размеры штрафа, срок ареста, что является его отрицательной чертой.

Перейдем к сравнительной характеристике такого преступления как получение взятки. Состав этого преступления сформулирован в статье 291 УК РФ. Объективная сторона заключается в действиях по передаче должностному лицу взятки лично или через посредника. Так как состав дачи взятки сконструирован как формальный, то его следует считать оконченным с момента вручения должностному лицу хотя бы части заранее оговоренной взятки.

Объективная сторона дачи взятки по ст. 389 УК КНР включает в себя следующие деяния: а) передача имущества государственному служащему в целях получения незаконной выгоды; б) передача имущества государственному служащему в сравнительно крупном размере либо выдача государственному служащему именного комиссионного или агентского вознаграждения в процессе осуществления экономической деятельности в нарушение государственных установлений [4, С. 256]. Причем передача имущества государственному служащему под принуждением, не имеющая целью получение незаконной выгоды не является дачей взятки (ст. 389 УК КНР) [3]. Состав данного преступления формальный, как и по УК РФ.

Субъектом дачи взятки по уголовному законодательству как России, так и Китая может выступать физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Но в Китае возможно привлечение к ответственности юридических лиц: государственных органов, компаний, предприятий, непроизводственных единиц, народных организаций. Субъективная сторона данного преступления по УК РФ и по УК КНР характеризуются прямым умыслом.

Дача взятки должностному лицу по ст. 291 УК РФ наказывается штрафом в определенном размере либо исправительными работами на определенный срок, арестом до 6 месяцев, либо лишением свободы до 8 лет (за совершение должностным лицом заведомо незаконных действий) [2]. Наказание же по ст. 391 УК КНР за аналогичное преступление отличается большей суровостью: арест либо лишение свободы на срок до 5 лет, при отягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок до 10 лет, при особо отягчающих обстоятельствах возможно назначение пожизненного заключения с конфискацией имущества в качестве дополнительного наказания [3]. Юридическое лицо наказывается штрафом, кроме того лица, непосредственно ответственные за

руководство, и другие непосредственно ответственные лица наказываются лишением свободы до 3 лет либо краткосрочным арестом (ст. 391 УК КНР) [3].

В отличие от российского уголовное законодательство Китая предусматривает отдельную статью за посредничество при передаче взятки государственному служащему при отягчающих обстоятельствах (ст. 392 УК КНР) [3]. Это не означает, что по УК РФ посредник не будет привлечен к ответственности - его действия будут квалифицироваться как соучастие в преступлении. Сходны позиции российского и китайского законодателей в том, что лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица (государственного служащего), или если оно добровольно сообщило о даче взятки в уполномоченный орган.

Из вышесказанного видно, что и Российская Федерация и Китайская Народная Республика имеют довольно развитое уголовное законодательство в сфере противодействия коррупции. Однако, каждой стране есть, что заимствовать друг от друга. На наш взгляд, российскому законодателю следует установить уголовную ответственность юридических лиц за взятничество, ужесточить наказание за данные преступления, в том числе установить в качестве санкции применение конфискации имущества, сделать его более дифференцированным, что увеличит эффективность борьбы с взятничеством. Китайскому законодателю возможно следовало бы сделать более определенным понятие специального субъекта преступлений, установить минимальные и максимальные размеры штрафа, сроки ареста, что будет способствовать более объективному применению законодательства.

Список источников:

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 30.04.2010) // [Электронный ресурс]. Справочная система "КонсультантПлюс": Технология 3000: Информационный банк: Комментарии Законодательства. М., 2010.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.04.2010) // [Электронный ресурс]. Справочная система "КонсультантПлюс": Технология 3000: Информационный банк: Комментарии Законодательства. М., 2010.

3. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики // [Электронный ресурс]. // URL: www.labatr.bsui.ru/index.php?mod=pages&page=zakonstvo

4. Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование: монография / Отв. ред. проф. А.И. Коробеев. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. - 272 с. (Серия «Монографии»)

5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / М.П. Журавлев и др.; под. Ред. А. И. Рарога. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. - 696 с.

ГИПНОЗ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ НАСИЛИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ МОШЕННИЧЕСТВА (на примере уголовного законодательства России и Монголии)

Бархатова Е.Н.
Восточно-Сибирский институт МВД РФ
Россия, г. Иркутск*

В последние годы в средствах массовой информации, а также различной научной литературе можно найти сведения о вариантах совершения преступлений под влиянием «гипнотического внушения». Можно было бы эти высказывания расценивать как естественное рвение журналистов к сенсационным материалам и относиться скептически, но данная тема начинает получать освещение и в современной юридической литературе [1]. Хотя история вопроса имеет более чем вековую давность [2]. Явления гипноза под различными названиями и формами были известны с глубочайшей древности. Еще шаманы (колдуны) эпохи каменного века применяли гипнотические приемы, как для лечения соплеменников, так и в негуманных, вредоносных целях. В иностранной литературе конца XIX - начала XX вв. описаны многочисленные случаи использования гипноза в преступных целях. *Были выявлены* две обычные ситуации, обусловленные криминальной активностью «новаторов»: загипнотизированное лицо подвергается физическому насилию вплоть до смертельного исхода либо ему причиняется материальный вред; в итоге преступного гипнотического действия жертва совершает преступные деяния в состоянии гипноза (сна) или в постгипнотическом состоянии.

* Научный руководитель: Радченко Ольга Викторовна

Познания в области гипноза, согласно изученной литературе, использовались для изнасилования женщин, для управления загипнотизированным лицом в целях причинения им физического вреда самому себе и даже совершения самоубийства, а также для нанесения себе имущественного вреда способами составления подложного векселя, фиктивного контракта реализации либо дарения, мнимой долговой расписки и т.п. Лжесвидетельство, подлог в документах - все это может быть выполнимо в итоге гипнотических внушений. Гипнозом именуется видоизменение обыденного сна, искусственно вызванного с помощью особых приемов. В психотерапии существует более 300 самостоятельных методик, одной из которых является гипноз. Он относится к группе целительных приемов, называемых суггестивной психотерапией, то есть психотерапией, основанной на внушении [3]. *На основании изученной литературы предложим свое определение гипноза, отражающее, на наш взгляд, основные его стороны: Гипноз – психофизиологическое состояние, вызываемое внушением, при котором человек, оставаясь бодрствующим, лишен возможности осознавать происходящее с ним и контролировать свою волю. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ, насилие в уголовном праве – это преступное посягательство на личную безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения физического или психического вреда потерпевшему вопреки (против или помимо) его воли путем энергетического (физического) или информационного (психического) воздействия на организм (органы, ткани, физиологические функции, психику) человека.*

Физическое насилие – это преступное посягательство на физическую безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения физического вреда потерпевшему вопреки его воле. Психическое насилие – это преступное посягательство на психическую безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения психического вреда потерпевшему вопреки его воле [4]. Исходя из предложенного определения гипноза, можно сделать вывод о том, что гипнотическое воздействие на человека против его воли – это своего рода насилие, причем насилие, направленное как на психику человека, на его эмоции и мысли, так и определенным образом воздействующее на человеческий организм в целом, насилие как психическое, так и физическое. Следовательно, преступления, совершенные с применением гипноза, мы можем квалифицировать как совершенные с применением насилия.

Таким образом, на наш взгляд, практическую значимость имеет внесение в ст. 63 Уголовного кодекса РФ дополнительного пункта «о» следующего содержания: *«совершение преступления с доведением потерпевшего до беспомощного состояния путем использования гипноза»*. Также, по нашему мнению, кроме внесения дополнения в ст. 63 УК РФ, необходимо в последующем внести дополнений в ряд статей УК РФ, в которых данный признак может являться квалифицирующим, в частности, таких как ст. 159 УК РФ «Мошенничество». Что касается монгольского законодательства, то здесь гипноз также не получил надлежащего закрепления. В Уголовном Кодексе Монголии, принятом в 2002 г., нашел отражение термин «насилие», под которым, как и в УК РФ понимается противоправное воздействие на организм потерпевшего, совершенное против его воли. Что касается признаков состава такого преступления как мошенничество, т.е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием согласно УК РФ, то ни в УК Монголии, ни в УК РФ не содержится такого квалифицирующего признака данного состава, как применение насилия.

Статья 148 Уголовного Кодекса Монголии устанавливает, что родовым объектом мошенничества является право собственности, к которому относятся государственная собственность, собственность общественных организаций и личная собственность граждан [5]. В УК РФ также назван родовой и непосредственный объект данного преступления: отношения собственности в целом и определенная форма собственности, нарушаемая в результате преступного деяния в частности. Как и УК РФ, Уголовный закон Монголии относит мошенничество к категории преступлений ненасильственного характера. При совершении данного преступления используются такие способы как обман и злоупотребление доверием. Однако, на наш взгляд, следует пересмотреть такой подход к определению мошенничества. Как уже было отмечено выше, сегодня мы все чаще сталкиваемся с таким способом совершения мошенничества, как погружение потерпевшего в состояние гипнотического транса.

Поскольку мы определили, что гипноз – это не обман и не злоупотребление доверием, а одна из форм насилия, причем в некоторых случаях даже опасного для здоровья потерпевшего, то по нашему мнению, было бы целесообразно включить в статьи уголовного законодательства как России, так и Монголии, предусматривающие ответственность за совершение мошеннических

действий, такой квалифицирующий признак, как применение насилия в форме гипнотического воздействия на психику потерпевшего. Хотя проблема гипноза не разработана и не находит отражения в уголовном законодательстве как России, так и зарубежных государств, преступления такого характера все же совершаются, в основном это хищения чужого имущества в форме мошенничества. На наш взгляд, данная проблема требует более детального изучения и решения не только внутри отдельного государства, но и на международном уровне.

Список источников:

1. Гримак Л.П. Гипноз и преступность. М., 1997.
2. Фишер С. Гипнотизм в праве. СПб., 1896; Краснушкин Е. К. Сомнамбулический гипноз и уголовное следствие. М.; Л., 1933.
3. Буянов М. И. Приключения старой загадки. (Истерия, история, суеверия). М., 1991. С. 110.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 // Российская газета, № 9 от 18.01.2003.
5. Уголовный Кодекс Монголии от 01.09.2002.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Левина А.А.**

*Благовещенский филиал Московской академии
предпринимательства при Правительстве Москвы
Россия, г. Благовещенск*

Информация о законодательстве, особенностях преступности и эффективности мер борьбы с ней, об уголовной политике и уголовном законодательстве в государствах АТР представляет серьезный научный и практический интерес, и не только в плане практического правоприменения. Богатый опыт государств АТР в борьбе с преступностью на всех этапах общественно-исторического развития побуждает искать рецепты наиболее приемлемых способов воздействия на преступность и на ее формы. Свое исследование мы решили начать с анализа уголовного законодательства Китая. Представляется, что из всех стран Дальневосточного региона в последние годы именно Китайская Народная Республика привлекает к себе повышенное внимание в нашей стране. Во многом это обусловлено тем, что Китай является непосредственным соседом, граничащим с Дальневосточным федеральным округом, и конкретно – с Амурской областью. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики в новой редакции в Главе 6 Особой части «Преступления против порядка общественного управления» содержит § 5 «Преступления против общественного здравоохранения», состоящий из восьми статей. В соответствии со статьей 331 УК КНР лица, производящие опыты с микробами и вирусами инфекционных заболеваний, осуществляющие их хранение, транспортировку, имеющие их при себе, в случае нарушения соответствующих постановлений санитарно-административного отдела Госсовета, приведшего к распространению микробов, вирусов инфекционных заболеваний и повлекшего за собой серьезные последствия, – наказываются лишением свободы на срок до 3 лет или краткосрочным арестом; те же деяния, повлекшие за собой особо серьезные последствия, – наказываются лишением свободы на срок от 3 до 7 лет.

Статья 332 УК КНР устанавливает уголовную ответственность за нарушение пограничных санитарно-эпидемиологических правил, вызвавшее распространение эпидемии инфекционного заболевания или создавшее серьезную угрозу его распространения. Это преступление наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или краткосрочным арестом, а также одновременно или в качестве самостоятельного наказания – штрафом. Две статьи (333 и 334) УК КНР посвящены незаконным действиям с препаратами крови. Согласно статье 333 незаконная организация сдачи (продажи) крови третьими лицами – наказывается лишением свободы на срок до 5 лет и штрафом; то же деяние, сопряженное с принуждением третьих лиц к сдаче (продаже) крови путем угроз и насилия, – наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет и штрафом.

* **Научный руководитель:** Пискун Александр Иванович, доц. кафедры уголовно-правовых дисциплин Благовещенского филиала Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы.

В соответствии со статьей 334 УК КНР, незаконный сбор и поставка крови или изготовление, поставка продукции из крови, не соответствующей государственным стандартам, могущие повредить здоровью человека, – наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или краткосрочным арестом и штрафом; те же деяния, создавшие серьезную угрозу здоровью человека, – наказываются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет и штрафом; те же деяния, приведшие к особо серьезным последствиям, – наказываются лишением свободы на срок свыше 10 лет или бессрочным лишением свободы, а также штрафом или конфискацией имущества. В соответствии с этой статьей организации, имеющие разрешение руководящих государственных органов на сбор и поставку крови или на изготовление и поставку продукции из крови, осуществляющие проверку и исследование не в соответствии с правилами или нарушившие иные технологические нормы, что привело к причинению вреда здоровью человека, подвергаются штрафу, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие лица, несущие непосредственную ответственность, – наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или краткосрочным арестом.

Статья 335 УК КНР устанавливает уголовную ответственность за ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинским работником. Так медицинский работник, вследствие крайней халатности которого наступила смерть пациента или был причинен серьезный вред здоровью пациента, – наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или краткосрочным арестом. В соответствии с ч. 1 статьи 336 УК КНР незаконное занятие медициной лицом, не получившим статуса профессионального врача, при отягчающих обстоятельствах – наказывается лишением свободы на срок до 3 лет, краткосрочным арестом или надзором, а также одновременно или в качестве самостоятельного наказания – штрафом; то же деяние, причинившее серьезный вред здоровью пациента, – наказывается лишением свободы на срок от 3 до 10 лет и штрафом; то же деяние, приведшее к смерти пациента, – наказывается лишением свободы на срок свыше 10 лет и штрафом.

Вторая часть этой статьи посвящена незаконным действиям в области репродуктивных технологий. Лица, не получившие статус профессионального врача, незаконно проводящие третьим лицам операции по восстановлению способности к деторождению, фиктивные операции по лишению способности к деторождению, операции по прерыванию беременности или операции по извлечению (из матки) средства, предназначенного для ограничения рождаемости, при отягчающих обстоятельствах – наказываются лишением свободы на срок до 3 лет, краткосрочным арестом или надзором, а также одновременно или в качестве самостоятельного наказания – штрафом; те же деяния, причинившие серьезный вред здоровью пациента, – наказываются лишением свободы на срок от 3 до 10 лет и штрафом; те же деяния, приведшие к смерти пациента, – наказываются лишением свободы на срок свыше 10 лет и штрафом.

В уголовном кодексе Корейской Народно-демократической Республики лишь в одной статье специальным субъектом является медицинский работник. Так в соответствии со ст. 100 УК КНДР недобросовестное лечение пациентов и уход за ними со стороны медицинских работников либо ошибочное назначение лекарств, вызвавшее серьезное расстройство здоровья, – наказывается исправительным трудом на срок до одного года; те же действия, повлекшие смерть пациента, – наказываются исправительным трудом на срок до трех лет. Следует отметить, что по ст. 101 УК КНДР занятие медицинской деятельностью лицом, не являющимся медицинским работником из корыстных побуждений, если это привело к смерти или к инвалидности потерпевшего, наказывается исправительным трудом на срок до пяти лет.

Уголовные кодексы Японии и Республики Корея предусматривают ответственность за разглашение врачебной тайны. В соответствии со ст. 134 УК Японии врач, аптекарь, фармацевт, акушерка, адвокат, защитник, нотариус или лицо, которое выполняет или выполняло такую деятельность, в случае беспричинной выдачи чужой тайны, ставшей им известной в связи с осуществлением ими своей профессиональной деятельности, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок до шести месяцев или денежным штрафом на сумму до ста тысяч иен; так же наказываются лица, которые выполняют или выполняли религиозную или культовую деятельность, в случае беспричинной выдачи ими чужой тайны, ставшей известной в связи с осуществлением ими своей профессиональной деятельности. Согласно ст. 317 Уголовного Кодекса Республики Корея, врач, дантист, гомеопат, фармацевт, аптекарь, акушер, адвокат, уполномоченный по патентам, бухгалтер, нотариус или его помощник и любое другое лицо, выполняющее эти обязанности, которые открывают секреты других лиц, ставшие им известными в процессе профессиональной деятельности, подлежат наказанию в виде каторжных работ или

лишения свободы на срок не более трех лет, приостановления квалификации на срок не более десяти лет или штрафа в размере не более семи миллионов вон. Действие этой статья применяется также в отношении лица религиозной профессии, который раскрывает секрет другого человека, ставший ему известным в процессе выполнения профессиональных обязанностей.

Законодательство Японии и Республики Корея предусматривает ответственность за неосторожные преступления, связанные профессиональной деятельностью, которая распространяется и на медицинских работников. Так по ст. 211 УК Японии за причинение смерти или телесного повреждения другому лицу, тем, кто не проявил той заботливости, которая требуется при осуществлении его профессиональной деятельности, предусмотрена уголовная ответственность в виде лишения свободы с принудительным физическим трудом или тюремным заключением на срок до пяти лет или денежным штрафом на сумму до пятисот тысяч иен. В соответствии со ст. 268 УК Республики Корея лицо, которое причинило смерть или физический вред другому лицу из-за профессиональной или персональной небрежности, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не более пяти лет или штрафа в размере не более двадцати миллионов вон. Кроме этого в УК Республики Корея имеется ст. 233 «Подготовка ложного медицинского сертификата». Согласно этой статье, если специалист в области медицины или гомеопат, дантист или акушер готовит ложное медицинское заключение, заключение о посмертном вскрытии или свидетельство о жизни или смерти, то он подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не более семи лет или штрафа в размере не более тридцати миллионов вон.

Проводя сравнительный анализ уголовных законодательств стран АТР и России по исследуемому вопросу следует отметить, что общим для всех стран является наличие специальных норм, предусматривающих уголовную ответственность за причинение смерти и вреда здоровью вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками (в УК РФ это ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118). В отличие от УК РФ в уголовном законодательстве Японии и Республики Корея предусмотрена ответственность за разглашение врачебной тайны, а в УК КНР имеются специальные нормы, устанавливающие уголовную ответственность за незаконный сбор и поставку крови или изготовление, поставку продукции из крови, не соответствующей государственным стандартам. Обращает внимание то, что в уголовном законодательстве государств АТР, в отличие от УК РФ, не предусмотрена уголовная ответственность за неоказание помощи больному. В заключении следует отметить, что сравнительный анализ уголовного законодательства государств АТР связан с определенными объективными трудностями и не может претендовать на достаточную глубину исследования в силу невладения языком первоисточника, различных переводов уголовных кодексов, что может привести к неточности терминов, понятий, формулировок. Несмотря на это, дальнейшее изучение и анализ законодательства государств АТР, касающегося профессиональной деятельности медицинских работников, в том числе материалов официального толкования, юридической литературы; информации о правоприменительной практике, представляет несомненный интерес.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ АБОРТ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РОССИИ И СТРАН АТР

*Памирский А.Э. **

*Благовещенский филиал Московской академии
предпринимательства при Правительстве Москвы
Россия, г. Благовещенск*

В России действует одно из самых либеральных законодательств, регламентирующих искусственное прерывание беременности. Так, в соответствии со ст. 36. «Основ Законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель, по социальным показаниям – при сроке беременности до 22 недель, а при наличии медицинских показаний и

* **Научный руководитель:** Пискун Александр Иванович, доц. кафедры уголовно-правовых дисциплин Благовещенского филиала Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы.

согласии женщины – независимо от срока беременности.

Искусственное прерывание беременности проводится в рамках программ обязательного медицинского страхования в учреждениях, получивших лицензию на указанный вид деятельности, врачами, имеющими специальную подготовку. Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим нормативно-правовое регулирование в сфере здравоохранения, а перечень социальных показаний – положением, утверждаемым Правительством Российской Федерации. Незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой уголовную ответственность, установленную законодательством РФ.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 11 августа 2003 г. № 485 утвержден перечень социальных показаний для искусственного прерывания беременности. Таким образом, чтобы признать, что аборт является законным, необходимо установить следующие обстоятельства: срок беременности; наличие социальных показаний при сроке беременности от 12 до 22 недель; наличие медицинских показаний независимо от срока беременности; согласие женщины на производство аборта; соблюдение порядка разрешения операции; соблюдение порядка проведения операции; отсутствие медицинских противопоказаний к операции искусственного прерывания беременности; проведение операции искусственного прерывания беременности лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля.

Ст. 123 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконное производство аборта. Объективная сторона преступления заключается в незаконном производстве аборта, с нарушением установленных правил. Незаконность аборта, как это вытекает из смысла диспозиции ч. 1 ст. 123 УК РФ, обусловлена тем, что он производится лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, например, врачом другого профиля (окулистом, педиатром), либо лицом, имеющим среднее медицинское образование (фельдшером), или лицом, вообще не имеющим медицинского образования.

Уголовную ответственность закон связывает не с самой по себе операцией при наличии противопоказаний для ее проведения (например, срок беременности превышает 12 недель), а с личностью виновного – врачом не соответствующего профиля. Следовательно, при отсутствии указанных в ч. 3 ст. 123 УК последствий производство аборта лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, но, например, по истечении 12 положенных недель, состава преступления не образует. В литературе такая законодательная конструкция признана ошибочной. Представляется, что незаконность относится не только к лицу, но и к производству аборта, его основаниям и способам. Преступление считается оконченным с момента производства аборта, т.е. изгнания плода, независимо от наступивших последствий. Субъективная сторона деяния характеризуется наличием прямого умысла у виновного. Мотив незаконного производства аборта может быть различным (желание помочь женщине избавиться от беременности, корысть и т.д.), но на квалификацию действий он не влияет. Субъектом преступления по ч. 1 ст. 123 УК РФ является вменяемое лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля. Для него ответственность по ч. 1 указанной выше статьи УК РФ наступает независимо от иных обстоятельств, при которых выполнена операция.

Часть 3 ст. 123 УК устанавливает ответственность за деяние, предусмотренное ч. 1, если оно повлекло по неосторожности смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью. Смерть может наступить как во время аборта, так и после него, но она должна находиться в причинной связи с абортom. Оконченным это преступление считается с момента наступления смерти потерпевшей либо причинения тяжкого вреда ее здоровью. Под причинением тяжкого вреда здоровью понимаются фактические последствия после лечения, явившиеся результатом незаконного аборта: бесплодие, хроническая болезнь, инвалидность и другие признаки, характеризующие тяжкий вред здоровью. Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, приводит к парадоксальному выводу. Существующая редакция статьи закона признает производство аборта незаконным и уголовно наказуемым лишь в случае, когда он произведен лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля. Все остальные возможные случаи незаконного производства аборта уголовно ненаказуемы.

В действующем Уголовном кодексе Китайской Народной Республики, вступившем в силу 1 октября 1997 года, абзац второй статьи 336 параграфа 5 «Преступления против общественного здравоохранения» гласит: «Самовольное проведение другому лицу операции по предотвращению беременности или восстановлению способности к деторождению, операции по фиктивному

предотвращению беременности, прерыванию беременности или извлечению средств внутриматочной контрацепции лицом, не получившим квалификацию врача, при отягчающих обстоятельствах наказывается лишением свободы на срок до трех лет, арестом либо надзором, в качестве дополнительного или самостоятельного наказания применяется штраф; если это причинило тяжкий вред здоровью лица, проходившего обследование, наказывается лишением свободы на срок десять и более лет, в качестве дополнительного наказания применяется штраф».

Законодательство Японии и Республики Корея запрещает производство аборт. Интересно, что уголовной ответственности подлежит женщина, сама вызвавшая у себя прерывание беременности, это деяние наказывается: в Японии – лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок до одного года; в Республике Корея – каторжными работами на срок не более одного года или штрафа в размере не более двадцати миллионов вон. В соответствии со ст. 270 УК Республики Корея врач, гомеопат, акушер, фармацевт или аптекарь, которые способствуют преждевременным родам у женщины по ее просьбе или по сговору с ней, подлежат наказанию в виде каторжных работ на срок не более двух лет. Если вследствие совершения преступления женщине нанесен физический вред, виновный подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок не более пяти лет. Если женщина умирает, виновный подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок не более десяти лет.

В качестве дополнительного наказания применяется приостановление квалификации на срок не более семи лет. В соответствии со ст. 214 УК Японии врач, акушерка, фармацевт или торговец медикаментами, которые произвели аборт по желанию или с согласия беременной женщины, наказываются лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок от трех месяцев до пяти лет. Если в результате этого наступила смерть беременной женщины или ей было причинено тяжелое повреждение, наказание составляет лишение свободы с принудительным физическим трудом на срок от шести месяцев до семи лет. По итогам проведенного сравнительно-правового анализа можно сделать вывод, развитие законодательства об аборте в различных государствах в разное время происходит под влиянием самых разнообразных факторов (религиозных, демографических, национальных и др.). При этом необходимо отметить, что степень влияния тех или иных факторов во многом зависит от изменения конкретных политических целей и задач, стоявших перед государством на отдельно взятом историческом этапе его развития.

ФАКТОР ОПЬЯНЕНИЯ В ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ АЗИИ

Горковенко Я.Н., Серебренников А.С.
Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

Одной из самых острых проблем человечества является рост алкоголизма и наркомании. Однако следует задуматься, почему общества многих стран так обеспокоены этой проблемой и ставят её на один уровень с опасностью пандемии, экстремизма и геноцида? Состояние алкогольного или наркотического опьянения приводит к ограничению осознания и правильной оценки действительности, лишает человека возможности контроля за собственным поведением, что влечёт за собой повышение риска совершения преступления. Веками эту проблему пытались разрешить страны различных регионов мира. Большой опыт был приобретён странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Его обобщению и выделению наиболее важных моментов посвящена наша работа.

Алкоголизм - наркотическая зависимость, характеризующаяся болезненным пристрастием к употреблению алкогольных напитков (психическая и физическая зависимость) и алкогольным поражением внутренних органов. При алкоголизме происходит деградация человека как личности. В повседневной жизни и исторически алкоголизмом называют состояние, которое приводит к постоянному употреблению алкогольных напитков, несмотря на проблемы со здоровьем и негативные социальные последствия. Употребление алкоголя вызывает алкоголизм (что следует по определению), но это не означает, что любое использование алкоголя ведёт к алкоголизму.

* **Научный руководитель:** Тышкенова Айгуль Григорьевна, преп. кафедры конституционного и международного права юридического факультета Бурятского государственного университета.

Развитие алкоголизма сильно зависит от объема и частоты употребления алкоголя, а также индивидуальных факторов и особенностей организма [3].

К факторам распространения алкоголизма относятся: пропаганда с целью формирования общественного мнения, поощряющего потребление (в том числе и «культурное») алкоголя, реклама, материальная и количественная доступность алкогольных изделий, неразвитость алкогольной политики или государственная незаинтересованность в ней, а также культурные особенности и традиции разных народов. Важное значение имеет воспитание и влияние социальной среды, в которой развивается человек. Социальный ущерб от алкоголизма огромен: распадаются семьи, растёт преступность, сокращается продолжительность жизни, снижается интеллектуальный уровень общества. Алкоголизм оказывает существенное негативное влияние на качество генофонда нации. Дети алкоголиков имеют пониженный умственный потенциал, страдают различными болезнями центральной нервной системы, что в конечном итоге тормозит нормальное развитие общества в целом. Алкогольная смертность в России (600-700 тыс. человек в год) связана с самым высоким в мире уровнем потребления легальных и нелегальных алкогольных напитков.

Наркомания (от греч. νάρκη /narkē/ — оцепенение, сон, и μανία /mania/ — безумие, страсть, влечение.) — хроническое прогрессирующее заболевание, вызванное употреблением веществ-наркотиков. По законодательству Российской Федерации (далее по тексту – РФ) наркомания определяется как заболевание, обусловленное зависимостью от наркотических средств или психотропных веществ, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ, подлежащих контролю в Российской Федерации [2].

В целях борьбы с этой проблемой на высоком международном уровне был принят целый ряд решений: Первой акцией в этом направлении явился созыв Шанхайской опиумной комиссии 1909 г. с участием представителей 13 государств. Это было начало международного контроля за распространением наркотических веществ. В начале XX в. была предпринята попытка ограничить распространение препаратов опия. В 1911-1912 гг. в Гааге проводилась Международная конференция по опиуму, в которой принимали участие представители 12, в том числе и Россия. На конференции была выработана первая в мире Конвенция о наркотиках. Конвенция предусматривала меры, направленные на свертывание производства, торговли и употребления опиума. Конвенция также предполагала контроль и за медицинским применением наркотиков.

После I Мировой войны наркомания стала серьезной социальной проблемой, а в некоторых районах потребление наркотиков приобрело размах бедствия. Было принято решение возложить на международную организацию Лигу Наций контроль за международным сотрудничеством в области борьбы с распространением наркотиков, а также было принято два международных правовых акта: 1. Женевское соглашение о запрещении производства, внутренней торговли и использования очищенного опиума - от 11.02.25 2. Международная конвенция по опиуму, подписанная в Женеве 19.02.25. СССР присоединился к данной конвенции 29.11.36 г.

Тем не менее, вопросы уголовно-правового преследования лиц, виновных в незаконном производстве и распространении наркотических веществ регулировались национальным, внутренним правом каждой отдельно взятой страны. Торговцы наркотиками стали объединяться в международные преступные организации, в связи с чем, и возникла необходимость введения международных уголовно-правовых мер ответственности за преступления, связанные с наркотиками. Женевская конвенция о запрещении незаконной торговли наркотическими средствами от 26.06.36 г. предусматривала возможность выдачи преступника иностранному государству для привлечения к ответственности. Третий этап международного сотрудничества в области борьбы с наркоманией начался с момента создания Организации Объединенных Наций (далее по тексту – ООН). В 1946 г. ООН приняла резолюцию, которой утвердила комиссию по наркотическим средствам [1]. В 1961 г. этой комиссией был выработан международный многосторонний договор о наркотических средствах. СССР его подписал 13.12.64 г. Как завершающую стадию создания системы международного контроля над производством и распространением наркотических веществ, можно отметить подписание 21.02.71 г. в Нью-Йорке Конвенции о психотропных веществах.

В Японии около 70% всего алкоголя потребляется в виде пива, а остальная часть используется в виде саке. В японском обществе алкоголь выполняет важную функцию - расслабление и снятие стресса. Многие деловые переговоры ведутся в барах и ресторанах под влиянием алкоголя, поэтому риск привыкания к нему очень высок. Всем известны статистические данные, свидетельствующие о смертоносном уровне содержания алкоголя, который составляет

0,4%. Взрослый человек достигает его, выпив 300 мл. чистого спирта (100%), что эквивалентно 0,75 л. алкогольных напитков (40%), 2 л. вина или сакэ (15%) или 6 л. пива (5%). Почти каждый год на дорогах погибает около 4000 тыс. человек, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. И это не единственный пример совершения преступлений, вызванных чрезмерным употреблением алкоголя.

В Китае, к примеру, за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения водителям может назначаться наказание вплоть до смертной казни. Целью жестокого наказания является попытка сократить аварийность на китайских дорогах. Согласно статистическим данным, в 2009 г. в автомобильных авариях уже погибло 30 тысяч человек. Около 50% этих аварий произошло из-за управления транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения. Также очень высок уровень убийств и причинения тяжких телесных повреждений лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. После введения подобных правил появился новый вид бизнеса - услуги по доставке домой водителей из ресторанов вместе с их автомобилями. Подобные услуги, стоимость которых составляет от 15 долларов, становятся все более популярными. Доходы некоторых фирм с такой специализацией уже превысили 750 тыс. долларов. В целом отягчающий вину фактор, не образует самостоятельного преступления.

Можно утверждать, что в странах Ближнего Востока главным реальным историческим последствием введения в исламе запрета на алкоголь стало исключение его потребления из сферы открытой публичности. И то сегодня он достаточно открыто употребляется в таких странах как Турция, Сирия, Иордания, Ливан – землях, правда, со значительным немусульманским населением. А в таких странах, как Саудовская Аравия и Иран, где на публичное употребление алкоголя наложен суровый запрет, эта проблема отнюдь не снята из сферы сугубо приватной. Коран запрещает употребление алкоголя и наркотиков, ссылаясь на то, что человек тем самым сознательно затуманивает разум, не в силах трезво осознавать действительность, ставя под угрозу жизнь и здоровье общества в целом. За употребление алкоголя вводит наказание: тюремное заключение, смертная казнь (особый случай) и публичное забивание камнями (самый распространенный вид наказания).

Во многих странах злоупотребление выпивкой или курение могут повлечь за собой различные виды административного или уголовного наказания. Существует ряд стран, где употребление алкоголя запрещено или ограничено [4]: Албания, Алжир, Бангладеш, Бахрейн, Бенин, Бруней, Буркина-Фасо, Бурунди, Бутан, Восточный Тимор, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Джибути, Египет, Замбия, Западная Сахара, Зимбабве, Индия, Индонезия, Иордания, Ирак, Иран, Исландия, Йемен, Камбоджа, Камерун, Катар, Кения, Китай, Коморские острова, Кот-д'Ивуар, Кувейт, Лаос, Лесото, Ливан, Ливия, Маврикий, Мавритания, Мадагаскар, Малави, Малайзия, Мали, Мальдивы, Марокко, Мьянма, Ненал, Нигер, Нигерия, Норвегия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Пакистан, Палестина, Папуа-Новая Гвинея, Руанда, Саудовская Аравия, Свазиленд, Сейшельские острова, Сенегал, Сингапур, Сирия, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Таиланд, Танзания, Того, Тунис, Туркменистан, Турция, Уганда, Финляндия, Центральноафриканская Республика, Чад, Швеция, Шри-Ланка, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эфиопия, Таиланд, Танзания, Того, Тунис, Туркменистан, Турция, Уганда, Финляндия, Чад, Швеция, Шри-Ланка, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эфиопия.

Больших успехов в деле борьбы с алкогольной и нарко - преступностью добились Китай (КНР) и Япония. И этими достижениями они обязаны не только жёсткой карательной политике. Так, в Китае веками велась борьба с производством и употреблением алкоголя, строгому запрету подвергались все глюциногенные средства, а сейчас за производство, хранение и распространение наркотических средств в качестве наказания может назначаться смертная казнь. Но жёсткие санкции сочетались с мерами стимулирования и пропаганды, системой мер борьбы с преступностью. В России на протяжении её долгой истории подход к оценке состояния опьянения при совершении преступления менялся не раз.

С XII по начало XVII вв. опьянение считалось, безусловно, обстоятельством, смягчающим наказание. Во внимание принималась возникающая в связи с чрезмерным употреблением алкоголя дезориентация в пространстве, отсутствие возможности правильно оценивать свои собственные действия и действия других лиц. В период правления Петра I опьянение начинает рассматриваться как фактор, отягчающий преступное деяние, приходит понимание того, что в это состояние человек вводит себя сам. Однако единого подхода к оценке состояния опьянения в уголовном праве России так и не сложилось. Действующее уголовное законодательство РФ безразлично относится к состоянию алкогольного опьянения. Лицо, совершившее преступление в состоянии

опьянения подлежит уголовной ответственности на равных условиях (ст.23 УКРФ). При этом распитие спиртных напитков, а равно употребление наркотических веществ в общественном месте или на транспорте являются самостоятельными административными правонарушениями (ст. 20.20 КоАП РФ). Административная ответственность установлена и за появление в общественных местах в состоянии опьянения (ст.20.21 КоАП РФ).

Борьба с употреблением алкоголя и наркотических средств является одной из важных задач современного государства и общества любой страны. Однако установление и применение только санкций правового характера не является выходом из сложившейся ситуации. Корни употребления алкоголя и наркотиков кроются в социальной сфере общества. Как показывает история, только повышение общего уровня жизни населения страны, снижение безработицы и комплексная антиалкогольная политика государства способны побороть это зло, значительно снизить употребление алкоголя.

Как уже было сказано выше, проблему злоупотребления алкоголем и употребления наркотиков лежит в социальной плоскости её решения невозможно достичь простым увеличением наказания или применением мер устрашения — они способны дать лишь кратковременный эффект и углубление проблемы в долгосрочной перспективе. Но это не означает отсутствие необходимости совершенствовать законодательство, ставящее барьер алкогольному и наркотическому разложению общества. Самым эффективным методом является принятие пакета законопроектов, связанных между собой одной целью: максимально снизить употребление алкоголя и наркотиков, уменьшить число преступлений, совершаемых в состоянии опьянения:

1) Принять доктрину сокращения производства алкоголя внутри страны и его импорта из вне, путём строгого квотирования и лицензирования, с полным запретом в среднесрочной перспективе;

2) Повысить ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения, появление в таком состоянии в общественном месте, продажу алкоголя несовершеннолетним, в ночное время, во время проведения массовых мероприятий;

3) Принять на общегосударственном уровне программу оказания бесплатной медицинской помощи лицам, страдающим алкоголизмом и наркоманией, их последующей социальной реабилитации. Принять программу пропаганды здорового образа жизни, распространение соответствующих материалов через СМИ.

В заключение отметим, что данные меры, применяемые системно и на общегосударственном уровне, способны внести решающий вклад в дело борьбы с проблемой алкоголизма, наркомании и предотвращения преступлений, совершаемых в состоянии опьянения. Безусловно, эти меры должны облекаться в комплекс законов, с углубляющими их актами органов исполнительной власти.

Список источников:

1. Антонян Б.М., Бородин С.В. «Преступность и психические аномалии», М., 1999, С. 119
2. Иванов Н.Г. «Аномальный субъект преступления: проблема уголовной ответственности.». М., 2005, С. 201-202.
3. Копыт Н.Я, Скворцова Е.С. Алкоголь и подростки, 2005, С. 216
4. Личко А.Е., Битенский В.С. «Проблемы алкоголизма в странах Ближнего Востока» - СПб., С. 84

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В КИТАЕ И РОССИИ

*Зунтукова Г.А.**

*Байкальский экономико-правовой институт
Россия, г. Улан-Удэ*

Тотальный оборот наркотических средств обосновано считают чумой XXI в. Трансграничный наркобизнес представляет одну из серьезных угроз для человечества. Особая сложность противодействия наркомафии состоит в том, что основные производители наркосредств находятся за пределами России, что существенно затрудняет выявление и

* **Научный руководитель:** Белоусов А.В., преп. кафедры уголовно-правовых дисциплин Байкальского экономико-правового института.

обезвреживание лидеров наркомафии, организацию оптимального взаимодействия правоохранительных органов разных стран.

В настоящее время распространение наркотиков стало уже одной из самых серьезных проблем, угрожающих самому существованию и развитию человечества. Российское и Китайское правительство считает, что наркотики - общее зло всего человечества, борьба с ними - насущная задача всего международного сообщества [1, С. 3]. Непосредственная близость Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона, значительная протяженность государственной границы оказывают влияние на ситуацию с распространением наркомании [4, С. 6]. Китайско-российская граница протянулась на 3 тысячи километров, в результате этого из Китая в Россию потоками поступают синтетические наркотики, сильнодействующие лекарственные препараты, биодобавки и смеси.

Специалисты в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков отметили, что проблема наркобизнеса в приграничных районах Китая и России все более осложняется. Среди главных видов наркотиков, распространенных в этих районах, на первом месте стоит героин из Центральной Азии; конопля, выращенная в России; эфедрин, вывезенный из Китая контрабандным путем, и таблетки "экстази" из Юго-Восточной Азии. Владивосток также является перевалочной базой на стыке морского и сухопутного путей перевозки наркотиков. Всё, что разрешено в Китае, в России запрещено законом. Контрабандой считаются любые ввезенные из Поднебесной сильнодействующие лекарства, препараты и добавки.

Несмотря на то, что в самом Китае ведется жестокая борьба с наркотиками и наркобизнесом, в законодательствах Китая и России по данному вопросу существует несовместимость. Список признанных наркотических средств, сильнодействующих, психотропных и ядовитых веществ в России гораздо шире китайского, разрешающего производство и свободную продажу многих препаратов, в том числе лекарственных, широко используемых населением в традиционной китайской медицине. Таким положением и пользуются криминальные элементы обеих стран, которые под видом лекарств ввозят на территорию России наркотические средства и их составляющие. Всем известна практика с ввозом в Россию китайского эфедрина, пресечь которую российские правоохранительные органы смогли только после того, как китайские власти пошли на сотрудничество с нами и запретили свободную продажу данного препарата.

Только в ходе операции «Поток» в 2005 г. органами внутренних дел и таможенной службы было пресечено 128 случаев контрабанды эфедрина и эфедринсодержащих препаратов [3, С. 235]. Отмечаются факты появления новых наркотиков амфетаминового ряда китайского происхождения. В 2006 г. в ходе совместных оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками ФСКН России и МОБ КНР изъята партия синтетического наркотика «магу», аналог которого в России не установлен. На сегодняшний день остро стоит проблема ввоза в Россию биологически активных препаратов китайского производства, в состав которых входит СДВ "сIBUTрамин". Проблема ввоза и реализации на нашей территории подобных БАДов рассматривалась в г. Харбине в декабре 2006 г. Была достигнута договоренность об информировании граждан Китая об ответственности, согласно российскому законодательству, за ввоз и продажу препаратов, в состав которых входят подконтрольные на нашей территории сильнодействующие и ядовитые вещества.

В частности, пресечен канал поставки в Алтайский край БАДов из Китая через Забайкальский край. Другая проблема – афганский героин сегодня идет к нам не только через Казахстан и Таджикистан, но и через Китай тоже. Афганские наркотики доставляются в Китай разными маршрутами, но один из основных – через Казахстан и далее – Россию. Общая граница Республики Алтай с Китаем составляет всего 54 километра и проходит по хребту Южный Алтай на высоте свыше 3 тыс. километров над уровнем моря. В связи с непроходимостью горного ландшафта и отсутствием транспортного сообщения таможенный контроль на этом участке границы не осуществляется. Фактов контрабанды через этот участок правоохранительными органами не зафиксировано. Однако сложная ситуация сохраняется на российско-казахстанской границе. Плохо оборудованная граница с Казахстаном является главным дестабилизирующим фактором, негативно влияющим на наркоситуацию в регионе.

Основным каналом перевозки героина из Китая является Транссибирская магистраль, а также вступившая в действие федеральная трасса Амур-Чита-Хабаровск. Амурская область, таким образом, по своему положению стала "героиновыми воротами" в ДФО. Благодаря подписанному в ноябре 2005 г. Протоколу о приграничном сотрудничестве между ФСКН России и МОБ КНР, у наркополицейских появилась возможность оперативно обмениваться необходимой информацией.

Итогом столь плодотворной работы стала ликвидация международной преступной группы из 27 человек, организовавшей поставку на территорию Приамурья и сбыт синтетических наркотиков. К уголовной ответственности привлечены 3 граждан России и 24 – КНР, конфисковано 1112,7 грамма синтетического наркотика метиламфетамина («лёд»).

В 2006 г. амурским наркоконтролем выявлено 10 преступлений, связанных с контрабандой наркотиков, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ. 9 уголовных дел с обвинительным заключением в отношении 5 граждан России направлены в суд. В отношении 2 граждан КНР уже возбуждены 2 уголовных дела, связанные со сбытом сильнодействующего вещества "сIBUTРАМИН". За год изъято более 1,8 кг сильнодействующих веществ, 37,26 граммов - синтетических наркотиков. На базе управления формируется банк данных по лицам, причастным к криминалитету и имеющим связи на территории Китая: на учете состоят 50 граждан России и 80 граждан КНР".

Сейчас в Китае существует жесткая стратегия подавления наркобизнеса: смертный приговор с конфискацией имущества за 50 грамм героина. Что касается ответственности в Китае за незаконный оборот наркотиков, то 18 декабря 1990 г. было принято "Постановление по борьбе с наркотиками", в котором конкретно были определены виды преступной деятельности, связанной с наркотиками, и карательные меры за эти преступления. В постановлении также четко установлено, что Китай обладает прерогативой всеобщей юрисдикции над преступлениями, связанными с контрабандой, сбытом, транспортировкой и производством наркотиков. И высшая мера наказания для преступников, обвиняемых в причастности к наркобизнесу – смертная казнь.

Тому яркий пример, казнь британского контрабандиста Акмаль Шейх, который был арестован в сентябре 2007 г. в Урумчи, сразу же по прилету из Таджикистана. При задержании у него было обнаружено почти 4 килограмма героина. Он был обвинен в контрабанде наркотиков, а затем приговорен к высшей мере наказания, которую привели к исполнению 29 декабря 2009 года [2, С. 3]. Но в борьбе с наркобизнесом, важны не только карательные меры. Четкая гражданская позиция, неприятие обществом «наркомании» как социально-опасного явления, пропаганда здорового образа жизни - именно это сегодня должно быть поставлено во главу решения проблемы. Немаловажна и роль СМИ в антинаркотической пропаганде и формировании общественного мнения.

Список источников:

1. Борьба с наркотиками в Китае (Белая книга). 2000.
2. «Единым фронтом против наркомании» // Наркомат, - 2008. - № 53.
3. Наркопреступность и реформы в России/ под ред. А.И. Долговой. - М., 2005, с. 12.
4. ФСКН РФ // Обзор средств массовой информации ФСКН России.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И МОНГОЛИИ*

*Гулина Е.В.**

*Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ*

Среди самых острых социальных проблем общества одним из первых мест занимает наркомания. В настоящее время наркомания занимает лидирующее положение среди всех негативных социальных явлений, реально угрожающих физическому и духовному здоровью нации, процессу воспроизводства населения во всем мире. Россия и Монголия в данном случае – не исключение. Злоупотребление наркотическими средствами и их незаконный оборот представляют собой проблему, выходящую за рамки юридического явления. Основными нормативными актами, устанавливающими правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ являются: в России – Федеральный закон

* Доклад отмечен благодарственным письмом Верховного суда Республики Бурятия за глубокие знания и лучший доклад по вопросам борьбы с преступностью в странах АТР.

* **Научный руководитель:** Гармаев Юрий Петрович, д.юр.н., проф., зав. лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР Центра стратегических востоковедных исследований Бурятского государственного университета.

«О наркотических средствах и психотропных веществах» [1] (далее ФЗ России); в Монголии - Закон «О контроле над оборотом наркотических медикаментов и психотропных веществ» (далее Закон Монголии).

Уголовная ответственность за незаконные действия с наркотическими средствами и психотропными веществами предусмотрена соответствующими главами УК России и Монголии, причем схожими по названию: в России - глава 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», ст. ст. 228-233 УК РФ; в Монголии - глава 22 «Преступления против здоровья населения», ст. ст. 192-196 УК Монголии.

Обратим внимание на наиболее важные моменты, имеющие значение при привлечении лиц к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков в России и Монголии. *Во-первых*, по уголовному законодательству России в составах преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, предметом посягательства являются наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги. По уголовному законодательству Монголии к ним добавляются еще препараты и медикаменты, за исключением аналогов. Однако если в России термины «наркотическое средство» и «психотропное вещество» законодательно закреплены и раскрыты в указанном нами выше ФЗ России, то в уголовном законе Монголии понятия «наркотические или психотропные вещества, препараты и медикаменты» полностью не раскрываются.

Использование неточной терминологии не раскрывает, по существу, предмет данного преступления и, в конце концов, может привести к неверному толкованию законодательных норм, а соответственно, и к проблеме привлечения к уголовной ответственности. В целях преодоления терминологического противоречия относительно предмета преступления, по нашему мнению, необходимо внести изменения в соответствующие статьи Закона Монголии «О контроле над оборотом наркотических медикаментов и психотропных веществ», законодательно определить термины «наркотические и психотропные вещества, препараты и медикаменты».

Во-вторых, если УК РФ предусматривает уголовную ответственность за действия в сфере незаконного оборота наркотиков как в крупном, так и в особо крупном размере, то ч. 3 ст. 192 УК Монголии содержит указание на особо крупный размер наркотических средств, при этом не предусматривает крупного размера. Данное обстоятельство приводит к определенным сложностям при применении указанных норм и принятию спорных решений в судебной практике. По этой причине востребованным является мнение о введении в положения УК Монголии, касающихся вопроса определения количества наркотических средств и психотропных веществ, понятия «крупный размер».

В-третьих, в уголовном законе Монголии в отличие от России не предусмотрен порядок определения количества наркотических средств и психотропных веществ, т.е. критерий, позволяющий установить «особо крупный размер» предметов посягательства. В России критерии отнесения количества наркотического средства или психотропного вещества к крупному и особо крупному размерам утверждаются Правительством РФ [2]. Некоторые же монгольские авторы, ссылаясь на ст. 29 УК Монголии, регламентирующую порядок определения размера причиненного ущерба, считают возможным определение «особо крупного размера» исходя из фактической стоимости веществ. На наш взгляд, необходимо внести в УК Монголии изменения, включить положения о порядке установления «особо крупного размера» наркотиков исходя из фактического количества (объема, веса) веществ, а также свойств различных видов наркотических средств по степени их воздействия на организм человека, а не из фактической их стоимости.

В-четвертых, ч. 1 ст. 192 УК Монголии в отличие от ст. 228 УК РФ не содержит примечания, согласно которому лицо, добровольно сдавшее наркотические средства и психотропные вещества и активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности. По нашему мнению, указанное примечание является очень важным инструментом в профилактике преступлений данной категории, стимулирующим деятельное раскаяние лиц, участвующих в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ. Более того, ст. 55 УК Монголии (так же как и ст. 61 УК РФ) не предусматривает в качестве смягчающего обстоятельства добровольную выдачу указанных средств и веществ. Данное обстоятельство, на наш взгляд, является важным аргументом внесения в ч. 1 ст. 192 УК Монголии соответствующих изменений.

В-пятых, считаем необходимым изменить название ст. 195 УК Монголии «Посев, выращивание, сбор наркотикосодержащих растений», дополнив словом «незаконный». Это

предлагается сделать для того, чтобы разграничить противоправные возделывание и сбор наркотикосодержащих растений от лицензированного возделывания и сбора для медицинских целей. Подобные положения содержатся в ст. 231 УК РФ «Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества».

В-шестых, отсутствие в УК Монголии норм, предусматривающих ответственность за склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ, которые закреплены в ст. 230 УК РФ, на наш взгляд, неоправданно, тем более данные СМИ и сети Интернет убедительно демонстрируют, что в Монголии стремительно растет количество лиц, употребляющих эти вещества. Являясь одним из способов распространения наркотиков, склонение к их потреблению представляет повышенную общественную опасность. Поэтому представляется необходимым включить в УК Монголии норму, предусматривающую ответственность за склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ.

В-седьмых, на наш взгляд, следует признать противоправным потребление наркотических средств и психотропных веществ в общественных местах, в частности на улицах, стадионах, в транспортных средствах общего пользования, клубах, дискотеках, и за совершение данного правонарушения ввести административную ответственность.

Также следует отметить еще один немаловажный момент – это возраст привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. В настоящее время, как в России, так и в Монголии уголовная ответственность за совершение указанных преступления наступает с 16 лет. Данный порог, считаем, необходимо снизить до 14 лет за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 228, 228.1, ч.ч. 2, 3 ст. 230 УК РФ и ст. 192 УК Монголии соответственно. Действующее уголовное законодательство России и Монголии позволяет избежать уголовной ответственности несовершеннолетним, непосредственно занимающимся сбытом наркотических и психотропных веществ, склонением к их потреблению. Таким образом, рассмотренные нами аспекты обсуждаемой проблемы требуют существенной корректировки как на правотворческом, так и на правоприменительном уровне.

Список источников:

1. Федеральный закон от 08.01.1998 №3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (в ред. ФЗ от 17.07.2009г. №151) // Собрание законодательства РФ. 12.01.1998. №2. ст. 219.
2. Постановление Правительства РФ от 07.02.2006 №76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в ред. от 31.12.2009) // Собрание законодательства РФ. 13.02.2006. №7. ст. 787.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С НАРКОТИКАМИ В РОССИИ И КИТАЕ

*Тарасова Н.В.**

*Санкт-Петербургский государственный
университет экономики и финансов
Россия, г. Санкт-Петербург*

Распространение наркотиков уже давно является одной из серьезных проблем всего человечества. Каждое государство должно заботиться о своих гражданах. Недаром авторы выделяют такую внутреннюю функцию государства, как охранительная функция, под которой понимается обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан, и, следовательно, их жизни и здоровья. Борьба с наркотиками должна осуществляться по взаимосвязанным направлениям, образующим комплексную общественно-государственную систему, в которой одну из ведущих ролей должно играть государство. Анализ исторических источников свидетельствует о том, что в течение всего развития человеческой цивилизации в разные исторические периоды у различных народов всевозможные наркотические средства находили применение в религиозных обрядах, медицине и повседневном быту. Это явилось следствием достаточно частого употребления препаратов в медицинских целях, что начинало беспокоить врачей. Так, сохранился выписанный в XII в. рецепт на опиесодержащее средство со специальным предупреждением: длительное

* **Научный руководитель:** Бернацкий Георгий Генрихович, д.ю.н., к.филос.н., проф., зав.кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

употребление лекарства может вызвать неудержимое пристрастие к нему. Врач, его выписавший, - Ибн Сина (Авиценна) [4]. Если рассматривать борьбу с наркотиками в России и Китайской Народной Республике (КНР), то, бесспорно, большим опытом в этом вопросе обладает Китай. Уже с середины XIX в. в Китае разворачивались антинаркотические операции.

Так, чиновник китайского правительства Линь Цзесюй (1785-1850), в 1838 г. посланный императором в Гуанчжоу, провел ряд мер против наркоторговли: разгромил притоны, провел конфискацию более 20 тысяч ящиков с опиумом с последующим их истреблением, арестовал чиновников-наркоманов, организовал показательные казни [3]. Помимо этого, после образования в 1949 г. Китайской Народной Республики, народное правительство стало проводить решительную борьбу с наркотиками: был объявлен «Циркулярный приказ о строгом запрещении опиекурения», закрыты опиекурильни, перепаханы посевы мака, осуществлено принудительное лечение больных, произведены антинаркотические препараты [2].

Важнейшим направлением антинаркотической политики КНР является постоянное усиление законодательства в области борьбы с наркотиками. После принятия в 1979 г. Уголовного кодекса КНР Постоянный Комитет ВСНП (Всеитайским собранием народных представителей) принял ряд законодательных актов, которые устанавливали ответственность за преступления, связанные с наркотиками: закон КНР «О таможене», положение КНР «О наказаниях за действия, нарушающие общественный порядок», постановление «О пресечении преступности, наносящей серьезный ущерб экономике», дополнительное постановление «О строгом наказании контрабандистов» и др. [2]. В принятом в 1990 г. «Постановлении о борьбе с наркотиками» не только определены виды преступной наркодеятельности, меры наказания и принудительного лечения наркоманов, но и четко установлено, что Китай обладает прерогативой всеобщей юрисдикции над преступлениями, связанными с контрабандой, сбытом, транспортировкой и производством наркотиков. В 1997 г. в ходе пересмотра Уголовного кодекса КНР было сохранено главное содержание «Постановления о борьбе с наркотиками», внесены важные поправки и дополнения в статьи о квалификации преступлений на почве наркотиков, тем самым было усилено уголовное законодательство в области борьбы с наркотиками. Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура дали соответствующее юридическое толкование пересмотренному Уголовному кодексу [2].

В России употребление наркотиков до XX в. не представляло существенной опасности, и об этом свидетельствует текст Уголовного Уложения 1864 г., где нет ни одной статьи, предусматривающей ответственность за незаконный оборот наркотиков [5, С. 88]. Опасность широкого распространения наркотических средств стала реально восприниматься в первой половине XX в., когда негативные последствия этого процесса стали принимать угрожающие размеры. Одной из мер, предпринятых для ограничения распространения кокаина, стало принятие 8 апреля 1918 г. Декрета СНК «О передаче запасов опия», по которому сырье, находившееся на фармацевтических заводах России, было передано народному комиссариату финансов [1, С. 70-71].

УК РСФСР 1922 г. не устанавливал ответственность за незаконные действия с наркотическими веществами. На практике применялась ст.215 УК РСФСР, которая устанавливала уголовную ответственность за изготовление, хранение, сбыт ядовитых и сильнодействующих веществ. Отсутствие соответствующей статьи привело к подзаконному регулированию данного вопроса, что, однако, это не изменило положения к лучшему. Только 22 декабря 1924 г. УК РСФСР был дополнен статьей, которая предусматривала уголовную ответственность за изготовление и хранение с целью сбыта кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения. Таким образом, наказывался изготовитель и распространитель наркотических веществ, а не потребитель. Также не влекло уголовной ответственности хранение и изготовление наркотических веществ без цели сбыта [5, С. 89]. С принятием УК РСФСР 1926 г. границы уголовной ответственности за незаконные операции с наркотиками постепенно расширяются.

Необходимо отметить, что, несмотря на нарастающую опасность наркотизма, в начале 90х гг. наметился период либерализма и попытки демократизации законодательства по борьбе с наркотиками. В 1991 г. депутаты Верховного Совета сочли, что юридическая ответственность за незаконное потребление наркотиков без назначения врача (как уголовная, так и административная) в условиях действия новой демократической Конституции РФ может быть исключена: были отменены нормы уголовного характера за повторное потребление наркотиков в течение года после административного наказания, устранена административная ответственность в виде штрафа или ареста на срок до 15 суток за незаконное

потребление наркотиков (без разрешения врача). И, хотя эти меры осуществлялись не часто, угроза их применения ощутимо сдерживала количество появления новых наркоманов. В 1993 г. в стране было ликвидировано более 100 лечебно-трудовых профилакториев [6, С. 280]. С введением в действие УК РФ 1996 года наметился новый этап в уголовно-правовой борьбе со всеми преступными явлениями, порожденными наркоманией. УК РФ внес существенные изменения в нормы, устанавливающие ответственность за деяния, связанные с оборотом наркотиков: были введены новые составы преступлений; изменена конструкция ст. 228 УК РФ; ст. 23 УК РФ провозгласила, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, в том числе и вызванного употреблением наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности. Однако существенного сдерживания развивающегося роста наркопреступности в РФ нормативные акты последних лет не привнесли, поэтому развитие законодательства в этой сфере необходимо постоянно поддерживать.

Анализ мер по борьбе с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами, реализуемых в сравниваемых странах, позволяет отметить, что более строгая ответственность за деяния в данной области имеет место в Китае. УК КНР построен таким образом, что привлечь к уголовной ответственности можно любого, уличенного в контрабанде, сбыте, перевозке и производстве наркотиков, независимо от количества наркотиков. Кроме того, за контрабанду, торговлю, перевозку, производство наркотиков в определенных УК КНР случаях предусматривается пожизненное лишение свободы, а также смертная казнь (ст. 347 УК КНР) [7]. При этом в Китае наказание в виде смертной казни является реально применяемым.

29 декабря 2009 г. в Китае был приведен в исполнение смертный приговор в отношении подданного Великобритании Акмаля Шейха, приговоренного к высшей мере наказания за контрабанду наркотиков. 53-летний Акмаль Шейх был арестован в 2007 г. в Урумчи, куда он прилетел из Таджикистана с чемоданом, в котором находилось около 4 кг героина [8].

Сравним, в России самое строгое наказание в области наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов составляет 20 лет лишения свободы (п. 3 ст. 228.1 УК РФ). Кроме этого, уголовная ответственность по ст. 228 УК РФ (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов) наступает лишь при крупном или особо крупном размере. В остальных случаях лицо привлекается к административной ответственности. Различия касаются и субъектов преступлений. По УК КНР уголовная ответственность за действия с наркотиками наступает с 14 лет (ст. 17), а по УК РФ – с 16 лет (с 14 лет только по ст.229 – хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ).

Выше приведены наиболее явные отличия в уголовной политике, направленной на борьбу с наркотиками, в России и Китае. Очевидно, что политика Китая в отношении борьбы с наркотиками более целенаправленна, жестка. Для совершенствования борьбы с наркотиками и, как следствие, для лучшей реализации функции государства в этом аспекте страны должны обращать внимание на опыт друг друга и перенимать положительные тенденции. Одним из таких направлений могло бы стать ужесточение в России ответственности за преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Если обратиться к статистике, то жесткие меры дают определенные результаты. В России наркозависимыми являются около 2% населения в возрасте от 15 до 64 лет, это примерно 2 млн. человек [9]. В Китае численность наркозависимых составляет 0,54% от численности населения, это чуть больше 700 тыс. человек [10]. При этом численность населения Китая намного превосходит численность населения России. Однако, как показывают последние новости, Россия не стремится изменять что-либо в уголовном законодательстве по данной проблеме. Так, Государственная Дума Федерального Собрания России 26 марта 2010 г. отклонила, при рассмотрении в первом чтении, поправки в Уголовный кодекс РФ и КоАП РФ об усилении ответственности за потребление наркотических средств и психотропных веществ [11, 12].

В завершении следует отметить, что строгое наказание и неотвратимое его исполнение – это только часть той антинаркотической политики, которая должна проводиться государством. КНР обладает богатым и достаточно эффективным опытом в борьбе с наркотизмом. В данном аспекте достойно внимания не только уголовное законодательство, но и социальная составляющая, которая включает программы по реабилитации, строительство наркологических диспансеров и исправительно-трудовых лечебниц и многое другое. Названные меры и опыт следует внимательно изучить, проанализировать и перенять.

Список источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (ред. 21.02.2010)// Собрание законодательства РФ 17.06.1996, №25, ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 г. №195-ФЗ (ред. 23.11.2009)// Собрание законодательства РФ 07.01.2002, №1 (ч.1), ст.1.
3. Декреты советской власти. - М., 1959 Т.2.
4. Зазулин Г.В., Фролова Н.А. Актуальные вопросы антинаркотической политики: отечественный и зарубежный опыт. - М., 2003.
5. Крушинский А. Размышления о китайском опыте борьбы с наркоманией // Нарконет. – 2002. - №7-8.
6. Левин Б.М., Левин М.Б. Наркомания и наркоманы: Книга для учителя. - М., 1991.
7. Майоров А.А., Малинин В.Б. Наркотики: преступность и преступления. - СПб., 2002.
8. Романова Л.И. Наркомания и наркотизм. - СПб., 2003.
9. URL: <http://www.constitutions.ru/archives/403>.
10. URL: <http://www.chinanews.ru/news/society/1100-29122009.html>.
11. URL: <http://www.fskn.gov.ru>.
12. URL: <http://russian.china.org.cn>.
13. URL: <http://www.pravo.ru/news/view/27086>.
14. URL: <http://www.pravo.ru/news/view/27050>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

А-Б

- Азизов Ян Заманович**, аспирант Владивостокского госуниверситета экономики и сервиса, г. Владивосток, svetlana.litvinova@vvsu.ru – Раздел II
- Аригунов Булат Валерьевич**, студент 4 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ – Раздел II
- Бадмаев Чингис Мункоевич**, студент 4 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ – Раздел I
- Бадмажапова Туяна Ивановна**, студент 4 курса исторического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, tuyana05@mail.ru – Раздел I
- Бадмацыренов Баир Чингизович**, студент 2 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ – Раздел II
- Базарова Саяна Юрьевна**, аспирант Академии Генеральной прокуратуры РФ, г. Москва, maksara@inbox.ru – Раздел II
- Базарова Эржена Сергеевна**, аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, Erzhena2010@yandex.ru – Раздел II
- Бархатова Екатерина Николаевна**, слушатель 5 курса Восточно-Сибирского института МВД РФ, Иркутск, Solncevelvet@rambler.ru – Раздел II
- Березкина Екатерина Анатольевна**, студент 4 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ – Раздел II
- Борзенко Анна Викторовна**, аспирант Владивостокского госуниверситета экономики и сервиса, Владивосток, svetlana.litvinova@vvsu.ru – Раздел I
- Будаев Сергей Владимирович**, студент 3 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, budaev@22mail.ru – Раздел I
- Бутаева Ринчина Игоревна**, студент 2 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, bri-miss@mail.ru – Раздел II
- Бянкина Анна Михайловна**, аспирант Хабаровской академии экономики и права, г. Хабаровск, kalipso-84@mail.ru – Раздел I
- Бянкина Кристина Михайловна**, студент 2 курса юридического факультета Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского, Чита, kalipso-84@mail.ru – Раздел II

В

- Варфоломеева Виктория Игоревна**, студент 2 курса восточного факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ – Раздел I
- Васильев Вадим Геннадьевич**, студент 2 курса Института прокуратуры РФ Саратовской государственной академии права, Саратов, agentPR@yandex.ru – Раздел II
- Васильева Жанна Александровна**, студент 2 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, zhanna_vas@mail.ru – Раздел I
- Васуда Р.**, студент Центрального института Индийских языков, г. Дели, Индия – Раздел I
- Васюренко Алина Олеговна**, студент 4 курса Института международных отношений Национального университета им. Тараса Шевченко, г. Киев, Украина, yao9@yandex.ru – Раздел I
- Ваулина Екатерина Александровна**, курсант 3 курса факультета по подготовке следователей Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, aifa_7@mail.ru – Раздел II
- Ву Вэй**, аспирант Чаньчуньского государственного политехнического университета, г. Чаньчунь, КНР – Раздел I

Г

- Гармаев Доржи Юрьевич**, студент 3 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, darkodok@gmail.com – Раздел II
- Глазунов Дмитрий Александрович**, преподаватель Алтайского госуниверситета, г. Барнаул, dutrih@rambler.ru – Раздел I
- Горковенко Яна Николаевна**, студент 2 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета – Раздел II
- Гречковский Иван Павлович**, студент 4 курса Института международных отношений Национального университета им. Тараса Шевченко, г. Киев, Украина, yao9@yandex.ru – Раздел I
- Гулина Алена Витальевна**, студент 5 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, gulinaalyona@mail.ru – Раздел II
- Гунзенова Карина Васильевна**, студент 4 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, ne_bakana@mail.ru – Раздел II
- Гунзынов Жаргал Паламович**, студент 4 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета,

г. Улан-Удэ, bee@xaneg.ru – Раздел II

Д

Дактаева Елена Константиновна, студент 4 курса юридического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ – Раздел II

Дамбаева Аюна Владимировна, студент 5 курса юридического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ – Раздел II

Дамчиева Дулма Зориктуевна, студент 2 курса [Российского университета дружбы народов](http://www.russianfriendshipuniversity.ru), г. Москва, arco90ddz@mail.ru – Раздел I

Данина Валентина Анатольевна, аспирант Современной государственной академии, г. Москва, valentine-dn@yandex.ru – Раздел II

Доржиева Светлана Валерьевна, аспирант Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, dorsveta@mail.ru – Раздел II

Ж-И

Жамсуева Туяна Соктоевна, студент 3 курса Томского государственного университета, г. Томск – Раздел I

Зунтукова Галина Александровна, студент 5 курса Байкальского экономико-правового института, г. Улан-Удэ, marinusik24@mail.ru – Раздел II

Ин Фанмин, студент 5 курса юридического института Чаньчуньского государственного политехнического университета, г. Чаньчунь, КНР – Раздел II

Ипатов Ксения Владимировна, студент 3 курса юридического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, angelstar07@rambler.ru – Раздел I

К-Л

Коробенков Николай Владимирович, студент 4 курса юридического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, narkodilern@mail.ru – Раздел I

Король Анна Александровна, соискатель Киевского регионального центра Национальной академии правовых наук Украины, г. Киев, Украина, anna-king@ukr.net – Раздел I

Левина Александра Андреевна, студент 4 курса Благовещенского филиала НОУ ВПО «Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы», г. Благовещенск, ampc-amur@yandex.ru – Раздел II

Литвинова Надежда Алексеевна, аспирант Университета связи КНР, г. Пекин, КНР (Владивосток), svetlana.litvinova@vvsu.ru – Раздел I

Литвинова Светлана Федоровна, преподаватель Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток, svetlana.litvinova@vvsu.ru – Раздел I

М-Н

Мандухай Цэндсүрэн, студент 2 курса (г. Улан-Батор, Монголия), kiss_uka@yahoo.com – Раздел II

Мартынов Александр Сергеевич, соискатель Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, giperborey81@mail.ru – Раздел II

Мөнхзул Тэгшжаргал, студент 2 курса (г. Улан-Батор, Монголия), crazy.3663@yahoo.com – Раздел I

Настечко Екатерина Александровна, соискатель Института государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, г. Киев, Украина, knastechko@yandex.ru – Раздел II

Некрасов Василий Николаевич, соискатель Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Вологда, vnnekrasow@mail.ru – Раздел II

Номинь, студент 1 курса (г. Хайлар, Внутренняя Монголия) – Раздел II

О-П

Олейников Олег Валентинович, аспирант Института экономико-правовых исследований Национальной Академии наук Украины, г. Донецк, Украина, магистр международного экономического и коммерческого права Университета Кюсю, г. Фукуока, Япония, oleg_oleinikov@yahoo.com – Раздел I

Орлов Николай Геннадьевич, студент 2 курса юридического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ – Раздел II

Павлова Анастасия Алексеевна, магистрант юридического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, anastasiya-247@mail.ru – Раздел I

Памирский Арсений Эдуардович, студент 4 курса Благовещенского филиала НОУ ВПО «Московская академия предпринимательства» при Правительстве Москвы, г. Благовещенск, ampc-amur@yandex.ru – Раздел II

Пашкова Татьяна Владимировна, аспирант Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, pashkovatanay00@rambler.ru – Раздел I

Протасова Алена Сергеевна, аспирант Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, alyona.ip@mail.ru – Раздел I

Пурге Анна Роландовна, аспирант Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток, svetlana.litvinova@vvsu.ru – Раздел II

Р-С

- Раднаева Арюна Юрьевна**, студент юридического факультета Чанчуньского политехнического университета, г. Чаньчунь, КНР – Раздел II
- Савицкая Екатерина Игоревна**, студент 4 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, chernayakoshka88@mail.ru – Раздел I
- Савка Виталий Профирович**, соискатель Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, congress7@list.ru – Раздел I
- Сакун Олег Витальевич**, соискатель Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, sakun@mail.ru – Раздел II
- Санжиев Дугар Тубанович**, студент 2 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, ewip@mail.ru – Раздел II
- Сапега Анна Владимировна**, аспирант Владивостокского госуниверситета экономики и сервиса, г. Владивосток, svetlana.litvinova@vvsu.ru – Раздел II
- Серебrenников Александр Сергеевич**, студент 2 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета – Раздел II
- Син Дунмин**, аспирант Чаньчуньского государственного политехнического университета, г. Чаньчунь, КНР – Раздел I
- Сун Хань**, аспирант Чаньчуньского государственного политехнического университета, г. Чаньчунь, КНР – Раздел I

Т-Ц

- Тараненко Елена Михайловна**, аспирант Владивостокского госуниверситета экономики и сервиса, г. Владивосток, svetlana.litvinova@vvsu.ru – Раздел II
- Тарасова Наталья Владимировна**, аспирант Санкт-Петербургского госуниверситета экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, nvdubrovskaya@mail.ru – Раздел II
- Фефелов Денис Сергеевич**, студент 4 курса исторического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, denvojn88@mail.com – Раздел I
- Цыбжитова Оюна Владимировна**, студент 5 курса Новосибирского госуниверситета экономики и управления, г. Новосибирск – Раздел I
- Цыденжапова Ирина Игоревна**, студент 1 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, cii231188@rambler.ru – Раздел I
- Цыпилова Снежана Сергеевна**, студент 4 курса исторического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, snevoda@rambler.ru – Раздел II

Ш

- Шагдырова Александра Батоевна**, аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, narnia_alex@mail.ru – Раздел II
- Шакирова Резеда Дамировна**, студент 5 курса Байкальского экономико-правового института, г. Улан-Удэ, marinusik24@mail.ru – Раздел II
- Шаликова Наталья Ивановна**, студент 4 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ – Раздел II
- Шкедова Лидия Юрьевна**, студент 3 курса восточного факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ – Раздел II
- Шойдорова Оксана Юрьевна**, студент 4 курса юридического факультета Бурятского госуниверситета, г. Улан-Удэ, oksana.ru777@mail.ru – Раздел II

Э-Я

- Энхнасан Жамсрангийн**, соискатель Байкальского госуниверситета экономики и права, г. Иркутск (г. Улан-Батор, Монголия), jam_enkhnasan@yahoo.com – Раздел II
- Юань Сюнь**, студент 3 курса факультета русского языка Сианьского государственного университета иностранных языков, г. Сиань, КНР, yuanxun19890205@126.com – Раздел I
- Юй Хан**, аспирант Чаньчуньского государственного политехнического университета, г. Чаньчунь, КНР – Раздел I
- Янь Цзякунь**, аспирант Чаньчуньского государственного политехнического университета, г. Чаньчунь, КНР – Раздел II

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
I. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ	
<i>Савицкая Е.И.</i> Особенности судебных систем в странах Северо-Восточной Азии.....	7
<i>Васюренко А.О., Гречковский И.П.</i> Электронное правительство в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (на примере Южной Кореи и Сингапура).....	9
<i>Бадмажапова Т.И.</i> Прогноз развития политической ситуации в АТР и перспективы российско-корейских отношений.....	13
<i>Ву Вэй, Син Дунмин.</i> Сравнительный анализ органов законодательной власти КНР и США.....	17
<i>Сун Хань.</i> Общая характеристика законодательной власти в КНР и РФ.....	20
<i>Дамчиева Д.З.</i> Проблемы административного права современного Китая.....	24
<i>Юань Сюнь.</i> Политическое и экономическое развитие России и Китая.....	28
<i>Юй Хан.</i> Сравнительный анализ конституционного режима местного самоуправления в РФ и КНР.....	29
<i>Юй Хан.</i> Система местного самоуправления России и Китая.....	32
<i>Коробенков Н.В.</i> Сотрудничество прокуратур в РФ и КНР.....	36
<i>Фефелов Д.С.</i> Международное сотрудничество России с КНР.....	38
<i>Ипатов К.В.</i> Проблема имплементации решений комитета по правам человека ООН в РФ и КНР.....	41
<i>Будаев С.В.</i> Сравнительно-правовой анализ посреднической деятельности в законодательстве РФ и КНР.....	43
<i>Варфоломеева В.И.</i> Развитие права в эпоху Чжоу.....	45
<i>Литвинова С.Ф.</i> Виды и правовое положение иностранцев на территории КНР.....	47
<i>Литвинова Н.А.</i> Множественность правовых систем Китая.....	49
<i>Пашкова Т.В.</i> Особенности построения системы органов власти в Китайской Народной Республике.....	51
<i>Павлова А.А.</i> Сравнительный анализ правового положения органов прокуратуры России, Монголии и КНР.....	54
<i>Бянкина А.М.</i> Сравнительно-правовой анализ использования международного права как источника права в России и Монголии.....	56
<i>Цыбжитова О.В.</i> Концепция миграционной политики Российской Федерации и Монголии.....	58
<i>Протасова А.С.</i> Проблемы правового регулирования в России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере трудовой миграции.....	61
<i>Сун Хань.</i> Конституционная реформа в КНР и РФ.....	63
<i>Бадмаев Ч.М.</i> Разделение властей в Монголии: теоретические и практические аспекты.....	67
<i>Жамсуева Т.С.</i> Законодательная власть Монголии.....	70
<i>Цыденжапова И.И.</i> Судебная система России и Монголии: сравнительно-правовой анализ.....	71
<i>Мөнхзул Т.</i> Сравнительное исследование органов исполнительной власти в Монголии и России.....	74
<i>Васильева Ж.А.</i> Отдельные вопросы государственной службы в Российской Федерации и Японии.....	76
<i>Борзенко А.В.</i> Источники международного частного права России и Японии.....	78
<i>Савка В.П.</i> Истоки правовой культуры: на примере обычного права в культуре мордовцев проживающих в Азиатско-Тихоокеанском регионе.....	80
<i>Глазунов Д.А.</i> Обычное право Барабинских татар и русское законодательство.....	83
<i>Васуда Р.</i> Правовая система Индии.....	86

<i>Король А.А.</i> Правовое регулирование внешнеэкономических договорных отношений в Китае и Украине.....	87
<i>Олейников О.В.</i> Особенности правового регулирования экономики в Японии и Китае.....	90

II. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

<i>Азизов Я.З.</i> Принудительное исполнение судебных актов и актов других органов в РФ и КНР.....	94
<i>Бутаева Р.И.</i> Конституционно-правовой статус личности в Монголии и Российской Федерации.....	96
<i>Бянкина К.М.</i> Конституционные основы правового статуса иностранцев и лиц без гражданства в России и Монголии.....	99
<i>Мандухай Ц.</i> Приобретение гражданства по рождению в Монголии и Российской Федерации.....	101
<i>Сапега А.В.</i> Особенности примирения сторон в гражданском процессе России и Китая.....	103
<i>Пурге А.Р.</i> Особенности семейного права Китая.....	105
<i>Янь Цзякунь.</i> Сравнительный анализ режимов пенсионного обеспечения в КНР и Японии.....	108
<i>Сакун О.В.</i> Защита прав страхователя в страховом праве Китая.....	112
<i>Энхнасан Ж.</i> Договор страхования в монгольском и российском праве: сравнительно-правовой аспект.....	115
<i>Данина В.А.</i> Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов в России и КНР.....	118
<i>Доржиева С.В.</i> Институт права собственности в гражданском праве Китайской Народной Республики.....	120
<i>Гармаев Д.Ю.</i> Сравнительный анализ статуса индивидуального предпринимателя по законодательству КНР и РФ.....	123
<i>Тараненко Е.М.</i> Сравнительно-правовой анализ защиты авторских прав в Китайской Народной Республике и России.....	126
<i>Гунзынов Ж.П.</i> Сравнительный анализ правового регулирования товарных знаков по законодательству КНР и РФ.....	129
<i>Мартынов А.С.</i> Система правового регулирования по перевозке грузов железнодорожным транспортом в России и Монголии.....	133
<i>Шойдорова О.Ю.</i> Соотношение законодательства в отношении огнестрельного оружия Японии и России.....	135
<i>Ин Фанмин.</i> Сравнительное исследование права собственности на землю в Китае и России.....	138
<i>Номинь.</i> Общество по охране окружающей среды в КНР.....	140
<i>Настечко Е.А.</i> Правовое регулирование охраны окружающей среды в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....	141
<i>Гунзенова К.В.</i> Загрязнение поверхностных вод в Китае и России: сравнительно-правовой анализ.....	145
<i>Базарова С.Ю.</i> Уголовно-правовая защита лесов от уничтожения: исследование законодательства России, Китая и Монголии.....	148
<i>Шкедова Л.Ю.</i> Восточная Сибирь и Дальний Восток в контексте проблемы незаконных лесозаготовок и незаконной торговли древесиной с Китаем.....	150
<i>Цыпилова С.С.</i> Современное экологическое законодательство КНР: этапы и проблемы развития.....	153
<i>Дамбаева А.В.</i> ответственность за экологические преступления по УК Монголии и России.....	156
<i>Ваулина Е.А.</i> Потерпевший от преступления в законодательстве России и Монголии.....	157
<i>Бадмацыренов Б.Ч.</i> Предупреждение и профилактика преступлений в России и Японии.....	159
<i>Санжиев Д.Т.</i> Система наказаний в уголовном праве РФ и КНР.....	162

<i>Раднаева А.Ю.</i> Смертная казнь в КНР: проблемы гуманизации уголовной политики и общественного мнения.....	165
<i>Дактаева Е.К.</i> Институт экстрадиции в правовой системе России и КНР.....	168
<i>Шакирова Р.Д.</i> Сравнительно-правовой анализ организованной преступности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике.....	171
<i>Берёзкина Е.А., Шаликова Н.И.</i> Сотрудничество правоохранительных органов стран АТР в борьбе с транснациональной преступностью.....	173
<i>Аригунов Б.В.</i> Уголовная политика в области противодействия организованной преступности в РФ и КНР.....	177
<i>Некрасов В.Н.</i> Уголовно-правовая характеристика института неоконченного преступления в КНР и России: сравнительно-правовое исследование.....	181
<i>Базарова Э.С.</i> Некоторые вопросы поддержания государственного обвинения по делам о коррупционных преступлениях в России и Китае.....	183
<i>Шагдырова А.Б.</i> Способы противодействия коррупции в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (на примере Японии, Южной Кореи и Сингапура).....	186
<i>Орлов Н.Г.</i> Проблемы борьбы с коррупцией в РФ в сравнении с Японией.....	189
<i>Васильев В.Г.</i> Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за взяточничество в России и Китае.....	193
<i>Бархатова Е.Н.</i> Гипноз как одна из форм насилия при совершении мошенничества (на примере уголовного законодательства России и Монголии).....	196
<i>Левина А.А.</i> Уголовная ответственность за преступления медицинских работников в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и Российской Федерации.....	198
<i>Памирский А.Э.</i> Ответственность за незаконный аборт по уголовному праву России и стран АТР.....	200
<i>Горковенко Я.Н., Серебренников А.С.</i> Фактор опьянения в правовых системах Азии.....	202
<i>Зунтукова Г.А.</i> Незаконный оборот наркотических и психотропных веществ в Китае и России.....	205
<i>Гулина Е.В.</i> Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков по законодательству России и Монголии.....	207
<i>Тарасова Н.В.</i> Уголовно-правовые аспекты борьбы с наркотиками в России и Китае.....	209
Сведения об авторах	213

Научное издание

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В РОССИИ, МОНГОЛИИ, КИТАЕ И ЯПОНИИ-II

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ
16 апреля 2010 г.

В авторской редакции

**Компьютерная верстка
А.Э. Гармаевой**

**Дизайн и печать обложки
С.В. Завьялова**

Свидетельство РПУ № 1020300970106 от 08.10.02

Подписано в печать 13.09.10 Формат 60x84 1/8.
Усл.печ.л. 25,57 . Уч.-изд.л. 21, 95. Тираж 200. Заказ № 850.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Международная научная конференция студентов и аспирантов
«Сравнительное право в России, Монголии, Китае и Японии-II»
Улан-Удэ, 16 апреля 2010 г.

Улан-Удэ
2010